

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т.Н.ПАХАЛИНА

Сравнительно-
историческая
морфология
памирских
языков

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т.Н. ПАХАЛИНА

СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ПАМИРСКИХ
ЯЗЫКОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В.И. АБАЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1989

Рецензенты:

доктор филологических наук М.И.Исаев,
кандидат филологических наук Х.К.Курбанов

Научное издание

ПАХАЛИНА Татьяна Николаевна
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Е.В. Фурманова
ИБ № 39020

Подписано к печати 15.08.89. Формат 60х90/16
Бумага офсетная №1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 18,9
Тираж 600 экз. Тип. зак. 1862. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени I-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного Институтом
языкознания АН СССР

Пахалина Т.Н.

П12

Сравнительно-историческая морфология памирских языков. - М.:
Наука, 1989. - 264 с.

ISBN 5-02-010936-3

Книга представляет собой первый опыт (как в советской, так и в зарубежной иранистике) исследования морфологии всей группы памирских языков в сравнительно-историческом плане. В ней описываются морфологические категории ваханского, ишкашимского, язгулямского и шугнанского языков и дается их общий сравнительно-исторический анализ. В основу работы положены этимологические изыскания, в большинстве своем впервые вводимые в научный обиход.

Для специалистов по иранским и индоевропейским языкам.

П 4602020000-270 209-89 доп. к ТП
042(02)-89

ББК 81.2-2

ВВЕДЕНИЕ

I.O. Настоящая работа является первым опытом (как в советской так и зарубежной иранистике) сравнительно-исторического исследования морфологии памирских языков. Она представляет собой продолжение нашей предшествующей книги, посвященной сравнительно-историческому анализу фонетики и фонологии этих языков (Пахалина, 1983). Несмотря на то, что попытки исторического осмысления отдельных фактов памирских языков относятся еще к концу прошлого века (Girh, 1895 - 1901), сравнительно-исторического исследования морфологии этой группы языков в целом до сих пор нет.

I.I. Если говорить об основных вехах в историческом изучении отдельных фактов морфологии памирских языков, то они следующие. В 1915-1916 годах были опубликованы три работы французского ученого Р.Готье. Первая содержала отдельные заметки по фонетике мунджанского языка (Gauthiot, 1915), вторая - отдельные наблюдения по язгулямскому языку (Gauthiot, 1916), в третьей - вкратце рассматривались рефлексны древнеиранской именной флексии в иранских языках вообще и в памирских, в частности (Gauthiot, 1916). Вопросу именной флексии в восточноиранских языках была посвящена, как известно, и работа П.Тедеско (Tedesco, 1926). В этих работах наряду с целым рядом интересных наблюдений было высказано и предположение о том, что суффиксы мн. числа в иранских языках "гласный + n" являются продолжением древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа на *-ānām, а суффиксы мн. числа в памирских языках на -ē/īf, -ē/īv - рефлексам древнеиранской именной флексии отл.-дат. падежа мн. числа на *-byaṇ или твор. мн. на *-biš. Сразу же заметим, что проведенный нами сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков показал, что это, по-видимому, не совсем так.

Большое значение сохраняет до сих пор работа И.И.Зарубина по исторической фонетике и морфологии мунджанского языка (Зарубин, 1927). Несмотря на то, что материал был записан им от выходцев из Мунджана, проживающих в пределах СССР (Ишкашим), языковые данные, содержащиеся в его работе, отличаются большой точностью. Остается сожалеть, что этот очерк мунджанского языка слишком краткий.

Значительным шагом вперед в изучении памирских языков явилась работа норвежского ираниста Г.Моргенштерне (Morgenstierne, 1938). В

ней представлено описание трех памирских языков: мунджанского, ваханского и сангличского. Описание дано не только в синхронном плане, но и в историческом. Слабая степень изученности памирских языков того периода не позволила автору дать более подробное описание этих языков. Главный же недостаток этой работы состоял в том, что автором не был установлен фонологический состав вокализма этих языков и по сути отсутствовала надежная этимологическая база. А сравнительно-исторического анализа языков в этой работе вообще нет.

В 50-е годы в нашей стране началось интенсивное изучение памирских языков. Этому способствовало, с одной стороны, то, что почти все памирские языки представлены на территории Советского Союза (Горно-Бадахшанская автономная область Тадж. ССР), с другой — достаточно высокий уровень, которого достигло изучение иранских языков вообще в тот период. Результатом многолетнего изучения памирских языков в синхронном и историческом плане явились работы В.С.Соколовой (1953; 1959; 1960; 1967; 1973). Историческому изучению посвящены две ее последние работы. В одной из них (1967) рассматриваются генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Основное внимание здесь уделено исторической фонетике. Грамматические заметки очень фрагментарны и посвящены в основном предлогам, инфинитиву и некоторым суффиксам мн. числа. Другая ее работа (1973) посвящена анализу генетических отношений мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. В ней наряду с исторической фонетикой представлено синхронное описание глагола мунджанского языка, а также отдельные наблюдения, касающиеся генетических отношений мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы в области глагола, числа и рода имени, а также некоторых местоимений.

Основной недостаток этих двух работ В.С.Соколовой заключается в очень усложненной и непоследовательной интерпретации явления умлаута и отсюда — противоречивость суждений относительно развития того или иного языкового явления. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые примеры. Так, желая во что бы ни стало связать язгулямскую причастную форму на *-ag* с древнеиранским отглагольным именем на **-ti*, В.С.Соколова пишет: "В язгулямском языке отглагольное имя на **-ti* отражено в причастной форме с суффиксом *-ag*, во всяком случае в части глаголов" (1967, с. 107). А несколькими строками ниже она замечает: "Скорее всего в современной язгулямской форме на *-ag* объединились старые образования на **-ака-от* имен на **-ta* и имена на **-ti*, получившие по аналогии с образованиями на **-ака* то же суффиксальное оформление, ср. язг. *žadag*" (там же). Или, говоря о роде, В.С.Соколова пишет: "Так, гласные *ā*, *a*, *i*, составляющие в шугнанской группе примету жен. рода, слились в язгулямском в одну фонему *a*. А гласные приметы муж. рода тоже в ряде случаев смешались в язгулямском между собой" (1973, с. 183). И в этом она видит причину исчезновения грамматического рода в язгулямском языке.

Рассатривая все исторические явления в мунджанском глаголе только через призму переходности – **непереходности**, В.С.Соколова, например, замечает: "Окончание **-t** в 3 л.ед.ч. характеризует переходные глаголы, а окончание **-i** непереходные" (1973, с. 66). Но это не соответствует действительности, ср., м. *ɣkani* 'копает' (переходный глагол), *ɕiɣi* 'падает' (непереходный глагол). Или, например, она отмечает: "Непереходные глаголы образуют повелительное наклонение в ед. числе с суффиксом **-o**" (с. 66–67), а на стр. 86 В.С.Соколова приводит целый ряд переходных глаголов в повелительном наклонении с тем же окончанием **-o**: *ɣurvo!* 'возьми!', *ɣurɕo!* 'спроси!', *ɣuɣo!* '(с)шей!' и др. В заключении же этого фрагмента работы она пишет: "В целом окончание повелительного наклонения **-o** может быть характеризовано следующим образом: оно не употребляется при глаголах с сильной **а-огласовкой**" (1973, с. 89). Но и это не соответствует действительности, ср. м. *f(ɕ)xato!* 'согласись!'.

К сожалению, такие противоречивые и несоответствующие действительности высказывания имеют место в работе В.С.Соколовой и в отношении других фактов. Так, например, она пишет: "**i-умлаутную огласовку** в сохранившихся старых основах прошедшего времени мы находим в мунджанском языке главным образом именно у непереходных глаголов" (1983, с. 100). Но можно привести очень много основ прош. времени переходных глаголов именно с **i-умлаутной огласовкой**, ср. м. *weft-* 'ткать', *kevd-* 'жевать', *ɟeft-* 'посылать', *niŋg-* 'вытаскивать' и др. И на подобном рода довольно многочисленных высказываниях строятся ею далеко идущие выводы.

В этих двух работах В.С.Соколовой мы не находим системного историко-морфологического анализа не только отдельных памирских языков, но и сравнительно-исторического их исследования в целом. Материал ваханского и ишкашимского языков вообще привлекается от случая к случаю. Не на должном уровне представлена в этих работах и этимологическая база.

Отдельные попытки сравнительно-исторического исследования памирских языков предпринимались и другими исследователями. Так, автором настоящей работы, начиная с 1975 года, было опубликовано несколько работ, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы исторической фонетики и морфологии этих языков (Пахалина, 1975а; 1975б; 1976а; 1976б; 1977а; 1977б; 1982; 1983в). Результатом же многолетней работы в этом направлении явилось сравнительно-историческое исследование фонетики и фонологии памирских языков (Пахалина, 1983). В этой работе на основе переосмысленного нами явления умлаута устанавливаются определенные фонетические закономерности, свойственные не только памирским, но и иранским языкам вообще. В ней предпринята также попытка реконструкции прапамирского вокализма и консонантизма. В основу работы были положены этимологические изыскания, в большинстве своем впервые введенные в научный обиход. Эта работа послужила базой

для написания очерков по исторической фонетике и морфологии ваханского и ишкашимского языков (Пахалина, 1987).

Историческому исследованию отдельных морфологических явлений некоторых памирских языков были посвящены работы Д.И.Эдельман. Развивая отдельные положения В.С.Сяколовой, Д.И.Эдельман в одной из своих статей предпринимает попытку установления относительной хронологии в развитии основы прош. времени, перфектного причастия и инфинитива в язгулямском языке и в языках шугнано-рушанской группы (Эдельман, 1973а). В ряде других ее работ рассматриваются вопросы исторического развития местоимений в язгулямском и в шугнано-рушанской группе языков (1970; 1971; 1976). Ареальным чертам в северо-памирской морфологии посвящена статья Д.И.Эдельман, опубликованная в 1981 году в сборнике "Иранское языкознание" (1981).

Несколько статей по различным вопросам исторической морфологии ваханского языка опубликованы Б.Лашкарбековым (1976, 1982б; 1983) и одна статья И.М.Стеблин-Каменским (1981а).

Исследованию глагольных основ шугнанского языка в историческом плане посвящены работы Л.Р.Додыхудоевой (1982; 1985).

Мы не упоминаем здесь целый ряд работ советских иранистов, посвященных синхронному описанию отдельных памирских языков (см. библиографию).

Из зарубежных ученых исследованию памирских языков в последнее время посвятили свои работы Ч.М.Кишффер (Kieffer, 1978), Г.Буддрусс (Buddruss, 1986) и Е.Р.Пейн (Payne, 1980). Очень активно в последние годы занимается сарыкольским и ваханским языками китайский иранист Гао Эрчан (Gao Erqiang, 1985; 1986а,; 1987; 1989).

Заканчивая краткий обзор литературы по историческому изучению памирских языков, необходимо указать еще об одной работе. В 1987 году (уже через год после завершения и утверждения на Ученом совете данной нашей работы) вышел из печати 4-ый том коллективного труда "Основы иранского языкознания", в котором кроме наших двух очерков по ишкашимскому и ваханскому языкам, содержатся также очерки Д.И.Эдельман по шугнано-рушанской группе и язгулямскому языку, а также очерк А.Л.Гронберга по мунджанскому языку.

1.2. Настоящая работа построена по следующему плану. Сравнительно-историческому анализу морфологических явлений памирских языков в целом предшествует историческое описание морфологии каждого из следующих памирских языков: ваханского, ишкашимского, мунджанского, язгулямского и шугнанского. В очерке, посвященном шугнанскому языку, в той степени, в какой это было необходимо, привлекались также данные по морфологии других диалектов шугнано-рушанской группы.

Все морфологические явления рассматриваются в данной работе через призму умлаута, сыгравшего весьма существенную роль в истории не толь-

ко фонетического, но и морфологического развития иранских языков. Благодаря умлауту удалось выявить в памирских языках настолько много следов прошлого, что, сравнивая, например, древнеиранскую именную систему с памирской, нетрудно заметить довольно большую их морфологическую близость. Более того, сравнительно-исторический анализ морфологических явлений памирских языков позволил восстановить на древнеиранскую почву ряд таких праформ, которые не засвидетельствованы ни в одном из известных нам древнеиранских языков. Особенно это относится к местоимениям и глаголу (основы, подвижные показатели лица и числа, инфинитив, причастие).

Нам уже приходилось писать о том, что в глагольных основах умлаут особенно четко дает себя знать. Чередование гласных в основах, образованных от одного и того же корня, — довольно частое явление в памирских языках. И по качеству корневого гласного современной основы можно безошибочно восстановить ее древнеиранский прототип, т.е. если речь идет об основе настоящего времени, то — либо основу индикатива, либо основу конъюнктива, либо основу оптатива, если же речь идет об основе прошедшего времени, — ее родовую и числовую принадлежность.

1.3. Но следует сказать, что не менее важное значение для исторической морфологии имеет и консонантизм. К сожалению, длительная лингвистическая традиция в объяснении исторического развития иранского консонантизма, в особенности смычных согласных, увела исследователей далеко в сторону. Долгое время не замеченными или не осмысленными оставались очень существенные явления. Это, прежде всего, различные чередования согласных в одном и том же корнеслове (в одной и той же позиции и независимо от ударения), уходящие своим происхождением в далекое прошлое. Это такие чередования, как: глухого и звонкого согласного, смычного и щелевого согласного, чередования гуттуральных (смычных, щелевых, смычного со щелевым), также многочисленные чередования согласного с консонантным сочетанием, первым элементом которого является тот же согласный. Поясним это на некоторых примерах. Как известно, ав. *baga-* 'бог' (и.-е. *bhag-*) чередовалось с *baṇa-*, а в надписях северо-западной Индии сакского и кушанского периодов (письменами кхарошти и брахми) эта основа имела также и такие варианты, как *vaḡa-*, *vaḡa-*, *vaḡa-*, *ṇaṇo-* (Оранский, 1979, с. 132-133). В новоперсидском представлены следующие рефлексy этого корня: *baḡ*/*z* 'дань, подать', *bāxt* 'доля, судьба', *bāxš* 'доля, часть', *bāhre* 'доля, пай, удел, участь', *bāyestan* 'кумирня, храм', *fāy* 'кумир, идол', *fāyestan* 'кумирня, языческий храм', возможно, сюда же *vāx* в *vāx-šur* 'пророк' (у зороастрийцев), букв. 'бого-люб'.

Или возьмем другие примеры: ав. *nabā-* в *nabā-nazdišta-* 'близкий по родству', но *nāfō* 'пупок' (и.-е. *nōbh-*), н.-перс. *naf* 'пуп(ок)'; ав. *pad*/*š-* 'двигаться вниз' (и.-е. *pēd-*), но *pat-* 'падать, летать' (и.-е. *pet-*); ав. *tapta-* 'согревшийся', но *tafnu-* 'лихорадка,

озноб' (и.-э. *ter-*); ав. *pad/da-* 'нога', ав. *āt/vr-* 'огонь', ав. *akā-*, *ayā-* 'плохой' и др. Такого же типа чередования можно наблюдать, например, и в новоперсидском: *-dan* 'вместилище' в *gol-dan* 'ваза для роз', но *-tane* в *kār-tane* 'куратник' и *-san* (из **-ŷan*) в *kār-san* 'вместилище для хранения съестных припасов' (и.-э. *dhā-no-*, др.-инд. *dhāna-*); *tohme* 'семя', *tokme* 'клубень растения', но *sume* (из **ŷume*), *sux* (из **ŷux*) 'клубень, луковица растения' (и.-э. *teuk-*, др.-инд. *tōkman*, ав. *taoxman-*); *diba-ruy* // *ziba-ruy* 'с красивым лицом' (и.-э. *dei-* в др.-в.-н. *zeri* 'прекрасный'); тадж. (вандж.) *d/zam* 'мгновение', тадж. *dam*, *zum* в выражении *dar yak dam* // *dar yak zum* 'в один миг' (и.-э. *dhem-*); н.-перс. *-ruz* в *rāk(-o-)ruz* и *-fuz* в *rāt-fuz* 'морда, рыло', но *buse-* в *buse-gah* 'губы, лицо возлюбленной' (и.-э. *b(h)u-*) и др.

Большой интерес с этой точки зрения представляют рефлексy и.-э. корня *g^heb(h)-* и его вариантов со значением 'слизь, мокрота, сыляоть, тина, топь' в арийских языках: др.-инд. *karha-* 'мокрота, слизь', пракр. *karha-*, *kabha-*, *kaṇa-* то же, дард. (шина) *kaḇa* 'выделения из глаза', хов. *korik* 'отхаркиваться'; ав. *kaḇa-* 'пена, накипь'; ш. *uōb* 'тина', *uḇau* 'пенки', *xīf* 'пена', *šāf* 'слюна'; язг. *uōb* 'типа', *uēv* 'гной в глазу'; ишк. *uōr/b* 'тина', *šūv* 'слюна', хар- 'пениться', *xūf* 'пена'; м. *k/хар* 'пена', *kaḇ* 'отхаркивание', *uōwika* 'тина', *kaḇra* 'слюна'; ос. *xāf* 'гной', *xārrār* 'мокрота (при кашле)', *hombyl* 'слюнявый', *c'uḇ* 'сыляоть, топь, грязь', *k'ourx* // *k'urxā* 'осадоk', возможно сюда же ос. *q'oupa* 'тина' (ср. пуш. *kuvani* 'осадоk'); н.-перс. *kāf* 'пена, накипь', *xiv* 'слюна', *gav-* в *gav-ab* 'тина', *zāfk* 'ушная сера', *hābār* 'гной', *abāk* 'ртуть'; тал. *ka* 'пена'; сорани *kef*, курм. *k'af* 'пена, накипь', курм. *k'erēnek* 'болезнь легких, сопровождающаяся выделением мокроты', *k'ev/fz* 'водоросли на камнях', *k'em* 'гной', сорани *-xem* // *-uym* в сочетании с *rel-* 'мокрота, слизь'.

Аналогичных примеров очень много в иранских языках, да и не только в иранских. Эти чередования своими корнями уходят в индоевропейское прошлое (ср. и.-э. *keu-*, *geu-* 'гнуть', *b/plou-* 'блоха', *k^hei-* // *g^hdei(b)-* 'уничтожать') и др. Приведенные выше рефлексy и.-э. корня *g^heb(h)-* в иранских языках указывают не только на существование чередования звонкого и глухого согласного, они также свидетельствуют о том, что в древнеиранском, вопреки установившемуся мнению, каждый смьчлй, в том числе и звонкий, имел свой щелевой коррелят, т.е. *p - *f, *b - *v/w; *t - *ʃ, *d - *ð; *k - *x, *g - *γ.

1.4. Кроме этих чередований согласных в иранских языках (как впрочем и в других языках) широко представлены чередования согласного с консонантным сочетанием, первым компонентом которого является тот же самый согласный (а при ослаблении его - со вторым элементом этого консонантного сочетания). Сюда относятся такие чередования, как: 1) согласного с сочетанием "согласный + v/w", т.е. с лабиализованным сочетанием, причем не только с начальным гуттуральным; 2) согласного

с сочетанием "согласный + у", т.е. с палатализованным сочетанием (не с палатальным!); 3) согласного с сочетанием "согласный + фарингальный", т.е. с фарингализованным сочетанием; 4) согласного с сочетанием "согласный + глоттальный", т.е. с глоттализированным сочетанием, и др. Кроме того, широко были представлены чередования типа *k - *kə, *t - *tə, *p - *pə, *k - *kt, *p - *pt и др. Особенностью всех консонантных сочетаний являлось то, что один из компонентов мог быть слабее и тогда фактически чередовались уже два простых согласных.

Анализ материала иранских языков показывает, что в консонантных сочетаниях, одним из компонентов которых является смычный, более сильным оказывается смычный, а щелевой согласный может варьировать от самостоятельного звука до призвука. Таковыми являются, например, сочетания "смычный + фарингальный" или "смычный + v/w". В том же случае, если в сочетание входят два щелевых, то второй щелевой, как правило, оказывается сильнее. Именно этим, по-видимому, можно объяснить чередование типа инд.-ир. *ph - *h, где *h скорее всего из *fh, ср. др.-инд. kapha-, пракр. kaṇa- 'мокрота, слизь'; или чередование инд.-ир. *dh - *h, где *h скорее всего из *ḍh, ср. др.-инд. dhar- и har- 'держать' и др. Приведем примеры:

1. Чередование согласного с лабиализованным сочетанием:

и.-э. k^ue-, др.-инд. kva, ав. ka- // kva- 'где';

и.-э. keu-b/p(h)-, kue-b/p(h)- 'гнуть(ся)', пуш. kub, kvab 'горб', ос. k'urr // k'°urr то же, язг. k°of // qef 'гора';

и.-э. euel- 'кушать, есть', ос. -xwal в kon-xwal 'малоежка', но -xāl в g°ux-xāl то же;

и.-э. g^uelbh- 'молодое животное', др.-инд. gār̥bha-, ав. gərəbuš 'молодое животное', сар. γερν 'козленок', язг. γ°erf-eg 'козленок', но -γερw- в ret-γερw-āg 'хозяйева скота';

и.-э. g^uer-, др.-инд. gurū-, garīma-, ав. gouru- 'тяжелый'; н.-перс. giran 'тяжелый', но vāram (из *γwāram) 'легкий' (но ср. лабиализованное сочетание в н.-перс. āsr 'лошадь', и.-э. ek^uo-s-);

и.-э. g^uer- 'теплый, горячий', н.-перс. gārm (из ир. *garmya-) и γorm (из ир. *γwarmā-) то же;

и.-э. tuerk- 'резать', ав. ƿwareš- 'резать', н.-перс. tārašidan 'резать', но torša 'изжога, резь' (из ир. *twarša-).

Аналогичные чередования наблюдаются и в древнеиндийском и в индоевропейском, ср., например, и.-э. kuat(h)- 'киснуть, кваситься', др.-инд. kvāthati 'бродит', но и.-э. ku^uelk- // kel^uk- 'пучок, охапка', др.-инд. kūrca- то же. О чередовании в индоевропейском простого согласного с лабиализованным сочетанием свидетельствует, как нам представляется, одинаковое отражение и.-э. g^u- и gu- в латинском, ср. и.-э. guet- 'вздутость', лат. botulus 'кишка' и и.-э. g^uet- 'смола, камедь' в лат. bitumen то же.

2. Чередование согласного с палатилизованным сочетанием:

и.-э. kei-, kīe-, kī-, kīē-мо- 'темносерый', kī-uo- 'краска',

англ.-сакс. *hiev* 'красота', ав. *ә(i)yāva-*, н.-перс. *siyah* 'черный', но н.-перс. *šiva* 'красивый', *sim-* в *sim-āndam* 'с белым телом';

и.-е. *kē(i)-*, *kīeu-* 'приходить в движение', ав. *šyav-*, *šav-* то же;

и.-е. *rei-*, *rie-*, *riu-* в др.-инд. *piruṣi* 'богатая молоком', ав. *a-piruyši-* 'не имеющая молока в грудях';

и.-е. *g^uei-*, *g^uiō-* 'жить', ав. *gauō*, но *-jyāiti* 'жизнь', ав. *gaēva-* 'бытие', н.-перс. *giti*, *jā/ehan*, *k/geyhan* 'мир, вселенная', сюда же, возможно, и н.-перс. *jou* 'ячмень' (из ир. **jyawa-*, ср. рус. *жито*).

Особый интерес представляют чередования а) согласного с фарингализованным сочетанием, первым компонентом которого является тот же согласный, и б) согласного с глотализованным сочетанием, первым компонентом которого является тот же согласный. До сих пор считалось, что из современных иранских языков только в курманджи и в белуджском имеются так называемые придыхательные согласные (и то только глухие), а что касается смычно-гортанных, то они, считалось, представлены только в осетинском языке, где их происхождение связывается с кавказским субстратом. Более глубокий анализ материала иранских языков показал, что так называемые придыхательные согласные представлены во всех иранских языках, только, если так можно сказать, проявление придыхательности неодинаково по языкам: оно может варьировать от самостоятельного звука (в виде *h* иногда также *x*) до легкого призвука, не обозначаемого графически в этих языках, но достаточно четко выраженного на кимограмме. Более того, фарингализованное сочетание может выступать в виде расщепленной группы, т.е. "согласный + гласный + *h*". Все эти разновидности фарингализованного сочетания могут быть представлены в одном и том же языке и даже в одном и том же слове с одним и тем же значением. В тех случаях, когда придыхательный элемент выступает в виде призвука, оппозиция "придыхательность - непредыхательность" обычно не имеет фонологического значения (см., например, кимограммы ишканимских согласных в нашей работе "Ишканимский язык" (Пахалина, 1959). Но это, разумеется, не относится к расщепленной группе со вторым придыхательным согласным *h*, где все три компонента являются самостоятельными фонемами. Анализ материала иранских языков, кроме того, показал, что в них представлены не только глухие придыхательные, но и звонкие. Приведем несколько примеров:

и.-е. *ost(h)-*, *ost(h)i-*, *ost(h)-(e)n-*, др.-инд. *asthi-* 'кость', сар. *sytxun*, н.-перс. *ost(o)han*, тадж. (вандж.) *astah/yun*, исфог. *ossuxun*, тал. *ase*, вах. *yahč* 'кость';

и.-е. *dhel-*, *dhelo-* 'что-либо выпуклое или вогнутое' в др.-в.-нем. *tal* 'долина, низина', рус. дол(ина), по-дол : др.-инд.-*dhara* в *adhara*, ав.-*ḍairi* в *adairi* 'внизу' (инд.-ир. **ṛdhara/i* 'внизу', др.-в.-нем. *untar* то же), др.-инд. *dara/i-* 'пещера, яма', *tal/ra-* 'долина, низина' (ср. также и.-е. *tel-*), возможно, сюда же др.-инд. *dharaṇa-* 'женская грудь' (как нечто выпуклое); н.-перс. *d(ā)har //*

t(ä)hal 'пещера, грот', но ср. tal- в tal-ab 'низинная вода (после дождя), лужа', tar(äk) 'верхушка, макушка', taräm, tarom 'купол, деревянный свод', tol (исф.) 'улей (как выпуклоеместилище пчел)', dulä 'возвышенность, холм', hal (из *d/t(ä)hal) 'спортивные ворота', hale (из *d/t(ä)hale) 'ореол, нимб'; курд. der 'долина', -tar в bin-a-tar 'подножие', däh1 (из *dhäl) 'долина, лесная чаша', tol-ik 'яма, ров', hel (из *d/thel) преве́р со значением 'вверх, вверху', hel (из *d/thel) 'возвышенность', сор. doi 'ложбина', der 'долина'; ш. ðīr 'нижний', tīr 'верхний', tōr 'верхушка', ar (из *har) предлог 'внизу'; пуш. tāl 'яма', tāla 'ложбина', tal 'впадина, русло реки'; ос. däl- 'под' (ср. däl-fad 'подошва', däl-xox 'подножие горы'), dälä 'внизу' (Абаев, 1958, с. 352), сюда же, возможно, не имеющие этимологии ос. tol 'землянка, подвал, погреб', tārf 'долина, впадина, котловина, русло реки, лесная чаша';

Другие примеры: курм. p'ars 'попрошайство', но ср. p̄ars 'вопрос' (и.-е. per̄k-, ав. pars-), курм. s̄rphi 'блестящий' (и.-е. (s)r̄hei- 'блестеть', арм. p'aıl 'блеск'); бел. tarag // tharaу 'поворачиваться' (и.-е. ter-, ав. tar-); пуш. k(h)oṭ 'крепость, форт', н.-перс. kut то же (и.-е. (s)k(h)eu- 'укрывать, укрытие') и др. Приведем также несколько примеров на фарингализованные сочетания со звонким смычным согласным: курм. b(ɓ)hök 'пугало' (и.-е. bhōi-, ав. bay- 'пугать(ся)', н.-перс. bak 'страх'), курм. b(ɓ)hōr 'переправа, брод' (и.-е. bher- и и.-е. per- 'переходить, переправляться', ав. par-), курм. g(ɓ)hiž- 'доходить, доезжать' (и.-е. g/ǵhei- 'идти'); пуш. dhund 'туман' (и.-е. dhun-, ав. dunman- 'туман') и др.

Следует сказать, что в отличие от других иранских языков в курдском (курманджи) отмечено фарингализованное консонантное сочетание и с верхнефарингальным h', ср., например, b(ɓ)h'ök 'насекомое' (и.-е. bhōuk¹ос- 'насекомое'; возможно, сюда же и сар. bawg 'паук').

Все выше сказанное касательно фарингализованных сочетаний полностью относится и к глоттализированным сочетаниям. Из современных иранских языков так называемые смычно-гортанные согласные имеют фонологическое значение, как известно, в осетинском и в курдском языках. Анализ материала других иранских языков показал, что следы глоттализированного сочетания имеются и в них, но они не всегда распознаваемы, ср., например, вах. t'az 'лысый'¹, но taš 'обивка'; вне сочетания: вах. 'yng //hyng 'дикий чеснок, черемша'. А в н.-перс. ost(u)xan 'кость' и hāstā 'косточка плодовая' можно усматривать историческое чередование начального щелевого глоттального (т.е. ноль звука) и

¹ Любопытна передача соответствующего слова в новоперсидском в виде لیس в сочетании کله لیس 'лысый', хотя слово не арабского происхождения.

нижнефарингального *h*. Приведем все же несколько примеров на несомненные глоттализованные сочетания: курм. *t'a* 'лихорадка' (но ср. *ta* 'нитка'), курм. *da'n* (из **d'en*, по аналогии с курд. *dāhl* из **dhāl* 'долина') 'зерно', курм. *ta'l* (из **t'al*), но *-tal* в *tirš-o-tal* и *tehl* (из **thel*) 'кислый, горький, терпкий'; ос. *p'a* // *ba* 'поцелуй', *p'ärtt* 'удар' (но *pärtt* 'хныканье') и др.

Если принять во внимание характеристику В.И.Абаева так называемых геминированных согласных в осетинском языке, т.е. согласных *pp*, *tt*, *kk*, которые, по его мнению, представляют варианты соответствующих звонких смычных (Абаев, 1962, с. 499), то, думается, что в них можно было бы видеть звонкие корреляты глухих смычно-гортанных (ср. ос. *lāppū* / *o* 'мальчик' < **l/rabya-* + суф., др.-инд. *árbha-* 'ребенок', и.-е. *orbho-*, **robh-* 'ребенок', рус. паробок, 'ребенок'), хотя и считается, что смычно-гортанными могут быть только глухие смычные, так как сомкнутое положение голосовых связок исключает голос (Матусевич, 1959).

1.5. Подводя итог всему вышесказанному относительно чередований согласных, а также согласного с консонантным сочетанием, мы должны признать, что традиционные, установленные почти сто лет назад, древнеиндийско-иранские соответствия смычных согласных нуждаются в пересмотре. Так называемые четыре ряда смычных в древнеиндийском – не что иное как два простых смычных (звонкий и глухой) и два консонантных фарингализованных сочетания (или, как принято их называть, аспирированных согласных) и тоже с глухим и со звонким первым компонентом. Древнеиндийские простые смычные дали в иранском соответственно простые смычные, а древнеиндийские фарингализованные сочетания согласных дали в иранском соответствующие фарингализованные сочетания. Очень хорошо это видно на примере следующих слов: др.-инд. *dāna-* 'дар, одаривание' – н.-перс. *da-* в *dadān* 'давать', а др.-инд. *dhāna-* 'дар, подарок' – н.-перс. *d(ā)han* 'взятка'.

Следы фарингализованных (возможно и глоттализованных) консонантных сочетаний можно обнаружить и в авестийском, ср. *banha-* // *bangha-* 'наркотическое растение' (н.-перс. *bang*); ав. *haēna-* 'стрела' из ир. **phaina-* или **fhaia-* (и.-е. *(s)p(h)ēi-nā-* 'острие', др.-инд. *srphya-*); ав. *kaofa-* 'горб верблюда', др.-перс. *kaufa-* 'гора' (и.-е. *keu-p(h)-*) и ав. *hūkairya-* название мифической горы из ир. **khūkarya-* (и.-е. *keu-k-* в ср.-в.-нем. *hocker* 'холм, горб', лит. *kaukarā* 'горка, холм'); ав. *berēzi-* 'высокий' и ав. *ərəzi-* 'ступень в высоту, круглой, обрывистый' из ир. **bhr̥zi-* (// **vr̥zi-*) или из ир. **b/v̥r̥zi-* (и.-е. *bherēgh-* 'высокий'; в новоперсидском рефlekсами этой оппозиции могут служить *borz*, *fāraz* 'высота' и *ārgīn* 'ступень', а с переносным значением *ārgī* / *z* 'достоинство, почет').

Что же касается происхождения древнеиранских шелевых согласных (глухих и звонких), то они, не имея, по-видимому, соответствий на

древнеиндийской почве, имеют параллели в современных индоарийских языках и в какой-то степени в индоевропейском (см. выше). Таким образом, для одних согласных и их сочетаний можно проследить историческую преемственность в развитии, для других же это проследить невозможно из-за выпадения каких-то промежуточных звеньев.

1.6. Изложенное выше касательно различного рода исторических чередований согласных имеет прямое отношение к ряду морфологических явлений в памирских языках. Возьмем, к примеру, такую морфему, как суффикс основы прошедшего времени, т.е. основы, продолжающей историческое причастие прошедшего времени. В древнеиранских языках известны такие его варианты, как: *-tā-* (ср. ав. *kereta-* 'сделанный'), *-t(i)-yā-* (ср. др.-перс. *martiya-* 'смертный'), *-va-* (ср. ав. *aṇvah-*, *aṇva-* 'бывший'), *-ya-* (ср. др.-перс. *a-bariya-* 'принесенный'), *-ka-* (ср. ав. *huška-* 'высохий'), *-ša-* (ср. ав. *aša-* 'смолотый' из ир. **ṛša-*), *maša-* 'мертвый' из ир. **mṛša-*, *kaša-* 'сделанный' из ир. **kṛša-* и др.). Учет чередований, о которых говорилось выше, во-первых, дает возможность восстановить еще некоторые варианты этих суффиксов, а именно **-ṛā-* // **ṛyā-* (ср. др.-инд. *riktha-* 'оставленный'), **-hā-* // **-hyā-*, **-g/yā-*, **-ṣī-* и др. А, во-вторых, знание этих чередований помогает осмыслить такие суффиксы, как **-ka-* и **-ša-*. Исторически эти два суффикса являются вариантами, поскольку они отражают инд.-ир. **-ka-* и **-sa-* (и.-е. **-ke-* и *-ke-*). Многие из отмеченных выше древнеиранских суффиксов причастия прошедшего времени нашли отражение и в памирских языках, ср., например, основу прошедшего времени глагола 'делать' в этих языках: вах. *kert-* < **kṛtyā-*, ишк. *kūl-* < **kṛwa-*, м. *ker-* < **kṛyā-* или **kṛwyā-*, руш. *čūg-* < **kṛk/ga-*, ш. *čūd-* < **kṛta-*, но ш. *čūy-* в *čūy-* < **kṛša-*.

А о том, что учет этих исторических чередований согласных (как и согласного с консонантным сочетанием) существенно облегчает этимологические изыскания, говорить вообще не приходится. Выше мы уже приводили ряд примеров. Именно этим объясняется такое разнообразие рефлексов в иранских языках и таких индоевропейских корней, как:

1) и.-е. **d/t(h)āiuēr-* // **d/ṛ(h)āiuēr-* 'деверь', др.-инд. *dēvár-* то же: курд. *tī*, ишк. *sew*, санг. *tew*, ос. *tī/ew* (Абаев, 1979, с. 296), ягн. *se/iwir*, тал. *hiv*, тадж. (диал.) *(h)ēwar*;

2) и.-е. **p/b(h)eig/k-* // **f/v(h)eig/k-*, **p/b(h)eig/k'-* // **f/v(h)eig/k'-* 'красить, раскрашенный, пестрый', имеющий много пятен', лит. *piešti* 'малевать, писать', *pieša* 'сажа'; др.-инд. *piṅkte* 'малюет', *pēša-* 'образ, форма, фигура'; 'краска'; ав. *paša-* 'малевать, красить, украшать', *fra-pixšta-* 'разукрашенный', др.-перс. *ni-pišta-* 'написанный', н.-перс. *-viš-* в *nāviš-* 'писать', *pis* 'пятнистый', *rise* 'пестрый', *reikār* 'рисунки, изображение', *heukāl* 'фигура, статуя', сюда же, по-видимому, и н.-перс. *reiyam* 'письмо', *reik/g* 'письмоносец'; сар. *bis* 'пятнистый', сар. и тадж. (диал.) *is* 'сажа,

копотъ'; ос. *fyawun* 'писать' и, по-видимому, *risi* 'смола' (хотя ср. Абаев, 1973, с. 242).

1.7. Основными источниками материала послужили как наши опубликованные работы, так и работы других исследователей, в которых представлено синхронное описание того или иного памирского языка (см. библиографию). Весь материал приводится в международной иранской транскрипции, основанной на латинской графике. В настоящей работе в этом отношении имеется одно отступление: вместо обычно использовавшегося знака *ē* в шугнанском мы в целях облегчения набора ввели знак *ê*.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Хотя работа посвящена морфологии памирских языков, в ней можно найти исторические экскурсы относительно некоторых грамматических явлений, характерных и для других иранских языков, в частности, например, происхождения некоторых суффиксов мн. числа, возможных путей развития спряжения переходных и непереходных глаголов и др.

При подготовке настоящей работы большой труд взяла на себя Валентина Николаевна Трунова. Считаю для себя приятным долгом выразить ей глубочайшую признательность.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

ВАХАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. Ваханские именные основы не имеют каких-либо специальных внешних показателей. С точки зрения структуры их можно разделить на: а) неосложненные основы; б) основы, осложненные суффиксом или префиксом (или тем и другим одновременно); в) основы-компози́ты. Исторический анализ ваханских производных основ показал, что деривативные элементы, входящие в их состав, как правило, вторичного происхождения. То же самое можно сказать и об основах-компози́тах. Все они за немногим исключением (например, основы, исторически редуцированные и некоторые др.) представляют собой позднейшие образования.

Сравнительно-исторический анализ ваханских неосложненных основ (а также неосложненной части производных основ), которые, как правило, являются односложными, позволили установить следующее. Древнеиранские показатели классов основ, отпавшие, как известно, в процессе исторического развития в результате своей безударности, оставили след в виде умлаута в корневом гласном ваханской именной основы. Таким образом, корневой гласный неосложненной основы является своего рода показателем того или иного типа исторической основы. Наблюдающиеся в этом случае фонетические закономерности следующие: 1) признаком исторической основы на -а- или "-а- плюс согласный" (а также основы на и-, которая выступала и в виде -aw-), т.е. основы с а/и-умлаутом, являются следующие корневые гласные: а) ѓ, ѓ̄, ѓ̅ при историческом корневом гласном *ā (или *ǣ); б) ѓ̄ при историческом корневом дифтонге *ai (или, возможно, *ɛ); в) ѓ̅ при исторических корневых гласных *ū, *ī; г) ѓ̄ при историческом корневом дифтонге *ai; д) е при историческом корневом гласном *ī; 2) признаком исторической основы на -ā- или "-ā- плюс согласный", т.е. основы с ā-умлаутом, является гласный ā̄

при любом историческом корневом гласном; 3) признаком исторических основ на -ī-, -au-, -uā-, т.е. основ с i-умлаутом, являются следующие корневые гласные: а) ī, ē при историческом корневом гласном *ā (или *ē); б) ī, ū при исторических корневых гласных *ū, *au; в) ī при исторических корневых гласных *ī, *ai; г) u, i, u/e при историческом корневом гласном *u; д) ē, ō при историческом корневом гласном *ō; е) i при историческом корневом гласном *i. Примеры:

1. Ваханские именные основы - рефлексy исторических именных основ на -a- или "-a-+согласный" (а также основ на -ū-// -aw-) : wād/δ 'канал, арык' < *wād/da- (и.-е. aqed- в qedor- 'вода', ав. vaidī- 'канал', aoda- 'источник, родник'); s(ə)tōr 'звезда' < *stāra- (и.-е. stēr-, ав. star-); škōr 'бык холмошный' < *s/škara- (и.-е. (s)kēr- 'резать' в чешск. skor 'баран', рус. скопить, оскопять); xura 'тесть, свекор' < *(k)šwas(u)ra- (др.-инд. śvasuṛa-, ав. xvasura-); xur 'осел' < *xara- (ав. xara-; ср. вах. -xar в moč-xar 'ослипа' < *xarā-); rud 'след' < *pada- (ав. paḍa-); pād/δ 'ступня, стопа' (центр., вост.), 'нога' (зап.) < *pād/da- (ав. pād-; ср. вах. pād 'нога' < *pādā- и rud 'след' < *pada-); -ot в (y)inōt 'сновидение' < *ūtā- (и.-е. ut- в рус. явь, лит. ūvutis 'видеться во сне', ав. āviš 'явный', р. ōt 'явный'); buc 'малютка, маленький' < *puta-+-ōt- (и.-е. pu-t- 'маленький', вах. put- в put-raš 'малые нары', ш. buc, bic 'детеныш, малыш, маленький'); mēy 'мгла, туман' < *maiya- (ав. māyā-); zēm 'снег' < *z/žīma- (и.-е. gheī-, ghi- 'зима, снег', др.-инд. hima- 'снег', ав. zyam- 'зима').

К основам с a/u-умлаутом относятся также несколько ваханских имен, обозначающих живые существа женского пола. Такого типа имена продолжают исторические имена ср. рода. Явление перехода исторических имен ср. рода в разряд имен жен. рода хорошо известно, ср., например, ишк. žonj 'женщина' < *gana-+-ka-. В ваханском такими именами являются: ūnw 'корова' < *gāwa- (ав. gav- 'корова, бык'); nyūm 'ярка' < *ni-jāma- (и.-е. g^uem- 'появляться на свет, рождаться', ав. ni-jāma- 'новорожденный'); gyūm 'телка 2-3-х лет' < *pawa-yāma-, т.е. 'первородка' (и.-е. p^uō-цo- в ав. paucra- 'первый' и и.-е. g^uem- 'рождать(ся)', ш. farūms 'телка 2-3-х лет', м. frauōmē 'коза до 2-х лет'); xəyūn (центр.) 'племянница' < *xwaryana- (ср. и.-е. uellio(n)- 'свояк', ишк. xir 'племянник, -ца'); pəōō(d) 'девочка, девушка' < *pra-kā(n)ta- (и.-е. ken- 'молодой, юный', др.-инд. kanuā-, ав. kainī- 'девочка, девушка').

К основам с a/u-умлаутом относятся также, как уже было отмечено, и те слова, которые продолжают древнеиранские основы на *-ā-, *-ah- и т.п. (т.е. "-a + согласный"), например: v(ū)ryt 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); xnu 'сестра' < *kēwāhar- (ав. xvaṇhar-); rəō 'ребро' < *pərsu- (др.-инд. pāśuḥ, ав. pərsu-) и др.

2. Ваханские именные основы - рефлексы исторических именных основ на =a= (или "-ā-+ согласный"), т.е. основы с ā=умлаутом: хаа (центр.), хаа (зап.) 'теща, свекровь' < *kāwaatwa- (др.-инд. swasṛ-; для конечного гласного ср. модель ав. hizu- 'язык' м.р. - hizvā- ж.р.); жашан 'детеныш, птенец, ребенок, мальчик' < *z/zašmanā-, т.е. либо основа на *-a-, либо твор. ед. от основы *janman- (др.-инд. janman- 'новорожденный'); -уанз в mid-уанз 'невеста' < *g/уанā-+-kā- (ав. gēna-); уаē 'лошадь' < aḥwa- (и.-е. ekua, др.-инд. aśvā-, ав. ašrā-, др.-перс. aša-); āač 'собака' < *śwā(nā)-+-kā- (и.-е. kyon-, др.-инд. gṛā(ka)-, ав. sran-, н.-перс. sag); māu 'овца' < *mā-уā- (и.-е. mei- 'блестать', ав. aṇi- шауа- 'блещущая овца').

Несколько ваханских ā-умлаутных именных основ обозначают живое существо мужского пола. Эти слова можно рассматривать либо как рефлексы др.-ир. формы твор. ед. от основы на -a-, либо считать, что их современная родовая принадлежность - явление сравнительно позднее, ср.: wār 'баран' < *war(n)ā- (и.-е. цеген, др.-инд. ugarā-); āu 'человек, муж(чина)' < *d/āuā- (и.-е. dhē- 'умирать' в бретонск. den 'человек'; ср. модель н.-перс. mard 'человек, мужчина' < *mar-tyā- от др.-ир. *mar-, ав. mar- 'умирать') и др.

3. Ваханские именные основы - рефлексы исторических именных основ на -ī-, -ay-, -уā-, т.е. основы с i-умлаутом: kēnd 'женщина, жена' < *kantī- (ср. скр. kāntī- 'жена, супруга'); sken 'щенок' < *skanuyā-, *skanī- (и.-е. ken- 'молодой (о животном)', рус. щенок, ишк. skēnīk 'щенок'); f(ə)lēnz 'дикий голубь' < *fl/gānya-+-ī- (и.-е. bhlē-го-с 'голубой, сизый', ос. ир. bālon, д. bālū 'голубь'); āen (зап.) 'зад, седалище' < *srauni-, *srūni-, āēn < *srūni- (ав. sraonay-); kebit 'голубь' < *kapautī-, *kapūtī- (др.-инд. kapōta-, н.-перс. kābutār); kim (вост.) 'сова' < *kūmī- (и.-е. kū- 'выть' в др.-инд. kōka 'сова', с. kym 'сова'); jēdm 'шеница' < *gʷantumya- (ав. gantuma; ср. модель др.-инд. uāva- 'зерно' - uāva- 'зерновой запас'); nūn 'сестра мужа, жена брата' < *(s)nūnī (ср. и.-е. (s)nī- 'соединять, связывать' в и.-е. snuso-с 'сноха'; ишк. unen 'зюловка'); wixen 'кровь' < *wakšunī- (ав. vohuni-).

1.1. Ряд ваханских именных основ с исторической точки зрения могут быть интерпретированы либо как рефлексы древнеиранских флексивных форм, либо как рефлексы древнеиранских основ. Примеры: pətr 'сын' < *putrai, т.е. дат. ед. от putra- (ав. puṭra-) или < *putrī- (др.-инд. putrī- 'ребенок, дочь'); pəlingeəēt 'перстень' < *upari-anguštai, т.е. местн. ед. от *angušta- (ав. angūšta- 'палец'); āiē 'легкие' < *kāukēi, т.е. им.-вин. дв. ср. р. (ав. sušī); čəžm 'глаз(а)' < *čakəmai, т.е. им.-вин. дв. от *čāsmā- (др.-инд. cākəma-, ав. čāšman-, др.-перс. čāšma-); jīṭē 'ухо, уши' < *gau(k)šai им.-вин. дв. от *gʷau(k)šā- (ав. gaōša-); wəltk 'почка, и-'(анат.) < *wrtai-+-ka- им.-вин. дв. от *wrtā- (ав. vərəḥka-, vərəṭka-); pād/ō 'бедренная часть ноги' < *pad/ōa им.-вин. дв. от

*pāda- (ав. pād-); бар 'дверь, =и' < *dwārā им.-вин. дв. от *dwāra- (др.-инд. dvār-, скр. dvār-, dvāra-, ав. dvar-); yangl 'палец, -и' < *ang(a)l/rā- или ang(a)l/rāh им. мн. от *ang(a)l/rā- (и.-э. ang-, др.-инд. angūri-); за 'дети' < *z/zāvāh им. мн. м.р. от *z/zāv/ha- (ав. zaṣa- 'новорожденный'); также в композитах: berin 'колено', beret 'локоть' < *dwi+arat/ṽni, где -arat/ṽni им.-вин. дв. от *arat/ṽni- (др.-инд. aratnaу- 'локость', ав. areṽna- 'локоть', frāṣāṽni-drāṣah 'длиной в один локоть', ишк. arinṣ 'локоть, колено', ср. ос. ālmārin 'локоть, как мера длины').

1.2. Среди сложных по составу имен можно выделить: 1) имена, исторически представляющие собой удвоенную основу, и 2) имена, исторически представляющие сочетание двух разных основ. Примеры: ṣekāl (зап.) 'участок земли, поле' < *ka(r)-kaṣā- или *kṣ-kaṣā- (и.-э. k^uel- в ав. ṣaṣāna- 'поле'); ṣeker 'куропатка серая, кеклик' < *ka(r)-kārī-, *kṣ-kārī- (ср. др.-инд. kṛkara- 'вид куропатки', kṛkālīkā- назв. птицы); kekṣṅ 'комар' < *ka-kāmī-+-ka- (и.-э. kem- в рус. комар, др.-инд. sa-mara-, лит. kamīne 'полевая пчела'); beṣ-beṣ 'затылочная впалина', где beṣ- < *bṛjī-, *barjī- (ср. и.-э. bhorg- в др.-исл. barki 'шея', ав. bareṣa- 'шея, спина'; с. byḡeṣn, ос. bērzāj, пуш. voṣa); mīd-ṣanz/с 'невеста', где mīd- < *mādyā- (ср. и.-э. mād- в др.-в.-н. gi-mahala 'невеста'), а -ṣanz < *g/ṣanā-+-ṣī- (ав. gēnā- 'женщина'); zeriṣ 'ледник', где zeri- < *z/zara- или z/zaruā- (и.-э. gel- 'покрываться льдом', лат. glacies 'глетчер'), а -īṣ < *aikṣī- (ав. aṣha- 'лед'; ср. аналогичную модель в тадж. pir-уах 'ледник', т.е. 'смерзшийся лед'); xedṣrg 'водяная мельница', где xed- < *xūta- (ср. и.-э. seu-, sū- 'течь, литься, жидкость'), а -ṣrg < *ṣr(n)ṣ-+-ka- (и.-э. al- 'молоть', дард. uāl 'мельница'; ср. модель н./перс. ab-dāng 'водяная мельница', где ab- < *ārā-, ав. āp-, 'вода', а -dāng < *danyu-+-ka-, и.-э. dek/k'- 'раздроблять'); (y)i/ynṣt 'сновидение' (ср. вах. yi/ынык 'сон'), где (y)i/yn- < *huprua-, *huprī- (и.-э. supno-s-, суорниом 'сон', ав. xvaṣrua-), а -ṣt < *ūtā- (и.-э. au- в рус. явь, лит. ūvytis 'видеться во сне', ав. āviṣ 'явный', р. ṣt 'явный'); berin 'колено', beret 'локоть' < *dwi+arat/ṽni, т.е. 'величиной в два локтя' (ср. др.-инд. aratnaу- 'локоть', ав. areṽna- 'локоть', frāṣāṽni-drāṣah 'длиной в один локоть', ишк. arinṣ 'колено, локоть', ср. ос. ālmārin 'локоть как мера длины').

Род

1.3. Грамматическая категория рода в ваханском отсутствует. Но на существование ее в недалеком прошлом указывают такие пары слов, как: xəryūn 'племянник, -ца' xəryaṣ 'племянник, -ца'; wur-k 'ятненок' - war 'баран'; xur 'осал' - -xar в moṣ-xar 'ослица'; ṣow (зап.) - ṣaw (центр., вост.) 'зерно, злак'; ṣāwn (центр.) - ṣōwn (зап.) 'ножницы

для стрижки овец'; йѣу (вост.) - йѣу (центр., зап.) 'куча камней'.

Зная исторические соответствия ваханских гласных (с учетом умяу-та), можно определить историческую родовую принадлежность того или иного ваханского слова. Примеры:

1) Ваханские именные основы - рефлексом исторической основы жен. рода: ѣар 'камень' < *ѣ̌arā- (ав. garay- 'гера') или < *g/yaṛān им. мн. от *g/yaṛa-; was 'стропило' < *wasā- (др.-инд. vāṣā-); ѣар- в ѣар-дѣрп 'пригревание солнца, время дня от 10 часов до 12 часов' < *kṣ̌warā- (ав. hvare-); naḥd 'ночь' < *naktā(-), т.е. либо основа на -ā-, либо им. ед. от *naktar- (др.-инд. naktā-, ав. naxtar-); bart 'навоз крупного рогатого скота' < *d/ḍrtā-, *d/ḍartā- (и.-е. dher- 'эзокременты'); гаḥ/ḥ 'место, где спят, в виде глинобитного возвышения над полом' < *ragā- (и.-е. lēgh- 'лежать', лат. lectus 'постель', рус. логово); karḥ 'ложка' < *karā-+-kā- (ср. и.-е. kar- 'обратить, хватать', ишк. kofḥ 'ложка'); гаēt 'рассвет' < *rūḥ/ḥtā- (и.-е. leuḥ/k- 'светить, светать', др.-инд. rūśant- 'светлый, белый', дард. luṣṭiko 'утренний'); sic 'иголка' < *sūḥī- (др.-инд. śūcī-, ав. sūkā-).

К историческим основам жен. или ср. рода могут относиться также рефлексам флексивных форм, как: ѣѣш 'глаз(а)' < *ḥāḥmai им.-вин. дв. либо от *ḥāḥmā-, либо от *ḥāḥma-, ср. р. (ав. ḥāḥman-, др.-перс. ḥāḥma-); vhrēw 'бровь, -и' < *br(a)wī им.-вин. дв. от *br(a)wī- (др.-инд. bhrū-, скр. bhrūva-, ав. brvat); йew 'рог(а)' < *srwī им.-вин. дв. от *srwī- (ав. sṛvā-, sṛvī-) и др.

2) Ваханские именные основы - рефлексам исторических основ муж. рода: s(e)tōr 'звезда' < *stāra- (скр. tāṛā, ав. star-); vorzik 'изголовье, подушка' < *barz/za-+-ika- (и.-е. bhelgh-, др.-инд. barhiḥ, ав. bareziḥ, р. vawz, ор. vḥwz); wōd/ḍ 'арык' < *wād/ḍa- (и.-е. aqued- в рус. вода, ав. vaḍay- 'канал', аоба- 'источник, родник'); pōd/ḍ 'западня, силос' < *pād/ḍa- (ав. -bda- в bi-bda- 'двойная западня'); pōz 'место у груди, пазуха' < *pāz/za- (и.-е. pōk/g, *pōg-, др.-инд. pāja-, с. puz, язг. rez); nod/ḍ 'камень' < *nad/ḍa- (и.-е. nedo-, др.-инд. nada-, р. nāḍ, н.-перс. nay); nūng 'имя' < *nāma(n)-+-ka- (ав. nāman-); pud 'след' < *pada- (ав. paḍa-); uim 'предплечье' < *arma- (ав. arema- 'рука', ос. arm 'рука'); yimḥ 'мука' < *āma-+-ka- (сак. hāmai 'ячменная мука'); wūndr 'земля, участок земли, поле' < *āndra- (и.-е. andh- в арм. and 'поле'); pñd/ḍ 'стопа, ступня' < *pād/ḍa- (ав. pād-); wñḥ 'трава, сено' < *wākḥā- (ав. vaḥā- 'расти'); ḍñtr 'серп' < *d/ḍatra(m)- (др.-инд. dātram); nñd/ḍñn 'ножны, футляр' < *ni-d/ḍāna- (др.-инд. nidhāna-); zēm 'снег' < *zima- (др.-инд. hima-); mēḥ 'мгла, туман' < *maiya- (ав. maḥya- 'облако').

К именам исторически муж. рода могут относиться также рефлексам флексивных форм как: pād/ḍ 'бедренная часть ноги' <

*pād/da им.-вин. дв. от *pād/da- (ав. pād-); bar. 'дверь, двери' < *dwāra им.-вин. дв. от *dwāra- (ор. dvar-, dvāra-, ав. dvar-); за 'дети' < *z/zāyāh им. мн. от z/zāy/ha- (ав. zaṣa- '(ново)рожденный') и др.

3) Ваханские именные основы - рефлекс флексивных форм ср. рода: suṣ 'легкое, -е' < *kṣuṣi им.-вин. дв. (ав. suṣi 'легкие'); угу 'ярмо (в упряжке двух рабочих волов)' < *yuga им.-вин. дв. от *yuga(m) (др.-инд. yugam).

Для ваханских имен, представляющих собой рефлекс древнеиранских i-умлаутных основ, установить историческую родовую принадлежность довольно трудно, поскольку, во-первых, на древнеиранской почве долгота или краткость конечного гласного основы -i- не была сама по себе различительным родовым признаком, а, во-вторых, основа на -uā-, независимо от того, была ли она муж. или жен. рода, давала один и тот же рефлекс корневого гласного. Примеры: kēz 'нож' < *kārjī-, *kṛjī- (ср. и.-е. (a)kōlo- 'острие', язг. kag 'меч'); yez 'вчера' < *ā-z/ziya (ав. zuṣ, др.-перс. diya-); (y)iṣn 'железо, железный' < *ā/iṣwanya- (х.-сакс. hīssana-); s(ə)preṣ 'цветок' < *arjuyā- (ср. ав. sparaga- 'побег, росток'); neb/resh 'расческа, гребень' < *ni-rasni- (и.-е. rek- в rk-t-en 'гребень', ятн. nīrša 'гребень', инк. ḡfun); (y)i/ner 'плечо' < *suptī- (ав. supṭay-); mest 'кулак' < *muṣ/sti- (ав. muṣṭay- ж.р.); si 'экскременты' < *gūvī-, *gūvā- (ав. gūṣa-); (y)ir 'солнце' < *hūryā- (др.-инд. sūrya- ав. hūrō-); rūn 'масло, жир' < *rauyuyā-, *rūuyā- (ав. raḡuyuyā-); pīst 'кожа, шкура' < *pūstī-, *pūstyā- (ср.-перс. rōst 'кожа, шкура'), но rustek 'овчина' < *pūstī-, *pūstyā-+-ka-.

Число

1.4. Имя в ед. числе не имеет каких-либо специальных показателей. Во мн. числе имя имеет два показателя: -īṣ(t) (для прямой падежной формы) и -ev (для косвенной падежной формы), например: ṣm vṛtīṣt-(ev) rēydeu 'мои братья уехали'; xaṣīrīṣt-ev vitk eṭ 'мушн были отвязаны'; a-yā ṣm zemānev rēv mōl ne lēsert 'она не заставляет своих детей пасти скот'; wuz de ti ḡydeu-en ne pēzdeu 'я не стану жить с твоими дочерьми'; deṣāteu-i palčīṣ zart ṣīrdeu 'листья деревьев пожелтели'.

Показатель мн. числа прямой формы -īṣ(t) представляет собой рефлекс древнеиранского суффикса (точнее - суффиксов) собирательной множественности, т.е. *hā-āwī-+-ta-. Для элемента *hā- ср. и.-е. sem-, sm- 'воедино, вместе', др.-инд. āa- из *sa- в āa-āvant- 'весь, все', ав. ham-, ha-; н.-перс. hāmā 'весь, все', для элемента *-āwī- ср. и.-е. kūā-, kūā-nt- 'весь, все', др.-инд. -āvant- в āa-āvant- 'весь, полностью' (этот же элемент представлен в др.-инд. vīśva-, ав. višpā-, др.-перс. viša- 'весь, все'). Конечный смычный суффикса -t < *-tā-.

Аналогичное наращение подобного рода суффиксов представлено, по-видимому, и в согдийском -yšt, который Готье связывал с вах. -īšt (Gauthiot, 1916, с. 75), и в парфянском -īft, ср. bag-īft 'боги' (ор. -īf, вах. -īf, -ev).

Что касается ваханского показателя мн. числа косвенной формы -ev, то он скорее всего представляет собой рефлекс древнеиранской основы *abi-, *ap/fi- со значением 'в союзе с', т.е. совокупности чего-либо, (ср. и.-э. ebhi, obhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi; aiwi, avi 'у, при', рус. об- в общий; и и.-э. ēpi-, др.-инд. āpi- 'союз, объединение'), чем рефлекс древнеиранской именной флексии. Значение собирательной множественности имеет и аналогичный элемент в курдском языке, ср. merêv/f 'люди' при mer 'мужчина, человек'. На это же указывает и парф. -īft в bag-īft 'боги'.

Помимо этих двух широко употребляемых суффиксов мн. числа в ваханском сохраняются также другие показатели мн. числа. Они следующие:

1) -īf в словах: ryr-wāf-īf 'одежды, набрасываемые сверху', nodk-īf 'место, изобилующее камнями', rēf-īf 'место, изобилующее лугами' и др. Этот показатель представляет собой рефлекс др.-ир. *ap/fi- (ср. и.-э. ēpi-, др.-инд. āpi- 'союз, объединение'; ср. вах. -ev, см. выше);

2) -ōn, -ūn в словах lup-ōn 'взрослые', līs-ūn 'приставная лестница' (букв. 'приставные ступеньки'), yix-ūn 'узда, поводья', где -ōn, -ūn < *hā-na- (и.-э. sem-, ав. 'воедино, вместе' в др.-инд. sāmanā- 'вместе с'); более подробный исторический комментарий для показателя множественности "гласный + n" см. в описании соответствующего иканимского показателя -n;

3) -īn в слове vrāt-īn-īšt 'братья', где -īn- < *hā-nī- т.е. та же др.-ир. основа с наращением *-nī- (ср. предыдущий суффикс);

4) -ūrg в yed-ūrg 'стадо яков', где yed- < *g/yāta- (и.-э. g^uō(u)-to-m 'стадо крупного рогатого скота'), а -ūrg из *hā-vra-+-ka- (и.-э. sem-, ав. в др.-инд. satrā, ав. haṭrā 'вместе с') или *hāra-+-ka- (ср. и.-э. solo-, др.-инд. sāra-, ав. haura- 'весь, все');

5) -ōrč в lawōrč 'речной нанос, песок, гравий, галька', где law- < *rīwā- или *rīwāh, т.е. и. мн. от *rīwa- (ср. и.-э. erei- 'течь', др.-инд. gṛi- 'пыль, прах', ст.-слав. riŋ 'песок, галька'), а -ōrč (ср. ш. -ōrč в abīn-ōrč 'жены многоженца') также либо из *hā-vra-+-ka-, либо из *hāra-+-ka-;

6) -āl, -ōl в send-āl 'опорки, изодранная обувь', s(e)rāl 'копыто (у паржкопытных)', ſangōl (зап.) 'коготь, когти', по-видимому, из *hā/lā- (и.-э. solo-, др.-инд. sāra-, ав. haura- 'весь, все');

7) -č в yor-č 'овцы (собирательно)' < *ka- (ср. и.-э. kom-, кт. 'вместе с, при' в курд. k'om 'группа, толпа', тадж. qat-i 'вместе с' из инд.-ир. *kātā-+ суф., ср. хет. kat-ta 'вместе').

Таким образом, почти все рассмотренные выше ваханские показатели мн. числа с исторической точки зрения представляют собой рефлекс древнеиранских именных основ со значением собирательной множественности: 1) основы *ha- 'совместно, воедино, вместе' (и.-э. *sem-*, *sm-* 'воедино, вместе', др.-инд. *samā-*, ав. *hama-* 'вместе с, союз, объединение', тадж. *hama* 'весь, все'; и.-э. *sm̐-nā-*, *sm̐-tra-*, *sm̐-k/ko-* и т.д.); 2) основы *abi-, *ap/fi-* (и.-э. *ebhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *sibi*, *aiwi*, *avi* 'при, у', рус. об- в общий; и и.-э. *ēpi-*, др.-инд. *āpi-* 'объединение, союз'); 3) основы *hālā- (и.-э. *valo-* 'весь, все') и 4) основы *ka- (и.-э. *kom-*, *kñ-* 'вместе с'). Показатели мн. числа -*īš-t*, -*ūr-g*, -*ōr-č* являются сложными, поскольку они состоят из двух суффиксальных элементов, каждый из которых в настоящее время отдельно не употребляется (кроме -*īš-* в -*īšt-*).

Ряд ваханских имен (в основном, обозначающих части тела) представляют собой рефлекс древнеиранской формы дв. или мн. числа: *šūš* 'легкие' < **kšukšī* им.-вин. дв. (ав. *sušī*), *čəzm* (центр., вост.), *čəm* (зап.) 'глаз(а)' < **čašmai* им.-вин. дв. либо от **čašmā-*, либо от **čašma-* ср.р. (ав. *čašman-*, др.-перс. *čašma-*); *v(n)gəw* 'бровь' < **br(a)wī* им.-вин. дв. от **br(a)wī-* (др.-инд. *bhrū-*, скр. *bhruva-*, ав. *brvat*); *šəw* (центр., вост.) 'рог(а)' < **srwī* им.-вин. дв. от **srwī-* (ав. *srwā-*, *srwī-*); *šīš* 'ухо, уши' < **g/aušai* им.-вин. дв. либо от **g/haušā-*, либо от **g/aušā-* ср.р. (ав. *gaō/ušā-*); *yaŋl* 'палец, -и' < **ang(u)rā-* или **ang(u)rāh* им. мн. от **ang(u)ra-* (др.-инд. *angūri-*); *beret* 'локоть', *berīn* 'колено' < **dwi-arat/vni*, где **arat/vni* им.-вин. дв. от **arat/vni-* (др.-инд. *aratnay-*, ав. *arevna-* 'локоть', ав. *frāgāvni-drājah-* 'длиной в один локоть'); *bār* 'дверь, -и' < **dwārā* им.-вин. дв. от **dwārā-* (др.-инд. *dvār-*, скр. *dvār(a)-*, ав. *dvar-*); *zā* 'дети' < **z/zāw/nāh* им. мн. от **z/zāw/na-* (ав. *zaŋa-* '(ново)рожденный').

Падж

I.5. В ваханском различаются две падежные формы, причем только во мн. числе: прямая и косвенная. Показателем прямой формы является элемент -*īš(t)*, представляющий собой исторически, как уже было отмечено, соединение двух суффиксов собирательной множественности, т. е. **hāwī-+tā-*. Показателем косвенной формы является элемент -*əv*, представляющий собой, как также уже было отмечено выше, рефлекс древнеиранской основы *abi- со значением собирательной множественности. Функция косвенной падежной формы во фразе обычно уточняется каким-либо предложным или послеложным элементом. Примеры: *uət mingásīš yā-rək réčən p(n)gət* 'птицы летят ему навстречу'; *šə stəšəv-ək šand ki...* 'она говорит своим снохам...'; *šy pətrev-ən kend nast* 'у моих сыновей нет жен'; *wīr azī-š-be dəyti ki, se téləv-ən-əp uyrk se fāzden* 'дождь так полил, словно из ведер воду лили'; *luq-luq bətəv-i pumust* 'она надевает рваную-прерванную одежду'.

Имя существительное в ед. числе в прямой и в косвенной падежной форме равно основе, например: уеш каѣ wéžgi piyóž-erk 'этот мальчик пришел за луком'; piš nišiv! 'выпусти кошку!'; i bekalek uyrk se wóð-en dnrz! 'зачерпни немного воды из арка!'.
 К имени существительному как в ед., так и во мн. числе, употребленному в косвенной синтаксической позиции, могут присоединяться различного рода служебные элементы, конкретизирующие его функцию. Этими служебными элементами могут быть как именные предлоги и послелоги, так и префиксально-суффиксальные элементы, утратившие связь с полнозначным именем. Отметим некоторые из них.

Имя существительное в функции прямого дополнения обычно принимает суффиксальный элемент -i // -ey, например: ya žy yaš-i wízmev! 'приведите моего коня!'; а-ya шш а-ya tšyev-i dežk 'бабушка подоила тех коз'. Для показателя -i// -ey ср. тадж. диал. аy в сочетании аy шьвместо литературного аз шьп 'от меня, меня'. В ваханском возможен и такой способ передачи прямого объекта, при котором имя (или словосочетание) принимает предлог се (< *haša) и послелог -en (< *hani-), например: а-са(где-а из се+а) vērpk-en deždey 'она насобирала веток'. Учитывая возможность передачи прямого дополнения с предлогом тадж. (диал.) аз 'из, от' (ср. vau az man na didast 'он не видел меня'), ш. ав 'из, от' (ср. ав wi yida qiw! 'позови того мальчика!'), ваханский показатель прямого дополнения -i// -ey (как впрочем и соответствующие показатели ишк., м. -i) можно было бы восстановить в *auī, что представляет собой форму местного падежа ед. числа от основы *а- 'из, от' (ар. *n-, и.-е. an, n- 'из, от'). Но возможна также связь вах. -i// -ey с ир. *hā(y)- 'соединять, связывать' (ср. семантическую ассоциацию н.-перс. -ra < *rāyā-, и.-е. ar-, rē-dh- в др.-перс. rādiy, рус. ради). В этом случае вах. -i// -ey < *haya-.

При указании на назначение, цель, адресат к имени присоединяется суффиксальный элемент -er(k)//-(r)ek, например: že deždev-erk tyša ras! 'приготовь дорожный провиант моим дочерям!'; šatev-er-še rešem 'я схожу за скотом'; ynu rist vyrīy-er tšqat cart 'зайчья шкура выдерживает холод'. С исторической точки зрения элемент -er(k) представляет собой, как считают исследователи (Morgenstierne, 1938; Buddruss, 1986), рефлекс древнеиранской именной основы *rāya- (или *rāda-)+-ka- (и.-е. ar-, rē-, (a)-ri-, rēi- 'соединять' в др.-инд. rta- 'подходящий, годный, прямой, правый', rādhyati 'делает подходящим,готавливает', ав. rāda- 'попечитель', др.-перс. rādiy 'ради', рус. ради). В других иранских языках ему соответствуют: ср.-перс. -rāy, н.-перс. -ra, ш. -(a)rā, -ra(d), язг. ra(g).

При указании на принадлежность к имени обычно присоединяется суффиксальный элемент -en, например: ya dāy-en tu bu petr 'у того чело- века было два сына'; ya kūt-en yi maydak serv tu 'в крыше была одна маленькая дырка'; также при принадлежностном определении: tát-en

(yaw) xūn 'дом отца', 𐎶𐎵 vrātēv-en (yaw) xūn 'дом моих братьев'. Ваханскому элементу -en соответствуют элементы инк. -no, ш. -an(d), с. -inder. Этот элемент может быть восстановлен в *antar- (и.-е. enter-, др.-инд. antar-, ав. antare, др.-перс. antar 'между, внутри'; ср. аналогичное чередование значений в и.-е. ме-, ме-ta, ме-dhi, ме-ghri-s 'среди, внутри' в гот. miw 'с, вместе с', др.-исл. með(r) 'с, между', арм. merj 'у, при, вблизи'). Думается, что связь ваханского элемента -en с древнеиранской флексией аблатива *-aina менее вероятна (Buddruss, 1986).

Сочетание суффиксального элемента -en с предлогом de (< *hada) при имени передает совместность, совокупность, например: talxčbu de qānd-en rūven 'черный чай пьют с сахаром'. Сочетание элемента -en с предлогом pe при имени указывает на способ совершения действия, например: pe kārč-en yawem 'я ем ложкой'.

Кроме суффиксального элемента -en на принадлежность может указывать также суффиксальный элемент -ī // -ēy. В отличие от -en он употребляется только при принадлежностном определении, например: 𐎶𐎵 tāt-ī xūn 'дом моего отца'; 𐎶𐎵 vrātēv-ī xūn 'дом моих братьев'; derāxtev-ī rālcīš zart 𐎶𐎵 rīdey 'листья деревьев пожелтели'. Следует сказать, что этот показатель определения по принадлежности более употребителен при имени во мн. числе. А вообще же употребление его факультативно, например: a-yā zā-v nān 'мать тех детей'; a-yā tūy-en zārē xāt-er nēfoqat gōxtey 'она питалась молоком тех коз'. С исторической точки зрения элемент -ī // -ēy, как и элемент -en, мы склонны считать рефлексом древнеиранской основы *an- 'у, при, вблизи, в(нутри)', но на нулевой ступени, т.е. *a плюс флексия локатива -i (и.-е. en, eni, n, ni, ар. *ni). Усматривать в элементе -ī // -ēy рефлекс древнеиранской именной флексии ед. числа род. падежа, как это делает Г. Буддрус (Buddruss, 1986), вряд ли возможно, поскольку этот элемент может присоединяться в равной степени как имени в ед. числе, так и к имени во мн. числе. А кроме того, он может относиться не только к слову, но и к целому словосочетанию.

1.7. Ряд ваханских именных основ могут быть истолкованы либо как рефлекс исторических основ, либо как рефлекс флексивных форм. Они следующие: petr 'сын' < *putrai дат. ед. от *putra- (ав. puṭra-); andarč 'ятровь' < *yant(a)rā+-āka-, т.е. твор. ед. от *yantar- (и.-е. ieneter-, др.-инд. yātar-; ср. инк. yud, с. yud < *yātar-); dāy 'муж(чина), человек' < *dāyā твор. ед. от *dāya- (и.-е. dhē- 'умирать', бретонск. den 'человек'; ср. модель н.-перс. mārδ 'муж(чина), человек' < *martya-, ав. mar- 'умирать'); war 'баран' < *warnā твор. ед. от warnā- или основа на -ā- (и.-е. ueren-, др.-инд. uraṇā-); rēg-sēng 'браслет' < *urari-čangai местн. ед. от *čanga- (ос. song 'рука'); pōlīz 'приусадебный участок, огород' < *urara-daiz/zai местн. ед. от *daiz/za- (ав. pairi-daēza-, др.-перс. paridaida-); zā 'дети' < *z/zāw/hān им. мн. от *z/zāw/ha- (ав.

zavā- '(ново)рожденный'); bār 'дверь, -и < *dwārā, т.е. им.-вин. дв. от *dwār(a)- (др.-инд. dvār-, скр. dvār(a)-, ав. dvar- или основа, на -ā-.

Сюда же можно отнести и слова, обозначающие части тела, которые могут быть истолкованы либо как рефлекс древнеиранских основ, либо как рефлекс древнеиранских флексивных форм: pād/d 'бедренная часть ноги' < *pād/da им.-вин. дв. от *pād/da- или основа на -ā- (ав. pād-); ſuṣ 'легкие' < *kṣuṣi им.-вин. дв. (ав. suṣi); ʒəṣm 'глаз(a)' < *śaṣmai им.-вин. дв. либо от *śaṣma- ср.-п., либо от *śaṣmā-и.р. (ав. śaṣman-, др.-перс. śaṣma-) и др.

Имя прилагательное

Основы

2.0. Как и основы имен существительных, основы прилагательных не имеют каких-либо специальных внешних показателей. С точки зрения структуры основы прилагательных делятся на: а) неосложненные основы; в) основы, осложненные суффиксом; б) основы-композицы.

Основы прилагательных, как и основы имен существительных, в зависимости от корневого гласного могут быть разделены на: 1) основы, продолжающие исторические основы на -а- (или "-а + согласный"), т.е. основы с а/и-умлаутом; 2) основы, продолжающие исторические основы на -ā- (или "-ā + согласный"), т.е. ā-умлаутные основы, и 3) основы, продолжающие исторические основы на -ī-, -уā-, т.е. i-умлаутные основы. Примеры.

1) Ваханские основы - рефлекс исторических основ на -ā- (или "-а + согласный"): s(и)nōr 'тонкий, хрупкий' < *snara- (ср. и.-е. (s)ner- в англ. narrow 'узкий'; язг. šinir 'редкий'); š(i)lot (центр.) 'рыхлый, мягкий' < *šr/lat(r)a- (скр. ślatha- 'рыхлый'); suq 'остроконечный' < *śaka- (ср. и.-е. kek- 'быть острым'); šundr 'жаркий, горячий' < *šandra- (ср. и.-е. (s)kand- 'гореть', др.-инд. candrá- 'горящий, светящийся'); skurf 'заскорузлый, грубый, шершавый' < *skarfa- (и.-е. (s)kerbh- 'шершавая кожа'); lup 'большой' < *gara- (ср. и.-е. lebh- в др.-инд. rabhasa- 'сильный', сюда же ишк. lip 'много', ш., язг. lap 'очень'); xužg 'сладкий' либо из *xwarga- (//xwrga-+ka- (ср. и.-е. w-ro-, wce-ro- 'соленый, острый' ав. xwarezista- 'наисладчайший'), либо из *xarga- (//xrga-+ka- (и.-е. sal- 'соль', лит. salti 'становиться сладким', рус. соль, сладкий; ишк. хаžūk, ш. xīž м.р., хāž ж.р. 'сладкий'); šnw 'черный' < *š(y)āwa- (ав. suava-); bet 'другой, еще' < *dwita- (ав. duvitīya-, bitya-, др.-инд. dvitā-); teūd (зап.) 'острый (не тупой)' < *tīgtā- (ав. taṣya-; ср. вах. вост. taūd < *tīgtā-).

2) Ваханские основы - рефлекс исторических основ на -ā- (или "-ā + согласный"): zart/d 'желтый' < *z/zartā- (и.-е. ghel-, ав.

zairita-); taṛḍ (вост.) 'острый (не тупой)' < *tīgṭa- (ав. taṛṭa-); gand 'зловонный' < *gantā- (ав. gantay- 'зловоние', с. žit 'плохой'); ranṅg 'легкий, нетяжелый' < *rangā-+-kā- (ав. rang-); vart 'цветущий (о внешности)' < *bartā- или *brtā- (и.-е. bhel- 'цвести'); ṣ(i)laṭ (центр) 'тепловатый' < *ṣr/ltā-, *ṣar/ltā- (и.-е. k/kel- в кимр. clyd < *kī-to- 'тепловатый'); palm (центр.) 'мягкий, нежный' < *pṛ/lmā-, *par/lmā- (ср. и.-е. pel-(en)- 'пыль, мука', ос. fālmās 'мягкий, нежный', fālmān 'мягкий'); ṣ(ə)lak 'мокрый, влажный' < *ṣlakā- (и.-е. sklāk- 'мокрый, влажный', рус. слякоть); ṣrāg 'долговязый' < *ṣrāgā- (ср. др.-инд. sṛhāgā- 'вытянутый, большой').

3) Ваханские основы - рефлексy основ на -ī-, -uā-, т.е. 1-умлаутные основы: ṣin 'теплый' < *ṣarṇuā- (ав. tap- 'быть теплым'); pitk 'гнилой, тухлый' < *pūtī-, *pūtyā-+-kā- (ав. pūtay- 'становиться гнилым, гнилость', инк. pūduk 'гнилой'); t(ə)gēṣ 'кислый' < *trpēuā- (ср. и.-е. (s)terp- в рус. терпкий); verz 'длинный' < *brz/zya- (ав. bərez-, bərez- 'высокий'); mērz 'голодный' < *mrz/zyā- (и.-е. mer-g-, *mer-ǵ-, mer-d- в лтн. mērdēt. 'оставаться голодным', англ.-сакс. mirc 'страдающий от голода', ш. mōy 'голод'); ṣin 'голубой, сизый' < *akṣainuā- (ав. akṣāna-); ruḥn 'белый' < *rauknuā-, *rūḥnuā- (ав. raḥṣna-); dīr 'далекий, далеко' < *d/ḍuray- (ав. dūray-); sekr 'красный' < *sukrī-, *sukra- (др.-инд. śukra- 'белый', скр. śukra- 'светлый', śuklī bhū- 'становиться белым, ав. sukra- 'красный'); put- в put-raṭ 'маленькие' < *pūtī-, *pūtyā- (и.-е. pū- 'маленький'); (y)īṣ 'белесый, сизый, неспелый' < *uṣī-, *uṣuā- (и.-е. aṣe- 'светить, светать', ав. vah- 'светать, расцветать', uṣā- 'рассвет', сюда же вах. (y)īṣṭ 'рассвет, раннее утро').

2.1. Большинство суффиксальных элементов, отмеченных при именах прилагательных, свойственны и именам существительным. Исключение составляют суффиксы, образующие относительные прилагательные: -īn < *-ainī- (ср. ав. zaṛapaēnī- ж.р. 'золотая' к zaṛapaēna- м.р.), -éng (зап.) < *-aina-+-ka-, -úng, -úng < *-ana-+-ka-, -áng < *-ānā-+-kā-, напр.: īṣn-īn 'железный', ṣung-īn 'деревянный', yez-ung (центр.), yez-éng (зап.) 'вчерашний', sebas-ung (центр.), sebas-éng (зап.) 'последующий, последний', mel-ung 'срединный', ŷer-ung 'тяжелый' (ср. и.-е. g^her- 'тяжелый'), miz-ang 'жадный' (ср. вах. mērz 'голодный'). Из других суффиксов можно отметить: 1) -k/č, -g/č < *-kā-: pit-k 'гнилой' (ав. pūtay-); tēr-g 'густой (не жидкообразный)' < *(s)tīra-+-ka- (и.-е. stīro- 'густой', иш. t̪yṛuk, ос. sutur); (y)īn-g (центр., вост.) 'недоваренный, сырой, неспелый' < *āmī-, *ānuā-+-kā- (и.-е. om-, др.-инд. āma-, пун. ūm, ōm); ṣar-ṣ 'шершавый, заскорузлый' < *skaṛā-+-kā- (и.-е. (s)ker- 'шершавая кожа', kar- 'шершавый'); 2) -c < *-čī-: pī-c(-ek) 'малюсенький' < *pū-čī- (и.-е. pū- 'маленький'), bi-c 'маленький (о плодах)' <

*bu-ḡī- (тот же корень); 3) -īḡ/ī. < *-īka- : mel-ung-īḡ (центр.) 'средний (по возрасту)', lēnd-īḡ 'пригоревший', xor-mēr-īḡ 'презренный'; 4) -ēs < *-āḡī- в слове gēl-ēs 'глубокий' (ср. язг. ŷel 'глубокий') и др.

2.2. Из прилагательных, представляющих собой сочетание двух основ, можно указать на следующие: 1) ḡēḡm-окы 'глазастый', где ḡēḡm < *ḡāḡmai км.-вин. дв. от *ḡāḡmā- или *ḡāḡma- ср. р. 'глаз', ok- < *akaḡ- 'глаз' (и.-е. ok^u(e)в- 'глаз'), а конечный гласный -и из -иḡ < *-ana-+ka-, т.е. суффикс прилагательного; 2) lar-ḡaḡ 'большеротный' (lar 'большой', ḡaḡ 'рот'); 3) lup-dūr 'толстопузый' (lup 'большой', dūr 'живот'); 4) pi/nyḡ-rḡḡg (центр.), biḡ-rḡḡg (вост.) 'босой' (букв. 'босоногий'), ср. ш. -vi(y)- в rōdvīyḡḡ 'босой'; 5) lem-ḡeḡk 'обитый, плотный (о человеке)', ср. вах. lembar 'толстый, упитанный'; 6) cuḡmīs 'остроносый' (cuḡ 'острый', mīs 'нос') и др.

Род, число, падеж

Категория грамматического рода в имени прилагательном, так же как и в имени существительном, утрачена. О том, что эта категория существовала в ваханском в недалеком прошлом, свидетельствуют такие пары слов, как: lup 'большой' — lar- в lar-ḡaḡ 'большеротный', teḡd (зап.) 'острый' (< *tīḡta-, ав. taēya-) — taḡd (центр., вост.) 'острый' (< *tīḡtā-).

Остальные прилагательные, хотя и не имеют родовых пар, все же благодаря закономерностям, связанным с умлаутом, могут быть соотносены с той или иной исторической основой, характеризующей род. Наблюдающиеся в этом случае фонетические закономерности те же, что и у имени существительного (см. раздел "Имя существительное").

Прилагательное как таковое, т.е. несубстантивированное, в отличие от имени существительного не изменяется ни по числам, ни по падежным формам, напр.: ḡeḡd pīraḡ 'новое платье' — ḡeḡd maāliḡ(t) 'новые строения'; lup xūn 'большой дом' — lup xūniḡ(t) 'большие дома'; lup ḡaḡ mar gand 'дай мне большую лепешку!'; i rēwōr pōtēḡ xḡ lup rōtrev-ey qḡw cart 'однажды царь зовет к себе старших сыновей'.

Степени сравнения

2.3. От качественных прилагательных может быть образована сравнительная степень путем присоединения к основе суффикса -ter < *-tarī- (др.-инд. -tara-, н.-перс. -tar, ишк. -tar, ш. -p. -di, с. -der, язг. -dūr), например: baḡ-ter 'лучше', ḡak-ter 'хуже', faḡ-ter '(по)позже' и др. Следует, однако, заметить, что суффикс -ter при выражении сравнения чаще отсутствует, например: Zūḡg se Kīḡn-ēn past 'Зунг (находится) ниже, чем Кипн'; yaw tḡxḡyḡg se kērk-ēn lup 'у нее (т.е. у утки) яйца крупнее, чем у курицы'.

В некоторых ваханских прилагательных можно видеть рефлекс древнеиранской корневой степени сравнения, например: *ḍeḥ* 'поздний, поздно' < **ḍr̥jyah-* (ав. *ḍr̥jyō* сравн. степень от *darga-*), *veṛz* 'длинный' < **barz/zyah-*, **br̥z/zyah-* (ав. *barēzyah*, т.е. сравн. степень от **barza-*).

Наивысшая степень качества (превосходная степень) передается путем повтора прилагательного; *luq-luq bēṭev-ī rīnuat* 'она надевает рваную-прерваную одежду'; *yaw dast reḥ-reḥ* 'у нее руки грязные-прегрязные'.

Числительное

3.0. Количественные числительные по своему составу делятся на простые и сложные. К простым относятся числительные первого десятка, числительное 'двадцать' и 'сто' (последнее, однако, наряду со сложным числительным). Эти числительные следующие:

(y)w 'один' < **aiwa/ī-* или **aiwai* (др.-инд. *ēvā-*, *ēvai* (усилительный вариант) 'прямо, только', *ēk* 'один', ав. *aēvā-*);

bu(y) 'два' < **dwauya-* (ср. др.-инд. собирательное *dvauya-*, ав. *dwā-*); в сложении вах. *be-* в *berīn* 'колени' и в *beret* 'локоть' < **dwi-arat/ī-* (др.-инд. *dvi-* и *aratāya-* 'локоть', ав. *bi-* 'два' и *arevna-* 'локоть'); также в наречном слове *bet* 'еще, опять' < **dwita-* (др.-инд. *dvitā* 'вторично', ав. гат. *daibitā* 'снова');

tru(y) 'три' < **traya-* (основа) или **trayah* им. мн. (ав. *īray-*); в сложении, возможно, в вах. *t(e)liča* 'треугольный мешочек' < **tri-aka-+ka-* (ав. *īri* и и.-е. *aka-* в арм. *ankiun* 'угол'; ср. также окр. *trikona* 'треугольник');

сывār 'четыре' < **cat/vwāra-* или **catbāra-* (основа), либо **cat/vwārah* или **catbārah* им. мн. (др.-инд. *catvārah*, ав. *čavvārō*, х.-сакс. *tsahaurā*, *tsahora*, н.-перс. *čāhar*);

pānz 'пять' < **pančā-* основа (ср. ав. *panča-*) или **pančāh* им. мн. от **pančā-*;

ḥad/ō 'шесть' < **ḥ(w)aštā-*, т.е. порядковое числительное от **ḥ(w)aḥ-* (др.-инд. *ṣaṭ/d*, *ṣaṣ*, *ṣaṣṭha*, ав. *īṣvaḥ*, сакс. *kṣāta*; ср. масарми *šīšt* 'шесть' < **ḥ(w)ašti-*, др.-инд. *ṣaṣṭi-* 'шестой', рус. *шесть*); вост.-вах. *ḥal* 'шесть' либо < **ḥ(w)aḥām*, т.е. род. мн. от **ḥ(w)aḥ-*, либо *ḥa-+l-* (суффикс), ср. н.-перс. *se-lu* 'тройка';

nb 'семь' < **hapta* (ав. *hapta*);

at 'восемь' < **aštā* им.-вин. дв. от **ašta-* (др.-инд. *aṣṭā*, ав. *ašta*);

naw 'девять' < **nawā-* или **nawāh*, т.е. им. мн. от **nawa-* (ав. *nawa*);

ḥas 'десять' < **ḥasa* (ав. *dasā*);

b/wist 'двадцать' < **wisatī* (ав. *vīsaīti*);

sad 'сто' < **satā* им. мн. ср. р. от **sata(m)-*.

Название чисел от одиннадцати до двадцати девяти образуется сложением названия десятка (das или b/wist) с названием единицы (либо непосредственно, либо с помощью союза -(et) 'и'), например: das-(et) -(y)iw '11', das-(et)-buy '12', das-(et)-truy '13', b/wist-e(t)-nb '27', b/wist-t(t) naw '29'.

Для выражения десятков, начиная от тридцати, используется вигезимальный счет; (y)I b'ist-e(t) das '30', bu b'ist '40', bu b'ist-e(t) das '50', tru b'ist '60', rang b'ist '100' (наряду с sad).

3.1. Порядковые числительные образуются от количественных прибавлением суффикса -ñm < *-ama (ср. ав. dasəma- 'десятый'), например: buyñm 'второй', rangñm 'пятый', dasñm 'десятый'.

В центральном и восточном говорах порядковые числительные могут быть образованы также с помощью суффикса -ñng < *-ama-+-ka- (ср. модель вах. nñng 'имя' < *nāma(n)-+-ka-), например: Iwñng 'первый', buyñng 'второй', sybñng 'четвертый'.

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	Прям.	Объектн.	Посесс.	Прям.	Объектн.	Посесс.
1-е	wuz wez (3.)	maž ma-	žy/e	sak		s(e)pó
2-е	tu	taw, tow(3.) ta-	tI	sá(y)išt	sav	

Как можно видеть, местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа имеют четыре падежные формы: прямую, две объектные (форма ma- и ta- употребляются только с послелогом -re(k) : má-rek 'мне', tá-rek 'тебе'; maž и ta/ow - во всех остальных случаях) и посессивную. Местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа представлены двумя падежными формами: местоимение 1-го лица - объектно-прямой и посессивной, а местоимение 2-го лица - прямой и объектно-посессивной. Для 3-го лица используются указательные местоимения-существительные (см. дальше). Примеры: sak buzikí ħānen 'мы на двух языках говорим'; tu maž yund! 'ты возьми меня (с собой)!'; uem sak asōuIš ne lecert 'он не оставит нас в покое'; se maž kēpra gñw! 'накинь на меня одеяло!'; se sáv-en kuy

duxtur? 'кто из вас доктор?'; wūz-em sav tat 'я - ваш отец'.

Исторические соответствия для ваханских личных местоимений следующие. Местоимения I-го лица ед. числа: прямая форма wuz, wez < *az/zam (и.-э. eg(h)om, ав. azēm, др.-перс. adam); объектно-дательная форма ma- < *mañ (ав. mana, др.-перс. manē). Что касается происхождения объектной формы maž, то возможны следующие ее толкования: 1) maž < *ma-gā- (ср. и.-э. *me-ge-, арм. is < *eme-ge-, греч. ἐμέ-γε, гот. mik 'меня', ишк. mak, лар. maz; ср. также суффикс -gha в др.-инд. vauam-gha 'мы', уḍ-gha-, уḍ-ha релятивное местоимение, также в пуш. dāya 'этот' < *aitā-gā-+-ākā-); 2) maž < *māt +-gā-, т.е. отл. падеж или < *mām+-gā-, т.е. вин. падеж. Посессивная форма žy/e 'мой, моя, мой' является усеченным вариантом от вах. maž плюс суффиксальный элемент *-na/i- (ср. и.-э. mo-iō- в рус. мой, вторичное образование в гот. meins, др.-в.-н. mīn < *mei-no-; тох. ав. hi < *māni).

Местоимения 2-го лица ед. числа: прямая форма tu < *tawam или *tuwam (др.-инд. tvam, ав. tvem, tūm 'ты'); объектно-дательная форма ta- и объектная форма ta/ow < *tawā (ав. tavā); посессивная форма tī 'твой, твоя, твои' < *taya- (ср. и.-э. посессивную форму I-го л. ед. ч. mo-iō- в рус. мой и вторичное образование в гот. meins, др.-в.-н. mīn < *mei-no-; для ир. *taya- ср. и.-э. основу te-).

Местоимение I-го лица мн. числа объектно-прямой формы sak 'мы, нас' либо из *asmaḱā(m) (др.-инд. asmākam, ав. ahmākem род. мн., ав. ahmāka- 'наш'), либо из др.-ир. *usmāḱā- (ср. и.-э. *neme-, где *n- - слабая форма энклитического местоимения I-го л. мн. ч., представленного в др.-в.-н. uns, англ.-сакс. ūs, др.-норв. oss 'нас, нам', плюс местоименный суффикс мн. числа *-eme-). Для того чтобы принять последнее толкование, нужно признать, что индоевропейский слоговой *n (как, вероятно, и *m) давал на древнеиранской почве не только *a, как это до сих пор считалось, но также и *u, т.е. в зависимости от исторической фонетической позиции. В авестийском можно найти такие примеры, которые в какой-то степени могут подтверждать такое предположение. Так, например, и.-э. *dekshmo-s, др.-инд. daśamaḥ, ав. daseṃb- 'десятый'. Качество авестийского гласного, скрытое за графемой e, остается не вполне ясным. Посессивная форма местоимения I-го лица мн. числа s-(e)po(-s-) 'наш(а), наши' < *asma- (+-ḱī-) или *usma- (+-ḱī-), ср. и.-э. *neme- с суффиксом *-ge- в англ.-сакс. uns < *n-ge 'нас, нам'. В авестийском представлены как сильные формы этого энклитического местоимения (ав. nā, nō, nē), так и слабая форма, осложненная местоименным суффиксом мн. числа *-hm-, т.е. ahmāka- 'наш'.

Местоимение 2-го лица мн. числа прямой формы sa-(y)iḥ(t)'вы' состоит из sa + (y)iḥ(t). Второй элемент -iḥ(t)- именной показатель мн. числа прямой формы имен, ср. xūn-iḥ(t) 'дома'. А местоименная

основа *sa-* может иметь два объяснения: 1) < **u(s)-smā-hām*, т.е. род. мн. от **u(s)-'вн'* (ср. ав. *yūšmākem*, *xšmākem*); 2) < **tu-smā-hām* или **ta-smā-hām*, т.е. род. мн. от **tu-smā-* или **ta-smā-* (пуш. *tās-i 'вн'*, дард. *tso*, *tva*, *tus*, *sā*; ср. также модель ишк. *т̄м̄х*, ш.-р. *там̄(̄)*, язг. *т̄мох 'вн'* < **tahmākām*). Объектно-посессивная форма *sav 'вас, ваш(а)'* также может быть истолкована двояко: 1) из *sa + -v*, где *sa-* либо < **u(s)smāhā(m)*, либо **tusmāhā(m)* или **tasmāhā(m)*, а *-v* именной показатель мн. числа косвенной формы; 2) < *(*u*)*smabya*, т.е. дат. мн. от основы **u(s)-* (ср. ав. *yūšmai-byā*) или **ta/usmabyā*, т.е. дат. мн. от основы **ta/u-*.

Указательные местоимения

4.1. Как и в других памирских языках, эти местоимения имеют три ряда: 1) для указания на ближний объект: *yem 'этот, эта', yēm-iš(t) 'эти', yēm-ev 'этих, этим'*; 2) для указания на несколько отдаленный объект: *yēt 'этот, эта', yēt-iš(t) 'эти', yēt-ev 'этим, этих'*; 3) для указания на дальний или отсутствующий объект: *yaw (центр., вост.), yow (зап.) 'тот, та', yaw-iš(t), yow-iš(t) 'те', ya-v 'тем, тех'*.

Все местоимения, кроме того, делятся на две группы: указательно-личные (или субстантивные местоимения) и указательные местоимения-прилагательные (или адъективные местоимения). Разница между ними состоит в том, что первые имеют два числа (ед. и мн.) и две падежные формы (прямую и косвенную), которые различаются только во мн. числе. К субстантивным местоимениям относятся все приведенные выше указательные местоимения.

В отличие от субстантивных адъективные указательные местоимения не изменяются ни по числам, ни по падежным формам, так что в каждом ряду представлено по одной форме: *yem*, *yēt*, *ya*. Все указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Местоимения-существительные						
Степень удаленности Форма	Ближняя		Средняя		Дальняя	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Прямая		<i>yémīš(t)</i>		<i>yétīš(t)</i>		<i>yá(w)īš(t)</i>
Косвенная	<i>yem</i>	<i>yémēv</i>	<i>yēt</i>	<i>yétev</i>	<i>yaw, yow</i>	<i>yav</i>
Местоимения-прилагательные						
Прямая	<i>yem</i>		<i>yēt</i>		<i>ya</i>	
Косвенная						

Примеры: *yaw māṣ-I dūst dūrd* 'она меня любит'; *yāwīš nést-ev* 'они легли спать'; *yāv-I yund!* 'уведи их!'; *kīnem yāv-ey* 'выкопаю-ка я его (т.е. лук)'; *yāv-en tru wešk tywétk* 'у них было три таланка'; *se yāv-en dnrz!* 'возьми у нее (свою книгу)!'; *ya šay ya xur dəytey* 'тот парень шул того осла'; *a-yā tūyev-I-šē šēpney* 'она все время доила тех коз'; *yem šēš xošk* 'эта лепешка мягкая'; *mi-yēm enfrā-y kat!* 'расстели вот эту скатерть!'; *yem kelāv-I tārek kūy gāti?* 'кто дал тебе этих овец и коз?'

В основе местоимений каждого из трех рядов лежат три различных древнеиранских местоименных элемента: для местоимений дальнего ряда -ир. **awā-* (ав. *avā-*), для местоимений ближнего ряда -ир. **imā-* (ав. *imā-*), для местоимений среднего ряда -ир. **aitā-* (ав. *aētā-*). Каждое из ваханских указательных местоимений представляет собой рефлекс той или иной флективной формы, образованной от одной из этих трех древнеиранских местоименных основ.

Косвенно-прямые формы субстантивных местоимений ед. числа *yow* (зап.), *yem, yet* являются закономерным отражением следующих древнеиранских форм муж./ср. рода: 1) *yow* < **awam* им.-вин. м.р. (ав. *aom*) или **awat* вин. ср. р. (ав. *avat*); 2) *yem* < **imah* им. м.р., либо **imam* вин. м.р. (ав. *imem*) или **imat* им.-вин. ср. р. (ав. *imat*); 3) *yet* < **aitah* им. м.р., либо **aitam* вин. м.р. (ав. *aētem*) или **aitam*, **aitat* им.-вин. ср. р. (ав. *aētem*, *aētat*). Центральнo-восточный вариант косвенно-прямой формы для дальнего ряда *yaw*, судя по гласному этой формы, представляет собой *ā-умлаутный* рефлекс, т.е. рефлекс древнеиранской формы вин. ед. ж.р. **awām* (ав. *avam*).

Прямые формы субстантивных местоимений мн. числа *yāv-īš(t)*, *yōw-īst(t)* 'те', *yēm-īš(t)* 'эти', *yēt-īš(t)* 'эти' состоят из местоименного элемента и именного показателя множественного числа для прямой формы *-īš(t)*. Соответствующие косвенные формы *ya-v*, *yēm-ev*, *yēt-ev* также состоят из аналогичного местоименного элемента и именного показателя мн. числа для косвенной формы *-(e)v* (см. "Имя существительное"). Местоименные элементы форм мн. числа *ya(w)-//yo(w)-*, *yem-*, *yēt-*, как можно видеть, внешне совпадают с местоимениями ед. числа *yaw* // *yow*, *yem, yet*. Отсюда можно предположить, что местоименные формы мн. числа являются результатом сочетания местоимения ед. числа с именным показателем мн. числа, т.е. так же как это имеет место в именах существительных, ср., напр., *xūn* 'дом' - *xūn-īš(t)* 'дома', *xūn-ev* 'домов' и т.д.

Подтверждением именно такого толкования происхождения этих форм служит местоименная форма *yō(w)-īš(t)*, где *yo(w)-* может быть истолковано только как рефлекс древнеиранской формы ед. ч., т.е. **awam* им.-вин. м.р. (ав. *aom*) или **awat* вин. ср. р. (ав. *avat*), на что указывает гласный этой формы *o*, являющийся закономерным отражением др.-ир. **a* в нейтральной позиции.

Что касается адъективных местоимений всех трех рядов, т.е. уа, уеш, ует, которые, как уже было сказано, не изменяются ни по числам, ни по падежным формам, то каждое из них в отдельности совмещает в себе ряд рефлексов древнеиранских флексивных форм, причем как ед., так и мн. чисел. Так, местоимение уа может быть рефлексом: 1) формы вин. ед. ж.р. *awām (ав. awam); 2) формы им.-вин. мн. ж.р. *awāh (ав. awā); 3) формы им.-вин. мн. ср. р. *awā (ав. awā). Местоимение уеш может быть рефлексом: 1) формы им. ед. м.р. *imah; 2) формы вин. ед. м.р. *imat (ав. imet); 3) формы им.-вин. ед. ср. р. *imat (ав. imat); 4) формы вин. мн. м.р. *imans (ав. ima). Местоимение ует может быть рефлексом: 1) формы им. ед. м.р. *aitah; 2) формы вин. ед. м.р. *aitam (ав. aētet); 3) формы им.-вин. ед. ср. р. *aitat (ав. aētāt); 4) формы вин. мн. м.р. *aitans. Фонетическое совпадение рефлексов ряда древнеиранских флексивных форм в одной ваханской форме и делает эту форму нейтральной в морфологическом отношении.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному относительно указательных местоимений, мы могли бы представить древнеиранско-ваханские соответствия этих местоимений в виде следующей схемы:

Др.-ир.

Вах.

I. О т о с н о в н *awā-

Ед. число

Им.-вин. *awam	м. р. (ав. aom)		
	*awat	ср.р. (ав. avat)	— уow (зап.)
Вин. *awām	ж.р. (ав. awam)	—	yaw(=), ya

Мн. число

Им.-вин. *awāh	ж.р. (ав. awā)	—	ya (адъект.)
	*awā	ср.р. (ав. awā)	

II. О т о с н о в н *aitā-

Ед. число

Им. *aitah	м.р.		
Вин. *aitam	м.р. (ав. aētet)	—	yēt
Им.-вин. *aitat	ср.р. (ав. aētāt)		

Мн. число

Вин. *aitans	м.р.	—	yēt (адъект.)
--------------	------	---	---------------

III. О т о с н о в н *imā-

Ед. число

Им. *imah	м.р.		
Вин. *imat	м.р. (ав. imet)	—	yēt
Им.-вин. *imat	ср.р. (ав. imat)		

Вопросительные местоимения

4.2. В ваханском представлены следующие вопросительные местоимения: kūy 'кто?', (объектно-прямая форма), kī 'чей?' (посессивная форма), č/ciz 'что?', kūm 'какой, который'. Примеры: kūy táw-I wózomdi? 'кто привел тебя?'; tu-t de kūy-en ayloq tū? 'ты с кем была на летовье?'; tu kī petr? 'ты чей сын?'; уѣм skid kī-n-en? 'эта тибетейка чья?'; yaw čiz xátey? 'что он сказал?'; kūm kī xñgū nñyt, a-yaw randem 'которая красивее, ту я и отдам'.

В основе всех этих местоимений лежит один из двух древнеиранских местоименных элементов: *kǎ- (ав. kǎ-) или *kaī- (ав. čai-, čī-). Местоимение kūy может быть восстановлено в *kaayah, т.е. род. ед. от *kaу-. Посессивная форма этого местоимения kī по аналогии с местоимением tī 'твой' представляет собой рефлекс адъективной основы *ka-ya или *kaу-а-. В основе местоимения č/ciz 'что' лежит элемент *čī-. Местоимение kūm 'какой, который' < *katāma- (др.-инд. katāma-, тадж. kadam).

К вопросительным относятся также местоимения cñm 'сколько' и tum 'столько'. В ишкашимском им соответствуют cñmnd и dund, dum.

Возвратно-определятельное местоимение

4.3. Это местоимение имеет две формы: xat- объектно-прямая и xə/ы - посессивная. Примеры: wúz-əm xat góxtey 'я сам (это) сделал'; уѣм-I xát-er dygz! 'возьми ее себе!'; žы čbqyw de xát-en wúzym! 'захвати с собой мой перочинный нож!'; žñrt xñ daftár-əy 'собери свои тетради!'.
Исторически форма xat 'сам(а)' продолжает др.-ир. *(k)šwatā- (ср. и.-е. sūe-ti- в алб. ve-të 'сам'; ср. также ав. xvatō 'от себя'). Посессивная форма xə/ы представляет собой рефлекс древнеиранской адъективной основы *(k)šwaуа- (ср. и.-е. sūe-īo по аналогии с mo-īo- 'мой').

Глагол

5.0. Глагольная система в ваханском по сравнению с древнеиранской претерпела значительные изменения, что связано с общим для всех иранских языков развитием от флективности к аналитизму. От трех видо-временных систем, существовавших в древнеиранском, в ваханском в сильно измененном виде сохранилась (и то только типологически) система презенса. Два ряда личных окончаний утратились. Выработался один ряд личных окончаний, употребляющихся при образовании формы настоящего времени и представляющих собой контаминацию рефлексов древне-

иранских окончаний различных наклонений и залогов. Система прошедших времен в ваханском полностью является новообразованием. В ее основу легло древнеиранское пассивное причастие прошедшего времени. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (=др.-ир. пассивное причастие прош. вр.) выражается подвижными энклитическими показателями, имеющими различное происхождение в зависимости от переходности-непереходности глагола.

Основы

Основа настоящего времени

5.1. Ядро всей глагольной системы ваханского языка составляют две основы: основа наст. времени и основа прош. времени. Основа наст. времени у большинства глаголов не имеет каких-либо специальных признаков, напр.: *nyw-* 'терять', *vand-* 'связывать', *reč-* 'идти, уходить'. Лишь несколько глаголов сохранили в качестве показателя основы суффиксальные элементы, характеризующие определенный тип исторической основы. Это - основы на *-ey-* (< **aya-*) и *-s-* (< **-s-*), напр.: *mérey-* 'умирать' < **maraya-* (ав. *mar-*), *nedefs-* 'липнуть, лнуть, ластиться, приставать' < **ni-dab/psai-* (*dhebh-* 'причинять вред, обманывать', ав. *dab-* 'лишать кого-нибудь чего-либо, обманывать'; ср. аналогичную семантическую связь в др.-инд. *r/līp-* 'обманывать, липнуть', тадж. *fi-reb* 'обман'; сюда же ишк. *nyd̥s-*, ш. *ničafs-*, язг. *pačafs-* 'липнуть').

Но исторический анализ (с учетом умлаута) ваханских основ наст. времени дает возможность выявить рефлекс древнеиранских основ индикатива, конъюнктива и опатива. Примеры.

I. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы индикатива:

а) рефлекс древнеиранских основ на **-a-* : *dyr-* 'иметь' (только в сочетаниях) < **dara-* (ав. *dar-*); *wydyr-* 'хватать, держать' < **awa-dara-* (ав. *dar-*); *byw-* 'бросать, везть' < **dwana-* (ав. *dvan-*); *mygw-* 'шупать' < **myga-* (др.-инд. *mṛś-*, ср. ав. *maghez-* 'шупать'); *puw-* 'пить' < **pāwa-* (и.-е. *pō(i)-*, др.-инд. *pā-*, но *piḥati* 'пьёт'); *gyw-* 'спать' < **p/ra-fra-šwara-* (ав. *xwar-*); *d(e)-gyr-* 'чесать, царапать' < **dgrara-* (и.-е. *d̥rēp-*); *nyw-* 'терять, уничтожать' < **naša-* (ав. *nas-*); *gywyz-* 'летать, падать' < **p/ra-fra-waza-* (ав. *vaz-*); *byw-* 'обманывать' < **d(a)bawa-* (и.-е. *dhehneu-*, ав. *dab-*); *pū-* 'пасти' < **pāya-* (ав. *pā(y)-*); *gemey-* 'приказывать' < **p/ra-maya-* (ав. *mā(y)-*); *perwey-* 'проявляться, обнаруживаться' < **pari-baya-* (ав. *bā-*); *newey-* 'ложиться спать, спать' < **nī-saya-* (ав. *sāy-*); *di(y)-* 'бить, ударять' < **daya-* (и.-е. *dhen-*); *mēy-* (зап.) 'облеять' < **maig/ya-* (и.-е. *mei-*); *stow-* 'хвалить' < **stawa-* (ав. *stav-*); *mōd/δ-* 'хиснуть, прокисать' < **māδ/δa-* (и.-е. *mad-* в н.-перс. *māst* 'кислое молоко' с. *namūt* 'кис-

нуть, прокисать');;

б) рефлексы др.-ир. основ на *-ya- : реф- 'вариться' < *paṣya- (ав. rak-); bad/ō- 'обваливаться' < *p/bad/ōya- (ав. rad-); škēd/ō- 'ломаться' < *s/škad/ōya- (ав. skand-); wəseṛ- 'стынуть' < *awa-waṛya- (ср. ав. varəta- 'холодный'); ʕer(ə)m- 'входить' < *kṛṣya- (др.-инд. kṛśati 'вышагивает, идет', тадж. xīromidan 'важно идти'); s(ə)reṭṭ- 'цвести' < *sṛṣya- (ср. ав. sraṛəya- 'росток, побег'); ʒi(y)- 'рождаться' < *g/ʒaya- (ср. и.-е. ǵen-, др.-инд. jan-, ав. zan-); liv- 'скользить' < *rīḃya- (и.-е. (s)leib-);

в) рефлексы древнеиранских основ на *-aya- : бычу- 'красть' < *dabaya- (и.-е. dhebh-, ав. dab-, ос. davyu- 'красть'); tənəy- 'загонять скот, заключать в тюрьму' < *tanaya- (и.-е. (s)ten- 'стеснять, суживать', греч. τὸ βίαιος 'тюрьма'); mərəy- 'умирать' < *maṛaya- (ав. mar-); zmbuy- 'разевать рот, зевать' < *zambaya- (и.-е. ǵhebh-); yndny- 'казаться, виднеться' < *sadaaya- (ав. sand-, осн. sadaya-); ymny- 'быть' < *amaya- или *ama-ya- (и.-е. em-, *mē- в рус. иметь, сакс. hām- 'становиться', язг. m- : mad- 'становиться');

г) рефлексы древнеиранских основ на *-a- с носовым инфиксом -n- : ruynd- 'продавать' < *para-randa- (и.-е. rē-, ав. rā- 'давать'); škēnd/ō- 'ломать' < *s/škanda- (ав. skand-); zuynd- 'стругать, тесать' < *us-randa- (и.-е. rēd-, др.-инд. rad-);

д) рефлексы древнеиранских тематизированных основ от основ сигматического аориста: syḥ- 'тереть' < *sūḥ-a- (и.-е. kéu- ш. sēw- р. sēw-, язг. saw-, н.-перс. sūdan 'тереть'); dyḥ- 'молоть, толочь' < *dūḥ-a- (ав. dav-; ср. модель ав. būḥ- "a- аорист" от bay- 'становиться');

е) рефлексы древнеиранских корневых основ: i- в it глагольная связка 3 л. ед. ч. < *as-ti (ав. asti-); uōd- 'класть, помещать' < *ā-dā- (ав. dā-); uōḫ- 'рожать' < *ā-gan- (ср. и.-е. ǵen-, др.-инд. jan-, ав. zan-);

ж) рефлексы древнеиранских редулицированных основ: ruy- 'протягивать, вытягивать, распрямлять' < *raṛaz- (ср. и.-е. rēg-, ав. raz-).

2. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы конъюнктива:

1) от древнеиранских основ на *-a- : рас- 'печь, варить' < *paṣā- (ав. rak-); хаḥ- 'тащить, волочить' < *k/haḥā- (ав. kaḥā-); ʕa(w)- 'уходить' < *ʕ(y)awā- (и.-е. kī-eu-, др.-инд. suāv-, но ав. ʕ(y)av-); waz- 'падать' < *wazā- (ав. vaz-); ʕan- 'говорить' < *ʕwanā- (и.-е. sʕen-, др.-инд. swan-, н.-перс. ʕān-); kand- 'смеяться' < *kantā- (сакс. khan-, н.-перс. ʕand-); vand- 'связывать' < *bandā- (ав. band-); p(н)āḥd/ō- 'трогать, касаться' < *pāat/d/ā- (и.-е. psā(i)-, ишк. pāat-); d(ə)raḥ- 'шить' < *dṛbā-, *darbā- (др.-инд. dṛbh- 'связывать', ав. dərəwda- 'мышечная связка', х.-сакс

ham-dru- 'платье', курд. dur- 'шить'); zaway- 'мотать, наматывать' < *us-wayā- (и.-е. uel- 'крутить, вертеть'); deraw- 'жать, косить' < *d(a)rawā- (и.-е. dreu- в ср.-перс. drūn; ср. вах. deraw-n 'жат-ва' < *d(a)rawna-);

б) от древнеиранских тематических основ с инфиксом *-n- : rand- 'давать' < *randā- (ав. rā-); pland- 'сваливаться, опадать, капать' < *plandā- (ср. и.-е. phōl- 'падать', пуш. plēnawel 'повалить кого-либо');;

в) от древнеиранских нетематических основ: -as-t в nāst 'не есть, не имеется' < *na-astēm, т.е. 3 л. ед. ч. императива от *ah- 'быть' (ав. ah-); naš- 'теряться' < *našā- конъюнктив от сигматического аориста (ав. naš-); -kaš- в ke(r)-kašt 'сможет (сделать)'

< *ktašā, *karašā- конъюнктив от сигматического аориста (ав. kar-); tēu 'есть, имеется' < *stāyat, т.е. 3 л. ед. ч. конъюнктива от основы *stāy- (ав. stā(y)- 'стоять, ставить'; для семантики ср. ав. stāy- 'бытие, существование', тох. ste 'есть').

3. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы оптатива:

а) от древнеиранских основ на *-a- : ser- 'делать' < *šarai- (ав. kar-); škend- 'ломать, разбивать' < *s/škandai- (ав. skand-); -wer- в uerwer- 'выбирать, отделять' < *warai- (ав. var-); -ŷer- в nažŷer- 'плотать' < *g/ŷarai- (ав. gar-); sel- 'ухаживать, заботиться' < *salai- (ср. и.-е. ser- 'заботиться'; ав. har- 'оказывать внимание'); vezem- 'сжимать, давить' < *abi-zam(b)ai- (и.-е. gēmbh-, др.-инд. jambh-, ав. zamb-); ŷenz- 'наливать, насыпать' < *hinšai- (ав. hinša-); gew- 'закрывать, покрывать' < *gawai- и weŷin- 'покрывать, крыть крышу' < *awa-gūnai- (ср. сакс. hamgun-, ш. agān-); dim- 'бить, ударять' < *danpai- (и.-е. dhen-p-); win- 'видеть' < *wainai- (ав. vaēn-); pirwic- 'просеивать' < *(u)-pari-waišai- (ав. vaēk-); riz- 'распарывать' < *raizai- (и.-е. reig-/g- 'разрывать'); ōis- 'доить' < *daušai- (др.-инд. dogdhi 'доит'), und- 'уносить, увозить' < *undai- (ав. vad-); rumuc- 'одевать(ся)' < *rati-mušai- (ср.-перс. rat-mōhtan-); šex- 'колоть, резать животное' < *kūšai- (ав. kaōš-);

б) от древнеиранских основ на *-sa- : šex(ə)s- 'проходить, переходить' < *s/šak/xsai- (ав. sak-); werefs- 'стоять, останавливаться' < *awa-rab/fsai- (и.-е. rembh-, др.-инд. ram-, ав. ram-); nedefs- 'лигнуть, лнуть' < *nī-dab/fsai- (и.-е. dhe(m)bh-, ишк. ndēfs-, ш. nīdafs-, nīdēmb-, язг. rādafs-);

в) от древнеиранских тематизированных или нетематических основ: vrīn- 'стричь овец' < *brīnai- или *brīni- (ав. основа brīn-); liš- 'лизать' < *laišī- (и.-е. leigh-, ав. raēz-); didī- 'смотреть' < *didīši- (ав. основа didī-, diday-).

5.2. Признаком основы прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени большинства глаголов является конечный смысльный -t- или элемент -tey-/-ti- (обычно после глухого исхода основы наст. времени), либо -d или -dey-/-di- (после звонкого исхода основы наст. времени), например: nost(ey) от ныс- 'терять', vast(ey)- от vand- 'связывать', kert(ey)- от car- 'делать', pit(ey)- от рыв- 'пить', stowd(ey)- от stow- 'хвалить'.

В речи зарубежных ваханцев чаще употребляется распространенный вариант основы прош. времени на -et (независимо от конечного согласного основы наст. времени), например: serbret- от serbr- 'поручать', nařet- от nař- 'пропадать', walamet- от walam- 'распространяться, опухать'. В речи советских ваханцев этот вариант основы прош. времени самостоятельно почти не употребляется, но входит в состав перфектного причастия, например: rešet-k от рас- 'варить, печь', kynet-k от кын- 'копать', řexet-k от řex- 'переправляться'.

Небольшая группа глаголов имеет в качестве показателя основы прош. времени сонант -n- или элемент -ney-/-ni-, например: deřn(ey)- от dic- 'дойти', ben(ey)- от bed/d- 'обвалиться', neyn(ey)- от nezd- 'сидеть' и др.

Большинство ваханских основ прош. времени являются прямым продолжением древнеиранского причастия прош. времени, например: oft- от ыf- 'ткать' < *uftā- (др.-инд. vabh-), kot- от кын- 'копать' < *ka(n)ta- (ав. kan-), rat- от rānd- 'давать' < *rātā- (ав. rā-), tēřd- от супплетивной основы наст. времени řā(w)- 'уходить, отправляться' < *taktā- (ав. tak-), vast- от vand- 'связывать' < *bastā- (ав. band-). Но есть и явно вторичные основы, например: řowd- от řāw- 'жечь', bond- от ын- 'бросать, везть', rōyd- от rōy- 'пастить (скот)' и др.

Исторический анализ ваханских основ прош. времени с учетом умлаута позволил прийти к выводу о том, что в древнеиранском в образовании так называемого пассивного причастия прош. времени участвовал не только суффиксальный элемент *-tā-, но и другие суффиксальные элементы, и не только с конечным гласным *-ā, но и с гласным -ī (или сочетанием *-yā-).

Так, например, если ваханская основа прош. времени rat- от rānd- 'давать' отражает древнеиранское причастие прошедшего времени на *-tā, т.е. *rātā-, на что указывает корневой гласный а в ваханской основе, то другой вариант основы прош. времени от этого же глагола, т.к. ret-, должен быть восстановлен только в *rātī- или в *rātyā-. Точно так же следует восстановить и вах. kert- от car- 'делать' < krtī-, < *krtiyā- (ав. kar-), pit- от рыв- 'пить' < *pitī-, *pityā-, vit- от супплетивной основы наст. времени woc- 'становить-

ся' < *bitī-, *bitūā-. Существование в древности суффикса причастия прош. времени *-tī-, *-tūā- не только наше предположение. Он имеет длительную историю. Этот суффикс зафиксирован, например, еще в индоевропейском, ср. и.-е. *mor-tiō- наряду с *mr̥-tó- 'умерший, смертный', др.-инд. martya-, ав. maŋya-, др.-перс. martiya- 'смертный, человек', или и.-е. *çek-ti- 'сделанное, дело, вещь', вах. goxt- 'сделанный, созданный' < *gwaŋta-, ишк. goxt- то же < *gwak/xta-.

В ваханском параллельно с основами прош. времени на -t/d < * -tā/i- широко употребляются, как это уже было отмечено, основы прошедшего времени с другим вариантом этого суффикса, т.е. с -t/dey-, // -t/dī-, например: kert- // kerteu-, kerti- от car-'делать', ra/et- // ra/eteu-, ra/eti- от rānd- 'давать', taŋd- // taŋdeu-, taŋdi- от ʕa(w)- 'уходить', vast- // vasteu-, vasti- от vand- 'связывать' и др. Этот суффикс имеет соответствие в языке пашай, где основа прош. времени ряда глаголов имеет исход на -t(e) (Morgenstierne, 1973, с. 173). Этот суффиксальный элемент может быть восстановлен в *-taya- или в *-tiya-. Возможно, в др.-перс. martiya- 'смертный человек' представлен именно этот суффиксальный элемент. Большинство ваханских основ прош. времени с этим суффиксом - вторичные. Об этом свидетельствуют корневые гласные этих основ. Но такие основы, как kerteu-, kerti- < *kṛtaya-, kṛtiya-; merteu-, merti- < *mr̥taya-, mr̥tiya- скорее все же являются первичными.

Как уже было отмечено выше, в речи зарубежных ваханцев очень употребительны основы прош. времени на -et, например, pəcet- от рас- 'варить, печь'. В древнеиндийском и авестийском зафиксированы основы прош. времени на *-ata-, например: др.-инд. рас-ata- 'сваренный', ав. ūmata- 'ушедший', ав. huŋata- 'высохший'. Не исключено, что ваханские основы прош. времени на -et продолжают именно такого типа исторические основы. Но в то же время следует сказать, что подобная основа ряда глаголов явно вторичного происхождения, ср. например: ʔəxset- от ʔəxs- 'переходить, переправляться' (ав. ʔak-).

Наконец, в ваханском ряд глаголов имеет основу прош. времени с исходом на -n- или -neu-, -ni-, например: deŋn(ey)- от di- 'дойти' < *d/duŋ/yna(ya)- (и.-е. dheugh- 'дойти'), ben(ey)- от bed/d- 'обваливаться' < *baḍ/dni(ya)- (и.-е. rēd-, др.-инд. pad-, ав. pad- 'падать'). Суффиксальный элемент -n- в причастии прош. времени также имеет свою историю. Он зафиксирован еще в индоевропейском, ср., например, и.-е. *kū-nó-s от корня *kēu-, *kū- 'вздутый, опухший' (Pokorny, 1959, с. 592). Представлен он и в древнеиндийском, например, bhug-na- 'сломанный' (Brandenstein und Mayrhofer, 1964, с. 82), а также, возможно, в древнеперсидских именах Bagā-bigna- и Vidarna- (Kent, 1953, с. 79).

Таким образом, в ваханских основах прош. времени нашли отражение древнеиранские причастия прош. времени со следующими суффиксальными

элементами: *-tā-, *-tī- или *-tūā-; *-taya- или *-tīya-; *-ata/i; *-nā-; *-nī- или -nuā-, *-naya, *-nīya-.

Древнеиранские причастия прош. времени, как известно, различались по роду (муж./ср. - жен.), числу (ед., дв., мн.) и падежу. Следы этого различия также нашли отражение в ваханских основах прош. времени, точнее - в корневых гласных этих основ. Приводим примеры на каждый из отмеченных типов основ прош. времени.

1) Ваханские основы прош. времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени муж./ср. рода на *-ta-; kot- от kyp- 'копать' < *ka(n)ta- (ав. kan-); goxt- от gox- 'делать, создавать' < *ḡwa(k)šta- (и.-е. uk- в uk-ti- 'сделанное дело'); ro-ḡopt- от rhy-ḡyr- 'спать' < *p/fra-ḡwapta- (ав. xvar-); d(e)ret- от d(e)raw- 'жать, косить' < *d(e)rūta- (ср.-перс. drūn); vet- от vaw- 'гореть' < *vūta- (ср. и.-е. dāu-, ш. vāw-, ишк. saw- 'гореть').

2) Ваханские основы прош. времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени жен. рода на *-tā-: tāyd от ḡa(w)- 'уходить' < *taktā- (ав. tak-); vast- от vand- 'связывать' < *bastā- (ав. band-); xat- от xan- 'говорить' < *ḡwa(n)tā- (ав. xvan-); p(e)lat- от p(e)band- 'выпадать (об осадках), осыпаться' < *plātā- (и.-е. phlō- 'падать'); rat- от rānd- 'давать' < *rātā- (ав. rā-).

Следует заметить, что рефлекс древнеиранских причастий прош. времени жен. рода совпадают с рефлексами древнеиранских причастий прош. времени мн. числа, поскольку и в том и в другом случае имела место историческая фонетическая позиция ā-умлаута, т.е. *-tā ед. ч. жен. р., *-tāh мн. ч. м./ср., ж.р. Но поскольку современные ваханские основы прош. времени нейтральны в отношении как рода, так и числа, то это замечание для ваханского не актуально.

3) Ваханские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на *-tī- или *-tūā-: kert- от car- 'делать' < *krtī- (ав. kar-); ret- от rānd- 'давать' < *rātī- (ав. rā-); pit от rhy- 'пить' < *pitī- (др.-инд. pibhati 'пбёт'); vit- от woc- 'становиться' < *būtī- (ав. bav-); yut- от yūnd- 'уносить, увозить' < *ustī- (ав. vad-).

4) Ваханские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на *-tīya- или *-taya-: kertī-//kertey от car- 'делать' < *krtīya-; mertī-//mertey от merey- 'умирать' < *mr̥tīya- (др.-перс. martiya-); pitī, pitey- от rhy- 'пить' < *pitīya-.

5) Ваханские основы прош. времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на *atī-: pəset- от ras- 'варить, печь' < *raṣatī- (др.-инд. ras-atā- 'сваренный'); nyset- от nys- 'терять, уничтожать' < *nasatī- (ав. nas-).

6) Ваханские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на *-nā-, *-nī-, *-nuā-, а также на *-naya-, *-nīya-: ben- от bad/δ- 'обваливаться' < *bad/δnī- или *bad/δnuā-, а

beney//benī- < *bad/ḡnaya- или *bad/ḡnīya- (ав. pad-); ḡēyn- от ḡic- 'доить' < *ḡ/dug/ynī-или *ḡ/dug/ynūā-, а ḡēyne-//ḡēynī- < *ḡ/dug/ynaya- или *ḡ/dug/ynūya- (др.-инд. dogdhi 'доить'); xēyn- от xēnz- 'наливать' < *ḡig/yna-, а xēyne- // xēynī- < *ḡig/ynaya-или *ḡig/ynīya- (и.-е. seik^u 'лить', ав. haēk-, hinc-); pir-vaḡyn- от pir-vic- 'просеивать' < *pari-wig/ynā-, -keḡyn- в ker-keḡyn- от ker-ḡer- 'уметь делать' < *krg/ynī- или *krg/ynūā-, а keḡyne-// -keḡynī- < *krg/ynaya- или *krg/ynīya- (ав. kar- 'делать').

Древнеиранское причастие прош. времени, как известно, имело пассивное значение при переходном глаголе и активное значение при непереходном глаголе. Ваханские основы прош. времени, продолжающие эти древнеиранские причастия прош. времени, нейтральны в отношении "пассивности-активности". То есть сама по себе основа прош. времени переходного глагола может иметь как активное, так и пассивное значение, ср., например, kert(ey) 'сделанный, сделанный'. Во фразе wūz-əm kért-(ey) 'я сделал' (букв. 'я есмь сделавший') основа имеет активное значение, а во фразе maḡ kértey 'много сделано' – пассивное. Модель типа maḡ kértey как бы продолжает древнеиранское *mana kartam. Но этот тип спряжения ваханских переходных глаголов в настоящее время не всегда выдерживается, т.е. допускается по аналогии с wūz-əm kért(ey) модель типа maḡ-əm kértey.

В свете изложенного не исключено, что древнеиранское причастие прош. времени также само по себе, вне фразы, могло иметь как активное, так и пассивное значение, а конкретизация значения происходила в зависимости от построения или типа спряжения. Вот что пишет т.Барроу по этому поводу: "Исходное значение слова klutó-, как и любой другой формы прилагательного того же типа, не более чем связанный со слушанием, имеющий отношение к слушанию. В греческом языке специализация значения не пошла так далеко и наряду с пассивным значением мы часто встречаем и активное: δυνατός 'возможный' и 'способный', δυνατός 'понятный' и 'понятливый' и т.д. В санскрите активное значение видно в слове sūta- 'возница' ('погонщик', т.е. тот, кто связан с *sū-t- (букв. 'погоняние'), от sū-, suvāti), а также в nāpita- 'цирюльник'". (Барроу, 1976, с. 159). Об этом же говорит и др.-инд. prāptas (из pra-ār-tas) 'он достиг' наряду с gatas 'он ушел' (Семерёны, 1980, с. 337).

Но мы все же склонны думать, что исходным в древнеиранском причастии прош. времени переходного глагола было пассивное значение, а наблюдающиеся в ваханском языке отклонения – вторичны.

5.3. Исторически производной от основы прош. времени является краткая форма причастия прош. времени на -k/g, не осмысляющаяся в настоящее время носителями языка как причастие и служащая своего рода основой для образования формы перфекта и сложных глагольных форм (плюсквамперфекта, преждепрошедшего перфекта и прошедшего предположительного времени). Примеры: pit-k от ryv- 'пить', vet-k от vaw-

'гореть', ben-g от bed/d- 'обваливаться', reset-k от res- 'спрашивать', bynet-k от byn- 'бросать, везть'.

Исходное сочетание согласных -ŷn основы прош. времени при образовании перфектной основы переходит в -ĭk, например: deĭk- (основа прош. вр. deŷn- от dic- 'дойти'), pirvaĭk- (основа прош. вр. pirvaŷn от pirvic- 'просеивать'), wereĭk- (основа прош. вр. wereŷn- от wereĭ- 'оставаться, уставать'). Аналогичный способ образования перфектной основы свойствен и небольшой группе глаголов с основой прош. времени на -t/d, напр.: gezg- (основа прош. вр. gezd- от gĭz- 'вставать'), wezg- (основа прош. вр. wezd- от wezeu- 'приходить'), reĭk- (основа прош. вр. reŷd- от reĭ- 'идти'), waĭk- (основа прош. вр. waŷt- от wāz- 'падать'), seĭk- основа прош. вр. šopt-//šavd- от šyr- 'собирать'.

Таким образом, краткая причастная форма прош. времени (или перфектная основа) является отражением древнеиранского причастия прош. времени с одним из следующих сложных суффиксов: *-tā-kā-, *-tī-kā-, *-atī-kā-, *-nā-kā-, *-nī-ākā-.

В ваханском имеются случаи субстантивации этого причастия, например: šendetk (центр.) 'тюря (из лепешек с маслом)' от основы наст. вр. šend- 'крошить'; šeng 'царапина', букв. 'опарапанное (место)'.

Выражение лица и числа

5.4. В глагольных формах, образованных от основы наст. времени (настояще-будущее время, повелительное наклонение), лицо и число выражается личным окончанием. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (прош. время, перфект, плюсквамперфект и др.), лицо и число выражается особыми подвижными показателями энклитического типа.

Личные окончания

5.5. В ваханском представлены следующие личные окончания: ед. ч. I л. -em, 2 л. -i (зап.), ноль звука (в остальных говорах), 3 л. -t/d; мн. ч. -en, 2 л. -ev, -it (последнее только в вост. и центр. говорах наряду с -ev), 3 л. -en.

Историческими соответствиями для них являются: ед. ч. I л. -em < *-āmi (ав. -āmi, -mi), 2 л. -i < *-āhi (ав. -āhi, -hi), а нулевое окончание может соответствовать либо вторичному активному окончанию -h, либо окончанию императива -a, 3 л. -t/d может восходить к *-ti, *-tai, *-ta, *-tu; мн. ч. I л. -en < *-ānni, *-āmani (ор. хормезм. окончание I л. мн. ч. -ānni, х.-сакс. -āmane, согд. -'umn, хет. -meni) или < *-awani (хет. -weni, лувийское -āni); 2 л. -ev < *adtwai, а -it < *-īta; 3 л. -en < *-anti или *-antai.

5.6. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени, лицо и число выражается энклитическими подвижными показателями. Они следующие: ед. ч. I л. -(ə)m, 2 л. -(ə)t, 3 л. -(i); мн. ч. I л. -(ə)n, 2 л. -(ə)v, 3 л. -(ə)v. Подвижные показатели лица и числа в отличие от личных окончаний могут присоединяться к любой синтагме во фразе, но чаще - к первой, напр.: wəz-əm yāw-I got 'я нашел его'; wəšk-et wəzomd-ā? 'ты пригнала теленка?'; tu sərəng Jald pəšt-et! 'как ты быстро вернулся!'; baf bē yā-r-əv-šə dētəy 'ему давали вкусную еду'.

Что касается происхождения этих показателей лица и числа, то в них можно усматривать два исторических ряда омонимичных элементов. Показатели лица и числа, употреблявшиеся при непереходном глаголе, являются рефлексам личны́х форм древнеиранского глагола *ah-, *h-, *aṇh- 'быть', т.е.: ед. ч. I л. -əm < *ahmi, 2 л. -et < *hatāh, т.е. конъюнктив мед. залога (ср. др.-инд. окончание 2 л. ед. ч. -thās), 3 л. -i < *ahyāt, т.е. опатив акт. залога, в нулевой вариант < *hat, т.е. конъюнктив акт. залога; мн. ч. I л. -ən < *aṇhma или *ham (a)ni, т.е. конъюнктив акт. залога (окончание *-mana образовано по аналогии с хет. wana - окончанием I л. дв. ч.), 2 л. -əv < *hatwaī, т.е. конъюнктив мед. залога, 3 л. -əv?.

Показатели же лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, представляют собой рефлекс сочетаний древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. того или иного наклонения с энклитическим местоимением, т.е.: ед. ч. I л. -əm < *ahyāt + mai, 2 л. -et < *ahyāt + tai, 3 л. -i < *ahyāt + hi, а нулевой вариант < *hat + hi; мн. ч. I л. -ən < *ahyāt + nāh, 2 л. -əv < *ahyāt + vāh, 3 л. -əv < *ahyāt + ābiš, где ābiš твор. мн. от указательной местоименной основы *ā-.

Думается, что именно звуковое совпадение двух рядов разных по происхождению элементов и имело место в истории развития ваханских показателей лица и числа, да и не только ваханских. Типология этого развития хорошо прослеживается на следующем примере: др.-перс. maiy kartam astiy 'мною (//мое) сделанное есть' - ср.-перс. i-m kart 'есть мною (//мое) сделанное' - ягн. kartamx 'сделанное мною (//мое) есть'. Элементы ср.-перс. i- и ягн. -x представляют собой не что иное как рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л. ед. ч., но только не в индикативе, как в древнеперсидском, а в конъюнктиве.

Личные формы глагола

5.7. В ваханском имеются следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, форма повелительного наклонения, прошедшее время, перфект, плюсквамперфект, преждепрошедший перфект и прошедшее предполо-

жительное время. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это – форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные глагольные формы – результат позднейших разновременных образований.

Но в ваханском, как и в других памирских языках, сохраняются застывшие личные глагольные формы, продолжающие древнеиранские. Это – *t̪u* 'есть, имеется', *it* глагол-связка 3 л. ед. ч. и *n̪ast* 'не есть, не имеется'. Глагол-связка 3 л. ед. ч. *it* закономерно отражает глагольную форму индикатива 3 л. ед. ч. от глагола **ah* 'быть', т.е. **asti* (ав. **asti*). Форма *t̪u* может быть восстановлена в **st̪uūt* 3 л. ед. ч. опатива акт. залога от основы **st̪a(y)*- (ав. *st̪a(y)*- 'стоять, становиться'). Соответствующая отрицательная форма *n̪ast* < **na-ast̪am* 3 л. ед. ч. императива мед. залога от корневой основы **ah*- 'быть' (ср. язг. *past* < **na-ast̪am*, ш.-р. *nist*, ишк. *n̪ast* < **na-asti*).

Форма повелительного наклонения употребляется только во 2-ом лице и имеет два числа: единственное и множественное. В ед. числе форма повелительного наклонения внешне совпадает с основой настоящего времени, например: *ɨf!* 'сотки!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения древнего безударного окончания 2 л. ед. ч. императива *-а, ср. ав. *bara!* 'неси!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, напр: *ɨf-ɐv!*, вост. также *ɨfit!* 'сотките!'.
Приведем

Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе наст. времени безударных личных окончаний. Приведем парадигму спряжения глагола *ɨf*:-*oft* 'ткать' в этой форме:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
I л.	<i>ɨf-əm</i>	<i>ɨf-ən</i>
2 л.	<i>ɨf(-i)</i>	<i>ɨf-ɐv, ɨf-It</i>
3 л.	<i>ɨft</i>	<i>ɨf-ən</i>

Форма настоящего-будущего времени употребляется для выражения всякого непрошедшего действия, напр.: *t̪u k̪um-ʃ̪u-əf̪ g̪ɛʃi?* 'ты куда идешь?'; *uʃ̪n uɛm-i uʃ̪wem* 'я потом это съем'; *k̪ɨnem uʃ̪w-ɐu, ɐnɨg uʃ̪w-ɐu m̪ɛ deyt* '(пожалуй) выкопаю-ка я его (т.е. табак), а то как бы морозом его не прихватило'.

Форма прошедшего времени образуется путем сочетания основы прош. времени с подвижными показателями лица и числа. Парадигма спряжения.

П р о ш е д ш е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
I л.	<i>w̪uz-əm ɔft(ɐu)</i>	<i>sak-ən ɔft(ɐu)</i>

2 л. tú-(ə)t óft(ey) sá(y)ĩst-ev óft(ey)

3 л. yáw(-i) óft(ey) yá(w)ĩst-ev óft(ey)

Форма прошедшего времени употребляется для выражения действия, имевшего место в прошлом, независимо от его длительности и кратности, а также для выражения упущенной возможности в прошлом. Примеры: wúdg-əwĩnd(ey) yaw? 'ты сегодня видела его?'; a-yá mɯw a-yá tɕĩev-i-ŋe dəũney 'бабушка (всегда) доила тех коз'; ba mǎr-ək ne ʔat-ət-ǎ, wéz-əŋ ʔou dəʔǎ-əm 'что же ты мне не сказала, я бы купил чаю'.

Форма перфекта образуется сочетанием краткого причастия прош. времени (или основы перфекта) с подвижными показателями лица и числа. Парадигма спряжения того же глагола ыf- : oft 'ткать'.

П е р ф е к т

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	wúz-əm ыfétk	sák-en ыfétk
2 л.	tú-(ə)-t ыfétk	sá(y)ĩst-ev ыfétk
3 л.	yáw(-i) ыfétk	yá(w)ĩst-ev ыfétk

В говоре афганских ваханцев форма перфекта 3 л. ед. ч. чаще имеет вид ыfétk-it. Элемент -it является глаголом-связкой 3 л. ед. ч. и может быть восстановлен в *asti (ав. asti).

Форма перфекта употребляется для выражения результата действия, имевшего место в прошлом, а также при логическом выводе. В связи с этим употребление перфекта часто наблюдается при рассказе. Примеры: yəm ɣɯrzengĩ ʔǎrʔ reseng 'вчерашнее молоко прокисло'; alba kɯm dɯŋʂan mǎ-rək ɣeydɔ vitk 'должно быть, какой-то недруг у меня появился'; tuwétk ne tuwétk yĩw ɔ̃y tuwétk 'было ли не было, (жил) был один человек'.

Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием перфектной основы с вспомогательным глаголом ыŋeu- : tɕĩ//tɯw 'быть' в форме прошедшего времени. При сочетании перфектной основы с этим вспомогательным глаголом конечный элемент перфектной основы -tk (или только -k), как правило, выпадает, т.е. получается ыfét(t)ɯw, а конечный элемент -ng обычно сохраняется (ср. niyeng tɯw от глагола ɣezd- 'сидеть'). При конечном элементе перфектной основы -z/ʔǎ происходит не только выпадение смычного, но и оглушение предшествующего согласного (ср. wəstɯw от глагола wəzeu- 'приходить', основа перфекта wəzg-). Парадигма спряжения:

П л ю с к в а м п е р ф е к т

1 л.	wúz-əm ыfétɯw	sák-en ыfétɯw
2 л.	tú-(ə)t ыfétɯw	sá(y)ĩst-ev ыfétɯw
3 л.	yáw(-i) ыfétɯw	yá(w)ĩst-ev ыfétɯw

Форма плюсквамперфекта употребляется для выражения давнопрошедшего действия или действия, совершившегося ранее какого-либо другого прошедшего действия, а также при выражении ирреального условия. Примеры: *dər wəxt-i ʔəm zɪndagɪ wəz-əm ʔəm-rək ʔa ɾɪl qarz rātu-m* 'когда он был жив, я дал ему займы много денег'; *a-ʔet ʔaʃ də bət-ən wɪz-əm ta-r stətɪw-əm* 'я давно уже послал тебе этого коня вместе с одеждой'; *wɪz-əm-ʔe tɪwətɪw, tɑ-r-əm-ʔe ʔɔrdam kətɪw* 'если бы я был (там), я бы помог тебе'.

Ваханский язык является единственным из памирских языков, в котором для образования формы плюсквамперфекта используется основа прош. времени вспомогательного глагола *tu-//tɪw-* (ср. ишк. *vəd-* <*būta-, язг. *vad-* <*būtā-, ш.р. *-at, -it* - рефлексy др.-др. причастия прош. времени от глагола *ah, *h- 'быть'). Основа наст. времени от этого глагола (не супплетивная) в языке не засвидетельствована. Но она может быть восстановлена, это *taw- // *tū-. Историческим соответствием для нее является и.-э. *tēu-, tū-* 'пучнуть, разбухать, вздуваться', др.-инд. *tav-* 'становиться сильным', ав. *tav-* 'мочь' (ср. аналогичное семантическое развитие в и.-э. *bheu-, bhū-* первоначально - 'расти, развиваться, разбухать, затем - 'появляться, становиться, быть', др.-инд. *bhav-*, ав. *bav-* 'становиться', н.-перс. *baš-* 'быть' и, по-видимому, ш. *bāf-* 'мочь' как результат редупликации).

Что касается основы прош. времени ваханского глагола *taw-, то у этого глагола их две, и в каждом из этих двух типов основ имеется по два варианта. Они следующие: 1-ый тип *tūt-* (перфектная основа *tūt-k*), и *tɪwet-* (перфектная основа *tɪwet-k*), ср. вах. *tūt.k nə tūt.k ʔɪ ʃəy tūt.k* 'было или не было, (жил-) был один человек'; 2-ой тип *tū-* и *tɪw-*, ср. вах. *ʔɪ ʃəy tū* '(жил-) был один человек'. Все эти варианты отражают следующие древнеиранские причастия прош. времени: *tūt-* < *tūtī- или *tūtyā-, *tɪwet-* < *tawati- (вторичная), *tū-* < *tūwī-, *tɪw-* < *tūwa-.

Для варианта *tūt-* ср. вах. *vit-* < *būtī-, *būtyā- (ав. *bav-* 'быть'). Для вариантов с историческим суффиксом *wā/ī- ср. др.-инд. *ṛak-vā-*, язг. *ṛux°-*, ишк. *ṛəx-* (в перфектной основе *ṛəx-ūk*) 'сваренный, испеченный'. Этот тип основы прош. времени представлен также в шугнанском, ср. *ʃu* < *kṛwa- наряду с *ʃūd-* < *kṛta- (ав. *kar-* 'делать'). Широкого распространения эти основы не получили в памирских языках, но отдельные современные глаголы сохраняют следы этих основ.

Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием основы перфекта смыслового глагола с вспомогательным глаголом *ɪwəu-:tū* 'быть' в форме перфекта. Парадигма спряжения:

П р е д п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

Ед. ч.

Мн. ч.

1 л. wúz-(e)m nífetk tñwétk

sák-en nífetk tñwétk

2 л. tú-(e)t nífetk tñwétk

sá(y)íst-ev nífetk tñwétk

3 л. yáw(-i) nífetk tñwétk

yá(w)íst-ev nífetk tñwétk

Эта форма употребляется для выражения результата давно совершившегося действия, например: kóbki tu mē reĭk tñwétk 'если бы ты (тогда) не уехала!'; yúkĭ-I a-yá xalg deyt ki, yaw tat diyétk tñwétk 'горного козла убьет тот, чей отец убил (когда-то) такого же'.

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *имеу-* : tñ 'быть' в форме настояще-будущего времени.

Парадигма спряжения:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е в р е м я

Ед. ч.

Мн. ч.

1 л. wuz nífetk ымуе

sak nífetk ымуе

2 л. tu nífetk ымеу (//ымі)

sáwtíst nífetk ымуе (//ымуит)

3 л. yaw nífetk ымт

yáwtíst nífetk ымуе

Эта глагольная форма употребляется для выражения предположения, возможности, допущения совершения действия в прошлом, а также в значении настояще-будущего времени в условном предложении, например: yaw uĭz alba reĭk ымт 'она, должно быть, вчера уехала'; ar gĭn ki tu yet ĭe ayt ĭetk ne ымеу, wuz 'taw se ĭáŭ-en gĭzn ne lésereĭm 'если ты не исполнишь мое условие, я не дам тебе сойти с места'.

5.8. О т р и ц а т е л ь н ы е ф о р м ы глагола образуются с помощью одной из двух частиц: не и мѣ. Частица не (ав. nĭit) употребляется при всех глагольных формах и указывает на изъявительный характер действия, например: ne ыфem 'я не сотку', wúz-em ne ófteu 'я не соткала', wúz-em ne nífetk 'я не соткала' и т.д. Частица отрицания мѣ (ав. mĕ) указывает на неизъявительный характер действия и употребляется со всеми глагольными формами, кроме формы прош. времени, например: mĕ ыфem 'пусть я не сотку', me ыf! 'не тки!', wúz-em mĕ nífetk 'не соткала бы она' и т.д.

5.9. В р е м я , н а к л о н е н и е. Как и в других намирских языках основным в глагольной системе ваханского языка является противоположение глагольных форм во временном аспекте: настояще-будущее время (wuz ыf-em 'я (со)тку') – прошедшее время (wúz-em óft(eu/i) 'я (со)ткал(а)') – преждепрошедшее время (wúz-em ыfettú//ыfettñw); или перфект (wúz-em nífetk) – преждепрошедший перфект (wúz-em nífetk tñwétk).

В модальном плане противопоставляются две формы: прошедшее время (*wúz-əm oftey*) – прошедшее предположительное время (*wúz ɲfétk ɲmuəm*). В западном говоре формально выделяется повелительное наклонение, отличительным признаком которого является отсутствие личного окончания во 2 л. ед. числа в противоположность неповелительной форме, имеющей во 2 л. ед. числа окончание +ɪ, напр.: *ɲf'(so)tkɪ!*, но *ɲfɪ'ty (so)tkəɲ'*.

На модальный оттенок высказывания указывают, как уже отмечалось, глагольные частицы отрицания *ne* (ав. *ɲbɪt*) и *mə* (ав. *mā*). Глагольная форма, употребленная с частицей *ne*, передает изъявительный характер действия, но та же глагольная форма, употребленная с частицей *mə*, передает неизъявительный характер действия. Лишь форма прошедшего времени не может быть употреблена с частицей *mə*. Поэтому ее модальный коррелятом является сложная, аналитически образованная, глагольная форма прошедшего предположительного времени, например: *ne oftey 'ne (so)tkala'* – *ne//mə ɲfétk ɲmyt* 'она, должно быть, не соткала'.

Если сама по себе частица *mə* указывает на неизъявительный характер действия, то ее место по отношению к глаголу конкретизирует эту неизъявительность. В случае прямого повеления (т.е. повелительного наклонения) частица *mə* всегда препозитивна и неотделима от глагола, например, *bə yd mə ɲmu!* 'не забывай (нас)!'; *yét-ɪ mə pəseɲ!* 'не спрашивайте ее!'. При выражении же других модальных оттенков, таких, например, как косвенное повеление, просьба, (по)желание, возможность, необходимость, предосторожность и т.п., частица *mə* подвижна, т.е. она может быть и постпозитивной (*məy*), причем в случае препозиции может употребляться как непосредственно перед глаголом, так и отделяться от него другими словами, например: *ɲur mə səɲem!* 'как бы мне не пересолить (ош)!'; *ɲbə-ɪ tə ɲy dəst kəɲen zəɲɪstɔn, sak mə-ɲkəvən* 'зимою мы стали солому под себя, чтобы не замерзнуть'; *pastér yəw-ɪ go, ɲit məy!* 'убавь (огонь), чтобы она (т.е. каша) не подгорела!'; *ɲač təw-əy dəyt məy!* 'как бы собака не укусила тебя!'.

Таким образом, почти все глагольные формы сами по себе, т.е. без каких-либо дополнительных частиц, противопоставляются только по временному признаку, в модальном аспекте они нейтральны. Исключение составляет форма прошедшего предположительного времени, которая содержит в себе и временной и модальный признаки, т.е. по времени является прошедшей, а по модальности – неизъявительной. В западном говоре формально выделяется сверх того форма повелительного наклонения. Ее признаком, как уже отмечалось, является отсутствие окончания во 2-ом л. ед. числа.

5.10. В и д, з а л о г. Категорий вида и залога в ваханском языке нет. Такие видовые оттенки, как длительность, многократность, передаются факультативной частицей *-əɲ(k)// -ɲə(k)*, категоричность – факультативной частицей *-əp// -pə*, а результативность, законченность действия – формами перфекта.

Что касается залоговых оттенков, таких, например, как пассивность (то, что в русском языке передается страдательным залогом), то она может быть передана аналитическим образованием с вспомогательным глаголом *wos-* : *vit* 'становиться'. Возвратность передается также аналитически с помощью возвратного местоимения *ĭat* 'сам(а)', оформленного показателем прямого объекта *-eу// -ĭ*, напр.: *ĭát-eу bóndey* '(он) бросился'.

Н е л и ч н ы е ф о р м ы г л а г о л а

Инфинитив

5.II. Ваханский инфинитив представляет собой отглагольное имя действия. Почти все глаголы имеют две формы инфинитива, образующиеся от основы наст. времени: 1) с суффиксом *-ak* (зап., центр.) < **ākā-* ж.р., или *-yk* (вост.) < **-aka-* м.р.; 2) с суффиксом *-n* < **-nā/ī-* или **-nai* (ср. скр. *kernā* 'делать', *kernī* 'действие'). Примеры: *nf-ak*, *nf-yk*//*nf-n* 'ткать', *dyrz-ak*, *dyrz-yk*//*dyrz-n* 'брать', *stow-ak*, *stow-yk*//*stow-n* 'хвалить'.

Глаголы, имеющие в исходе основы наст. времени сонант *-n*, вторую форму инфинитива (кроме инфинитива на *-a/yk*), образуют не с суффиксом *-n*, а с суффиксом *-g*, напр., *win-ak* //*win-g* 'видеть', *kyn-ak* //*kyn-g* 'копать'.

Несколько глаголов имеют особые суффиксы инфинитива: 1) суффикс *-tn* < **-tana(i)* (ср. др.-перс. *čar-tanaīy* 'делать') в глаголах *pī-tn* 'пить' и *yī-tn* 'кушать'; 2) суффикс *-tak* < **tak* в тех же двух глаголах *pī-tak* 'пить' и *yī-tak* 'кушать'; 3) суффикс *-d/dōw(n)* < **-tāwa-+na-* (ср. ш. *ĭī-dōw* 'делать') в ваханских глаголах *ge-d/dōw(n)* 'давать' и *šī-dōw(n)* 'убивать'; 4) суффикс *-tōr* < **-tāra* (ср. лув. *-del* в *pb-del* 'ткать', лари *-tār* в *nawēš-tār* 'написание') в одном ваханском глаголе *šī-tōr* 'убивать'.

Как отглагольное имя, инфинитив может употребляться с предлогом, послелогом, быть определением и определяемым, т.е. выступать в любой именной функции. Примеры: *uēn aždar ĭitōr ičky* не *kér-keŭneу* 'этого дракона никто не мог убить'; *de martab ŭbyak ŭn nān-erk yōrdam kert-eŭ* 'во время учебы в школе я (всегда) помогала матери'; *uaw wezyak beŭbbar der yark serak vīteу* 'как только ему придет, она принялась работать'.

Инфинитив употребляется также для выражения намерения, необходимости совершения действия, напр.: *ŭm dux wmyerd Moskwa rečak-erk* 'я собираюсь в этом году поехать в Москву'; *te qūšxōna ya ŭāzd, vīšvak-er* в комнате очень грязно, надо подмести' (ср. ишк. *da qūšxōna faу ŭāzd, starūk-bo* 'в доме очень грязно, надо подмести').

5.12. В ваханском имеются два типа причастий: причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени.

Основным типом причастия наст. времени является причастие, образующееся от инфинитива прибавлением суффикса *-kūzg*, напр.: *ḍica(k)-kūzg* // *ḍicn-kūzg* 'доярка', *ḥena(k)-kūzg* 'могущий, жалающий сказаты', *wosn-kūzg* 'могущий стать (кем-либо)'. Суффиксальный элемент *-kūzg* может быть восстановлен в **-kāza-+-ka-*, что представляет собой причастие наст. времени от корня **kāz-*, **kāz-* 'мочь, быть в состоянии' (ср. и.-е. **kak-*, **kak-*, **kağ(h)-* 'мочь, быть способным', др.-инд. *śāka-* 'могущий, способный на что-либо', ав. *saḥaiti* 'знает толк в ...', ос. *aqaš* 'помогающий'). Причастие этого типа имеется также в ишкашимском (ср. *deḥū(k)-kūz* 'доярка'), сарыкольском (ср. *wazond-(i)ḥuz* 'знающий, знаток') и частично сохраняется в шугнанском (ср. *wižēn-šōz* 'знающий, знаток'). Таким образом, первоначально причастия этого типа имели значение 'способный, могущий что-либо (с) делать'.

От инфинитива глагола *tukn* 'уходить, уезжать' зафиксировано причастие с элементом *-mīš*, т.е. *tuk(n)-mīš* 'собирающийся уходить, уезжать', например: *ālakūzgīš yār-k-ḥe sāren*, *tukmīš yār-k-ḥe ne sāren* 'те, кто тут могут остаться, работают, а те, кто собираются уезжать, не работают'. Аналогичное причастие имеется в сарыкольском (ср. *tīd-mēyš* 'собирающийся уходить'), в рушанском (ср. *tau-mīš* то же), в шугнанском (ср. *nivīšt-mēš* 'собирающийся писать'). Суффиксальный элемент *-mīš* представляет собой рефлекс древнеиранского причастия наст. времени **mai-ka-* со значением 'думающий, намеревающийся' (ср. и.-е. *mei-*, *mei-po-* 'мнение', нем. *meinen* 'думать').

Наконец, в одном слове *ḥaw-ḥnc* 'плакса' мы имеем причастие наст. времени, образованное от основы наст. времени *ḥaw-* 'плакать' (ср. б. ор. *ḥaw-ḥnc m.p.*, *ḥaw-ḥnc ж.р.* 'плакса').

Из причастий прош. времени наиболее употребительным является причастие, образующееся от основы перфекта (исторически тоже причастие) прибавлением суффикса *-ūng*, *-ōng* (зап.) или *-īn* (центр. зап.), например: *wizdiyetkūng bēṭev-ī mā-rək rand!* 'подай мне выстиранное белье!'; *īm tuwetkūng wāš nīḥtey*, *sek bōzōr kārtēy* 'он вынес имевшееся у него имущество, отнес на базар'; *yem šelgetkīn* 'она (уже) посватана'.

Ваханским суффиксам причастия прош. времени *-ūng*, *-ōng*, *-īn* соответствуют следующие суффиксы других памирских языков: ш. *-in*, р.б. *-īn*, с. *-enš*, язг. *-in*, ишк. *-i*. Исторически эти суффиксы отражают древнеиранские суффиксы прилагательных: *-un-g* < **-ana-+-ka-* или **-īna-+-ka-*, *-ōng* < **-īna-+-ka-* или **-anya-+-ka-*, *-īn* < **-aina/i-* или **-anyā-* (ср. ав. *zāganaēna-*, *zagaēnaēna*, а также *zaganuē-* 'золотой', н.-перс. *zārin*).

В ваханском сохраняется также более архаичное причастие прош. времени, равное основе перфекта (исторически также причастие), например: waʃk 'упавший', ʃkəng 'сломанный', ɣətɕ 'закрытый, запечатый', dəɾaʃk 'вышитый'.

В западном говоре ваханского языка форма причастия прош. времени (полная или краткая) служит одновременно и деепричастием, например: nowyzdiyetkin ʃbu mɛ ɾev! 'не умывшись, не пей чай!'.

В центральном и восточном говорах остаточно сохраняется особая деепричастная форма прош. времени с суффиксом -ɔg/ʃ (в вост. также -ɔug(ʃ)), например: nowyzdɔʃ ʃbu mɛ ɾuv! 'не умывшись, не пей чай!'.

ИШКАШИМСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. Большинство ишкашимских имен существительных представляют собой либо неосложненную основу, либо основу с суффиксальным элементом -k, -č (после звонких согласных -g, -j) или -s в различной степени их сращенности с основой.

Неосложненная основа продолжает, как правило, тот или иной тип исторической основы, реже - застывшую флективную форму. Соотнесенность ишкашимской основы с тем или иным типом исторической основы может быть установлена по качеству корневого гласного ишкашимской основы, т.е. по умлауту. Для ишкашимского языка в этом отношении наблюдаются следующие закономерности.

Ишкашимский корневой гласный а указывает на то, что основы с этим гласным продолжают либо древнеиранскую основу на *-ā, либо древнеиранскую основу на *-ā + согласный, т.е. основу с ā-умлаутом. Примеры: yaw 'зерно, злак' < *yawa- (ав. yawa-); kaš 'подмышка, пазуха' < *ka(k)šā- (др.-инд. kakṣā-, ав. kaša-); var 'дверь, двери' < *dwārā(-), т.е. либо основа на *-ā, либо им.-вин. дв. от *dwār- (др.-инд. dvār-, ав. dvar-); xara (санг.) 'медведь' < *ṛṣā- (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arša-), ср. ишк. xṛṣ 'медведь' < *ṛsa-); yāt-ik 'мост' < *haitwā- или *haitāy, т.е. мест. ед. от *haitu- (ав. haītav-); rašt 'рассвет' < *rūštā- или *rauštā- (и.-е. leuk- в др.-инд. rūśant- 'светлый, белый', ав. rašt 'рассвет').

Ишкашимские корневые гласные о (< *ā, *ṛ, *au, *ū), ъ (< *a, *au, *ū), и (< *ā, *ṛ), е (< *ai, *i), ь (< *ā, *ṛ, *ū, *ī) указывают на то, что основы с этими гласными продолжают либо древнеиранскую основу на *-a, либо древнеиранскую основу на *-a + согласный, т.е. основу с a/u-умлаутом. Примеры: dond 'зуб(н)' < *danta(n)-

(ав. dantan-, datā-); сом 'глаз(а)' < *šāma(n)- (ав. šāman-, др.-перс. šāma-); štok 'девочка, девушка' < *štauka-, *štūka- (ср. и.-е. steu- в др.-инд. stuka- 'ребенок'); xūr 'осёл' < *xara- (ав. xarā-); rūu 'род кислого молока' < *rauaḥ- (ав. rauah-); ru(d) 'нога' < *rāda- (ав. rād-, др.-перс. rāda-); yud 'ятровь' < *yā(n)tar- (и.-е. ieneter- 'жена брата мужа', др.-инд. yātar-, вак. andarē 'ятровь'); lew 'сумасбродный' < *daiwa- (ав. dašva-); nūvā 'внук, внучка' < *naraṣa- (ав. narāt-); xūrs 'медведь' < *r(k)sa- (др.-инд. r̥ksa-, ав. arša-), vyz 'роза' < *būza- (ав. būza-); šyrl 'вещь' < *šwiša- (ав. spīš-, вак. šīš-).

Ишканимские корневые гласные u (< *ū), i (< *ai, *ī, *ū, *au, *ā) e (< *ē, *ō, u), ь (< *ǔ) указывают на то, что основы с этим корневым гласным продолжают древнеиранские i-умлаутные основы, т.е. основы на *-ī-, *-au-, *-ya- и т.п. Примеры: gu 'экскременты' < *gūhī-, *gūhya- (ав. gūva-, вак. gi); šin 'голубой, синий' < *akšaiṇuā- (ав. axšāna-, вак. šīn); did 'дым' < *dūti- (и.-е. dhū- в др.-инд. dhūma- 'дым', вак. dīt, тадж. dud 'дым'); wid 'канал, арык' < *wādi- (ав. vaidi-, ш. wēd); med 'поясница, талия' < *madya- (ав. maidya-); keḷ 'нож' < *kārti-, *kṛti- (др.-инд. kṛti- 'нож'); reuṇ 'масло, жир' < *rēuṇuā- (ав. raouṇuā-), šen 'седалище, зад' < *srōni- (ав. sraoua-, šēš 'легкие' < *swāi (ав. swāi, дв. ч.), šyvd 'плечо' < *supti- (ав. supṭay-).

I.I. Некоторые ишканимские основы с исторической точки зрения могут быть интерпретированы не только как рефлексы того или иного типа исторической основы, но и как рефлексы той или иной флексивной формы. Примеры:

1) nūvā 'внук, -ка': а) < *naraṣa-, т.е. тематизированная основа от *naraṣ- (ав. narāt-), б) < *naraṣar-, т.е. вариант к основе *narṣar- (ав. nartar-), в) < *naraṣam (вин. ед.), *naraṣah (род. ед.), *naraṣat (отл. ед.) от основы *naraṣ-;

2) yu 'корова': а) < *g/yāwa-, т.е. тематизированная основа от *g/yāu- (ав. gav-); б) < *g/yāwam (вин. ед.), *g/yāwah (род. ед.), *g/yāwat (отл. ед.) от основы *g/yāu-;

3) stin 'столб, колонна': а) < *stūnī-, т.е. основа на *-ī-; б) < *stūnai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *stūna-, ав. stūnā-);

4) nim 'имя': а) < *nāmi-, т.е. основа на *-i- (ср. модель др.-инд. bhūman- и bhūmi- 'земля'); б) < *nāmpai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *nāman-; в) < *namai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *nāma- (др.-инд. nāma-, ав. nāma-);

5) var 'дверь': а) < *dwarā-, т.е. тематизированная основа ж.р.; б) < *dwarā, т.е. им.-вин. дв. от основы *dwar- (ав. dvar-, др.-перс. duvara-);

6) som 'глаз': а) < *šāma-, т.е. тематизированная основа м.р.; б) < *šāman-, т.е. основа ср. р. (ав. šāman-, др.-перс. šāma-).

1.2. Несколько ишканимских основ с исторической точки зрения представляют собой словосочетания, в которых первая часть является определением:

1) ré-mozd 'солнце' < *ahurahya-mazdah- (ав. ahurahe mazdāh- 'Ахурамазда, ахуровское божество');

2) ħ(ь)-kü(ä) 'хлеб', где ħ(ь)- допускает следующие толкования:

а) < *ukṣanahi или *ukṣān, т.е. род. ед. или род. мн. от основы *ukṣan- (ав. ukṣan-)? б) < *ukṣahya, т.е. род. ед. от основы *ukṣa- (?) + *kata-;

3) sūyānd 'волосы на голове' < *sāryā-gaun(a)-tā- (ср. ав. sāra- 'голова' и gaona- 'волос(ы)').

Из деривативных элементов наиболее распространенными являются суффиксы: 1) -k // -č (после звонких согласных -g // -ǰ) или более поздний хронологически вариант этого суффикса в виде "гласный + k/č" < *-kā-; 2) -с < *-či- или -ic < *-īči-.

Анализ слов с этими суффиксами (точнее анализ корневых гласных этих слов), показывает, что присоединение суффиксов к большинству из них произошло в период после отпадения конечного гласного безударного слога, т.е. не на древнеиранской почве, а позже. Суффикс же "гласный +k" является еще более поздним хронологически вариантом суффикса *-kā-. Примеры слов с этими суффиксами: dārk 'дерево, древесина' < *dāru- + -ka- (ав. dāru-); kofč 'лотка' < *kap/fa- + -ka- (ср. и.-е. кар- 'хватать, брать', др.-инд. karati 'две пригоршни', ш. ħib, вах. karč 'ложка'); nis 'нос' < *nāhi- + -či- (др.-инд. nāsikā, nāsya-, ав. nāh-, naḥan-, согд. nuč); wustūk 'кость' < *asta- + -aka- (ав. ast-, astay-).

В ряде ишканимских слов произошло двойное наращение суффиксов: uḫin-ǰ-ok 'женщина' < *ǰana- + -ka- + -aka- (ав. ǰana-); kь-č-ык 'щенок' < *kuti- + -ka- + -aka- (ш. kud 'собака'); ré-č-ык 'кишка, кишки' < *rōtay- или *rōti- + -ka- + -aka- (ср.-перс. rōt, н.-перс. rudā 'кишка, кишки').

Некоторые ишканимские именны основы представляют собой реликтовые префиксальные образования: ro-liz 'огород, сад, приусадебный участок' < *pari-daizi-, *pari-daiza-i (ав. pairi-+-daēza-); ry-žin 'подошник' < *pati-gana- (ср. ишк. žin 'маслобойка'); kь-sku(d) 'крыша' < *u(d)skat- + -kūta-i, т.е. 'над-домье'; vo-sin 'точильный камень, оселок' < *upa-sāni- (др.-инд. sāna-); čьроǰt 'позади' < *hača-ра(k)šta- (и.-е. pos- в лат. post 'позади').

Небольшое число именных основ представляет собой префиксально-суффиксальные образования: áv-z-úk 'сердце' < *upa-zrd- + -aka- (ав. zərəd-, др.-инд. hṛd-, hārdi- 'сердце'), f-rev-úk 'мусор, отбросы' < *apa-rōb/vay-, *rōb/vi-+-aka- (вах. rərk 'мусор'), nu-du-k 'пахтанье' < *nawa-dūya- +ka- (вах. dūǰ, н.-перс. dūy).

1.3. Хотя в ишкашимском языке грамматическая категория рода утрачена, но следы исторической родовой оппозиции {мужской // средний род - женский род} сохраняются. Это проявляется в следующем. Во-первых, в ишкашимском сохраняются следующие родовые пары: *nəvə* 'внук' - *nəvəsa* 'внучка', *uštək* 'младенец' (исторически - муж. род) - *štək* 'девочка, девушка', *v(ə)rūk* 'конь' - *verək* 'кобыла', *wūrūk* 'ягненок' - *werək* 'ярка', *wūsūk* 'теленоч' - *wonik* 'телка', *štynūk* 'козленок' - *štə/ynək* 'козочка', *xərs* 'медведь' - *xərs* 'медведица', *sūx* 'заяц' - *sī* 'зайчиха'.

Кроме того, родовая принадлежность той или иной именной основы может быть восстановлена благодаря умлауту. Это относится прежде всего к тем именным основам, которые продолжают тематический (или тематизированный) тип древнеиранской основы, а также к основам с суффиксальным элементом, историческая родовая принадлежность которого достаточно прозрачна. Фонетические закономерности, наблюдаемые при этом, те же, что и в случае с именными основами (см. Основы). Приведем примеры.

1) Ишкашимские основы, отражающие исторические основы муж. или ср. рода: *nəvə* 'внук' < **narəva-* (ав. *narət-*, *naptar-* м.р.); *dəmb* 'хвост' < **dumba-* (ав. *duma-* м.р.); *dond* 'зуб(ы)' < **danta(n)-* (ав. *data-* ж.р., *dantan-* м.р.); *xur* 'осел' < **xara-* (ав. *xara-* м.р.); *vru(d)* 'брат' < **brātar-* (ав. *brātar-*); *xuf* 'пена' < **k/xafa-* (ав. *kafa-* м.р.); *yuy* 'ярмо' < **yaug/ya-* (др.-инд. *yugam* ср.р.); *dur* 'серп' < **dāva-* или **dāhra-* (др.-инд. *dātram* ср.р.).

2) Ишкашимские основы, отражающие исторические основы жен. рода: *kaš* 'подмышка' < **ka(k)šā-* (др.-инд. *kakṣā-* ж.р., но ав. *kaša-* м.р.); *yaw* 'зерно, злак' < **yawā-* (ав. *yaṽā-* ж.р.); *vaud* < **bahtā-*); *var* 'дверь' < **dwarā-* (др.-инд. *dvār-* ж.р., но скр. *dvāra-* ср.р., ав. *dvar-* м.р., др.-перс. *duvāra-* ср.р.); *xərs* 'медведица' < **ṛsā-* (но др.-инд. *ṛkṣa-*, ав. *arša-* м.р.); *yat* в *yatik* 'мост' < **haētā-* (ав. *haētaṽ-* м.р.; ср. ав. *hizvā-* ж.р. 'язык'); *rašt* 'рассвет' < **rauštā-* или **ruštā-* (ср. и.-е. *leuk/k-* в др.-инд. *ṛśant-* 'светлый, белый').

Вторым признаком, по которому можно восстановить родовую принадлежность именной основы, являются суффиксальные элементы. Суффиксы -ok, -ūk, -uk < *-aka- являются суффиксами исторического мужского или среднего родов, а суффиксы -ak < **ākā-*, -(i)s < *-(a/ī)či- являются суффиксами исторического жен. рода. Примеры: *wūr-ūk* 'барашек' < **warna + -aka-* (и.-е. *ueren-*, др.-инд. *urāna-* м.р.), *wer-ak* 'ярочка' (тот же корень); *nis* 'нос' < **nāhī-* + -či- (др.-инд. *nāśikā-*, *nāsyā-* ж.р., ав. *nah-* м.р.); *vric* 'бровь' < **brawī* -+ -či- (др.-инд. *bhrū* ж.р., ав. *brvat-* ж.р.).

I.4. В современном ишкашимском существует двухчисловая оппозиция: ед. и мн. число. Форма ед. числа совпадает с основой, например: *vṛu* 'брат', *v(ɔ)ṛūk* 'кони', *sung* 'камень', *dāst* 'рука'. Наиболее распространенным показателем мн. числа является суффиксальный элемент -ó (санг. -āu), прибавляющийся к основе, например: *vṛu-ó* 'братья', *vṛūk-ó* 'кони', *sung-ó* 'камни', *dāst-ó* 'руки'.

Показатель мн. числа -én (а также его менее распространенные варианты -ón, -ín) имеет более узкий круг употребления: он присоединяется к основам, представляющим собой термины родства, а также к некоторым одушевленным именам существительным, например: *vṛu-én* 'братья', *zav-én* 'сыновья', *žonj-én* 'женщины'. Этот же суффикс представлен в таких словах, как *kʏrč-én* 'куры' (собирательно, ср. ишк. *kʏrk* 'курица'), *pʏč-én* 'пуля, пули' (ср. ос. *fāt* 'пуля'), где он уже не воспринимается как суффикс мн. числа, поскольку без него слово не употребляется.

Кроме того, в ишкашимском сохраняются такие реликтовые суффиксы мн. числа, как -ar-, -ok-, -ɔ/ov-, -d- (подробнее о них дальше).

С исторической точки зрения суффикс -o может представлять собой рефлекс древнеиранской именной основы *hā-ya- или скорее редуцированного образования *hā-ha- (и.-э. *sm-*, *sem-* 'воедино, вместе с', др.-инд. *samá*, ав. *ham-*, *ha-*, *hama-* в тадж. *hama* 'весь, все, всё'). Др.-ир. *y дает в ишкашимском h или ноль звука, ср. ишк. *gū*, санг. *guh* 'испражнения' < *gūya- (ав. *gūya-*). Что касается суффикса мн. числа в сангличском диалекте -au, то он может быть восстановлен в *hā-hā- (ср. развитие ишк. *ixə*, санг. *ixwāu* 'сестра' < *xwāhar-ав. *xvaṇhar-*).

Относительно показателей мн. числа -én, -ón, -ín необходимо сказать следующее. Принято считать, что современные иранские показатели мн. числа с носовым -n- (н.-перс. -an, тадж. -on и др.) являются отражением древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа на *-nām. Предшествующий гласный в этих показателях считается перешедшим от исторической именной основы. Но более глубокий сравнительно-исторический анализ этих показателей склоняет нас к тому, что все они - не рефлекс флексии, а рефлекс именной основы, обозначавшей собирательную множественность, совокупность.

Если сравнить поведение этих показателей мн. числа с поведением личных окончаний, то нетрудно заметить, что флексивные элементы оканчиваются как бы более привязанными к основе. Именные же показатели мн. числа в новоиранских языках могут относиться к целому словосочетанию, наращиваться один на другой дважды, трижды и даже более. Очень показательным в этом отношении является тадж. *maḡdumonho* 'люди, народ'. Это слово содержит три показателя мн. числа: -um-on-ho. Самый последний из них -ho является в настоящее время наиболее про-

дуктивным. Предшествующий ему показатель -on- — менее продуктивный. А первый показатель -um- в настоящее время уже совершенно не воспринимается носителями языка как показатель мн. числа.

Но то, что суффиксальный элемент -um исторически является показателем мн. числа, а не рефлексом др.-ир. *tauk/xma- 'семя, зародыш; род, происхождение', как это предполагает Г.С.Нюберг (Nyberg, 1974), подтверждается тем, что суффиксальный элемент "гласный + m" отмечен и при других словах, где он не имеет никакого отношения к др.-ир. *taukma-. Эти слова следующие: н.-перс. sārīš-om 'желатин, клейстер' (при н.-перс. sārīš 'клей'), пуш. gor-a/em 'стадо волов' при пуш. gor-vān 'волѡпас' (ср. др.-инд. gaurá- 'вол'). В пользу такого объяснения этого элемента свидетельствует и ларское сочетание makev 'все люди, народ', где ma- < *hama- 'весь, все' (ав. ham-). Если в ларском диалекте Ирана этот элемент является префиксальным, то в язгулямском языке он функционирует как послелог для выражения совместности.

С исторической точки зрения, как мы думаем, ишкашимские показатели мн. числа -m-, -on-, -um (а также тадж. -um, н.-перс. -om, пуш. -a/em) представляют собой рефлексы одной и той же древнеиранской именной основы с различными наращенными, т.е. основы *ham-, *ha- 'совместно, воедино, вместе' (и.-е. sem-, sǵ-, др.-инд. samá-, ав. ham-, hama-; ср. и.-е. sǵ-nā-, sǵ-tu-, sǵ-tue и др.). Таким образом, ишк. -ьп, -o/un < *hāna, а тадж. -um в mard-um 'народ, люди' < *hama- (ср. тадж. mard-um-ho и mard-on-ho 'народ, люди').

Выше мы говорили о склонности показателей мн. числа наращиваться один на другой. Показательным в этом отношении является шугнанское слово sal-ūn-d-ak-ēn 'лестничные ступеньки, приставная лестница'. Все эти показатели мн. числа (кроме -d-) также являются рефлексам той же именной основы *ha-, *ham-, т.е. -ūn < *hā-na-, -ak < *hā-kā- (и.-е. *sǵ-k/ko-; ср. тадж. чувское por-ko 'груши', ишк. zymn-ok-ьп 'мальчики') и -ēn < *hā-ni-.

В ишкашимском языке тоже имеются случаи наращивания один на другой суффиксов мн. ч., ср. ixo-d-ar-ьп 'сестры' (ед. ч. ixo; о суффиксе -ar см. дальше), zym-ok-ьп 'мальчики, парни' (ед. ч. zoman-), также в указательных местоимениях мн. числа aw-ōn-d-on // aw-ōn-d-ov 'они, те'. Последний пример, т.е. ишк. aw-ōn-d-on // aw-ōn-d-ov 'они, те', как нам представляется, очень существен для объяснения происхождения показателей мн. числа в памирских языках с носовым -n (т.е. ш.-р. -ēn, ш. -ūn, язг. -en, ишк. -ьп, -on, -um и др.) и с губо-зубным -v/f (т.е. ш.-р. -ēv в rōbēv 'в ногах', с. -ef, ор. -if, ишк. -ov в awōndov 'они, те', -ьv в mьś-ьv 'нас, нам'). Как уже говорилось, до сих пор считается, что суффиксы с носовым -n отражают древнеиранскую именную флексию мн. числа род. падежа на *-nām, а суффиксы с -v (и предположительно с -f) отражают древнеиранскую

именную флексию мн. числа дат.-отл. падежа на *-byah. Но ишк. aw-ón-d-on // aw-ón-d-ov 'они, те' (прямая форма мн. ч.) свидетельствуют о том, что оба эти суффикса могут находиться одновременно в одном слове, не исключая друг друга. Это, как нам представляется, лишний раз говорит о том, что эти суффиксы нефлексивного происхождения. Аналогичное сочетание этих суффиксов мы находим в курдском mer-ov-an 'люди' при mer 'человек'.

Что касается суффиксальных показателей мн. числа с носовым -n, то они, как уже отмечено, являются рефлексам древнеиранской именной основы *ha- 'воедино, совместно' с наращением *-n- (и.-э. sem-, av-, др.-инд. samā-, samana-, ав. ham-, ma-, тадж. hama 'весь, всё'). А показатели мн. числа с губо-зубными -v, -f, как нам представляется, являются отражением древнеиранских основ *abi-, *ap/fi со значением 'у, возле, при, в союзе с' (ср. и.-э. ehhi, obhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi, aiwi, avi 'при, у', рус. об-, общий; и и.-э. epi-, др.-инд. api- 'союз, объединение'). Усложненный вариант этого суффикса представлен в парфянском bag-ift 'боги'.

У трех слов vru(d) 'брат', ixo 'сестра', wūdūyd 'дочь' суф. -yn может прибавляться к осложненной основе: vru^{dar}-yn, ixo^{dar}-yn, wūdūy^{dar}-yn. В собственно ишканимском диалекте эта основа отдельно не употребляется, а в сангличском диалекте сохраняется самостоятельное употребление только vru^{dar} в значении 'братья'. Усматривать в этом слове рефлекс какой-либо иранской падежной формы мн. числа не представляется возможным, поскольку гласные этого слова, исторически, если так можно сказать, взаимно исключают друг друга: ишк. корневой u на месте ир. *ā предполагает a/u-умлаут или нейтральное положение, а ишк. a на месте ир. *a предполагает положение ā-умлаута. Если взять за прототип древнеиранскую форму им. падежа *brātarah (ср. др.-инд. brātārah), то в соответствии с фонетическими закономерностями, присущими ишканимскому языку, эта форма должна была бы дать в ишканимском *vradūr, а древнеиранская форма род. падежа мн. числа *brātrnām (ср. скр. pitṛnām от pitar- 'отец') - ишк. vradar. О рефлексах остальных падежных форм не может быть и речи, поскольку в них должны присутствовать дополнительные согласные. По-видимому, следует предположить, что ишк. vru^{dar} 'братья' состоит из двух частей: основы vrud- < *brātar- (ав. brātar-) и суффиксального элемента aar < *hā-⁹grā, т.е. суффикса собирательной множественности от основы *ha- (ср. др.-инд. satrā, ав. ha⁹grā 'совместно, вместе о'; ш. -ār, -grz, -grč/j) или < *harā- (и.-э. solo-, др.-инд. sarva-, ав. haugva- 'весь, всё'). Таков толкование ишк. vru^{dar} поддерживается и основой ixo^{dar}- в ixo^{dar}-yn 'сестры'. В ишк. ixo^{dar}- кроме элемента мн. числа -ar-представлен суффикс собирательной множественности -d- < *-tā- (или < *hada). То есть опять пример наанизывания суффиксов мн. числа.

Но есть еще и другая возможность объяснения ишкшимских основ *vruḍar-*, *ixodar-* и *wiḍūydar-*. Ишк. *ixodar* 'сестры' полностью соответствует верш. *yastaru* 'сестры' (Зарубин, 1927), где *-taru* является суффиксом собирательной множественности (ср. верш. *awiš-in-daru* 'жен' при *awiš* 'жена'). Отсюда следует, что ишк. *ixodar-* состоит из *ixo-dar-*, ишк. *vruḍar-* - из *vruḍ-+-dar-*, а ишк. *wiḍūydar-* - из *wiḍūyd-dar-*, где *-dar-* также является суффиксом собирательной множественности. Этот суффикс можно было бы восстановить в **d/tarā-* и связать с и.-е. *tel-p-* в рус. толпа.

Что касается реликтового числового показателя *-d-*, то он представлен также в таких ишкшимских словах, как *vyūn-d* 'волосы (на голове)' < **saryu-gauna-+-tā-* (ав. *gaona-*); *men-d* 'яблоко, яблоня' < **amarna-*, (а) *mṛṇu-* или **abarna-*, **abrnu-+-tā-* (ср. и.-е. *ǵhel-* 'яблоко, яблоня' или и.-е. *mel-*, *mele-no-* в рус. малина, лит. *mūlvas* 'красный, желтый'; вах. *mṛg*, ш. *mūn*, мундж. *amīga* 'яблоко, яблоня'); *-wen-d* в *ḍwēnd* 'абрикосовое дерево, абрикос' < **wanī-+-tā-* (ср. ав. *van-*, *vana-* 'дерево').

Из других реликтовых показателей мн. числа можно отметить *-ok* в *zyṃp-ok-yn* 'мальчики, парни' < **ha-ka* (и.-е. *sm-k/ko-* 'вместе с') и *-ḥv*, *-ov*, которые сохраняются только в местоимениях.

1.5. Помимо числовых показателей агглютинативного типа в ишкшимском можно обнаружить также следы древнеиранской числовой флексии, восстанавливаемой на основе умлаута, например: *var* 'дверь, двери' < **dwarā*, т.е. им.-вин. дв. от **dwar-* или **dwarā-* (ав. *dvar-*, др.-перс. *duvara-*); *ḥḥ* 'легкие' < **suḥi*, т.е. им.-вин. дв. (ав. *suḥi*); *-sar* в *xḥ-sar* 'себя' (букв. 'свое тело') < **sarā*, т.е. им.-вин. дв. от **sar-* (ав. *sar-* 'кости и мясо, тело', ж.р. дв.).

Падеж

1.5. Падежные отношения в ишкшимском выражаются в основном с помощью предлогов и послелогов, а также различного рода суффиксальных служебных элементов. Среди последних есть такие, которые полностью утратили свою связь с исторической именной основой. Это следующие суффиксальные элементы: *-i* — показатель прямого дополнения, *-no* — показатель принадлежности, *-bo* — показатель адресата, цели, назначения. Примеры: *wa vḥyḥ kṛṛa-yi* сь *kṛṛkū ximḥ*! 'сними с крыши то толстое одеяло!'; *wa rōm-i iṽṽṣ* 'я спраду ту шерсть'; *ti tḥḥyḥyḥ-yi rāṣṣ* 'я сварю тебе яйца'; *taṽ-rou nā-oyadūk-ḥt mḥ kūvd-bo?* 'ты не принес подошву для моих сапог?'; *ag-mā jo da ḥavī-no weron* 'вот это место у этого платья испорчено'; *mḥ tót-noṽ xon* 'дом моего отца'.

Ишкшимский показатель прямого дополнения *-i*, как и соответствующий показатель вах. *-i* / / *-ey*, может быть восстановлен в **ayī*, т.е. местн. ед. от основы **a-* 'из, от' (ар. **n-*, и.-е. *an*, *n-* 'из, от'). Возможна также связь ишк. *-i* с ир. **hā(y)-* 'связывать, соединять'

(ср. семантическую ассоциацию н.-перс. -га < *rayā-, и.-е. ar-, rēdh- 'соединять, связывать' в др.-перс. rādiy, рус. ради). В этом случае ишк. -i < *haya-.

Ишканинскому показателю принадлежности -но соответствуют вах. -en, ш. -an(d), с. -an, -inder. Таким образом, он закономерно продолжает др.-ир. *antar- 'между, внутри, у, при' (и.-е. enter-, др.-инд. antár-, ав. antare, др.-перс. antar- 'между, внутри'; др.-инд. ántama- 'наиблизайший'; ср. аналогичное чередование значений в и.-е. ме-, me-ta, me-dhi, me-ghri-с 'среди, внутри' в гот. miv 'вместе с'; др.-исл. með(r) 'с, между', арм. merj 'у, при, вблизи').

Ишк. -bo 'для' (из *-ob) соответствует язг. -be (из *-eb), что может быть восстановлено в *aba-, *abi- (ср. и.-е. ebhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi, aiwi, avi 'у, при, вблизи').

Но в ишканинском сохраняются также следы исторических флексивных форм. Они могут быть выявлены благодаря умлауту. Примеры: -bra в хьььr-bra 'шурин' < *brāṽā, т.е. им. ед. от *brāṽar- (ав. brātar-), -bre в санг. хьььr-bre 'шурин' < *brāṽāi дат. ед. или местн. ед. от краткой основы brāṽa- (ср. др.-прусс. brāti 'брат'); re- в rēmozd 'солнце' < *ahurahya, т.е. род. ед. от *ahura- (ав. ahurahe mazdāh 'ахуровское божество'); -sar в хьььs-sar 'себя' < *sarā, т.е. вин. дв. от *sar- (ав. sar- 'тело', слово склонялось по дв. ч.); zas 'сын' < *zāṽā(t), т.е. твор. или отл. ед. ч. от *zāṽa- из ар. *zāṽt/ā- (ав. zāta- 'рожденный'); var 'дверь, двери' < *dwāṽā, т.е. им.-вин. дв. от *dwāṽ- или *dwāṽa- (ав. dvar-, др.-перс. dvara-); šəṽ 'легкие' < *suṽi, т.е. им.-вин. дв. (ав. suṽi); -va в ar-va 'оба' < *ubāyāh, т.е. род. дв. от *ubā- (ав. ubā-) и др.

1.6. Итак, в ишканинском языке, как можно полагать, нашли отражение следующие древнеиранские флексивные формы:

Др.-ир.		Ишк.	
		Ед. число	
Им.	*brāṽā (от *brāṽar-)	- bra	в хьььr-bra 'шурин'
Дат.	*brāṽāi (от *brāṽa-)	- bre	в хьььr-bre 'шурин'
Род.	*ahurahya	- re-	в rēmozd 'солнце'
Дат.-	*nāmāi	- nim	'имя'
мест.			
Твор.	*zātā(t)	- zas	'сын'
отл.			
		Дв. число	
Им.-вин.	*dwāṽā	- var	'дверь, двери'
	*sarā (от *sar-)	- -sar	в хьььs-sar 'себя'
			(букв. 'свое тело')
	*suṽi	- šəṽ	'легкие'
Род.	*ubāyāh	- -va	в ar-va 'оба'

Имя прилагательное

Основы

2.0. Большинство ишканимских имен прилагательных представляет собой либо несложную основу, либо основу с суффиксальным элементом "гласный +к", т.е. с тем же суффиксом, который свойствен и имени существительному, например: *ṣu* 'черный' *ṣṣṭ* 'маленький', *nāwīk* 'новый'. Из аффиксальных элементов, присущих только прилагательным, можно указать на суффикс, образующий относительные прилагательные *-in* < **-aiṇa*- (ср. ав. *-aina* в *zairaina* - 'золотистый'), напр., *ḍark-in* 'деревянный', *ṣṣṭn-in* 'железный'.

Как и в именах существительных, по качеству корневого гласного имени прилагательного можно установить, какой тип исторической основы продолжает та или иная основа прилагательного. Фонетические закономерности здесь те же, что и в именах существительных (см. "Имя существительное"). Примеры: *naw*- в *nāw-īk* 'новый' < **nawā*- (ав. *nawā*-); *xaṣ*- в *xaṣ-īk* 'сладкий' либо из **xrgā*- (ср. и.-е. *sal* - 'соль' в рус. соль, сладкий', лит. *salti* 'становиться сладким'; вх. *xiṣg*, ш. *xīṣ* м.р. *xāṣ* ж.р. 'сладкий', либо из **xwrgā*- (ср. и.-е. *sū-ro*-, **ṣue-ro* - 'ослепленный, острый', ав. *xvarezišta* - 'наисладчайший'); *zard* 'желтый' < **zarta*- (ав. *zairita*-); *ṣu* 'черный' < **ṣ(y)āwa*- (ав. *suṣva*-); *esreḥ* (санг.) 'белый' < **śwaida*- (др.-инд. *śveta*-, ав. *sraēta*-); *ṣṣṣx* 'красный' < **sukra*- (ав. *sukra*-); *ṣṣṣṭ* 'маленький, младший' < **kuta*- (ср. ав. *kutaka* - 'маленький'); *ṣin* 'синий, зеленый' < **akṣaiṇuṣ*- (ав. *akṣaēna*-); *fri* 'хороший, приятный' < **p/friyā*- (ав. *frya*-); *dir* 'далекий' < **dūrya*- или **dūrai* (ав. *dūraē*).

Род, число, падеж

2.1. Как и у существительных, категория рода не является живой, т.е. в современном языке прилагательные безотносительны к роду, ср. например: *fri ṣtok* 'хорошая девочка' и *fri zoman* 'хороший мальчик'. Но для ряда прилагательных на основании умлаута может быть восстановлена их историческая родовая принадлежность. Это относится прежде всего к прилагательным, продолжающим тематическую основу, т.е. основу на *-ā, а также к прилагательным, продолжающим историческую основу на *-yā.

Так, например, к основам на *-a, т.е. к историческим основам мужского/среднего рода, восходят следующие ишканимские прилагательные: *ṣu* 'черный' < **ṣyāwa*- (ав. *suṣva*-), *ṣṣṣx* 'красный' < **sukra*- (ав. *sukra*-), *ṣṣṣṭ* 'маленький' < **kuta*- (ав. *kutaka*-) и др.

К основам на *-ā, т.е. к историческим основам жен. рода, восходит такие ишканимские прилагательные, как: *naw-ūk* 'новый', *kaž-ūk* 'сладкий', *š(ь)lavz* 'скользкий', *š(ь)naх* 'белоголовый' (о скоте)', *nam* 'влажный', *šak* 'плохой' и др. К основам на *-uā, т.е. к историческим основам муж./ср. или жен. рода восходят такие прилагательные, как: *dir* 'далекий', *pitk*, *puđuk* 'гнилой', *per* 'сегодняшний', *šin* 'синий, зеленый', *fri* 'хороший, приятный' и др.

2.2. Прилагательные в отличие от существительных не изменяются по числам, например: *fri štok* 'хорошая девочка' – *fri štok-yn* 'хорошие девочки', *vžuk dьraxт* 'толстое дерево' – *vžuk dьraxт-ó* 'толстые деревья', *latain but* 'матерчатая туфля' – *latain but-ó* 'матерчатые туфли'.

2.3. Как уже было отмечено, падежные отношения в ишканимском выражаются предлогами и послелогами. Имя прилагательное в отличие от существительного не оформляется служебным элементом. Выступая в функции препозитивного определения, прилагательное вместе с последующим существительным-определяемым образует единый комплекс, к которому в целом и относится тот или иной служебный элемент. Примеры: *nawuk ref ag-wak* 'новый веник вон там (лежит)'; *nawuk ref mьm-bo day!* 'подай мне новый веник!'; *nawuk ref-gul starьm* 'я буду мести новым веником'.

Степени сравнения

2.4. Качественные прилагательные образуют сравнительную степень с помощью суффикса *-tar* <*-tarā-(др.-инд. -tara-), например: *fri-tar* 'лучше', *vžuk-tar* 'толще', *garm-tar* 'теплее'. Но следует сказать, что в разговорной речи суффикс сравнительной степени чаще отсутствует, например: *am dьraxт сь wan vžuk* 'это дерево толще, чем то'; *ti šьt ingit сь ti kata ingit dьroz* 'у тебя мизинец длиннее большого пальца'.

Превосходная степень в современном ишканимском образуется удвоением прилагательного, например: *vžuk-vžuk* 'толстый-претолстый', *kata-kata* 'большой-пребольшой'.

Числительное

3.0. Ишканимские числительные в целом являются иранскими по своему происхождению: от I-го до IO – собственно ишканимскими, а свыше IO-таджикско-персидскими. В сангличском при счете свыше IO употребляются как собственно ишканимские, так и таджикско-персидские числительные. Система счета – десятичная, основанием для всего ряда служат числительные от I до IO. Не некоторые числительные образуются по двадцатичной системе,

По своей структуре числительные от I до IO, а также названия десятков и сотни (при десятичной системе счета) являются простыми, все

остальные числительные - сложны

Количественные числительные от I до IO закономерно продолжают иранские количественные числительные, причем - либо их основу, либо их флективную форму. Они следующие: ūk 'один' < *aiwa-+-ka- (ав. ašva-); dš(w) 'два' < *duwa- (ав. dāwā-), ср. санг. di- (в di-dūs '12') < *duwāi, т.е. им.-вин. дв. от *duwa-; rūy 'три' *ŕayah, т.е. им. мн. м.р. от ŕray- (др.-инд. trayah, ав. ŕray-); syfur 'четыре' < *šaywārah, т.е. им. мн. м.р. от *šaywār- (др.-инд. catvārah, ав. šaywārō); rūnz 'пять' < *rañša (ав. rañša); xūl/l 'шесть' < *xwašah, т.е. им. мн. м.р. от xwaš- (ав. xēvaš-), ср. санг. xwāl < *xwašām, т.е. род. мн. м.р.; uvd 'семь' < *hapta (ав. hapta); ot 'восемь' < *ašta, т.е. им.-вин. дв. от *ašta- (др.-инд. aṣṭā, ав. ašta); naw 'девять' < *nawāh, т.е. им. мн. от *nawā-; dos(санг.)^I 'десять' < *dasa- (ав. dasa-).

Числительные от II до I9, а также названия десятков в собственно ишканимском диалекте являются заимствованными из таджикского.

3.I. В качестве порядковых используются в основном таджикские числительные в местном диалектном произношении: yakīm, dšūm и т.д. Но в ишканимском сохраняются следы древнеиранских порядковых числительных: dšv 'снова, вторично' (вах. bēt 'еще раз') < *dwita- (ав. bitya-, др.-перс. duvitiya- 'второй', для значения 'снова' ср. ав. гат. daibita- 'снова'); ыр- в ыр-sol-dev(ō) 'третьего года давности, позавчерашний год' (вах. tēt-) < *t/ŕitya- (др.-инд. tṛtīya-, ав. ŕritiya- 'третий') и другой вариант этого числительного ol- в ol-šz-d 'позавчера' из *ol-ršz-d (вах. tort-) < *t/ŕtta-, что, в свою очередь, из *trita- (ср. лат. tertius из *tritio-).

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения (так же как указательные и возвратное местоимение) выделяются среди других именных частей речи наличием трех форм: прямой, объектной и посессивной. Местоимение 2-го лица ед. числа в отличие от других личных местоимений имеет две объектные формы. Для 3-го лица используются указательные местоимения. В ишканимском представлены следующие личные местоимения (см. таблицу на след. стр.).

Прямая форма личных местоимений употребляется в функции подлежащего и именной части составного сказуемого: aži ba- zārī vek šm 'я схожу за водой'; mšx, rь kšakū mison 'мы будем спать на крыше'.

Объектная форма употребляется в функции прямого дополнения и косвенного (после предлогов и изафета, а местоимение 2-го л. ед. ч.

^I Ишк. da 'IO' заимствовано из таджикского.

Таблица

Форма Лицо	Прямая форма		Объектная форма		Посессивная форма	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	az(1)	мъх(о)	mak	мъѣв(о)	мъ(п)	мъѣ
2-е л.	тъ	тъмъх	fak тъ-в тъ-во	тъмъх(ъв)	ti	тъмъх

тъ- - только с послелогом -во). Примеры: Nīkbāxt porēzd mak wend 'Никбахт вчера меня видела; мѣѣв гъхват кън! 'отпусти нас!'; awi съ fak tyros kym 'она боится тебя'; yim tē-bo eiz bakor? 'для чего тебе это?'; so tar mēѣв na-isu 'теперь она к нам не придет'.

Посессивная форма употребляется в функции определения, а также перед послелогам: мъп къгра кънѣо? 'где мое одеяло?'; ti хон кънѣо? 'где твой дом?'; azī ti-gul ѣм 'я пойду с тобой'; мѣѣ-но да-уона кърѣин въд 'у нас было десять штук кур'.

4.1. Все ишкашимские личные местоимения за исключением местоимения 2-го лица мн. числа закономерно продолжают древнеиранские личные местоимения, точнее - ту или иную их флективную форму. Местоимение 2-го лица мн. числа тѣмъх хотя и не имеет соответствия в засвидетельствованных древнеиранских языках - авестийском и древнеперсидском, - но по своим составным элементам допускает возможность существования его на древнеиранской почве (подробнее см. дальше).

Для местоимения 1-го лица ед. числа прямой формы az(1) мы должны восстановить праформу *azā(m) (ср. и.-е. eǵhō, ав. azām, др.-инд. aham). На долготу второго гласного восстанавливаемой формы указывает начальный ишкашимский гласный а, т.е. в данном случае имел место ā-умлаут. Конечный факультативный гласный i в ишк. az(1), очевидно, является суффиксом (ср. ишк. āri 'дело, работа' при вах. yark; ишк. xēdōri 'мельница' при вах. xēdōrg; ср. также суффикс -ik в ишк. kakik 'золотка, okik 'яйцо'). Этот именной суффикс характеризует исторические имена женского рода. Это лишний раз подтверждает долготу второго гласного в ир. *azā(m), рефлексом которого является ишк. az-(1). Отсюда можно предположить, что в древнеиранском местоимение 1-го лица ед. числа различалось по родам, т.е. форма *azam являлась формой мужского рода (ср. ш. вах. wuz < *azam), а форма *azā(m) - женского рода (ср. сар. waz, р. az, б. āz, язг. az - < *azā(m); ср. также родовое различие в ав. mana и др.-перс. manā - форма род.

пад. ед. числа местоимения I-го лица).

Две другие формы местоимения I-го лица ед. числа $\text{m}^{\text{h}}(\text{n})$ и mak образованы от другой основы, продолжающей иранскую основу косвенных падежей *ma- . Посессивная форма $\text{m}^{\text{h}}(\text{n})$ закономерно продолжает ир. *mana , т.е. форму род. пад. ед. числа (ав. mana , др.-перс. manā).

Что касается объектной формы mak , то она допускает следующие толкования. Если сопоставить mak с соответствующей формой возвратного местоимения hak 'себя, с собой' и т.д., которое имеет параллельную форму xadak , то, по-видимому, можно было бы предположить, что ишк. mak получилось из стяжения др.-ир. $\text{*māt} + \text{-ākā-}$, где *māt - форма отл. падежа ед. ч. от основы *mā- (и.-е. mē-d , др.-инд. mat , ав. mat). Если же ишк. mak сопоставить с соответствующей ваханской формой maṣ , ее можно было бы восстановить в виде *mā-k/gā- (ср. и.-е. *mē-ge- , гот. mī-k , греч. ἐμέ-γε 'меня', др.-инд. и ав. энклитика вин. падежа mā , согд. m'k в $\text{ṣ'm'yk} =$ ишк. sy mak 'от меня'). А если учесть, что и.-е. g чередовался с соответствующим палатальным (ср. и.-е. me-ghī'mne), то мы вправе были бы ожидать в каком-либо иранском языке и форму maz . Такая форма зафиксирована в ларском диалекте Ирана, т.е. maz 'меня' (Молчанова, 1982). Таким образом, если ишк. $\text{m}^{\text{h}}(\text{n})$ отражает древнеиранскую форму род. падежа, то ишк. mak является рефлексом древнеиранской формы либо отл. падежа, либо вин. падежа.

Местоимение 2-го лица ед. числа прямой формы t^{h} 'ты' закономерно продолжает ир. *tuwam , т.е. форму им. падежа (ав. tvəm , tūm , др.-перс. tuvam).

Объектная форма 2-го лица ед. числа t^{h} закономерно соответствует ир. *tawa , т.е. форме род. падежа (ав. tava). Объектная форма fak 'тебя, с тобой' и т.д., по аналогии с ишк. mak , может продолжать: 1) либо $\text{*twāt} + \text{-ākā-}$, т.е. форму отл. падежа (ав. ṭwat); 2) либо *twā-kā- , т.е. форму вин. падежа (ср. нем. dich 'тебя'; согд. t'p'k 'тебя'):

Посессивная форма 2-го лица ед. числа ti исторически представляет собой притяжательное местоимение-прилагательное от основы *ta- , т.е. *taya- (ср. модель ишк. fi 'лопата' < *faya-).

Местоимение I-го лица мн. числа представлено в ишкашимском тремя падежными формами: 1) прямой m^{h} (также с именным показателем мн. ч. -о, т.е. $\text{m}^{\text{h}}\text{-o}$) 'мы', например: m^{h} r^{h} $\text{k}^{\text{h}}\text{q}^{\text{h}}\text{u}$ $\text{m}^{\text{h}}\text{on}$ 'мы будем спать на крыше'; 2) объектной $\text{m}^{\text{h}}\text{ṣ}^{\text{h}}\text{v}(\text{o})$, например: $\text{m}^{\text{h}}\text{ṣ}^{\text{h}}\text{v}$ $\text{t}^{\text{h}}\text{xat}$ $\text{k}^{\text{h}}\text{!}$ 'отпусти нас!'; $\text{so tar m}^{\text{h}}\text{ṣ}^{\text{h}}\text{v na iṣu}$ 'теперь она к нам не придет'; 3) посессивной $\text{m}^{\text{h}}\text{ṣ}$ 'наш', например: $\text{m}^{\text{h}}\text{ṣ}$ $\text{xon naṣ}^{\text{h}}\text{uk}$ 'наш дом - новый'; $\text{m}^{\text{h}}\text{ṣ-no dā-yona k}^{\text{h}}\text{r}^{\text{h}}\text{ṣin v}^{\text{h}}\text{d}$ 'у нас было десять штук кур'.

В основе всех этих трех форм лежит элемент $\text{m}^{\text{h}}\text{-}$, закономерно продолжающий древнеиранскую основу косвенных падежей для мн. числа *ahmā- . Прямая форма m^{h} 'мы' представляет собой закономерный рефлекс древнеиранской формы род. падежа мн. числа *ahmāxam (ав. ahmāxam ,

др.-перс. amāxam).

Объектная форма mēšv состоит из двух элементов: mēš-v. Первый элемент закономерно восстанавливается в *ahmākam, т.е. в другой вариант древнеиранской формы род. падежа мн. числа. Второй элемент -v, как и ишк. -ov в awōndov (наряду с awōndon) 'они, те', является отражением древнеиранской основы *abi- (ср. и.-е. ebhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi, aiwi, avi 'у, при, возле', 'в союзе с', рус. об-, общий). Таким образом, ишкашимские элементы -v и -ov - реликтовые показатели собирательной множественности. Употребление их в ишкашимском *зафиксировано только при местоименных основах. В других же памирских языках соответствующие элементы отмечены не только при местоименных, но и при именных основах, например: ш. wēv/f 'их, им, тех, тем', рбб-ēv 'в ногах', xab-aš-ēv 'по ночам', с. yoc-ēf 'девочки, девушки', вах. pərčōd-ov косв. форма мн. числа от pərčōd 'девочка, девушка', ya-v (из *yaw-ov) 'их, им, тех, тем' и др.

Посессивная форма I-го лица мн. числа ишк. mēš (санг. mēš) 'наш(а), наши' отражает еще один вариант древнеиранского местоимения род. падежа мн. числа *ahmā(k)šam или *ahmāšam (где -š- из и.-е. k'), а санг. mēš < *ahmākam.

Для местоимения 2-го лица мн. числа tēm̄x 'вы' нет соответствий в известных нам древнеиранских языках. Но тем не менее оно может быть спроецировано на древнеиранскую почву, поскольку параллель для него имеется в мертвых и в современных индоарийских языках. Ишк. tēm̄x состоит из трех частей tē-m̄-x, где: 1) tē- является рефлексом корневого элемента 2-го лица ед. числа, т.е. *ta- (и.-е. te-) или *tu- (и.-е. tū-); 2) элемент -m̄- является рефлексом местоименного суффикса мн. числа для косвенных падежей *-hma-, ср. ав. ahmā, ahmākem и т.д. (др.-инд. -sma-); 3) конечный согласный -x, как и в ишк. m̄x 'мы' (< *ahmāxam), является рефлексом местоименного суффикса мн. числа род. падежа *-xa- (ср. ав. ahmākem, др.-перс. amāxam). Таким образом, в целом прототипом ишк. tēm̄x могла бы быть форма род. падежа мн. числа *tahmāxam, которая могла существовать наряду с засвидетельствованными формами 2-го лица мн. числа род. падежа *yušmākam и *xšmākem (ав. yušmākem и xšmākem). Типологическим соответствием для ишк. tēm̄x является таджикская диалектная форма 2-го лица мн. числа tu-ho, употребляемая при пренебрежительном обращении к группе лиц (Джалалов, 1956).

Но нельзя исключать и возможность заимствования этой формы из индоарийских языков, где она имеет длительную историю и получила довольно широкое распространение в различных вариантах: др.-инд. tušme, ср.-инд. tushmakam (сев.-зап. пракрит), tuhmākam, н.-инд. tussam, tusa, tuha (языки лахнда, панджаби), tumom (язык пахари), тамо (гуджарати, раджастхани), тамом (язык бхили) (Воробьев-Десятовский, 1959).

Объектная форма этого местоимения имеет два варианта: *t̃m̃x* и *t̃m̃x̃b̃v*. Конечный элемент *-b̃v* - того же происхождения, что и в объектной форме местоимения I-го лица мн. числа *m̃b̃č̃b̃v*.

Посессивная форма этого местоимения совпадает с прямой формой, т.е. *t̃m̃x*.

4.2. Подводя итог вышесказанному, мы могли бы представить древне-иранско-ишкашимские соответствия личных местоимений в виде следующей схемы:

		Ир.	Ед. число	Ишк.
I-е л.	Им.	*azā(m)	-	az(i)
	Род.	*mana	-	m̃b̃(n)
	Вин.	*mā(m) или	-	mak
	Отл.	*māt		
2-е л.	Им.	*tuwam	-	t̃b̃
	Род.	*tawa	-	t̃b̃- (t̃b̃-bo 'тебе')
	Вин.	*t/čwā(m) или	-	fak
	Отл.	*t/čwāt		
Мн. число				
I-е л.	Род.	*ahmāxam	-	m̃b̃x
		*ahmākam	-	m̃b̃č̃- В m̃b̃č̃-b̃v
		*ahmā(k)šam	-	m̃b̃š̃
2-е л.	Род.	*tahmāxam	-	t̃m̃b̃x

Притяжательное местоимение-прилагательное: др.-ир. *taya- - ишк. *tī* 'твой'.

Указательные местоимения

4.2. Указательные местоимения делятся на местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. Для всех указательных местоимений в ишкашимском, как и в других памирских языках, характерны принадлежность к тому или иному ряду дальности и падежная форма, а для местоимений-существительных - еще и число. Родовая принадлежность местоимения хотя и не является живой для современного состояния языка, но она легко восстанавливается по умлауту.

По ряду (или степени дальности) различаются следующие три группы местоимений: 1) местоимения, указывающие на дальний объект (ср. рус. тот, та, то, те) или употребляющиеся вне зависимости от степени отдаленности объекта (ср. рус. он, она, они); 2) местоимения, указывающие на близкий объект (ср. рус. этот, эта, эти), и 3) местоимения, указывающие на объект, находящийся в небольшом отдалении.

Местоимения-существительные каждого из этих трех рядов имеют два числа (ед. и мн.) и три падежные формы (прямую, объектную и посессивную). Местоимения-прилагательные каждого из трех рядов имеют только две падежные формы: прямую и косвенную. Местоимения, являющиеся составной частью местоименных наречий, не различаются по падежным формам и числам.

Ишканимские указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей.

Указательные местоимения-существительные						
Ряд	Ближний		Средний		Дальний	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Прям.	am(í)	amónd(on/v)	ad(í)	adónd(on/v)	aw(í)	awónd(on/v)
Объектн.	maṣ	máṣv(o)	daṣ	dáṣv(o)	waṣ	wáṣv(o)
Посесс.	(y)im	(y)ímṣv	(y)id	(y)ídṣv	(y)i/b	(y)iv
Указательные местоимения-прилагательные						
Прям.	am		ad		a(w)	
Косв.	ma		da		(w)a	

Прямая форма местоимений употребляется в функции подлежащего, объектная - в функции прямого объекта и косвенного объекта с предлогом, посессивная форма - в функции определения и косвенного объекта с послелогом.

Примеры: awí túyd 'он уехал'; amí mǝḥ xon 'это - наш дом'; adí fak fand ded 'она тебя обманула'; rǝxtingár-noy rasṣ ak-am 'обычай повара - именно таков'; awóndon ǝḥd-on rǝ boy 'они пошли в сад'; amóndon rozi ǝḥd-on 'эти согласились'.

Нетрудно заметить, что в основе всех этих местоимений лежат следующие три элемента, характеризующие ряд: aw-, am-, ad-. Исторически они закономерно отражают форму им. падежа, как един., так и множ. числа, жен. рода от соответствующих древнеиранских основ *awā-, *imā-, *aitā-, т.е. в ед. числе: *awā(m) (ав. awam), *imā (ав. ima), *aitā (ав. aēta); во мн. числе: awāh, imāh (ав. imā), aitāh (ав. aetā).

Формы мн. числа awónd(on/v), adónd(on/v), amónd(on/v) помимо элементов aw-, ad-, am-, содержат еще три элемента: -on-d-on/v. Все они представляют собой непродуктивные в настоящее время показатели

мн. числа. Элемент *-on*, как уже было отмечено выше (см. "Имя существительное"), продолжает древнеиранскую именную основу **h₃*-*na* 'совместно, воедино, все' (ав. *ham-*, *ha-*). Этот элемент дважды наращен на местоименную основу. Элемент *-a-* является рефлексом древнеиранского суффикса собирательной множественности **-tā* (ср. ишк. *men-d* 'яблоня, яблоко'). Элемент *-ov* представляет собой рефлекс древнеиранской именной основы **abi-* со значением собирательной множественности (ср. и.-э. *ebhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi*, **aiwi*, *avi* 'при, у', рус. об-, общий).

Такое нанизывание показателей мн. числа у местоимений — явление, довольно часто встречающееся в иранских языках, во всяком случае в восточноиранских, ср., например: вах. *yāw-tā-t* 'они, те', где *yaw* < **awāh* ж.р. или **awā* ср. р. им.-вин. мн. ч., элемент *-tā-* < **-ha-tā*, т.е. показатель собирательной множественности (ср. др.-инд. *śa-śvānt-* 'весь, все'), а конечный *-t* < **-tā*, т.е. также суффикс собирательной множественности; или ятн. *iš-t-it* 'они' < **aīšai*, т.е. им. мн. от **aīša-* (ср. ав. *ašte*, *ime*) + **-tā-* + **-hātī-*; также согд. *wyš-n-t* 'они, те' < **awaišām*, т.е. род. мн. от **awa-* (ср. ав. *awaššam*) + **-ha-na* + **-tā-*.

Объектная форма представлена следующими местоимениями: ед. ч. *wan*, *man*, *dan*; мн. ч. *wān-*by**, *mān-*by**, *dān-*by**. Эта форма употребляется в функции прямого дополнения и косвенного предложного. Примеры: *wan band kən!* 'привяжи его!'; *qand xāžuk, paša kē man nidu* 'сахар сладкий, (вот) мухи и садятся на него'; *awī xēli waxtō tar wān-*by* nēst-oγad* 'он долгое время не приходил к ним'.

С исторической точки зрения объектные формы ед. числа представляют собой закономерное отражение древнеиранской формы твор. падежа ед. числа м./ср. рода, т.е. ишк. *wan* < **awanā* (ав. *avā*, др.-перс. *avanā*), ишк. *dan* < **āitanā* (ав. *aētā*), ишк. *man* < **imanā*.

Соответствующие формы мн. числа *wān-*by**, *dān-*by**, *mān-*by** образованы от формы ед. числа прибавлением безударного суффиксального элемента *-by*. Этот элемент, как и элемент *-ov* в *awōnd-ov* 'они, те', является рефлексом древнеиранской именной основы **abi-* (ср. и.-э. *ebhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi*, *avi* 'при', рус. об-, общий). В других памирских языках ему соответствуют: ш. *-ēv/f* в *wēv/f*, р.б. *-uf* в *wuf*, ор. *-af* в *waf*, с. *-ef* в *wef*, вах. *yaw* (из **yaw-ov*) 'их, им, тех, тем', также в именах ш: *pōd-ēv* 'в ногах', *šāb-až-ēv* 'по ночам', ор. *yās-If* 'девушки, девочки', с. *yos-éf* косв. форма с тем же значением, вах. *peršōd-ov* то же. Варианты с глухим шелевым *-f* отражают древнеиранскую основу **āfi-* (ср. и.-э. *āri-*, др.-инд. *āri-* 'объединение, союз').

К формам *wān-*by**, *dān-*by**, *mān-*by** может присоединяться еще один показатель мн. числа *-o*. Этот показатель является наиболее продуктивным и универсальным при образовании форм мн. числа имен существительных (о происхождении его см. раздел "Имя существительное").

Посессивная форма указательных местоимений-существительных представлена в языке следующими местоимениями: ед. ч. (y)i/ь, (y)im, (y)id; мн. ч. (y)i/ьv, (y)imьv, (y)idьv. Эта форма употребляется в функции определения, а также перед послелогом. Примеры: i šavi z̄na^uyik-bo 'ее платье надо постирать'; rь í-darun átiyi, áriyi 'войдешь в нее (т.е. в пшеницу), потернешся, (такая она высокая)'; ik go^la ív-bo day! 'дай им одну лепешку!'; ív-no kьrčín nьst 'у них нет кур'.

Посессивные падежные формы ед. числа (y)im, (y)id, (y)i/ь, по-видимому, следует рассматривать как рефлекс древнеиранской формы вин. падежа муж. рода, т.е. *imam (ав. iməm), *aitam (ав. aētəm), *awam (ав. aom).

Формы мн. числа (y)i/ьv, (y)imьv, (y)idьv можно рассматривать либо как образованные от формы ед. числа путем прибавления суффиксального элемента -ьv, т.е. так же как объектные формы wə́nьv, mánьv, dānьv, mīčьv), либо как формы, состоящие из (y)i/ь-, (y)im-, (y)id-плюс именной показатель мн. числа -ьv, где первая часть представляет собой рефлекс древнеиранской формы вин. падежа м./ср. рода мн. числа, т.е. *awai (ав. ave), *imai (ав. ime), *aitai (ав. aēte). То есть так же, как местоимения прямой падежной формы мн. числа aw-ón-d-(on), am-ón-d-(on), ad-ón-d-(on), в которых показатели мн. числа -ón-d-(on) присоединились не к форме ед. числа, а к рефлексу древнеиранской формы им. падежа мн. числа жен. рода.

Указательные местоимения - прилагательные, как уже было отмечено выше, представлены двумя формами: прямой a(w), am, ad и косвенной (w)a, ma, da. По числам эти формы не изменяются. Примеры: kas za ad galgi (// galgió) na wázu! 'смотри, чтобы эта (//эти) шкурка (//шкурки) не упали!'; a dьrk (// dьrkó) ma^uda kьn! 'расколи то (//те) полено (//поленья)!'; a non, ma ívduk rь ma kafo^b dém-o? 'мама, я постираю эту пряжу в этой мыльной воде?'.
 10

С исторической точки зрения местоимения прямой формы aw, am, ad совмещают в себе рефлекс двух древнеиранских числовых форм, т.е. формы им. ед. ж.р. *awā, *imā, *aitā и формы им. мн. ж.р. *awāh (ав. awā), *imāh (ав. imā), *aitāh (ав. aētā). Этим и объясняется их числовая неизменяемость в ишкашимском.

В указательных местоимениях-прилагательных косвенной формы (w)a, ma, da совпали не только две древнеиранские числовые формы, но и две падежные формы. Так, ишк. (w)a отражает не только *awahyāh, т.е. форму род. ед. ж.р. от *awā-, но и *awāhām, т.е. форму род. мн. ж.р. от той же основы. Точно также ишк. ma и da отражают не только *imahyāh и *aitahyāh (ав. aēta^uyā), т.е. формы род. ед. ж.р. от основ *imā- и *aitā-, но и *imāhām и *aitāhām, т.е. формы род. мн. ж.р. от тех же основ. Употребление этих косвенных форм в ишкашимском как при имени в ед. числе, так и при имени во мн. числе подкрепляет приведенное выше их толкование.

4.3. Итак, подводя итог всему сказанному относительно указательных местоимений, мы могли бы представить древнеиранско-ишканимские соответствия в виде следующей схемы.

Др.-ир.

Ишк.

I. От основы *awā-

Ед. число

Им.	*awā	ж.р.	-	aw
Вин.	*awam	м.р. (ав. aom)	-	(y)i/ь
Род.	*awahyāh	ж.р.	-	wa
Твор.	*awanā	м.р. (др.-перс. avanā)	-	wan

Мн. число

Им.	*awāh	ж.р. (ав. avā)	-	aw- в aw-ōnd(on/v)
Вин.	*awai	м.р. (ав. ave)	-	(y)i/ь в (y)i/ь-v
Род.	*awāhām	ж.р.	-	wa

II. От основы *aitā-

Ед. число

Им.	*aitā	ж.р.	-	ad
Вин.	*aitam	м.р. (ав. aētəm)	-	(y)id
Род.	*aitahyāh	ж.р. (ав. aētaŋ)	-	da
Твор.	*aitanā	м.р.	-	dan

Мн. число

Им.	*aitāh	ж.р. (ав. aētā)	-	ad- в ad-ōnd(on/v)
Вин.	*aitai	м.р. (ав. aēte)	-	(y)id в (y)id-ьv
Род.	*aitāhām	ж.р.	-	da

III. От основы *imā-

Ед. число

Им.	*imā	ж.р.	-	am
Вин.	*imam	м.р. (ав. iməm)	-	(y)im
Род.	*imahyāh	ж.р.	-	ma
Твор.	*imanā	м.р.	-	man

Мн. число

Им.	*imāh	ж.р. (ав. imā)	-	am- в am-ōnd(on/v)
Вин.	*imai	м.р. (ав. ime)	-	(y)im- в (y)im-ьv
Род.	*imāhām	ж.р.	-	ma

4.4. В отличие от личных, указательных и возвратно-определительного местоимений вопросительные местоимения имеют только одну форму. Они следующие: *kū(y)* 'кто?' (относится только к людям), *syz, ĭiz* (заимств.) 'что?' (относится к животным и неодушевленным предметам), *se* 'что?', 'что за?', *kъdъm* 'какой, который', *съmъnd* 'сколько?', *dum, dund* '(на)столько', *sta-* 'что?' (только в сочетании с глаголом *staxoxi?* // *st-o-xi?* 'что ты делаешь?'). Примеры: *kūy ōyad?* 'кто пришел?'; *am kърta kūy-no?* 'эта чья рубашка?'; *pъ ŷomъk darun ĭiz?* 'что в кружке?'; *kъdъm var ĭūx kъnъk-bo?* 'какую дверь надо запереть?'; *se āri-t ōyad?* 'по какому делу ты пришел?'; *tъmъx-no съmъnd kърĭin?* 'у вас сколько кур?'.
 С исторической точки зрения местоимения *kūy, se* и *съ-* (в *съmъnd*) представляют собой различные образования от основ **kaу-*, **ка-*, **ĭi-*, т.е.; *kūy* < **kaуah* им. ед. м.р. или **kaуam* вин. ед. м.р.; *se* < **k/ĭaуa* род. ед. м.р., *съ-* < **ĭaуa-* или **ĭūa-* (ср. и.-е. *kūu-*, ав. *ĭū* 'в каком количестве').

Местоимения *syz, ĭiz*, по-видимому, представляют собой рефлекс осложненной др.-ир. основы **kaу-*, **ĭi-* (ср. и.-е. *kūi-d* им. ед. ср. р., др.-инд. *cid/t*, ав. *ĭit*). Местоимение *kъdъm* 'какой, который' закономерно отражает др.-ир. **ka-tāma-* (ав. *katāma-*).
 Что касается местоимений *съmъnd* 'сколько' и *dum, dund* '(на)столько', то их сравнительный анализ позволяет предположить, что они состоят из двух частей: **съ + mъnd* и **du + mъnd*. Первая часть *съ-*, как уже было отмечено выше, является рефлексом вопросительного местоимения **ĭaуa-* или **ĭūa-*, а первая часть другого местоимения *du-*, по-видимому, из **tауa-* от основы **ta-* (и.-е. *to-*, *tā-* 'эта, этот'). Вторая часть может быть восстановлена, в **mānta-* со значением 'мера, размер' (и.-е. *mē-* 'мерить', *mē-no-*, др.-инд. *māna-* 'мера').

Возвратно-определительное местоимение

4.5. Возвратно-определительное местоимение представлено четырьмя нейтральными с точки зрения рода и числа формами: 1) прямой *хá(da)k* 'сам(а), сами', употребляющейся в функции подлежащего и именной части составного сказуемого, например: *Dawlat tъ-t qéwd-o, хак ōyad?* 'Давлята ты позвал или он сам пришел?'; 2) объектной *хъ-*, употребляющейся, как и местоимение 2-го лица ед. числа *тъ-*, только при послелоге адресата *-bo*, например: *wān-i хъ-bo zong!* 'возьми это для себя!'; 3) объектной *хъ(f)sár*, употребляющейся в функции прямого дополнения и косвенного послепредложного: *syz хъsár daqqat kъnъm?* 'зачем я себя буду мучить?'; *mъx-on съmъnd saxtiyó kъ хъsár bъgъzarond!* 'сколько трудностей мы на себе испытали!'; 4) посессивной *xi/e*, употребляющейся в функции определения, а также при послелогах (кроме *-bo*), например: *съ xe āri ív-bo nъs-yažd* 'о своем деле он им не сказал';

рѣ ѣкѣ възъ ван кѣнѣн хі-віѣ 'в хлеве его (т.е. ягнѣнка) козы подом-
нут под себя!.

С исторической точки зрения все перечисленные формы представляют собой различные образования от древнеиранской местоименной основы *xwa-, *xa/uwa- (ав. hva-, х^ва-, hava-, др.-перс. huva-).

Прямая форма xadak состоит из осложненной исторически основы *xat и позднейшего суффиксального наращения -ak < *-ākā. Корневой гласный и гласный суффикса а указывает на исторический жен. род этого местоимения, т.е. на то, что основу xat- следует возводить к *xwatē- или *xwatām (как и ав. ǰat 'сам(а)', ср. ав. xwatō 'от себя'). Форма же *xwatā могла бы быть истолкована как форма им. ед. ж.р., а *xwatām — как форма вин. ед. ж.р., т.е. как формы, образованные от тематизированной основы, получившейся, в свою очередь, из застывшей формы отложительного падежа ед. числа *xwat (по аналогии с ав. mat 'от меня', ав. ǰvat 'от тебя').

Объектную форму хъ, употребляющуюся, как выше было сказано, только с послелогом -bo (хъ-bo 'для себя') по аналогии с объектной формой местоимения 2-го лица ед. числа ть- (ть-bo 'для тебя') следует возводить, очевидно, к древнеиранской форме род. падежа ед. числа *xawa, *xuiwa от основы *xa/u- (ср. и.-е. sece, род. ед. от se-).

Другая объектная форма хъ(f)ar, употребляющаяся при выражении прямого объекта и косвенного послепредложного, может быть восстановлена в *xwai // xuiwai+varā-, т.е. в сочетание, состоящее из формы вин. падежа жен. рода дв. числа от местоименной основы *xwa- (др.-инд. sva-, ав. hva-) и именной основы *var- 'тело, туловище' (ав. var- 'тело, туловище', т.е. основы жен. рода, склонявшейся по дв. числу) в форме вин. падежа дв. числа. Аналогичное сочетание, выражающее субстантивированное возвратное местоимение, употреблялось и в авестийском, но только с другим вторым компонентом, а именно со словом tanu- 'тело, туловище', ср. ав. ...haça hawayas tanvo... 'от собственной персоны, от себя' (ср. ср.-перс. xwēš-tan 'сам'), а также в др.-перс. rasu-tana- 'после себя'.

Ишканимская посессивная форма возвратного местоимения хі/е 'свой, -я, -и' по аналогии с посессивной формой местоимения 2-го лица ед. числа ti 'твой, -я, -и' может быть восстановлена в местоименное прилагательное от основы *xwa-, т.е. в *xwaya-.

Таким образом, в ишканимском представлены рефлексy следующих древнеиранских форм возвратного местоимения:

Др.-ир.			Ишк.		
			Ед. число		
Им.	*xwatā	ж.р.	-	xá(d)a/k	
Вин.	*xwatām	ж.р.	-		
Род.	*xawa//xuiwa	м.р.	-	хъ-	хъ-bo

Им.-вин. *xwai или *xuwai ж.р. - хьf- в хьfсар

Древнеиранское местоименное прилагательное *xwaуа- дадо в ишканимском xi/e.

Глагол

Основы

5.0. Ядро всей глагольной системы составляют две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Большинство основ настоящего времени исторически является прямым продолжением различных древнеиранских основ презенса. Но по своей грамматической нагрузке современная основа настоящего времени существенно отличается от древнеиранской основы презенса. Древнеиранская основа презенса имела определенную модально-видовую характеристику, но была нейтральной во временном аспекте, поскольку от нее могла образовываться не только форма настоящего времени, но и форма имперфекта с помощью особых личных окончаний. Для современной же основы настоящего времени характерна прежде всего ее соотнесенность только с настоящим моментом, но зато она нейтральна в модально-видовом аспекте. От ишканимской основы настоящего времени путем прибавления личных окончаний образуется форма настояще-будущего времени и форма повелительного наклонения (последняя только для 2-го лица ед. и мн. числа).

Основа прошедшего времени, как и в большинстве иранских языков, не является продолжением какой-либо глагольной основы древнеиранского. Она развилась на базе одного из древнеиранских глагольных имен, а именно причастия прошедшего времени. Этим объясняется ее модальная, видовая и залоговая нейтральность. Для выражения этих характеристик язык в процессе своего развития выработал свои средства (присоединение префиксальных и суффиксальных частиц, создание сложных глагольных форм и др.). Глагольно-именной характер этой основы проявляется также в особом типе спряжения глагольных форм, образованных от нее (см. дальше).

Как известно, древнеиранское причастие прошедшего времени имело род, число и падеж. Современная ишканимская основа прошедшего времени нейтральна в отношении рода, числа и падежа. Но следы древней родовой, числовой и падежной оппозиции сохранились в ишканимской основе прошедшего времени. Они могут быть обнаружены при историческом анализе этих основ благодаря умлауту.

Ишканимская основа прошедшего времени нейтральна также и в отношении активности - пассивности. Это обстоятельство может служить поводом к предположению об исконной нейтральности в отношении активности - пассивности древнеиранского причастия прошедшего времени.

Исторически производной от основы прошедшего времени является причастная форма на $-u/\dot{u}k$, которая в настоящее время не воспринимается носителями языка как причастие, а служит базой для образования формы перфекта.

От основы прошедшего времени в ишканимском образуется глагольная форма прошедшего времени. От наращенной основы прошедшего времени (с суффиксом $-u/\dot{u}k$) образуется форма перфекта. Основа прошедшего времени участвует также в образовании сложной глагольной формы плюсква-перфекта, а основа перфекта – в образовании сложной глагольной формы преждепрошедшего перфекта. Основа перфекта участвует также в образовании сложной глагольной формы прошедшего предположительного времени.

Основа настоящего времени

5.1. В современном языке нет каких-либо специальных формальных показателей основ настоящего времени. Эта основа выражает, как уже отмечалось, всякое непрошедшее действие независимо от модальной, видовой и залоговой характеристик.

Но исторический анализ основ настоящего времени показывает, что в ишканимском сохранились рефлексy почти всех засвидетельствованных в древнеиранских языках видов основ настоящего времени как тематических, так и нетематических, как основ презенса, так и основ аориста, причем во всех наклонениях.

Рефлекс того или иного вида основы определяется, прежде всего, по умлауту, т.е. по ассимилятивному вокалическому рефлексу, а также по согласным элементам (последний критерий относится, прежде всего, к рефлексам основ на $*-va-$, а также к рефлексам нетематических основ).

По характеру вокалического рефлекса все ишканимские основы настоящего времени могут быть разделены на три группы: 1) основы – рефлексy древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции a/u -умлаута или в нейтральной позиции (условный термин – основы с нейтральным умлаутом); 2) основы – рефлексy древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции $\bar{a}$ -умлаута; 3) основы – рефлексy древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции i -умлаута. Рассмотрим основы каждой из этих трех групп в отдельности.

Вокалическим признаком a/u -умлаутных основ являются следующие ишканимские корневые гласные: o ($< *ā, *f̄, *au, *ū$), $\dot{u}$ ($< *a, *au$), u ($< *ā, *f̄$), e ($< *ai, *i$), $\bar{y}$ ($< *ā, *f̄, *ū, *f̄$). Основы этой группы являются чаще рефлексамy древнеиранских основ индикатива, как тематических, так и нетематических. Примеры: $vond-$ 'связывать' $< *banda-$ (ав. $band-$); $urofs-$ 'стоять' $< *awa-ra(m)bsa-, *-rafsa-$ (и. $-e$. $(remb(h)-$, др.-инд. $gam-$, ав. $gam-$ 'пробывать в покое'); $yurn-$ 'молоть' $< *ārna-$ (и. $-e$. $al-$ 'молоть', ав. $āša-$ 'смолотый'); $ny-mūl-$ 'закрывать (глаза, рот), покрывать крышкoй' $< *ni-maula-$ или

*ni-maŋa- (ср. и.-е. meŋ-, mī- 'смыкать глаза, закрывать рот', ср. вах. mŋ- 'прятать'); wen- 'видеть' < *waina- (ав. vaŋa-); andr̥v- 'шить' < *ha(m)-dr̥ba- или *ha(m)-darba- (др.-инд. dr̥bhati 'связывает, скрепляет', вах. d(ə)rav-, ш. anśāv-, язг. əncav- 'шить'); t̥r̥bf- 'воровать' < *t̥r̥p/fa- или *tarp/fa- (др.-инд. -t̥r̥p- в rasu-t̥r̥p- 'ворующий скот', ав. tarer- 'воровать').

Следующие ишканимские основы с а/у- умлаутом, по-видимому, следует рассматривать как рефлексны древнеиранских нетематических основ конъюнктива: v̥r̥n- 'стричь овец' < *brīna- (ав. brīn-); x̥r̥n- 'покупать' < *krīna- (др.-инд. krīnati 'покупает'); ŷr̥n- 'рычать, реветь' < *g/ŷrīna- (ср. и.-е. gerī- в ср.-н.-нем. krīten 'кричать, выть, реветь').

Вокалическим признаком древнеиранских ā-умлаутных основ является корневой гласный а (< *ā, *aī, *ī, *au, *ū). Все ишканимские основы этого типа представляют собой рефлексны древнеиранских тематических основ конъюнктива. Примеры: рас- 'варить, печь' < *raā- (ав. rak-), xar- 'кушать' < *xwarā- (ав. xvar-), star- 'места, вычищать' < *us-tarā- (и.-е. ter-, ав. tar-), n̥var- 'излечать' < *niā-barā- (ав. bar-); kas- 'осмотреть' < *kasā- (ав. kas-); kan- 'копать' < *kanā- (ав. kan-); r̥rkamb- 'загонять (скот, птицу), заключать в тюрьму' < *para-(s)kambā- (и.-е. (s)kamb- 'заковывать в кандалы, спутывать, привязывать', ав. skamb-); b̥rkamb on- 'пороть, сечь, бить' < *abi-rambā- (и.-е. remb- 'рубить, сечь', ср. рус. рубить), day- 'давать' < *dayā- (ав. dā-); nas- 'обращать' < *nasā- (и.-е. nem-, нл-, сакс. nās- 'обращать').

По вокалическому рефлексу сюда будет относиться и ишк. ŷaž- 'говорить'. Но если учесть, что эта основа является рефлексом древнеиранской редуцированной основы *g/ŷā- (и.-е. gē-, ав. gā- 'петь, звать'), т.е. < *g/ŷā-g/ŷā-, то ее следует отнести к рефлексам индикативных основ.

Вокалическим признаком основ, отражающих древнеиранские i-умлаутные основы, являются следующие ишканимские корневые гласные: i (< *aī, *ī, *ū, *au, *ā), e (< *ā, *ō), ь (< *ū), u (< *ū).

Поскольку историческая i-умлаутная позиция была характерна как для основ опатива, так и для некоторых типов основ индикатива (на *-ya-, *-sya-), то некоторые ишканимские основы, и в первую очередь основы с непереходным значением, могут быть соотносены как с историческими опативными, так и с индикативными основами. Примеры: n̥viš- 'писать' < *ni-raišai-, *ni-rīšai- или *ni-raišī-, *ni-rīšī- (ав. raēs-); fris- // frin- 'оставаться, уставать' < *ura-risai-, *ura-rinai-, *ura-rinī- (и.-е. lē(i)- 'оставаться, ослабевать', ш. ris-, с. rays- 'оставаться'); mis- // mind- 'спать' < *misai-, *minai-, *minī- (ср. и.-е. mei- в лит. migti 'спать'); zid- 'проливать' < *zūdai-, *zūdī- (ср. и.-е. gheu-d- 'лить'), iv- 'пряхать' < *ubai-,

*ubī- (и.-э. *uebh-* 'пряхать, ткать', ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное');
if- 'ткать' < **ufai-*, **ufī-* (ср. предыдущий глагол); *ryzin-* 'знать'
 < **pati-z/zānai-*, **pati-z/zānī-* (ав. *zan-*); *ambid-* 'падать' <
 **ha(m)-padya-* (ав. *pad-*); *rej/ž-* 'распарывать, распускать связанное'
 < **rōgai-*, **rōjī-* (и.-э. *leug-* 'ломать', др.-инд. *rujati* 'разламыва-
 вает', ав. *uruxti-* 'разламывание'); *vun-* 'быть' < **bunī-*, т.е. оп-
 татив от **būn-* (ав. *bav-*).

К ишкашимским основам, которые исторически могут быть истолкованы
 либо как рефлексы основ индикатива на *-уа-, либо как рефлексы основ
 оптатива от тематической основы на *-а-, относятся следующие (все с
 непереходным значением): *nīd-* 'сидеть, садиться' < **nī-hadya-* или
 **nī-hadai-* (ав. корень *had-*, осн. *-sad-*, *hīda-*); *id-* 'достигать' <
 **had-ya-*, **hadai-* (ав. *had-* 'подходить, приближаться', ср. рус. хо-
 дить) или < **īdyā-*, **īdai-* (и.-э. *ei-dh-* 'идти', ав. *ay-*);
ambid- 'падать, обрушиваться' < **ha(m)-padya-* или **ha(m)- padai-*
 (ав. *pad-*); *či(y)-* 'казаться, виднеться' < **kasya-* или **kasai-* (ав.
kas-); *atiy-* 'входить' < **a-tašya-* или **a-tašai-* (ав. *tak-*); *apiy-*
 'терять, пропадать' < **apa-nasya-* или **apa-nasai-* (ав. *nas-*) и
 др.

Заканчивая изложение относительно основ настоящего времени, сле-
 дует отметить еще одно обстоятельство. Как показал анализ, среди иш-
 кашимских основ настоящего времени не оказалось рефлексов широко
 распространенных в древнеиранских языках презентных основ на *-ауа-.
 Но следы этих основ обнаруживаются при анализе ишкашимских основ про-
 шедшего времени. Часть ишкашимских основ прошедшего времени представ-
 ляют собой вторичные образования, т.е. образования не от корня, а от
 основы настоящего времени. Эти основы настоящего времени и представ-
 ляют собой рефлексы древнеиранских основ на *-ауа-, ср., например,
d̥r̥g- в *d̥r̥gd-* 'жать, косить' < **daraya-*, *kōw-* в *kōwd-* 'ковырять'
 < *(s)*kawaya-* (др.-инд. *ekāuti* 'ковыряет', но ср. ишк. *lov-d*
 'лаял(а)', где представлен рефлекс основы на *-а-) и др.

Следует, однако, заметить, что в ряде случаев подобного рода ос-
 новы прошедшего времени могут быть истолкованы также и как рефлексы
 древнеиранского причастия на *-ата-, ср. др.-инд. *ras-ata-* 'сварен-
 ный', ав. *umata-* 'шедший', т.е., например, ишк. *hašbd-* 'ташил(а)'
 < **k/xaršata-* (ав. *karš-*), *t(š)ganjbd-* 'сжал(а)' < **trank/gata-*
 (и.-э. *trenk-* 'сжимать', ав. *ŋrahta-* 'закатный') и др.

Таким образом, все засвидетельствованные в древнеиранских языках
 типы основ настоящего времени, — как тематические, так и нетематичес-
 кие, причем во всех трех наклонениях, — нашли отражение в ишкашимс-
 ком языке.

5.2. Основа прошедшего времени в ишканимском, как уже отмечалось, является продолжением древнеиранского причастия прошедшего времени. Этим объясняется то, что основа прошедшего времени выражает всякое действие, имевшее место в прошлом, независимо от его длительности, кратности, законченности. Признаком большинства основ прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени является дополнительный согласный -d (как правило, после звонкого согласного и гласного) или -t (после глухого согласного), например: iv- : ivd 'пряхть', if- : ift 'ткать', yaž- : yažd 'говорить', miš- : mišd 'спать', de- : ded 'бить'. У части глаголов основа прошедшего времени характеризуется элементом -bd: xaš- : xašbd 'тащить, тянуть', leš- : lešbd 'лизать', way- : waybd 'ругаться, кричать', xond- : xondbd 'смеяться'.

Несколько основ прошедшего времени имеют исход на -l (< *-rt) или -l (< *-rw), например: kən- : kūl/l 'делать', mēr- : mēl/l 'умирать', xar- : xūl/l 'кушать', dir- : dūl //durt или dūl 'иметь' (только в сочетаниях) и др.

Наконец, у одного глагола основа прошедшего времени наряду с вариантом на -t имеет вариант с нулевым показателем, т.е. rəxt // rəx 'варить, печь', где rəx- < *rak/xwa- (ср. ос. fəx 'варенный').

Как уже можно было заметить, помимо дополнительных согласных элементов основа прошедшего времени ряда глаголов имеет другой корневой гласный, что свидетельствует об иной исторической умлаутной позиции. Примеры: day- : dud 'давать', где day- < *dāyā-, но dud- < *dāta-; kan- : kund 'копать, рыть', где kan- < *kanā-, но kund- < *kanta-; vond- : vūst 'связывать', где vond- < *banda-, но vūst- < *basta-; vēr- : vred 'стричь овец', где vēr- < *brīna-, но vred- < *brītā-; deš- : dūyd 'дойти', где deš- < *dōgāi- (// *dōgāi-), но dūyd- < *dugta- и др.

Большинство ишканимских основ прошедшего времени являются прямым продолжением древнеиранского причастия прошедшего времени, например: kən- : kūl/l 'делать', где kūl- < *krta-, a kūl- < *krwa- (ав. kar-, прич. прош. вр. kereta-), day- : dud 'давать', где dud- < *dāta-, vond- : vūst 'связывать', где vūst- < *basta-, saw- : sūd 'гореть', где sūd- < *sūta- и др. Но есть и вторичные основы прошедшего времени: rəvd- от rəv- 'пить', yažd- 'говорить', siwd- от siw- 'жесть' и др.

Исторический анализ основ прошедшего времени с учетом умлаута позволил прийти к выводу о том, что в древнеиранском в образовании так называемого пассивного причастия прошедшего времени участвовал не только суффиксальный элемент *-tā-, как это до сих пор считалось, но и другие суффиксальные элементы и не только с конечным гласным *-ā-, но и с другим конечным гласным, в частности, с гласным *-ī- (или сочетанием *-uā-?). Например, такие ишканимские основы прошедшего

времени, как *ivd-* от *iv-* 'прясть' < **uptī-* (др.-инд. *vabh-*, *var-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное'), *ift-* от *if-* 'ткать' < **uftī-* (ср. предлущий глагол), *pit-* в *pitk* 'сгнивший' < **pūtī-* (ав. *pav-* 'гнить') могут быть только рефлексам древнеиранского причастия прошедшего времени на *-tī-, но не *-tā-, поскольку корневой гласный *i*, представленный на месте др.-ир. *ū, мог появиться только в позиции *i*-умлаута.

Другими суффиксальными элементами (кроме *-tā/ī-), с помощью которых образовывались древнеиранские причастия прошедшего времени и которые дали определенные рефлексы в ишкашимском, были следующие: др.-ир. *-ata- (ср. др.-инд. *pac-ata-* 'сваренный', ав. *hušata-* 'высохший', *yemata-* 'ушедший'), др.-ир. *-wā/ī- (ср. ав. *ahva-* от *ah-* 'быть' и причастие прош. вр. и.-е. *mṛ-uo-* 'смертный'). Приводим примеры на каждый из отмеченных типов основ прошедшего времени.

1) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прошедшего времени муж./ср. рода на *-ta- : *skēšt-* от *skand-* 'рубить, резать' < **skašta-* (ав. *skand-*); *tūyd-* от *tac-* 'уходить' < **takta-* (ав. *tak-*); *frūt-* от *fras-* 'спрашивать' < **p/fracsta-* (ав. *peres-*, *fras-*); *dud-* от *day-* 'давать' < **dāta-* (ав. *dā-*); *kūt-* от *kyl/l-* 'колоть, резать (животное)' < **kušta-* (ав. *kaoš-*); *vād-* от *vun-* 'быть' < **būta-*.

2) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прошедшего времени жен. рода на *-tā : *oyad-* от *is-* 'приходить' < **ā-g/yātā-* (ав. *gam-*, прич. прош. вр. *gata-*); *nad-* от *nas-* 'брать' < **nātā-* (и.-е. нем. *nē-* 'брать'); *žad-* от *žan-* 'убивать' < **jātā-* (ав. *gan-*); *pyr-kavd-* от *pyr-kamb-* 'загонять (скот, птицу), заключать в тюрьму' < *(*u*)*pari-(s)kaptā-* (и.-е. (*s*)*ka/emb-*, *kmb-* 'окружать, заковычивать в кандалы, спутывать лошадей', др.-ир. *cimbid* 'заключенный в тюрьму'); *wat-* от *waz-* 'падать' < **was/štā-* (ав. *vaz-*); *let-* от *les-* 'лизать' < **l/ristā-* (ав. *rašz-*).

Следует заметить, что рефлекс исторических причастий прошедшего времени жен. рода совпадают с рефлексам исторических причастий прошедшего времени мн. числа, поскольку и в том и в другом случае имели место фонетическая позиция ā- умлаута, т.е. *-tā ед. ч. ж.р., а *-tāh мн. ч. м./ср., ж.р. Но поскольку современные ишкашимские основы прошедшего времени, как уже отмечалось, нейтральны в отношении как рода, так и числа, то это замечание для ишкашимского не актуально.

3) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлекс древнеиранских причастий прошедшего времени на *-tī- или *-tūā- : *ift-* от *if-* 'ткать' < **uftī-* (и.-е. *uebh-*, др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное'); *ivd-* от *iv-* 'прясть' < **ub/ptī-* (тот же корень); *pit-* в *pitk* 'сгнивший' < **pūtī-*, **pūtyā-* (ав. *pav-*); *py-dit-* от *py-din-* 'зажигать, разжигать' < **pa(ti)-ditī-* (и.-е. *dei-* 'светить', ш.

pidis- 'загораться', pidin- 'зажигать'); r̥zind- от r̥zin- 'знать' < *pati- + zantī- (ав. zan-); urivd- от urimb- 'оставлять, оставливать' < *awa-ra(m)ptī- (ав. ram- 'пребывать в покое'); n̥višt- от n̥viš- 'писать' < *ni-pištī- (ав. paēs-).

4) Ишканимские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранских причастий прошедшего времени на *-ata- (ср. др.-инд. рас-ata- 'сваренный', ав. gm-ata-, у̥em-ata- 'шедший', huš-ata- 'высохший', др.-перс. v̥ak-ata- 'прошедший' и др.) и, возможно, на -ita- (ср. др.-инд. vid-itá- наряду с vitta- 'узнанный'), например; wauyd- от wau- 'ругаться, кричать' < *wauata- (и.-е. h̥agh- 'кричать'); v̥r̥nyd- от v̥r̥n- 'стричь овец' < *br̥in-ata- (ав. bray-); d̥r̥yrd- от d(̥)ray- 'жать, косить' < *d(a)r̥ita- (и.-е. der̥ī-, dereu, в ср.-перс. dr̥ūn 'жать, сжинать'). Но не исключено, что все ишканимские основы прошедшего времени на -bd- вторичные (ср., например, вах. šexset- от šexs- 'переходить', ав. šak-).

5) Ишканимские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранских причастий прошедшего времени на *wā-, *-wī- (или *-ya-): r̥x- от рас- 'варить, печь' < *rak/xwa- (ав. rak-, др.-инд. прич. прош. вр. rakvā- 'сваренный', ср. ишк. перфектное причастие r̥xūk вместо ожидаемого *r̥xtūk); ud- от us- 'нести, вести' < *udwī- (ав. vad-); k̥ul- от k̥n- 'делать' < *kr̥wa- (ав. kar-; ср. ш. šu осн. прош. вр. от kin- 'делать' < *kr̥wa- и язг. ki- в kiya(g) 'сделавший' < *kr̥wī-; ср. также ишк. вариант этой основы k̥ul- < *kr̥ta-); m̥l- от m̥r- 'умирать' < *mr̥wa- (и.-е. mr̥-uo- 'умерший, мертвый'; ср. ишк. вариант этой основы m̥l- < *mr̥ta-, и.-е. mr̥-ta-) и др.

Как можно видеть, этот тип причастия засвидетельствован еще в индоевропейском. Имеется он и в древнеиндийском. Очень близки грамматически такие древнеиндийские образования, как rakvā- 'сваренный', vidvās 'осознавший, понявший' (при др.-инд. vitta- 'осознанный, узнанный, известный'). Первое образование - от основы перфекта, а второе - от корня, которые в данном случае совпали, т.е. *vaid-, *vid- 'знать, ведать', и.-е. u(e)di-, u(e)idē(i)- 'видеть, знать').

В авестийском древнеиндийском vidvās соответствует vid/dvā им. ед. от перфектной основы ир. *waid- // *wid-. Подобного рода образования, как известно, являются активными причастиями перфекта, которые образовывались от основы перфекта (часто совпадавшей с основой презенса или с корнем) с помощью суффикса *-wān в противоположность пассивным причастиям перфекта, которые образовывались от корня с помощью суффикса *-tā- (также *-tī- или *tūā-). В качестве других примеров активного причастия перфекта в авестийском можно привести: dadvā 'тот, кто создал, создавший, сотворивший, творец' (от перф. основы *dad-, корень *dā- 'давать'), vī-didvā 'всюду направивший свой взгляд; всюду рассмотревший' (от перф. основы *did-, корень *dā(y)- 'видеть').

Не исключено, что восстанавливаемые нами причастия на *-wā-, *-wī- имеют прямую связь с древнеиранскими активными причастиями перфекта на *-wāh м.р., *-wā ж.р. А нейтральность современных основ прошедшего времени в отношении пассивности – активности, возможно, явилась результатом контаминации древнеиранских пассивных (на *-tā-, *-tī-) и активных (на *-wā-, *-wī-) причастий перфекта, ср., например, ишк. kûl- < *kṛta-, но kûl < *kṛwa-, ш. čūd- < *kṛta-, но ču < *kṛwa-). Другие предположения относительно возможной нейтрализации оппозиции пассивность – активность рассматриваются нами в соответствующем разделе очерка "Шугнанский язык".

5.3. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая форма причастия прошедшего времени на -u/ûk < *-aka-, не осмысляющаяся в настоящее время как причастие и служащая своего рода основой для образования формы перфекта и сложных глагольных форм (плюсквамперфекта, преждепрошедшего перфекта и прошедшего предположительного времени). Вариант суффикса с гласным верхнего подъема, т.е. -uk, присоединяется к основе прошедшего времени с корневым гласным верхнего подъема, т.е. либо с i, либо с u, например: minduk (основа наст. вр. mis- 'спать'), nvištuk (основа наст. вр. nviš- 'писать'), škurduk (основа наст. вр. škur- 'искать'). Вариант суффикса с гласным неверхнего подъема, т.е. -ûk, присоединяется к основе прошедшего времени с корневым гласным неверхнего подъема, например, nadûk (основа наст. вр. nas- 'брат'), nûlštûk (основа наст. вр. nid- 'сидеть'), wetûk (основа наст. вр. wed- 'класть, ставить, помещать, лить'), goxtûk (основа наст. вр. gox- 'делать, создавать, производить на свет'), dər(ь)dűk (основа наст. вр. dəra- 'жаты, косить').

Таким образом, краткая причастная форма прошедшего времени (или перфектная основа) является отражением древнеиранского причастия прошедшего времени с одним из следующих сложных суффиксов: *-tā-kā-, *-tī-kā-, *-wā-kā-, *-wī-kā-.

Кроме того что причастие на -u/ûk служит для образования глагольных форм, известны также случаи его субстантивации, например: ivdűk 'пряжа' (т.е. 'спряденное'), kûftûk 'трещина' (т.е. 'треснувшее'), l/iftûk 'восход солнца, луны'.

Выражение лица и числа

5.4. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (форма настоящее-будущего времени, форма повелительного наклонения), выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (форма прошедшего времени, перфект, плюсквамперфект), – особыми подвижными показателями энклитического типа.

5.5. Личные окончания в языке следующие: I л. ед. ч. -ьm, мн. ч. -on; 2 л. ед. ч. -i, мн. ч. -ьv; 3 л. ед. ч. -u, -i (последнее только для глагола vúnuk 'быть'), мн. ч. -on.

Исторически почти все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания – первичные или вторичные, активные или медиальные – того или иного склонения. Исключение составляет окончание I л. мн. ч. -on, для которого не засвидетельствованы соответствия в известных нам древнеиранских языках, а также в древнеиндийском. За пределами этих языков окончание I л. мн. ч. -on (так же как и ш.-р. -an, вах. -ən) можно было бы сопоставить с хорезм. окончанием I л. мн. ч. -āmnī, х.-сакс. -āmane, -menī, согд. -'umn или с хет. -wenī, а также с лувийским I л. мн. ч. -ēnī.

Остальные окончания имеют следующие соответствия: ед. ч. I л. -ьm < *-āmi, 2 л. -i < * -āhi, 3 л. -u < *-āta (медиальное окончание конъюнктива), а -i в vún-i 'он(а) будет' допускает несколько толкований: 1) < *-āti (активное окончание конъюнктива); 2) *-ati (активное окончание или *-atai медиальное окончание индикатива); мн. ч. 2 л. -ьv < *-ad/twai, 3 л. -on < *-anta (медиальное окончание конъюнктива), либо < *-antu (активное окончание императива).

В современном языке личные окончания нейтральны в отношении модальности и залога. Они употребляются в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (настояще-будущее время и форма повелительного склонения) и имеют только временную нагрузку. Исключение представляет, как уже было отмечено выше, нулевая флексия 2 л. ед. ч. формы повелительного склонения, которая продолжает соответствующую флексию древнеиранской формы императива. Современные личные окончания противопоставляются во временном аспекте подвижным показателем лица и числа.

Подвижные показатели лица и числа

5.6. Как уже было отмечено выше, подвижные показатели лица и числа употребляются при глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени. Показатели лица и числа в ишканинском языке следующие: I л. ед. ч. -ьm, мн. ч. -on; 2 л. ед. ч. -ьt, мн. ч. -ьv; 3 л. ед. ч. -i (факультативно), мн. ч. -on. В отличие от личных окончаний они могут присоединяться к любому (чаще, однако, к первому) члену предложения (а точнее – к первой синтагме), например, tььx-ьv kьъo vьd? 'где вы были?'.
 То обстоятельство, что эти показатели лица и числа полностью совпадают с глаголом-связкой, дает основание предположить, что в том случае, когда они сочетаются с непереходным глаголом, они являются рефлексам соответствующих личных форм древнеиранского глагола *ah-

(также *h-, *aṇh-) 'быть'. При таком предположении древнеиранскими соответствиями для них будут следующие: 1 л. ед. ч. -ъм < *ahmi, а мн. ч. -он < *anhma (активный залог индикатива) или < *hamna (конъюнктив); 2 л. ед. ч. -ът < *hatāh (медиа́льный залог конъюнктива; ср. др-инд. вторичное медиа́льное окончание 2 л. ед. ч. -thās, Барроу, 1976, с. 286; для соответствия др-инд. th - ир. *t ср. вторичное медиа́льное окончание 2 л. дв. ч. др-инд. -āthām, ир. *ātām, а также первичное медиа́льное окончание 2 л. дв. ч. др-инд. -āthe, ир. *ātai), а мн. ч. -ьв < *had/twam (медиа́льный залог конъюнктива); 3 л. ед. ч. -и < *ahyāt (активный залог опатива), нулевой вариант < *hat, т.е. конъюнктив, акт. залог; мн. ч. -он < *hanta, т.е. конъюнктив, мед. залог, либо < *hantu, т.е. императив (ав. hantū).

При переходном глаголе употребляется тот же ряд показателей лица и числа, но их происхождение, как нам представляется, иное. Они являются рефлексамы исторических сочетаний глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. одного из наклонений с соответствующим экклитическим местоимением, т.е. ед. ч. 1 л. -ъм < *ahyāt + mai, 2 л. -ът < *ahyāt + tai, 3 л. -и < *ahyāt + hi, а нулевой вариант < *hat + hi; мн. ч. -он < *ahat + nāh, 2 л. -ьв < *ahyāt + vāh, 3 л. -он *ahat + anāiś, где anāiś твор. мн. от указательной местоименной основы *ana-.

Личные формы глагола

5.7. В ишкашимском имеются следующие глагольные формы: настоящее будущее время, повелительное наклонение, прошедшее время, перфект, плюсквамперфект, преждепрошедший перфект и прошедшее предположительное время. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные глагольные формы - результат позднейших разновременных образований.

Но в ишкашимском, как и в других памирских языках, сохраняются застывшие личные глагольные формы, продолжающие древнеиранские. Это - ast 'есть, имеется' (ш.-р., язг. yast, м. ast, но вах. t̥y 'есть, имеется'). Ишк. ast, как и м. ast, может быть восстановлено в *astām, т.е. в форму 3 л. ед. ч. императива мед. залога от глагола *ah- 'быть'. А ш.-р., язг. yast 'есть, имеется', по-видимому, следует восстановить в *hasti, т.е. форму 3 л. ед. ч. от редуцированной основы *(a)hah- 'быть' (ср. ш.-р. uax 'сестра' < *hwāxā). Такое толкование подтверждается соответствующим глаголом в н.-перс. hāst и ягн. xast 'есть, имеется'. Что же касается вах. t̥y, то оно, по-видимому, из *stāyāt, т.е. формы опатива 3 л. ед. ч. акт. залога от глагола *stā- 'стоять, становиться'.

Также застывшей в ишкашимском языке, как и в других памирских языках, является соответствующая отрицательная форма, т.е. n̥ast 'не име-

ется, нет' (ш.-р. *nist*, язг. *nast*, вах. *nāst*, м. *čēš*). Ишк. *nyst*, как и ш.-р. *nist*, закономерно восстанавливается в **na asti*, где **asti* — 3 л. ед. ч. индикатива от глагола **ah-* 'быть'. Вах. *nāst* и язг. *nast* < **na astām*, где **astām* — императив 3 л. ед. ч. мед. залога от того же глагола. Что касается м. *čēš* 'не имеется', то оно имеет осложненную частицу отрицания и другой вариант основы **ah-* 'быть', т.е. м. *čēš* < **nak/ča ašūāt*, где **ašūāt* оптатив 3 л. ед. ч. акт. залога, или < **nak/ča ašti*, где **ašti* индикатив 3 л. ед. ч. акт. залога от корневой основы **aš-*, являвшейся вариантом основы **ah-* 'быть' (и.-е. *es-*, **ek/k-*, ср. связку 3 л. ед. ч. ягн. -х).

К застывшим личным формам глагола можно, по-видимому, отнести и ишк. -ьс 'бы', т.е. частицу, употребляющуюся при указании на сослагательность совершения действия, ср.: *bōri ag-wān-ьс zūyd!* 'хоть бы она его взяла!'. В других памирских языках ей соответствуют: вах. -əḱ// -ḱek, язг. *ho*, с. -ik. Думается, что по аналогии с русской частицей бы (из др.-рус. аориста 2-го и 3-го л. ед. ч. от 'быть', Фасмер, 1964, с. 257) эти частицы представляют собой рефлексy формы аориста 3 л. ед. ч. мед. залога от глагола **ah-* и его вариантов **ak-* **ax-* 'быть' (и.-е. *es-*, ав. *ah-*), т.е.: ишк. -ьс < **āsta*, вах. -əḱ- < **ākṣta*, язг. *ho* < **āxta*, с. -ik **āktai*.

Форма повелительного наклонения употребляется только во 2-ом лице и имеет два числа: единственное и множественное. В ед. числе форма повелительного наклонения внешне совпадает с основой настоящего времени, например: *tac!* 'уходи!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения древнего безударного окончания 2 л. ед. ч. императива *-а (ср. ав. *bara!* 'неси!'). Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, например: *tác-ьv!* 'уходите!'.

Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе настоящего времени безударных личных окончаний (см. выше). Приводим парадигму спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать, вязать' в этой форме.

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>if-ьm</i>	<i>if-on</i>
2 л.	<i>if-i</i>	<i>if-ьv</i>
3 л.	<i>if-u</i>	<i>if-on</i>

Форма настоящего-будущего времени употребляется для выражения всякого непрошедшего действия, например: *čəz-bo tь xi šoval na-kái?* 'что же ты не смотришь, куда идешь?'; *saar azí tar rayon šьm* 'завтра я поеду в районный центр'; *fygmaу xi kič, dьgar xádaк ísu, ráсу* 'вели своей жене, пусть в другой раз она сама приходит и печет'.

Как уже отмечалось выше, базой для образования всех простых глагольных форм, выражающих не-настоящее время, является основа прошед-

шего времени, развившаяся из древнеиранского причастия прошедшего времени (подробнее см. "Основы"). Путем сочетания основы прошедшего времени с подвижными показателями лица и числа образуется глагольная форма прошедшего времени. Приводим парадигму спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать, вязать'.

П р о ш е д ш е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>azí-m ift</i>	<i>máx-on ift</i>
2 л.	<i>tá-t ift</i>	<i>támáx-áv ift</i>
3 л.	<i>aw(-i) ift</i>	<i>awónd(on/v)-on ift</i>

Примеры во фразе: *far Qoqdást-on it* 'они дошли до Кокдашт'; *úk málúk máb-bo dýðor déd-át mábáv býlgond žýroft* 'один человек повстречался нам и вернул нас назад'.

Говоря о форме прошедшего времени, следует отметить одну ее особенность. При этой форме в качестве частицы отрицания используется частица *nást-*, а не частица *na-*, употребляющаяся при всех остальных глагольных формах, например: *áz-ým nást - túd* 'я не уходил' (ср. *azí ná-tasým* 'я не уйду'). Частица *nást-* может быть восстановлена в **nasta* или **nísta*. Для первого варианта ср. и.-е. *ne-k^he*, *ne-ke*, др.-инд. *наса* 'и не' плюс наращение в виде *-t-*. Для второго варианта ср.: 1) и.-е. *nei-k^ho-*, **nei-ko-* в гот. *nih*, нем. *nicht* 'не'; 2) др.-инд. *néd*, ав. *naēd/ōā* '(и) не' плюс наращение в виде *-t-*.

Исторически производной от основы прошедшего времени является причастная форма на *-u/úk*, которая в настоящее время почти не употребляется как причастие, а служит базой для образования формы перфекта. Эта форма образуется сочетанием причастия на *-u/úk* (или перфектной основы) с подвижными показателями лица и числа. Приводим парадигму спряжения того же глагола *if-*: *ift* 'ткать'.

П е р ф е к т

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>azí-m iftuk</i>	<i>máx-on iftuk</i>
2 л.	<i>tá-t iftuk</i>	<i>támáx-áv iftuk</i>
3 л.	<i>awí(-i) iftuk</i>	<i>awónd(on/v)-on iftuk</i>

Эта форма употребляется для выражения наличного результата прошедшего действия, при передаче информации с чужих слов, при логическом выводе. Примеры: *ak-dúnd gušt Payruza ástuduk* 'вот столько мяса прислала Пайруза'; *yáðon za fri dekkon vādúk* 'говорят, что он был хорошим дехканином'; *alba weron šýdúk* 'наверное, (замок) сломался'.

Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием основы перфекта на *-u/úk* с вспомогательным глаголом *vun-*: *vád* 'быть' в форме прошедшего времени. Парадигма спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. <i>azí-m iftuk vǝd</i>	<i>mǝx-on iftuk vǝd</i>
2 л. <i>tǝ-t iftuk vǝd</i>	<i>tǝmǝx-ǝv iftuk vǝd</i>
3 л. <i>awí(-i) iftuk vǝd</i>	<i>awónd(on/v)-on iftuk vǝd</i>

Эта глагольная форма употребляется для выражения давнопрошедшего действия или действия, совершившегося ранее какого-то другого действия, например: *náwúk ref vǝstúk vǝd-ǝm, só-t-ǝs wan ná-ávǝrǝm* '(как-то давно еще) я связала новый веник, а сейчас не нахожу его'; *ak-má dǝr-ǝt ǝaworǝyot se oyadúk vǝd, dáyu xi bíbí-bo* 'тот жемчуг и драгоценности, которые он (раньше) принес, он отдает своей бабушке'.

Кроме этих глагольных форм в ишкашимском имеются еще две сложные глагольные формы; преждепрошедший перфект и форма прошедшего предположительного времени. Первая форма образуется сочетанием причастия на *-u/ǝk* (или основы перфекта) смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vun-*: *vǝd* 'быть' в форме перфекта. Эта форма употребляется сравнительно редко. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме.

П р е ж д е п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. <i>azí-m iftuk vǝdúk</i>	<i>mǝx-on iftuk vǝdúk</i>
2 л. <i>tǝ-t iftuk vǝdúk</i>	<i>tǝmǝx-ǝv iftuk vǝdúk</i>
3 л. <i>awí(-i) iftuk vǝdúk</i>	<i>awónd(on/v)-on iftuk vǝdúk</i>

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием причастия на *-u/ǝk* (или основы перфекта) смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vun-*: *vǝd* 'быть' в форме настоящего-будущего времени. Парадигма спряжения:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е в р е м я

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. <i>azí iftúk vúnǝm</i>	<i>mǝx iftúk vúnón</i>
2 л. <i>tǝ iftúk vúni</i>	<i>tǝmǝx iftúk vúnǝv</i>
3 л. <i>awí iftúk vúni</i>	<i>awónd(on/v) iftuk vúnón</i>

Эта глагольная форма употребляется при выражении предположения, возможности, условного допущения, например: *awí porǝzd alba ǝdúk vúni* 'он, наверное, вчера уехал'; *tǝrǝǝ ná-ǝdúk vúni, íǝǝm, tǝ xar!* 'если он (т.е. суп) не прокис, я принесу, ты поешь!'.
Приведенные выше сложные глагольные формы являются сравнительно поздними образованиями.

5.8. Модально-видо-временная система ишкашимского языка, как и всех памирских языков, претерпела довольно значительные изменения

сравнительно с древнеиранской. Если древнеиранская глагольная основа несла на себе видовую, модальную и залоговую нагрузку, а личные окончания – временную, видовую, модальную и залоговую, то для ишканимской основы и личных показателей характерен прежде всего временной план. В модальном и видовом отношениях и основа, и личные показатели нейтральны. Исключение составляет нулевая флексия 2-го л. ед. ч. при основе настоящего времени, которая указывает на повелительное наклонение.

В некотором уточнении нуждается характеристика перфектного причастия (или перфектной основы). Образованная на базе основы прошедшего времени, перфектная основа противопоставляется ей скорее в определенном видовом плане, чем во временном: она выражает настоящий результат действия, имевшего место в прошлом. Это значение особенно характерно для форм перфекта и преждепрошедшего перфекта, которые кстати также противопоставляются друг другу во временном аспекте. В глагольной же форме плюсквамперфекта, куда в качестве главного компонента также входит перфектная основа, видовой аспект этой основы несколько размыт. Форма плюсквамперфекта противопоставляется форме прошедшего времени только во временном аспекте, в модальном и видовом отношениях она нейтральна.

Многоаспектный характер перфектной основы сказывается и в другой глагольной форме, куда входит в качестве главного компонента эта основа, – в глагольной форме, выражающей предположительный результат в настоящем времени действия, имевшего место в прошлом. Эта форма не совсем точно называется формой прошедшего предположительного времени. В этом случае к видо-временной характеристике перфектной основы добавляется модальная (примеры см. выше).

Таким образом, вторичная по образованию перфектная основа явилась базой для образования ряда форм: простой (перфекта) и сложных (плюсквамперфекта, прошедшего предположительного времени и преждепрошедшего перфекта). Благодаря этим формам оказалось возможным выражение в языке тех или иных не только временных, но и модально-видовых оттенков. Таковы в общем модально-видо-временные отношения в глагольной системе ишканимского языка.

5.9. Какой-либо залоговой оппозиции системного характера в ишканимском глаголе нет. Но существуют некоторые виды залогового противопоставления на уровне основ отдельных групп глаголов. Одна из этих групп глаголов, точнее основ настоящего времени этой группы глаголов, отражает один из видов древнеиранской залоговой оппозиции, а именно: активность, переходность – медиальность, непереходность. Эта залоговая оппозиция выражается не только в противопоставлении значений глагола, но и в чередовании гласного основы: siw- 'жесть' < *ṣawai- - saw- 'гореть' < *ṣawā- (ср. и.-е. dāu- 'гореть'); urimb- 'останавливать' < *awa-rambait- - urofs- 'стоять' < *awa-rapa-

(ав. *gam-* 'быть в покое'); *ximb-* 'спускаться' < **xambai-* - *xafa-* 'спускаться' < **xaršā-*; *arpiš-* 'терять' < **ura-našai-* - *apiu-* 'теряться, исчезать' < **ura-našua-* (ав. *naš-* 'пропадать'), *kas-* 'смотреть' < **kašā-* - *šiu-* 'смотреться, казаться' < **kašua-* (ав. *kaš-* 'смотреть'); *kaš-* 'тащить' < **x/kašā-* - *kreš-* 'тащиться' < **karšua-* (ав. *karš-* 'тащить'). Но таких пар глагольных основ нами больше не засвидетельствовано. Только на основании значения основы, связанного с переходностью - непереходностью, сюда можно отнести следующие внепарные глаголы:

Переходные	Непереходные
<i>kan-</i> 'копать' < * <i>kanā-</i> ;	<i>tac-</i> 'уходить' < * <i>tačā-</i> ;
<i>n̄var-</i> 'выносить' < * <i>niš- barā-</i> ;	<i>kaf-</i> 'трескаться' < * <i>kafā-</i> ;
<i>vond-</i> 'связывать' < * <i>banda-</i> ;	<i>atiy-</i> 'входить' < * <i>a-tašua-</i> ;
<i>if-</i> 'ткать' < * <i>ufai-</i> ;	<i>ambid-</i> 'рушиться' < * <i>ham-pat/dya-</i> ;
<i>dir-</i> 'иметь' * <i>darai-</i>	<i>nid-</i> 'сидеть' < * <i>ni-hadya-</i> ;
и др.	<i>m̄r-</i> 'умирать' < * <i>m̄r̄ua-</i>
	и др.

Основы рас- 'варить(ся)' *z̄nau-* 'мыть(ся)', *r̄m̄s-* 'одевать(ся)' и некоторые др. совмещают в себе переходное и непереходное значения.

Одним из современных средств выражения переходности - непереходности в языке является лексический способ, ср. например: *miš-* 'спать' - *ūniš-* 'усыплять, укладывать спать'; *šan-* 'подниматься' - *uš k̄nišk* 'поднимать'; *š̄x̄s-* 'проходить' - *bȳḡzarōn-* 'проводить'; *uniž-* 'возвращаться' - *bȳlgōn-* 'возвращать'; *š̄tiw-* 'мерзнуть' - *uax k̄nišk* 'морозить' и т.д.

Другая группа глагольных основ выражает сравнительно новый вид залогового противопоставления, а именно: побудительность - непобудительность. Этот вид залоговой оппозиции выражается не только в противопоставлении значения глагола по линии побудительность - непобудительность, но и в осложнении побудительной основы префиксом *by-* и суффиксом *-on* (к тому же иногда возможно чередование корневого гласного). Примеры: *fam-* 'понимать' - *byfamon-* 'втолковывать'; *har-* 'кушать' - *byxaron-* 'кормить'; *kaš-* 'тащить' - *bykašon-* 'заставлять тащить'; *nid-* 'сидеть' - *byš̄ynon-* 'сажать'; *xond-* 'смеяться' - *byxandon-* 'смешить' и др.

Следует, однако, заметить что побудительные основы возможно являются заимствованными из персидско-таджикского, ср. н.-перс. *fāhmidān* 'понимать' - *fāhmandān* 'втолковывать'.

Залоговая оппозиция, связанная с переходностью - непереходностью глагольной основы, в причастии прошедшего времени (см. дальше) переходит в оппозицию "действительный залог - страдательный залог", ср., например: *š̄duki* 'сгоревший' (от глагола *saw-* : *š̄d* 'гореть') - *siwduki* 'сожженный' (от глагола *siw-* : *siwd* 'сжигать'); *areduki* 'по-

терявшийся' (от глагола *ariy-: ared* 'теряться') - *arnituki* 'утерянный' (от глагола *arnis-: arnit* 'терять').

5.10. Заканчивая изложение относительно личных форм глагола, следует еще раз подчеркнуть, что наряду с большим количеством новообразований глагольная система ишкашимского языка сохраняет и следы прошлого. Это проявляется в следующем: 1) сохраняются застывшие глагольные формы; 2) основы настоящего времени благодаря умлауту сохранили рефлексy всех трех древнеиранских наклонений от различного типа исторических основ презенса; 3) основы прошедшего времени, продолжающие древнеиранские причастия прошедшего времени, сохранили следы рода, числа, а в каких-то случаях - и падежа; 4) среди личных окончаний сохранились рефлексy как исторических первичных окончаний, так и вторичных, как активного залога, так и медиального, причем различных наклонений; 5) подвижные показатели лица и числа при непереходном глаголе, представляющие собой рефлексy личных форм глагола **ah-*, **h-*, **ahh-* 'быть' в форме презенса, также сохраняют следы различных наклонений и залогов.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

5.11. Ишкашимский инфинитив представляет собой отглагольное имя действия. Он образуется прибавлением к основе настоящего времени суффикса *-uk* (после корневых гласных верхнего подъема *i, u*) или *-ûk* (после корневых гласных неверхнего подъема) < **aka-*, например: *ziduk* 'проливать', *tuluk* 'брызгать(ся)', *wenûk* 'видеть', *yaûuk* 'говорить', *goxûk* 'делать', *myrûk* 'умирать'. Образование это сравнительно новое, во всяком случае оно не имеет параллелей на древнеиранской почве. Но такого рода инфинитив имеет соответствия в других памирских языках, ср. вах. *ser-ak*, язг. *kun-aŋ* // *k^oen-aŋ* при ишк. *kyn-ûk* 'делать'. Инфинитив с суффиксом *-k* зафиксирован и в некоторых других иранских языках, ср. ягн. *vu-ak* 'быть' (ср. ишк. *vun-uk-* 'быть'), пашай *kar-ik* 'делать', ормури *par-gûny-ek* 'покрывать'.

Как отглагольное имя, инфинитив может употребляться с предлогом, послелогом, быть определением и определяемым, т.е. выступать в любой именной функции. Примеры: *tymx kozo rogza ŝuk fay qin* 'отстирать вашу грязную одежду очень трудно'; *awî gola dayûk fri dûldûk* 'он любил угощать лепешками'; *aždôr-nou žanûk* 'убийство дракона' (фолькл.); *bylavûk-nou šoval* 'путь к образованию'; *am mend paradayûk-bo* 'эти яблоки (предназначены) для продажи'.

Зафиксировано употребление инфинитива в особой инфинитивной конструкции, служащей для выражения намерения, необходимости, возможности, начинательности. Примеры: *azi rayon ŝuk-bo-m* 'я собираюсь ехать в район'; *am dur fay rost, žang kynûk-bo-* 'этот серп очень прямой,

(его) надо загнать'; mǝx-on kǝ xarǝk-on ǝbd 'мы принялись есть';
piyoda ǝuk na-ǝu 'идти пешком (туда) невозможно'.

П р и ч а с т и е

5.12. В ишканимском имеются два причастия: причастие настоящего времени или имя действующего лица и причастие прошедшего времени. Первое образуется от инфинитива прибавлением суффикса -kǝz, например: deǝu(k)-kǝz 'доющая, доярка', rǝzinu(k)-kǝz 'знающий, знаток'. Элемент -kǝz может быть восстановлен в *kǝza-, что представляет собой причастие настоящего времени от корня *kǝz-, *kǝs- 'мочь' (ср. и.-э. kak-, *kak-, *kag(h)- 'мочь, быть способным', др.-инд. ǝkǝ- 'могущий, способный на что-либо', ав. saǝaiti 'знает толк в ...', ср. ос. aqaz 'помощь'). Таким образом, первоначально причастия этого типа означали 'способный, могущий что-либо (с)делать', т.е., например, deǝu(k)-kǝz 'могущая доить, доярка'.

Причастие этого типа имеется также в ваханском, сарыкольском и остаточном в шугнанском языке, ср., например: вах. diǝa(k)- kǝzg 'знающий, знаток', ǝisn-kǝzg 'дойрка'; с. wazond-(i)ǝuz, ш. wizǝn-ǝǝz 'знающий, знаток'.

Причастие прошедшего времени образуется прибавлением к перфектной основе, исторически также являющейся причастием на *-aka-, суффикса -i. Залоговая дифференциация причастия зависит от переходности — непереходности глагольной основы: от основы переходного глагола, как правило, образуется причастие страдательного залога, от основы непереходного глагола — причастие действительного залога. Примеры: siwduki 'сожженный' — ǝdduki 'сгоревший', ǝnituki 'утерянный' — ǝreduki 'утерявшийся, исчезнувший', urivduki 'оставленный, остановленный' — urovduki 'стоявший, остановившийся', vǝrtuki разбитый, nǝviǝtuki 'написанный', tǝuduki 'умерший', ǝmbistuki 'разрушившийся' и др.

Причастия, образованные от основ, совмещающих в себе переходность и непереходность, не имеют залоговой дифференциации, например: rǝx(t)-uki 'сваренный, испеченный и сварившийся, испекшийся'; ǝnduduki 'умный', выстиранный и 'умывшийся'; rǝdituki 'зажженный' и 'загоревшийся'.

Во фразе причастие прошедшего времени может выступать в функции подлежащего, определения, сказуемого. Примеры: mǝ nǝviǝtuki kǝnǝo? 'где написанное мною?'; mǝm-bo rǝ vǝrtuki ǝini ǝou day! 'мне в надбитую пилу належ чаю!'; mǝ ǝavi ǝnduduki 'мое платье выстирано'.

Ишканимский суффикс причастия прошедшего времени -i соответствует ш.-in, р.б. -in, с. -enǝ, язг. -in, ср., например, ишк. nǝviǝtuki, ш. niviǝǝin, р.б. niviǝǝin, с. naviǝǝenǝ, язг. nǝvǝǝtagin 'написанный'. Исторически этот суффикс отражает древнеиранский суффикс прилагательного *-aina/i- или *-anuǝ- (ср. ав. zarǝnaǝna-, zarǝnaǝna-, а также zarǝnuǝ- 'золотой', н.-перс. zarin).

МУНДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. С синхронной точки зрения основы имен существительных можно разделить на неосложненные основы и основы, имеющие аффиксальный элемент. Неосложненные основы всегда являются основами муж. рода, например: *pur* 'сын', *kor* 'рыба', *naχ* 'пол'. Сюда же будут относиться и префиксальные основы с исходом на согласный: *ru-sar* 'голова'. Из суффиксальных элементов в языке представлены: 1) -а ж.р., -о (в. -ā) м.р., например: *čana* 'козочка' (ср. *čan* 'козленок'), *naχesa* 'внучка' (ср. *naχes* 'внук'), *uowa* 'корова', *kuwo*, *kyo* 'бык', *ro(n)da* 'путь, дорога', *miro* 'солнце'; 2) -у (в. -g), -yo (в. -gā) м.р., -ya (в. -ga) ж.р. (после исхода на глухой согласный чаще -k, -ko м.р., -ka ж.р.), например: *poru* м.р., *roya* ж.р. 'мышь', *vizu* (в. *vuzg*) 'предплечье', *miyu* 'моча', *soya* 'тень', *rytk* 'кисть, бахрома', *čitko* 'ситец', *ryška* 'кошка', *raška* 'блюдо', *fyška* 'нос'; 3) -ey // -i м.р., -(ə)ya // -iya ж.р. (йидга -(ə)ya м.р.), например: *werey* 'ягненок', *wer(ə)ya* 'ярка', *wafšiya* (йидга *wofšyo*) 'пчела, оса', *yasteu* 'кость', *kafšiya* 'ложка'; 4) -iyo (в. -igā), -oyo м.р., -ika ж.р. - словообразующие суффиксы, в том числе уменьшительные, например: *zeŋgiyo* (в. *zuŋgigā*) 'мальчик, юноша', *zərika* 'старуха, старушка', *raška* 'ножка', *uowika* 'тина' (ср. ишк. *yob*, вах. *yop* 'тина').

Нередки случаи, когда именная основа имеет несколько суффиксальных наращений, например: *zeŋ-g-iyo* 'мальчик, юноша', *keŋ-k-ik-a* // *keŋ-t-ik-a* 'девочка, девушка'.

Приведенные выше аффиксальные элементы - сравнительно позднего происхождения.

Если взять мунджанские именные основы без этих аффиксальных элементов, то они с исторической точки зрения в структурном отношении

могут быть разделены на: а) неосложненные именные основы, продолжающие ту или иную историческую именную основу, например, паwes 'внук'

б) *napāṽ/sya-, *napāṽ/si- (др.-ир. *napāt-/- ав. napāt-); в) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осмысливается как таковое, например: por-γ 'мышь' < *pura-+-ka- (ср. и.-е. pbi-, pbi-ro- 'маленькое животное', вах. рырк, ишк. pūrk, ш. pūrg, язг. purg 'мышь'); г) именные основы с неосмысливающимся в настоящее время префиксальным наращением, например, á-dergey 'ремень', тяз, соединяющий две части кушка < *ha(m)-darga- + суф. (и.-е. dher-, dheregh-, dheregh- 'держат, скрепляют', лит. difžas 'ремень', ав. darez- 'крепко связывать', drezra- 'крепкий', drağ- 'держат', dražjanhe 'скрепляют'); д) именные основы, представляющие собой исторически редуцированную основу, например: žeyu-/erg/γ 'зоб (нарос на шею)' < *gr-g/γara- + суф. или *gr-g/γarg/γa- (ср. и.-е. gel- в др.-инд. gulmá- 'нарос'); е) именные основы, представляющие собой исторически сложное слово, напр., ferga-γom-ey 'козленок' (исторически - 'новорожденный') < *farwa-g/γama-+-aka- (и.-е. prō-γo-, др.-перс. pariva-, ав. paurna- 'первый' и и.-е. g'hem- 'появляться на свет, производить на свет, рождать', алб. pre-gjim 'праздник по случаю первородства', ав. ni-jāma- '(ново)рожденный', вах. ny-jum 'годовалая овца').

1.1. Анализ неосложненной части мунджанских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы, т.е. с основой на *-а- (или *-ā + согласный), с основой на *-ī-, *-yā- (или *-ī- // -yā- + согласный), с основами на *-а-, *-u- (или *-a/u- + согласный). Примеры.

1) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-ā- (или *-ā- + согласный): хar-а 'осел, ослица' < *хагā- + суф. (ав. хarā-); čan 'козленок' < *канā- (и.-е. ken- 'молодое животное', др.-инд. kanīna- 'молодой'); yaw 'зерно, хлеб' < *уawā- (ср. йидга yow < *уawa-; ав. уawā-); yast-ey 'кость' < *астā- + суф. (ав. astay-, ast-); káf-č-iyā 'ложка' < *каp/fā-+-kā- + суф. (ср. и.-е. kap- 'брат, хватать', ишк. kofč, ш. čib 'ложка'); naх 'пол' < *нахā- (и.-е. onogh-, *onokh- в др.-инд. ánghri- 'нога', рус. нога, ш. nēx, с. nox 'глинобитное возвышение над полом, где спят'; для семантического развития ср. и.-е. pēd- 'нога' и рус. под 'дно печи'); vāzn-ey 'подушка, изголовье' < *врznā- + суф. (и.-е. bhelgh- в ав. bareziš- 'подушка'); pañ-g-iyā 'пятка' < *пāñnā- (др.-инд. pāṇṇi-, ав. pāñna-) или < *pañ(t)ā-kā- + суф. (ср. и.-е. (s)pen-(d) в др.-прус. rentis 'пятка', рус. пята, пятка); wāfš-iyā 'пчела, оса' < *wap/fšā- + суф. (и.-е. vobhsā- 'оса', ав. vāwžaka- 'скорпион', бел. gwabz 'пчела, оса', ш. wērs 'моль'); хšāw-а 'ночь' < *хšарā- + суф. (ав. хšар-, хšаран- 'ночь'); kál-ey 'сажа' либо из < *када- + суф. (и.-е. ked- 'коптить, дымить', рус. чад, ш. čidīr 'сажа'), либо из *kālā- + суф. (и.-е. kel- в др.-инд. kāluṣa- 'черный, грязный');

raf-ika 'веник, метла' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu- в ш. rūb- 'мести', ишк. ref, ягн. rubč, язг. rafc, о. rafc 'метла'); yaуо 'мост' < *hait(w)ā + суф. (ав. haštu-).

2) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-ī-, *yā- и т.п.: žin-ka 'женщина' < *janī- (др.-инд. janī-, ав. jainī-); nawes 'внук' < *nārāw/ai-, *nārāw/aya- (ав. nārāt-); mer 'мужчина' < *mārya- (и.-е. merio-, др.-инд. mārya-); nif 'пуп(ок)' < *nafyā-, в. nuf < *nafa-, (др.-инд. nabhya-); yiž 'змей' < *ažī- (ав. ažay-); vūz-a 'коза' < *būzī-, в. vyz-a < *būza- (ав. būza-); fiz 'грудь животного' < *fazyā- (ср. и.-е. *rōgīo-, rōg- в лат. rectus 'грудь', др.-инд. rakṣa- 'плечо'); wel-a 'оросительный канал' < *wādi- + суф. (ав. vādi-, ш. wēd, язг. wād, вах. wōd/ō); kьrm 'червь' < *kṛmī- (др.-инд. kṛmī-); yin-a 'кровь' < *wahunī- (ав. vahuni-); zьni-ya 'невестка, сноха' < *wipūyā- + суф. или < *wipūšī- + суф. (и.-е. wipwós, др.-инд. wipūā- 'невестка', алб. wuse из *wipusie 'невестка'); šiz 'орел' < *šūjī- (и.-е. k/keu- в др.-инд. śuka- 'попугай', ишк. šuž 'орел'); pur 'сын' < *puw/hri- (ав. puwra-); miy 'облако' < *maiū- (ср. м. mey 'облако' < *maiya-; ав. maēya-); ji-ika 'тетива' < *jiyā- + суф. (и.-е. g^hi- в др.-инд. jya-); x̌il- в x̌ilena 'свирель, флейта' < *ǩwailī- (и.-е. wuei- 'свистеть', др.-инд. ǩwēdati 'гудит', н.-перс. siflīdān 'свистеть', ш. xiḫilān 'свирель', бадж. xiḫēlak 'свист', язг. x̌ilān 'свирель') + суф. причастия наст. вр. *-en + суф. жен. рода.

3) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-a, *-u и т.п.: vrbu 'брат' < *brātar- (ав. brātara-); yow-a 'корова, бык' < *g/awa- + суф. (ав. gav-); čom 'глаз' < *čašman- (ср. йидга čam 'глаз' < *čašmā-, ав. čašman-); yowp 'лошадь' < *aswa- (др.-инд. áśwa-, ав. aspa-); šol-a 'загон для скота' < *kšada- + суф. (и.-е. sed-, *kšed- в ав. rasuš-hasta- 'загон для ягнят'); kop 'рыба' < *кара-, йидга kar 'рыба' < *карā- (и.-е. kōp(h)elo- в 'вид карпа', др.-инд. śarṇaga-, пуш. кар, ос. ǩāf 'рыба', ср. Абаев, 1958, с. 575); kos-k 'ячмень' < *kasa- + -ka- (и.-е. ǩeko-, *ǩeko- 'зеленый корм', др.-инд. śāka- 'съедобный злак', язг. kušk, ш. čušč 'ячмень'); lom-a 'деревня, селение' либо из *lāma- + суф. (ср. и.-е. lāmā в болг. lam 'нора, лачуга'), либо из *dāma- (ср. и.-е. domo-, ав. demāna- 'дом'); woi-ga 'вид шерстяной одежды' < *wṛ/lma- + суф. (ср. и.-е. ul-pā-, др.-инд. ūṛpa-, ав. varēnā- 'шерсть'); skun 'щенок' < *skana- (и.-е. (s)ken- 'молодое животное', вах. sken, ишк. sǩn-ūk, язг. sek^oon 'щенок'); yur 'огонь' < *ay/hra- (ав. ātar-, āyra- 'огонь'); yustr-ika 'кушак, пояс' < *yāstra- + суф. (и.-е. iḍs- в ав. yāh- 'пояс'); wьгу 'волк' < *wṛka- (др.-инд. vṛka-); mey 'облако' < *maig/ya-, ср. м. miy 'облако' < *maig/yī- (ав. maēya-); lьm 'хвост' < *duma-, ср. lum, lim то же < *dumī- (ав. duma-).

Как можно видеть из приведенных примеров, ряд именных основ, имеющих одно и то же значение, могут различаться корневым гласным. Это указывает на то, что эти основы продолжают различные древнеиранские основы от одного и того же корня, т.е. например, *l̥m*, *lum*, *lim* 'хвост' соответственно продолжают **duma-*, **dumī-* (ав. *duma-*); или *pála* 'нога' < **pāda-* + суф., но *-pil* в *xul-pil* 'босой' < **pāduya-*, а *-pul* в *xul-pul* 'босой' < **pāda-* (ав. *pāda-*, *pāda-*, *paḍuya-*).

1.2. Как уже упоминалось выше, в мунджанском имеются также именны основы, продолжающие исторические редуцированные основы или сложные слова. Примеры.

1) Мунджанские именны основы - рефлекс древнеиранских редуцированных основ: *vízvryg-a* 'береза' < **b/vr̥gī-*+*b/vr̥ga-* + суф. (и.-е. *bherég-*, *bhr̥ég-*, *bhelg-* 'блестеть, сверкать, белый', др.-инд. *bhūrjā-* 'вид березы', ш. *v̥yuzn*, ишк. *by̋ž, vaḥ. f̥grz* 'береза'); *bamber* 'оса' < **bambaryā-* (и.-е. *bher-* в др.-инд. *bambhara-* 'пчела', редупликация к и.-е. *bher-*); *ráxax-a* 'палочка, регулирующая падение зерна в отверстие жернова' < **raxā-* + *raxā-* + суф. (и.-е. *rek-* 'палка, шест').

2) Мунджанские именны основы - рефлекс исторических композитов: *vā-berna* 'с непокрытой головой' < **sarā-*+*brahnyā-* (и.-е. *ker-*, ав. *sarah-* 'голова' и и.-е. *bhles-* 'блестеть' в ср.-в.-н. *blas* 'голый, лысый', ср. ишк. *ro-brona* 'босой', н.-перс. *bārāhnā* 'голый, ногой, обнаженный'); *xul-pil* 'босой' < **xal/rwa-* + *pāduya-* (ср. и.-е. *galuō-s*, *keluō-* 'голый, ногой', н.-перс. *kāl*, ш. *kāl* 'лысый' и и.-е. *pād-*, ав. *pād-* 'нога'); *mlem-čiy-a* 'мизинец' < **ml/raina-* + *kag/yuā-* (и.-е. *m(e)lei-*, *mlī-* по- 'мелкий, малый' и и.-е. *keg-* в н.-перс. *čāng* 'коготь, лапа, кисть руки'); *rom-wary-a* 'отводная борозда на нижнем краю поля' < **rapa-* + *warkā-* + суф. (и.-е. *rep-* 'вода' и и.-е. *uelk-* 'тащить, тянуть' в греч. *ὤλαξ* 'борозда', ав. *varek-* 'тащить'); *xer-vag-a* 'мельничный жернов' < **xaryā-* + *sa(n)gā-* (и.-е. *ker-*, **ker-* в др.-инд. *śr̥nāti* 'размалывает, раздробляет' и ав. *asēga-* 'камень').

В языке имеются и такие композиты, составные части которых в настоящее время более или менее осмысляются, например: *spī-wuā* 'солома' (букв. 'белое сено'), *ru-mola* 'полотенце' (букв. 'вытирающее лицо'), *pare-yastī* 'цвета слоновой кости' и др.

Род

1.3. Мунджанскому имени существительному свойственна грамматическая категория рода. На синхронном уровне это выражается следующим образом. Все имена существительные с исходом на согласный, с исходом на -о (в том числе в составе суффиксов -ко, -г/yo и др.), а также с исходом на -ey // -i являются именами муж. рода, например: *mer* 'мужчина', *vīgo* 'груз, поклажа', *yayō* 'мост', *zēgīyo* 'мальчик, юноша',

šitko 'ситец', kaleu 'сажа'. Все имена существительные с исходом на -а (в том числе в составе суффиксов -ка, -уа и др.) являются именами жен. рода, например: worfa 'снег', šbya 'самка', fьska 'нос', zarika 'старуха', kaščiуа 'ложка', соуа 'тень'.

В языке отмечено несколько родовых пар: nawes 'внук' – nawesa 'внучка', vгeгeу // vгeгi 'племянник' – vгeгiуа 'племянница', weгeу 'ягненок' – weг(e)уа 'ярка', šan 'козленок' – šana 'козочка', meу 'архар' – meуа 'самка архара', meškauуа 'теленок' – meškauуа 'талка' и др.

Современное проявление грамматического рода не всегда соответствует историческому. Например, современное уowa 'корова' является именем жен. рода, а исторически эта именная основа является рефлексом древнеиранской основы на *-а, т.е. основы среднего рода. И наоборот, слово uaw 'зерно, злак' в современном языке является именем муж. рода, а исторически эта именная основа отражает древнеиранскую именную основу на *-ā, т.е. основу жен. рода. Но в некоторых словах синхронное и историческое проявление грамматического рода совпало, например: šan-а 'козочка' < *kanā- + суф. (и.-е. ken- 'молодое животное'); хar-а 'ослица' < *xarā- + суф. (ав. хarā-); хšaw-а 'ночь' < *kšarā- + суф. (ав. хšар- ж.р., хšаран- ср. р.); meг 'мужчина' < *maгуа- (др.-инд. māгуа-); yiž м.р. 'змея' < *aži- (ав. ažay- м.р.); коск м.р. 'ячмень' < *kasa-+-ка- (и.-е. kēko-, *kēko- 'зеленый корм', др.-инд. śāka-м./ср. р. 'съедобный злак'); уur м.р. 'огонь' < *āṽ/hra- (ав. ātar-, āṽга- м.р.) и др.

Ряд мунджанских именных основ, обозначающих животных, с исторической точки зрения совмещают в себе родовую принадлежность, например: хon м.р. 'ворон, ворона' < *xṛna- м./ср. р. (и.-е. ker- в др.-инд. karata- 'ворона', с. xurn, ос. xalon 'ворона'); уolv м.р. 'собака, пес' < *g/yal/rba-м./ср.р. (и.-е. g^uelbhn- 'молодое животное', ав. gerebuš ср.р. 'молодое животное', с. yerv 'козленок', язг. y^oerfeg 'козленок, козочка'); biw м.р. 'сова, филин' < *bawuš- м./ср., ж.р. (и.-е. beu- в н.-перс. būm 'сова'); также при современном жен. роде в vьz-а 'коза', vьz-о 'козал', где vьz- < *būza- м./ср.р. (ав. būza-).

Историческая родовая принадлежность мунджанской именной основы может быть определена по корневому гласному, причем в той степени, в какой может быть установлена историческая основа, рефлексом которой является данная мунджанская именная основа. Так, корневой гласный а современной основы, представленный на месте любого исторического гласного, отражает позицию ā-умлаута, а значит основа с этим гласным представляет собой рефлекс древнеиранской основы на *-ā, т.е. основу жен. рода, например: uaw 'зерно, хлеб' < *yawa- (ав. yawa-); уауо 'мост' < *haitwā- + суф. (ав. haētū-, ишк. yat-ik); pala 'нога' < *rādā- + суф. (ав. rād-, rāda-); kaleu 'сажа' < *kadā- + суф. (и.-е. ked- 'коптить, дымить', рус. чад, ш. čidīr 'сажа'); rafika 'мет-

ла, веник' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu-b- в ш. rūb- 'мести', ишк. ref 'метла, веник').

Корневые гласные о, у, ь, представленные на месте ир. *ā, *ǣ, отражают позицию а/у-умлаута, а значит основы с этими корневыми гласными являются рефлексам древнеиранских основ на *-a/u-, т.е. основами муж./ср. рода, например: уоср 'лошадь' < *aśwa- (ав. aspa-, ср. йидга уаср < *aśwā-); сом 'глаз' < *śaśman- (ав. śaśman- ср. р., ср. йидга śam < *śaśmā-); worf- 'снег' < *wafra- + суф. (н.-перс. barf); pur 'сын' < *puw/hri- (ав. puwra-). О других типах фонетического соотношения корневого гласного и исторической основы см. в разделе "Основы".

Число

1.4. В мунджанском различаются два числа: единственное и множественное. Форма ед. числа совпадает с основой; rāla 'нога', vroy 'брат', yōwa 'корова'. Форма мн. числа прямого падежа образуется прибавлением суффикса -i, причем у существительных жен. рода конечный -a опускается; может опускаться также и суффикс муж. рода -ey. Примеры: mer 'мужчина', мн.ч. meri; žinka 'женщина', мн.ч. žinki; šan 'козленок', мн.ч. šani; yōwa 'корова', мн.ч. yōwi; wērey 'ягненок', мн.ч. wē(y)i. Существительные муж. рода на -o (реже на -ey) в прямой падежной форме имеют сложный суффикс мн. числа, а именно -(ó)k/g/y-i, например: wērey 'ягненок', мн.ч. wēry-ok-i; kūyo 'бык', мн.ч. kūyoyi; víro 'груз, поклажа', мн.ч. viroki; rawo 'мотылек', мн.ч. rawoki.

Кроме отмеченных выше суффиксов мн. числа в мунджанском остаточно сохраняются еще два варианта одного и того же суффикса: -an- и -on-, которые, как нам представляется, не являются рефлексом древнеиранской флексии и которые следует возводить к *ha-nā- (и.-е. sem-, сп- 'воедино, вместе с', ав. hama-, н.-перс. hāmā 'весь, все'). Первый суффикс отмечен в сочетании с широкораспространенным суффиксом мн. числа -i в слове zēvūg-an-i 'языки' (Зарубин, 1927, с. 183). А второй представлен только в энклитических местоимениях мн. числа: -em-on 'наши', -ef-on 'ваши', -eš-on 'их' (см. "Местоимение").

Показателем мн. числа косвенной падежной формы для обоих родов является суффикс -af, например: ед. ч. wēla 'арык', мн.ч. прямая форма wēli, косв. форма wēlaf; ед. ч. víro 'груз, поклажа', мн.ч. прямая форма viroki, косв. форма víraf; ед. ч. šan 'козленок', мн.ч. прямая форма šani, косв. форма šanaf.

С исторической точки зрения все суффиксы мн. числа, как нам представляется, являются рефлексам исторических показателей собирательной множественности. Суффикс -i (ср. пуш. -i, санг. -ay) может быть восстановлен в *hauī- (и.-е. semī-, спī- 'воедино, вместе', др.-инд. samī-ka-, ав. ham-, ha- в н.-перс. hāmā 'весь, все'). Рефлексом этой

же исторической основы (но с другим наращением) является и суффикс мн. числа -ok/g/y-, т.е. *ha-ka-, *ha-g/ya- (и.-е. *sm-k/ko-, *sm-g/gho-). Соответствиями для него в других памирских языках являются: ишк. -ok-, ш. -ak-, язг. -ež- в -ežg-, р. -ič/ĵ (два последних из *ha-čī-). Если же предположить, что гласный мунджанского суффикса о относится к окончанию муж. рода, то тогда суффикс мн. числа -k/g/y- следует считать рефлексом исторического показателя собирательной множественности *k/g/ya- (и.-е. kom-, km- 'вместе с', хет. kat-ta 'вместе с, при', тадж. qati 'совместно, вместе с'). В этом случае его соответствиями в других памирских языках будут: вах. -č, ш. -č/ĵ/z- и -g- (в многочисленных сложных суффиксах мн. числа), язг. -g(-).

Что касается мунджанского показателя мн. числа косвенной формы -af, то он, как и соответствующие ш. -əv, с. ef, ор. -if, вах. -əv, является рефлексом др.-ир. *ab/fā/ī- со значением 'совместно, вместе, в союзе с' (ср. и.-е. ebhi, epi в рус. общ., общий, др.-инд. abhi, api, ав. aibi, aiwi, avi, api 'также, при, с' и относящееся сюда же и.-е. ēpi-, др.-инд. ēpi- 'союз, единство'). Более подробный исторический комментарий об этом и других суффиксах мн. числа см. в разделе "Шугнанский язык".

В мунджанском, как и в других памирских языках, сохраняются имен-ные основы, представляющие собой рефлекс древнеиранских форм дв. или мн. числа, например: šīš // šuš 'легкие' < *suši (ав. suši дв. ч. ср. р.); vri-ya 'бровь, брови' < *brawi им.-вин. дв. от *brū- // *braw- + суф. (др.-инд. bhrū-, bhruva-, ав. brvat); rāl-a 'нога' < *rādā им.-вин. дв. от *rāda- (ав. rāda-); yuy 'ухо, уши' < *g/yuš/ha- или *g/yauš/ha- им.-вин. дв. ср./ж.р. от *g/yuš/ha- или *g/yauš/ha- (и.-е. ghous-, ав. gaoš- 'слышать', gaoša- 'ухо'); lvar 'дверь, двери' < *dāwārā им.-вин. дв. м.р. от *dāwār- (ав. dvar- м.р.); žin- в žin-k-i 'жены' < *janīš им. мн. ж.р. от janī- или < *janī им. мн. ср. р. от *jani- (ав. jaini-) и др.

Падеж

1.5. В современном мунджанском падежные отношения выражаются в основном предлогами и послелогоми (главным образом локативные), например: reŋyam da loma 'мы пришли в селение'; yaŋ fča worfa wuzoyat 'они остались под снегом'.

Но в языке различаются две падежные формы: прямая и косвенная. Прямая форма ед. числа совпадает с основой: mīro 'солнце', pur 'сын'. Во мн. числе прямая форма имени, как уже выше было отмечено, имеет показатель -i: pur-i 'сыновья', lóm-i 'селения'. Косвенная форма ед. числа имеет следующие показатели: -an, -k/kan (после исхода основы на -o) м.р., -in ж.р., например: pur-an, mīro-k/kan, lóm-in. Косвенная форма мн. числа имеет общий показатель для муж. и жен. рода -af, например: pur-af от pur м.р. 'сын'; lóm-af от loma ж.р. 'селение'.

Имя в прямой падежной форме употребляется в прямых синтаксических позициях, имя в косвенной падежной форме употребляется в косвенных синтаксических позициях (кроме прямого дополнения в ед. числе), например: *yan dambura-yan ovda jili viyat* 'у того тамбура было семь струн'; *may žink-in yu pur let* 'у этой женщины есть сын'; *t(b)fovam na xšēm-in* 'мы разожгли (огонь) для (приготовления) ужина'; *jeftam yu odam na m̄n vrōu-an* '(мы) послали одного человека к моему брату'; *ze leyda na potšō -an astam* 'я - дочь царя'; *ve-ruser žē aždōr-an skest* 'он отрезал голову дракона'. Косвенная форма имени употребляется также в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глагольной формой, образованной от основы прошедшего времени, например: *vay m̄n vrōu-an yērvēday* 'это взял мой брат'; *yau žink-in xšīya* 'та женщина заплакала'.

Очень существенным является то, что имя в форме ед. числа в функции прямого дополнения не имеет суффиксального показателя косвенной формы *-an*, *-k/kan* м.р., *-in* ж.р., но, как правило, имеет префиксальный показатель прямого дополнения *ve-*, реже *-i*, например: *ve-uosr zin k̄r̄m* 'я оседлал лошадь'; *ze kōr-i šy-yervem* 'я не вылавливал рыб'. Такая несовместимость этих аффиксальных элементов имеет историческое основание (см. дальше).

Относительно происхождения показателей мн. числа прямой и косвенной формы мы уже говорили в разделе "Число". Что касается других показателей, то можно сказать следующее.

Мунджанские суффиксальные показатели косвенной формы *-an* м.р., *-in* ж.р., первоначальное значение которых несомненно была принадлежность, имеют следующие соответствия в других памирских языках: ш. *-and*, *an* бадж. *ind*, *indir*, р. *ā*, с. *an*, *inder*, язг. *i*, *i*, *en*, *na*, *endarēni*, *enda*, ишк. *nō*, *vaḥ*. *en*. Совершенно ясно, что все эти элементы являются рефлексам древнеиранского элемента **an-*, **a-* (из инд. ир. **ṛ-*) и его производных **ani*, **anā*, **antar(a)* (и. -е. *en*, **ṛ*, *eni*, *n(e)i* 'в, у, при', *enter-*, *entero-* 'внутри, между', ав. *antare*). Такого же мнения относительно происхождения м. *-an*, *-in* придерживался и И.И.Зарубин (Зарубин, 1927, с. 127), справедливо подвергая сомнению предположение П.Тедеско относительно происхождения мунджанских *-an*, *-in* из древнего инструменталиса (Tedesco, 1925, с. 156).

Но понять предположение П.Тедеско можно. Дело в том, что, как мы уже говорили, косвенная форма на *-an* м.р., *-in* ж.р. употребляется в мунджанском наряду с другими функциями также в функции подлежащего при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одном из прошедших времен. Отсюда - инструментальное значение этих элементов. В этом П.Тедеско прав. Но он не прав, в том, что он связывал это инструментальное значение с древнеиранской именной флексией твор. падежа. В то время как и в этом случае м. *-an*, *-in* представляют собой

рефлексы исторических служебных элементов *anā-, *anī- со значением инструментальности (ср. и.-э. an, anu, anō в др.-норв. ā 'an, bei', ав. anu 'соответствии с, согласно, вдоль', ана 'через (посредство)'). Таким образом, налицо тот случай, когда два сходных по звучанию элемента имели разное происхождение и значение.

Большой интерес с исторической точки зрения представляет мунджанский показатель косвенной формы /k/kan м.р. и связанные с ним по происхождению показатели принадлежности /g/yon м.р. (ср. tōt-yon 'отцов'), /g/yeṇ-a ж.р.), а также элементы -kon в ть-kon 'мой' и -ken-a в ть-ken-a 'мой'.

Думается, что все эти элементы можно было бы связать с и.-э. kom, *km 'у, при, вместе с' с наращением *-n- в хет. -kan (Pokorny, 1959, с. 613). В таком случае м. -k/kan < *ka-nā-, -kon < *ka-na-, -ken < *ka-nī-, -g/yon < *g/ya-na-, -g/yeṇ- < *g/ya-nī- (для начального звонкого ср. гот. ga-mains). Этот же корень и.-э. km- с наращением *-ta представлен в хет. kat-ta 'у, при, вместе с' (Pokorny, 1959, 613). Сюда же будет относиться и широко употребляющийся в таджикском и некоторых памирских языках послелог -k/qati, -k/qataу 'совместно, вместе с', а также курд. k'om 'группа, толпа'.

Что касается происхождения мунджанских суффиксальных показателей прямого дополнения və- и -i, то они также представляют собой рефлексы древнеиранских основ со служебным значением. Элемент və- (из раннего *əv- по аналогии с зэ 'я' < *azam) может быть восстановлен в *ab/pī(-) со значением 'из, от' (и.-э. aro-, др.-инд. āra, ав. ара 'от, из'). С аналогичной семантикой служебные элементы употребляются при выражении прямого дополнения и в других иранских языках, ср., например: ш. sāv as wi yida qīw! 'ступай, позови того мальчика!'; тадж. (диал.) vau az man na didast 'он не видел меня'. В этих двух примерах служебный элемент as/z также имеет значение 'от, из' (исторически скорее из *as/zā-, и.-э. eghs-, *ekā- 'из', чем из *hača, и.-э. sek^u-).

Суффиксальный элемент -i, также выражающий прямое дополнение, может быть сопоставлен с показателем прямого дополнения ишк. /i (ср. xi tabār-i zōṇm 'я возьму свой топор'), вах. /əy // /i (ср. dygz ɣm neḃésn-i! 'возьми свою расческу!') и с таджикским (диал.) предлогом au при выражении прямого дополнения (ср. vau au mən didast 'он увидел меня'). Все эти аффиксальные элементы представляют собой рефлексы исторической формы *ayī, т.е. формы местного падежа един. числа от основы *a-, (инд.-ир. *n-) со значением 'из, от' (и.-э. an, ano, n/n- 'из, от', ав. ana, др.-перс. anā 'от'). Сюда же будет относиться предлог тадж. (диал.) au (ср. au mən 'меня'), а также язг. предлог na; выражающий прямое дополнение (ср. na-maḡas žūd-au '(я) убил муху').

Но в мунджанском сохраняются также следы и древнеиранских флексивных форм. В разделе "Число" мы уже приводили ряд мунджанских именных основ, представляющих собой рефлексy исторических им., вин. падежей мн. и дв. чисел всех трех родов.

Имя прилагательное

Основы

2.0. Мунджанские прилагательные не имеют каких-либо специальных внешних показателей. Как и имена существительные, прилагательные имеют грамматический род и число. Показатели рода и числа у них те же, что и у имен существительных. Прилагательные с исходом на согласный, с исходом на суффикс *-ey// -i* или *-e*, а также суффикс *-o* (редко) являются прилагательными муж. рода: *zit* 'желтый', *réhey* // *rehī*¹⁾ 'широкий', *týge* 'острый', *waxgo* 'голодный'. Прилагательные с исходом на *-a*, *-ka*, *-g/ya* относятся к жен. роду: *zita* 'желтая', *reh(e)ya* 'широкая', *týgey/ga* 'острая', *waxgoy/ga* 'голодная', *deika* 'тощая', *wěka* 'сухая'.

Относительные имена прилагательные имеют особый суффикс *-min*, например: *kuuk-min* 'каменный', *akut-min* 'деревянный', *kokk-min* 'ячменный'. Исторически этот суффикс возможно связан с древнеиранской основой **mainya-* 'имеющий связь с' (и.-е. *mei-* 'соединять, связывать').

Исторический анализ мунджанских прилагательных показывает, что родовые суффиксы в них - явление сравнительно позднее. А неосложненная основа продолжает ту или иную древнеиранскую основу. Соотнесенность современной основы с исторической может быть установлена благодаря умлауту. Примеры.

1) Мунджанские основы прилагательных - рефлексy древнеиранских основ на **-ā-* (или "гласный *ā* + согласный"): *zar* 'старый' < **zara-*, ср. йидга *zor* 'старый' < **zara-* (и.-е. *ger-*, др.-инд. *jārant-*, ос. *zārend* 'старый'); *van-g* 'длинный' < **brzñā-+-kā-* (и.-е. *bheregh-*, ав. *berez-* 'высокий', ав. *verz*, язг. *vez*, ишк. *vēzd-ūk*, ш. *vūž* м. р. 'длинный'); *š(b)lah* 'голый' < **šlāxā-* (ср. и.-е. *(s)lēg-* в словенском *preslēgast* 'голый, лысый', ш. *š(i)lak*, ишк. *š(b)lah* 'голый'); *waxgo* 'голодный' < **wak/xrā-* + суф. (ср. и.-е. *uek-*, **uek-* 'хотеть, желать', ав. *vas-* 'хотеть'); *war-ey* 'верхний' < **warā-* + суф. (и.-е. *uer-* 'высокий').

2) Мунджанские основы прилагательных - рефлексy древнеиранских основ на **-ī-*, **-yā-* и т.п.: *zit* 'желтый' < **zrtyā-* (и.-е. *ghel-*, ав. *zari-*); *stur* 'большой' < **stūryā-*, ср. м. *stūr* 'большой' < **stūra-* (и.-е. *steu-* 'массивный, крепкий', др.-инд. *sthūrā-* ав.

1) Знак *h* используется для передачи глухого срединного сонанта у (нем. *ich-Laut*).

staora- 'крупный скот'); liw 'плохой, дурной' < *daiwī- (ав. dašva-dašvi-); spi 'белый' < *šway(ty)a- (и.-е. kwei-, ав. spaēta- 'белый'); reh-əy 'широкий' < *raṽ/huā- (и.-е. ret-, ав. raṽana-, ос. fātān, н.-перс. rāhn).

3) Мунджанские основы прилагательных - рефлекс древнеиранских основ на *-a/u (или a/u + согласный): sɛrx 'красный' < *sukra- (ав. suhra-); stɛr 'большой' < *stūra-, ср. м. stur 'большой' < *stū-ryā- (и.-е. steu- 'массивный'); rom 'послушный, спокойный (о животном)' < *rama- (и.-е. rem-, ав. ram- 'покоиться'); ler-ə 'далекий' < *dūra- + суф. (ав. dūra-); xəuvd-o 'сладкий' < *kṵwāda- + суф. (и.-е. sūd-, др.-инд. svādú- 'сладкий'); tur-ə 'темный' < *tāra- + суф., ср.м. tir-ə 'темный' < *tāryā- (и.-е. tem-, тм- 'темный', ир. *tā-, ав. taṽra- 'темнота', н.-перс. tar 'темный', ш. tēr 'черный').

Некоторые имена прилагательные сохранились только в составе композита, а отдельно уже не употребляются, например: xul- в xul-pil, йидга xir- в xir-pul 'босой' < *xarwa-, йидга *xarwi- (ср. и.-е. keluo-, galuo- 'голый', др.-инд. kālvalī kṛta- 'оголенный', н.-перс. kal 'лысый'); mlem- в mlem-čiya 'мизинец' < *mlānya- или *mlīnā- (и.-е. mel-, mlē-, mlēi-, mlī- 'молоть' в рус. мелкий, молодой); -berna-, -brina в saberna, sabrina 'с непокрытой головой' < *brah(n)-yā- (ср. и.-е. bhles- 'облестеть' в ср.-в.-н. blaḡ 'голый, лысый', н.-перс. bāgrāhne 'голый'); gaž- в gaž-dumba 'скорпион' (букв. 'с загнутым хвостом') < *giṽā- (и.-е. geu- 'гнуть').

Род, число, падеж

2.1. Выше уже говорилось о том, что прилагательные имеют грамматический род, число, падеж и что показатели рода, числа и падежа в прилагательных те же, что и в именах существительных. Но присоединяются эти показатели только в случае самостоятельного, т.е. неприименного, употребления прилагательного, например: xuškeyi de bozor šeyat 'старшие уехали на базар'; wa xuškeyaf ne šarōyan še vedat 'старшие (братья) не водили на пастбище (своего теленка)'; wa žinka yaška 'та женщина красива'; wa žinki yaški 'те женщины красивы'. В случае же употребления прилагательного в функции препозитивного определения оно не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам, например: yašey mer 'хороший мужчина' - yašey žinka 'хорошая женщина'; yašey meri 'хорошие мужчины' - yašey žinki 'хорошие женщины'; ze ne yašey meran (meraf) gura ya deləm 'я дам рупию хорошему мужчине (мужчинам)'; ze ne yašey žinkin (žinkaf) gura ya deləm 'я дам рупию хорошей женщине (женщинам)'.

Все это говорит о том, что родовые, числовые и падежные показатели в прилагательных - явление сравнительно позднее. Об этом же свидетельствует и то, что современная родовая принадлежность прилагательного не всегда совпадает с исторической. Историческую родовую

принадлежность прилагательного, как и его историческую основу, можно восстановить благодаря умлауту. Примеры см. в разделе "Основы".

Степени сравнения

2.2. Сравнительная степень прилагательного образуется прибавлением к основе суффикса -d̥yr < *tara-: l̥ere-d̥yr 'дальше', s̥yrx-d̥yr 'краснее'. Но в речи употребление суффикса сравнительной степени факкультативно, например: awan kay l̥erəd̥yr 'его дом дальше'; m̥n vroy ʒe m̥n xuʃkiy 'мой брат старше меня'.

Числительное

3.0. Собственно мунджанские названия числительных сохранились лишь в названиях от одного до десяти: yu 'один', l̥/e 'два', hiray 'три', ʃ̥efir // ʃ̥efur 'четыре', ponʃ 'пять', ox̥ša 'шесть', ovd̥a 'семь', oʃka 'восемь', naw 'девять'. Числительные от десяти и дальше заимствованы из таджикско-персидского: de 'десять', yozde 'одиннадцать', d̥ywozde 'двенадцать' и т.д. Числительное 'двадцать' является собственно мунджанским – wist. В диалекте йидга сохраняется мунджанский счет и после девяти: los 'десять', los-yu 'одиннадцать', los-i-l̥ 'двенадцать', yu wisto-los 'тридцать', l̥ wist 'сорок', l̥ wisto-los 'пятьдесят' и т.д.

Для числительных первого десятка историческими соответствиями являются: yu 'один' < *aiwa- + суф. (язг. wū(g), ишк. wūg); l̥ 'два' < *duwa- основа, но вариант lu < *duyai им.-вин. дв. ж.р. от *dwa- (ав. duye); hiray 'три' < *ǵ/hr̥yām род. мн. от *ǵ/hray- (ав. ǵray-); ʃ̥efur 'четыре' < *ʃav̥/hwārāh им. мн. м.ж. р. от *ʃah/ǵwār- (ав. ʃav̥wārō), вариант ʃ̥efir закономерно отражает древнеиранскую форму им. мн. ср.р. *ʃav̥/hwārī (др. -инд. ʃatvāri); ponʃ 'пять' < *pañsa (ав. pañsa); ox̥ša 'шесть' < *uk̥ša или *uk̥šah + суф. (ср. и.-э. spēks, ʒeks, uk̥s, *uks); ovd̥a 'семь' < *hapta + суф. (ав. hapta); oʃka 'восемь', по-видимому, из *ašta + суф., ср. йидга aššo < *aštā + суф. дв. им. (и.-э. ok̥tō(u), др.-инд. aṣṭā, ав. ašta); naw 'девять' < *nawā- или *nawāh (ав. nava); los (йидга) 'десять' < *dasa- или *dasāh (ав. dasa).

3.1. Порядковые числительные заимствованы из персидско-таджикского: yak(k)əm 'первый', d̥yūm 'второй' и т.д. Но в языке сохраняются застывшие рефлексy древнеиранских порядковых числительных: -de- в ʃen-dego 'еще немного' < *dwaya- 'вторично, снова, еще раз' (др.-инд. dvaya-), либо м. -dego < *dwikā- + суф. то же (др.-инд. dvikā- 'вторично, еще раз'); hir- в hiryəsol 'третьего года давности, в позапрошлом году' и в hiryizen 'третьего дня, позавчера' < *ǵ/hirtya- или *ǵ/hritya- (и.-э. tr̥tīo-, ав. ǵritya-); ʃ̥efir, ʃir- (йидга) в

ṣir(gi)+izen, возможно также ṣur- в р(ь)ṣurma 'четвертого дня, четыре дня назад' < *k(t)ṣura- (и.-э. (k^u)tur-_{io}-, др.-инд. turya-, ав. tūrya-); возможно также pónḡemo 'пятого дня, пять дней тому назад' < *panṣa + -ama- (ср. др.-инд. paṇsma- 'пятый').

3.2. В мунджанском имеются особые собирательные числительные. Зафиксированы их формы, включая числительное 'девятерю'. Они следующие: yuki, yukini, yukeni 'один, в одиночку', lu/ḡyni lu/ḡyni 'вдвоем, двое', hirayni 'трое, втроем', ṭ(ḡ)fu/irni 'четверо, вчетвером', pónḡni 'пятеро, впятером', oḡḡḡayni 'шестеро, вшестером', ovdḡayni 'семеро, всемером', oḡḡḡayni 'восьмеро', pawḡayni 'девятерю, вдевятиером'. Состав этих числительных следующий. Конечный гласный -i, по-видимому, представляет собой именной суффикс собирательной множественности (см. "Имя существительное"). Носовой -n- - закономерный рефлекс исторического суффикса собирательных числительных, ср. др.-инд. dvi-na- 'двое', tri-na- 'трое'. Предшествующий ему элемент -y-, -ay- в некоторых числительных (ср. lu-y-ni, ovdḡay-ni) также закономерно отражает другой исторический суффикс собирательных числительных *-a(ya)-, ср. др.-инд. dvaya- 'двое, вдвоем', traya- 'трое, втроем'. Элемент -k- в числительном yuki 'в одиночку' продолжает суффикс *-ka-, который также употреблялся в прошлом при собирательных числительных, ср. др.-инд. ṭka- 'один, в одиночку', dvakā- 'двое, вдвоем'. Таким образом, каждое из мунджанских собирательных числительных имеет по два и более суффиксов собирательной множественности, присущих числительным (хотя, впрочем, ср. именные суффиксы мн. числа -k-i в vīro-k-i 'грузы, поклажи'). Числительное yu-k-i-n-i имеет четыре суффикса, числительное lu-y-n-i - три, ṭfi/ur-n-i - два суффикса.

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения имеются только для I-го и 2-го лица. В качестве местоимений 3-го лица используются указательные. Личные местоимения имеют два числа (ед. и мн.) и две падежные формы (для ед. числа - прямая и объектно-посессивная, для мн. числа - объектно-прямая и посессивная). Эти местоимения могут быть представлены в следующей таблице:

Лицо \ Форма	Ед. число		Мн. число	
	Прямая	Объектно-посесс.	Объектно-прямая	Посесс.
I-е	ze	mḡn	mox	amox
2-е	tḡ/u	ta	mof	amof

Местоимения в прямой форме употребляются в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом в форме настоящего-будущего времени, и при сказуемом, выраженном непереходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени, а также - в функции именного сказуемого, например: *zə ɔuəm* 'я иду'; *zə ʃahon pxeftiyam* 'я очень устал'; *tabib - wə, maalim - zə astam* 'врач - он, (а) учитель - я'. Местоимения в непрямой форме употребляются во всех остальных функциях, а также (кроме посессивной формы мн. числа) - в функции подлежащего при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени. Местоимение косвенной формы в функции прямого дополнения имеет префиксальный показатель *wə-* < *ab/pī(-) (и.-э. аро-, ав. ара 'от, из'). Примеры: *m̄n tət wə-m̄n dust let* 'мой отец меня любит'; *tə wə-m̄n l̄b̄k̄kt?* 'ты меня видел (там)?'; *mox ʃtam* 'мы сказали'; *amox loma l̄brá ast* 'наше селение далеко (отсюда)'.

Следует сказать, что иногда косвенная форма местоимения употребляется в функции подлежащего при сказуемом, выраженном не только переходным, но и непереходным глаголом в форме, образованной от основы прошедшего времени, например: *m̄n mazoq ekerem* 'я пошутил'; *m̄n x̄īyem* 'я заплакал'.

Местоименное определение может отделяться от последующего определяемого предлогом, ср. *m̄n tra dil* 'в моем сердце'. Эта черта присуща, как известно, ряду памирских языков.

4.1. Историческими соответствиями для личных местоимений являются: *zə 'я'* (из *ez*) < *azam (ав. azēm); *t̄b̄u 'ты'* < *tuwam (ав. tvēm, tūm); *m̄n* косв. форма 1 л. ед. ч. < *mana (ав. mana); *tə* косв. форма 2 л. ед. ч. < *tawā (ав. tavā); *mox 'мы'* < *ahmāxam (ав. ahmākem, др.-перс. amāxam).

Что касается местоимения 2 л. мн.ч. *mof 'вы'*, то прежде всего следует сказать, что конечный -f следует рассматривать, по-видимому, как именной показатель мн. числа (ср. м. *məraf* косв. мн. от *mer* 'мужчина, человек'; ср. также *ишк. -ьв* в *тьмьх-ьв 'вас'*). А первый элемент *mo-* допускает следующие два толкования. Если сопоставить м. *mo-* 'вы' с соответствующими местоимениями ш.-р. *tamā(š)*, язг. *təmoх*, *ишк. тьмьх 'вы'* < *tahmākam (т.е. род. мн. от *tahmā-, где *ta- местоименная основа 2 л. ед. ч.), то можно было бы восстановить м. *mo-* в *tahmāham (через этап м. *tmoh 'вы'*). Если же сравнить м. *mo-* с соответствующим ваханским местоимением *sa-* 'вы', которое допускает прототип *u(s)-smā-hām (т.е. род. мн. от основы *u(s)- 'вы', ср. ав. *uyšmākem, х̄mākem*), то м. *mo-* можно было бы восстановить в *u(s)-smā-ham (через этап м. *smoh*) или в *u-hmā-ham (через этап м. *hmoh*).

Очень соблазнительным представляется толкование м. *mof 'вы'* как рефлекс древнеиранской местоименной формы дат. падежа мн. числа на

*-fya¹⁾. Но такое объяснение полностью исключается, так как в этом случае в соответствии с закономерностями, связанными с умлаутом, мы должны были бы иметь в мунджанском форму с корневым гласным переднего ряда, но не mof (или, как в йидга, maf).

Мунджанские посессивные формы мн. числа amox 'наш' и amof 'ваш' имеют префиксальный элемент a-, который, как нам думается, представляет собой рефлекс древнеиранской основы *a- со значением 'у, при, в' (ср. и.-е. an, n- 'у, при' и и.-е. en, n- 'у, при, внутри').

Мунджанские притяжательные формы жен. рода I л. мн. ч. amoxe и 2 л. мн. ч. amofe, употребляющиеся субстантивно, отличаются от адъективных притяжательных форм amox, amof тем, что имеют в исходе именное окончание жен. рода -e (ср. м. žinka 'женщина'). В языке употребительна также форма мн. числа субстантивных притяжательных местоимений, которая образуется так же, как и мн. число имен существительных, т.е. прибавлением к основе суффикса -i, ср. may yowi - amoxi (astat) 'эти коровы - наши'.

4.2. Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие древнеиранские формы личных местоимений:

Др.-ир.		Мундж.	
		Ед. число	
I л. Им.	*azam (ав. azēm)	-	zə
Род.	*mana (ав. mana)	-	mьn
2 л. Им.	*tuwam (ав. tvēm)	-	tu/ь
Род.	*tawā (ав. tavā)	-	ta
		Мн. число	
I л. Род.	*ahmākam (ав. ahmākem)	-	moх
2 л.	*tahmāham или *uhmāham (ав. yuśmākem, xēmākem)	-	mo- в mo-f

Энклитические местоимения

4.3. В отличие от других памирских языков в мунджанском имеются энклитические местоимения:

Ед. ч.	Мн. ч.
I л. -(y)əm	-(y)əmon
2 л. -(y)ət	-(y)əfon
3 л. -(y)əš	-(y)əšon

Употребляясь после имени, они выражают притяжательность, например: we ru-ət oʊeʊ 'твой сын пришел'; yə we xarš-əšon viya 'это были их расходы'. Употребляясь после глагола, они выступают как дополнение, например: və-rahāka dal-əš! 'дай ей чашку!'; agar rimi-fən da oʊrazhonay ayin 'если вам хочется, идите в столовую'.

1) О соответствии инд.-ир. *bh - ир. *f см.: Пахалина, 1983.

Исторически местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа связаны с древнеиранскими энклитическими местоимениями род.-дат. падежа I л. *mai (ав. mē, mōi) и 2 л. *tai (ав. tē, tōi). Местоимение 3-го лица ед. числа (y)ē связано с древнеиранским указательным местоимением - энклитикой *hāi (ав. hē, hē). Соответствующие им формы мн. числа образованы в мунджанском прибавлением к местоимению ед. числа показателя мн. числа -on < *hapa- (и.-е. все-, ав.-'воедино, вместе', *ap-no-, ав. ham-, и.-перс. hāmā 'все, весь').

Большой интерес представляет энклитическое местоимение 2-го лица мн. числа -(y)efon 'ваши', точнее - его первая часть, т.е. -ef-, поскольку вторая часть -on, как уже было сказано, является суффиксом мн. числа. Учитывая общую тенденцию памирских языков образовывать местоимение 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, а также учитывая модель образования форм мн. числа для других лиц, можно предположить, что элемент -ef- является рефлексом древнеиранского энклитического местоимения ед. числа вин. или отл. падежа, т.е. *ŵ/twām (ав. ŵwam) или *t/ŵwat (ав. ŵwat). На возможность соответствия м.-f- др.-ир. *-tw- или *-ŵw- указывает м. č(b)fur 'четыре' < *čat/ŵwārah (ав. čawwārō).

Указательные местоимения

4.4. Указательные местоимения делятся на три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний, в основе которого лежит древнеиранское местоимение *awā-, средний ряд, в основе которого лежит древнеиранское местоимение *aita-, и ближний, в основе которого - др.-ир. местоимение *imā-. В каждом из рядов различаются формы ед. и мн. числа, а также - прямая и косвенная падежные формы. Местоимения ед. числа косвенной формы различают муж. и жен. род. Кроме того, в каждом из трех рядов имеются по две неизменяемые формы местоимений, которые употребляются только адъективно и близки по своей функции к определенному артиклю. Все указательные местоимения могут быть представлены таблицей (табл.ом. на след. стр.).

Прямая форма местоимений употребляется в функции подлежащего или именного сказуемого, либо как определение при подлежащем или именном сказуемом, например: ma/e uowya rokizaya 'эта вода чистая'; wa/e ouyeu 'он(а) пришел (пришла)'; way nafari žoyat 'эти люди говорят'.

Косвенная форма употребляется субстантивно или адъективно в различных косвенных позициях. Прежде чем привести примеры, отметим следующее. Форма муж. и жен. рода ед. и мн. числа всех трех рядов -w, -y, -m употребляется слитно: 1) с предлогами: žow, dow, now; žay, day, nay; žam // žem, dam // dem, nam // nem (употребление адъективное); 2) с показателем прямого дополнения: waw, way, wam // wem (в случае субстантивного употребления они относятся к муж. роду, в случае адъективного употребления - к обоим родам и числам). Форма

Субстантивно-адъективные местоимения						
Ряд, число Формы	Дальний		Средний		Ближний	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Прямая	we/a	way	ye/a	yay	me/a	may
Косвенная	м.р. wan, -w	waf, -w	yan, -y	yaf, -y	man, -m	maf
	ж.р. way, -win, -w, -wa, (B vo-wa)		yay, -yin, -y, -ya(B va-ya)		may, -min, -m, ma(B ve-ma)	
Адъективные местоимения						
Прямая	wa/e		ya/e		ma/e	
Косвенная	-w		-y		-m	

жен. рода ед. числа -wa, -ya, -ma употребляется только с префиксальным показателем прямого дополнения, т.е. vowa, vāya, va/ēma. Наконец, форма жен. рода ед. числа -win употребляется только субстантивно с предлогами: Źo-win, Źa-yin, Źa/e-min; do-win, da-yin, da/e-min; no-win, na-yin, na-min. Приводим примеры употребления указательных местоимений во фразе: wan Źar-an Źti nom let 'как называется этот город?' (дословно - 'у этого города какое наименование?'); wan (way) quwat Źe-let 'у него(у нее) нет сил'; Źow nafar-an wa wyl-in Źta 'жена того человека сказала'; no-wan (no-win) iŹoza dal! 'дай ему (ей) разрешение!'; za/e vow (у Зарубина - vo-wan) mer winem 'я вижу того мужчину'; za vow (vowa) yervem 'я возьму его (ее)'; we kandir vro-yu-an we myŹkauey ne Źaro-yan vud, we xuski vro-yu-af ne Źaro-yan Źe-vŹdat 'тот младший брат водил теленка на пастбище, (а) те старшие братья не водили на пастбище'.

Косвенная форма местоимений употребляется также в функции подлежащего (или определения при подлежащем) при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени, например: way liya 'она дала!'; way Źink-in Źta 'та женщина сказала'; waf nafar-af Źtat 'те люди сказали'.

Косвенные формы ед. числа муж. рода man, yan, wan и мн. числа maf, yaf, waf служат, кроме того, базой для образования особых притяжательных форм: I) при адъективном употреблении: ед. ч. aman, ayun,

awan, мн. ч. amaf, ayaf, awaf; 2) при субстантивном употреблении: а) ед. ч.м.р. amap-yon, ж.р. amap-yena; м.р. ayap-yon, ж.р. ayap-yena; м.р. awap-yon, ж.р. awap-yena; б) мн.ч. м.р. amaf-yon, ж.р. amaf-yena; м.р. ayaf-yon, ж.р. ayaf-yena; м.р. awaf-yon, ж.р. awaf-yena (о происхождении элементов -yon, -yena см. в разделе "Имя существительное"). Примеры: awan uixa 'его сестра', amox loma 'наше селение', we rizaḫi - awap-yon 'этот баран - его'.

4.5. Историческими соответствиями для всех форм указательных местоимений являются:

1) прямые формы: а) ед. ч. we < *awahya род. м.р. (ав. awahe), wa < *awahyāh ж.р. (ав. awaiḫā); ye < *aitahya м.р. (ав. aētahe), ya < *aitahyāh ж.р. (ав. aētaḫā); me < *imahya м.р., ma < *imahyāh ж.р.; б) мн.ч.: way из wa + именной показателя мн.ч. -i, где wa- либо < *awahyāh род. ед. ж.р., либо < *awāhām род. мн. ж.р.; ya- в yaу либо < *aitahyāh род. ед. ж.р., либо < *aitāhām род. мн. ж.р.; ma- в maу либо < *imahyāh род. ед. ж.р., либо < imāhām род. мн. ж.р.;

2) косвенные формы: ед.ч. wap м.р. < *awanā твор. ед. м.р. (ав. awā, др.-перс. avanā), yap м.р. < *aitanā твор. ед. м.р., map м.р. < *imanā то же; -w < *awā твор. ед. м.р. (ав. awā м.р.), -y < *aitā твор. ед. м.р.; (ав. aēta м.р.), -m < *imā твор. ед. м.; way ж.р. < *awayā твор. ед. ж.р., yaу ж.р. < *aitayā твор. ед. ж.р. (ав. aētaуа), maу ж.р. < *imayā твор. ед. ж.р.; -win ж.р. < *awaina или *awēna, т.е. твор. ед. м./ср. р. (ср. др.-инд. anēna твор. ед. м./ср. р. и anayā твор. ед. ж.р. от anā-, а также др.-инд. ānēna твор. ед. м./ср. р. и ānayā твор. ед. ж.р. от ānā-), -yin ж.р. < *aitaina или *aitēna, т.е. твор. ед. м./ср.р., -min < *imaina или *imēna то же; -wa ж.р. < *awahyāh, т.е. род. ед. ж.р., -ya < *aitahyāh т.е. род. ед. ж.р. (ав. aētahyāh м./ср.р.), -ma < *imahyāh то же.

Что касается косвенной формы мн.числа waf, yaf, maf, то конечный -f в этой форме является именным показателем мн. числа косв. формы, как и конечный -у в wa-у, ya-у, ma-у, где он является показателем мн. числа прямой формы. Первый же элемент wa-, ya-, ma- представляет собой рефлекс древнеиранской формы род. падежа мн.числа жен. рода от соответствующей основы, т.е. м. wa- < *awāhām. м. ya- < *aitāhām, м. ma- < *imāhām.

Краткая косвенная форма мн. числа -w, -y, -m отражает древнеиранскую форму твор. падежа мн. числа, т.е. м. -w < *awāiḫ, м. -y < *aitāiḫ, м. -m < *imāiḫ.

4.6. Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие древнеиранские формы указательных местоимений:

I. О т о с н о в ы *imā-

Ед. число

Род.	*imahya	м./ср.р.	-	me	
	*imahyāh	ж.р.	-	-ma	(ж.р.)
Твор.	*imanā	м.р.	-	man	(м.р.)
	*imēna	ср.р.	-	min	(ж.р.)
	*imayā	ж.р.	-	may	(ж.р.)
	*imā	м.р.	-	-m	

Мн. число

Род.	*imāhām	ж.р.	-	ma-в may и в maf	
Твор.	*imāiś	м.р.	-	-m	

II. О т о с н о в ы *aitā-

Ед. число

Род.	*aitahya	м./ср.р.	-	ye	
	*aitahyāh	ж.р.	-	-ya	(ж.р.)
Твор.	*aitanā	м.р.	-	yan	(м.р.)
	*aitēna	ср.р.	-	yin	(ж.р.)
	*aitayā	ж.р.	-	yay	(м.р.)
	*aitā	м.р.	-	-y	

Мн. число

Род.	*aitāhām	ж.р.	-	ya-в yay и в yaf	
Твор.	*aitāiś	м.р.	-	-y	

III. О т о с н о в ы *awā-

Ед. число

Род.	*awahya	м./ср.р.	-	we	
	*awahyāh	ж.р.	-	-wa	(ж.р.)
Твор.	*awanā	м.р.	-	wan	(м.р.)
	*awēna	ср.р.	-	win	(ж.р.)
	*awayā	ж.р.	-	way	(ж.р.)
	*awā	м.р.	-	-w	

Мн. число

Род.	*awāhām	ж.р.	-	wa-в way и в waf	
Твор.	*awāiś	м.р.	-	-w	

4.7. В языке представлены следующие вопросительные местоимения: k(ь)di 'кто?' (косвенная форма кəу), ɛti 'что?', 'какой?', kiyem 'какой, который', ʃen(d), ʃed 'сколько', ʃer 'сколько'. Примеры: tь kdi ástau 'кто ты такой?'; tь кəу pur? 'ты чей сын?'; кəу v(ə)-кəу ʒiуа 'кто кого побил?'; мə кəу кəу-kon? 'этот дом чей?'; zə ɛti kьnьm? 'что мне делать?'; tь ɛti ʒoyiy? 'что ты говоришь?'; tь ɛti arу lorat? 'какое дело у тебя?'; ʒə ləm-in-əfon ruу ʃed-i? 'почем масло в вашем селении?'.
Историческими соответствиями для этих местоимений могут быть:

1) k(ь)di 'кто' либо < *kad/t + суф. элемент (и.-е. k^uo-, др.-инд. kañ м.р., kā ж.р., ав. kō, kē; ср. также и.-е. k^uod ср.р.), либо < *kata- + суф. (ср. рус. кто); 2) кəу косв. форма < *kahya род. ед. от *ka- (ав. kahyā) или < *kauā твор. ед. м.р.; 3) ɛti < *ɛit- + суф. (и.-е. k^uid- им. ед. ср.р., др.-инд. cid/t, ав. ...ɛit); 4) kiyem 'какой, который' < *katāma/i (др.-инд. katāma-, н.-перс. kādam 'который'); 5) ʃe(n)d 'сколько' < *kanti- (др.-инд. kati, ав. ʃaiti 'сколько'); 6) ʃer 'сколько' < *kārī (и.-е. k^ua-li- 'как', др.-болг. kolikъ, рус. сколько).

Возвратно-определятельное местоимение

4.8. В мунджанском представлены три формы возвратно-определятельного местоимения: прямая xiуау(i)n // xiуауni 'сам(а)', косвенная хəсар 'себя, себе' и посессивная хəу 'свой, своя, свои'. Примеры: v(ə)-ta, xiуау(i)n vint 'тебя (он) сам уведет'; və ʒəу-af ʒə хəсар-an xiškā 'он снял с себя одежду'; dьr v(ə)-ta kь lišk-ьm - və хау pur-əm lišk-ьm 'сегодня, когда (я) тебя увидел - (все равно что) (я) своего сына увидел'. Посессивная форма в субстантивном употреблении имеет, как и другие имена, элемент -kon, например: tь və-хəуkon ʒir-va, və-шьkon la-kьn! 'ты свое возьми, (а) мое оставь!' О происхождении элемента -kon см. раздел "Имя существительное".

С исторической точки зрения мунджанские формы возвратно-определятельного местоимения представляют собой: 1) xiуау(i)n 'сам' < *xwataуā- + суф. *-(a)nya- (и.-е. *sue-tios 'для себя', ср. также и.-е. суффикс *-nios в *suoинios, лит. svainis 'жена зятя' (букв. 'своя'), ав. xvaē-tu- 'принадлежавший'); 2) хəсар 'себя, себе' < *xwa- или *xwai + sarā, т.е. 'свое тело', где *sarā им.-вин. дв. ж. р. от *sar- 'тело' (ав. sar- 'тело', ср. ишк. хь(f)-sar 'себя'); 3) хəу 'свой' либо < *xwahya род. ед.м.р., либо < *xwaуа-, т.-е. притяжательное местоименное прилагательное от основы *xwa- (др.-инд. sva-, ав. hva-, хва-).

Глагол

Основы

5.0. В языке различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. От них образуются все простые личные глагольные формы. От основы настоящего времени образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения. От основы прошедшего времени образуются глагольные формы прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта (или точнее - преждепрошедшего перфекта).

Основа настоящего времени

5.1. Основа настоящего времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей, например: *kow-* 'жевать', *boxā-* 'делить', *kyn-* 'делать', *maz-* 'убивать' и др. Она нейтральна в модальном, видовом и залоговом отношениях. Лишь благодаря сравнительно-историческому анализу основ настоящего времени могут быть выявлены рефлексы древнеиранских тематических и нетематических основ, а также рефлексы основ всех трех древнеиранских наклонений: индикатива, конъюнктива и оптатива. При этом необходимо учитывать прежде всего умлаутный тип изменения корневого гласного основы (о фонетических закономерностях, наблюдающихся в этих случаях, см. Пахалина, 1983).

С исторической точки зрения все мунджанские основы настоящего времени могут быть разделены на три группы: 1) основы - рефлексy древнеиранских основ индикатива; 2) основы - рефлексy древнеиранских основ конъюнктива; 3) основы - рефлексy древнеиранских основ оптатива. Примеры.

1) Мунджанские основы настоящего времени - рефлексy исторических основ индикатива: *wof-* 'ткать' < **wafa-* (и.-е. *uebh-*, др.-инд. *vab-*, ав. *ub-*; ср. йидга *waf-* < **wafā-*, т.е. основа конъюнктива); *v(ə)zon-* 'знать' < **abi-zāna-* (ав. *zan-*; ср. йидга *v(ə)zan-* < **abi-zāna-*, т.е. основа конъюнктива); *vond-* 'запрягать волов, спутывать (лошадь)' < **banda-* (ав. *band-* 'связывать'); *lor-* 'иметь' < **dāra-* (ав. *dar-*); *ne-foš-* 'показывать' < **ni-šakā-* (и.-е. *k^uek^s-* в др.-инд. *saksate* 'кажется', ав. *šāste* 'учиться'); *wu-yoš-* 'топить, плавить' < **awa-tāk/ga-* или **-hāk/ga-* (и.-е. *tā-k-* в ос. *taun* 'таять', рус. *таять*); *wulroy-* 'засыпать, дремать', < **awa-drāya-* (и.-е. *drē-* 'спать', др.-инд. *drāti* 'спит'); *tyryf-* 'воровать' < *trfa-* (и.-е. (s)ter- в др.-инд. -trp-, ав. *tarəp-*, ишк. *tyryf-*, ш. *cif-* 'воровать'); *mez-* 'мочиться' < **maiza-* (ав. *mažz-*; ср. йидга *miz-* < **mizya-*); *dəf-* 'загораться, зажигаться' < **difa-* (и.-е. *dei-* в др.-инд. *dipyate* 'пламенеет', ишк. *p^y-dīn-*, ш. *pī-dīs-* 'зажигаться'); *xəd-* 'смеяться' < **xa(n)dya-* (ср. ав. *kand-*, ишк. *xond-*, ш. *šānd-* 'смеяться'); *kuu-* 'свежевать тушу' < **kūya-* или **kūšai-*

(и.-э. kāu- 'бить, убивать', ав. kaōb-); piy- 'гнить' < *pīya- (ав. rav-).

Сюда же будут относиться следующие основы, отражающие исторические нетематические основы: ast- 'быть' < *hiatā- или *a-stā- (ав. stā- 'стоять, ставить, становиться'); wust- 'ставить, оставлять' < *awa-sta- (тот же корень); wuč- 'отдыхать' < *awa-čya- (и.-э. k^heiə- 'отдыхать', ав. šyāta-, bāta- 'образованный', ш. wi-koу- 'отдыхать').

2) Мунджанские основы – рефлексы древнеиранских основ конъюнктива: kan- 'копать' < *kanā- (ав. kan-); wuzay- 'оставаться' < *awa-zūy- (и.-э. ghē(1)- 'оставлять'); f(b)-xat- 'соглашаться, хотеть' < *abi-xatā- (ср. и.-э. kā- 'хотеть', ав. гат. kan-, ав. kam- 'хотеть, желать', рус. хотеть); gi-yār- 'проходить, переходить' < *wi-tārā- или *hārā- (и.-э. ter-, ав. tar- 'переходить'); dal- 'давать' < *dadā- (возможно также основа индикатива, ав. dā-); xan- 'покупать' < *k/xrīnā- (др.-инд. krīnāti 'покупает'); -ren-//ran- в frenow-//franow- 'обманывать' < *rīnā- (и.-э. lei- в др.-инд. lināti 'лжет', 'ластится', тадж. f(i)reb 'обман').

3) Мунджанские основы – рефлексы древнеиранских основ оптатива: kēn 'делать' < *kṛnī- (ав. kar-); wēn- 'уносить' < *bṛnī- (ав. bar-); stēr- 'подметать' < *us-tarai- (и.-э. ter- в ш. zidar-, инк. star- 'подметать', ср. йидга stor- < *us-tara-, т.е. основа индикатива); wu-žer- 'смотреть' < *awa-garai- (и.-э. gheh-, ghend(h)- в рус. глядеть; н.-перс. ni-gar- 'смотреть'); čih- 'падать' < *kač/hya- (ср. и.-э. kad-, kad/t-, др.-инд. śad- 'падать', ср. м. śad- в śad-ov- 'валить'); wē-čēn- 'складывать' < *yanai-; nē-riz- 'лизать' < *ni-raizai- (ав. raēz-); f(b)-čih- 'ломаться, разбиваться' < *ab/fi-čiv/hya- (ср. и.-э. (s)kei-t- в др.-инд. chinatti 'раскалывает'); win- 'видеть' < *wainai- (ав. waēn-); pēr-wiž-ə 'просекать' < *pari-waigai- (ав. waēk-); luž- 'доить' < *daugai-, dūgai- (и.-э. dheugh-).

Основа прошедшего времени и ее производные

5.2. У большинства глаголов основа прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени характеризуется дополнительным смычным -d (после звонкого исхода основы настоящего времени) или t (после глухого исхода основы настоящего времени) < *-t-, при этом возможно чередование корневого гласного, например: avezd- от avez- 'приводить', šemd- от šom- 'пить', dyft- от dyf- 'зажигаться', koft- от kaf- 'трескаться'.

Следует сказать, что большинство современных основ прошедшего времени, по-видимому, можно считать первообразными, ср., например, koft- от kaf- 'трескаться' < *kap/fta- (и.-э. (s)ker-), vost- от vond- 'зарягать быков' < *basta- (ав. band-) и др.

Мунджанская основа прошедшего времени, как и в других иранских

языках, продолжает древнеиранское причастие прошедшего времени. А древнеиранскому причастию прошедшего времени были свойственны, как известно, род, число и падеж. Следы бывшей родовой оппозиции сохраняются и в мунджанских основах прошедшего времени, например: *n(i)-yost* м.р., *n(i)yast-* ж.р. 'сидеть' < **ni-hastā-* (ав. *had-*); *kof-* м.р., *kaft-* ж.р. 'трескаться' < **kaftā-*; *boyd-* м.р., *baýd-* ж.р. 'делить' < **baxtā-* (ав. *bag-*). Но таких основ в мунджанском сравнительно немного. Большинство же основ нейтрально в родовом отношении, ср. *rust-* м./ж.р. (от *lur-* 'убегать') < **rasta-* (ср. и.-е. *ered-* 'течь'), *wuýd-* м./ж.р. (от *wuý-* 'орошать') < **wak/xta-* (ср. и.-е. *ueg^u-* 'мокрый, влажный') и др.

Но благодаря закономерностям, связанным с умлаутом, можно восстановить родовую принадлежность любой мунджанской основы прошедшего времени. Примеры.

1) Мунджанские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранского причастия прошедшего времени жен. рода: *xat-* (от *xan-* 'покупать') < **k/xritā-* (и.-е. *k^urinā-*, др.-инд. *krīnā-*, н.-перс. *xāridān*); *ny-čad-* (от *ny-čod-* 'мочить, вымачивать') < **ni-katā-* (и.-е. *g^uadh-* 'погружать в воду', др.-инд. *gāhate* 'окупать, погружать в воду', ав. *pi-čmō-*); *t(b)rayd-* (от *t(b)roný-* 'связывать, привязывать' < **trak/xtā-* (и.-е. *(s)treng-* 'стягивать', ав. *ŋraxta-* 'сжатый, зажатый').

2) Мунджанские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранского причастия прошедшего времени муж./ср. рода: *vost-* (от *vond-* 'запрягать быков, сажать лепешки в танур') < **basta-* (ав. *band-* 'связывать'); *rust-* (от *lur-* 'убегать') < **rasta-* (и.-е. *ered-* 'течь'); *týrft-* (от *týrf-* 'воровать') < **trp/fta-* (и.-е. *(s)ter-*, др.-инд. *-trp-*, ав. *tarep-*, ишк. *týrf-*, ш. *cif-* 'воровать'); *výd-* (от *ven-*, 'уносить, нести') < **brta-* (ав. *bar-*); *skýst-* (от *skýd-* 'рубить, резать') < **skasta-* (и.-е. *(s)k(h)ed-*, др.-инд. *skhad-*, ав. *skand-*).

Анализ мунджанских основ прошедшего времени с точки зрения умлаута показывает, что в древнеиранском существовали не только причастия прошедшего времени на **-tā-*, но и на **-tūā-* или **-tī-* муж./ср. и жен. родов, например: *ked-* (от *kan-* 'рыть, копать') < **katī-*, **katūā-* (ав. *kan-*); *weft-* (от *wof-* 'ткать') < **waftī-*, **waftūā-* (и.-е. *webh-*, др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-*); *vzend-* (от *vzon-* 'знать') < **abi-zantī-* (ав. *zan-*); *špet-* (от *špar-* 'утаптывать') < **s/šprtī-* (ав. *spar-* 'топтать, ступать'); *ne-wešt-* (от *ne-woš-* 'причесывать (ся)') < **ni-pa(k)štī-* (и.-е. *pek/k-* 'рвать волосы', *pk-t-en* 'расческа, гребень'); *let-* (от *lor-* 'иметь') < **drī-*, ср. йидга *lat-* < **drī-* (ав. *dar-*); *wu-net-* (от *wu-nor-* 'раскатывать тесто') < **awarptī-* (ср. и.-е. *(s)ner-* 'крутить, вертеть'); *mist-* от *mel-* 'бродить (о тесте)' < **mastī-* (и.-е. *mad-* в н.-перс. *mast* 'кислое молоко', с. *nymuš-* 'киснуть, бродить').

5.3. Помимо основ прошедшего времени на -t/d (< *-tā-, *-tyā-, *-tī-) в мунджанском представлены также основы прошедшего времени на -y-, -oy-, -y, -iy-, а также на -k/k и ноль звука, например: ne-žay- (от основы наст. вр. ne-žen- 'наполнять'), pfoy- (от основы наст. вр. pif- 'дуть'), p(ḅ)ōoy- в p(ḅ)ōoyey 'созревший' (от незавидительствованной основы наст. вр. *pḅḅ-, ср., однако, м. pēḅḅa, ийдга piḅ 'варящийся, кипящий', ав. rak-, куйк- (от основы наст. вр. ku-y- 'свежевать тушу'), m̥r- (от основы наст. вр. m̥r- 'умирать'), wu-žer- (от основы наст. вр. wu-žer- 'смотреть') и др.

С исторической точки зрения основы прошедшего времени на -y (и на другие варианты с y) в какой-то степени можно было бы рассматривать как рефлекс древнеиранского причастия прошедшего времени на суффикс с согласным *-t-. Но думается все же, что эти мундж. основы прошедшего времени продолжают древнеиранское причастие прошедшего времени на *-yā-, *-yī-, *-ayā, *-iyā-. Иначе трудно объяснить, почему основа прошедшего времени от м. kap- 'рыть, копать' представлена в виде ked- < *katyā, а основа прошедшего времени от м. ne-žen- 'наполнять' - в виде ne-žay- < *ni-gaya- (и.-е. g^uhen- в н.-перс. a-gandān 'наполнять'). А доказательством того, что такой суффикс пассивного причастия прошедшего времени мог существовать в древности, является др.-перс. a-bariya- 'wurde gebracht' (Brandenstein, Mayrhofer, 1964). Поэтому такие мунджанские основы прошедшего времени, как wu-znoy- 'мыть', wu-ōoy- 'отдыхать', wu-droy- 'запыпать, дремать' и т.п. могут быть восстановлены соответственно в *awa-snāya- (ав. snā-), *awa-kāya- (и.-е. k^uei - 'отдыхать' в ш. wi-koy- 'отдыхать', но ав. šāta- 'радостный'), *awa-draya- (и.-е. drē- 'спать', др.-инд. drāti 'спит').

Среди основ прошедшего времени этого типа в мунджанском сохранились родовые пары, например: wu-znoy- м.р. 'мыть' < *awa-snāya-, но wu-zney- ж.р. < *awa-snāyī- (ав. snā-); wu-stoy- м.р. 'оставлять, ставить' < *awa-stāya-, но wu-stey- ж.р. < *awa-stāyī- (ав. stā-).

Как уже выше было отмечено, в мунджанском широко представлены основы прошедшего времени на -k/k- < *-kā-, *-k/čī, например: li-/b̥k- (от супплетивной основы настоящего времени win- 'видеть'), куйк- (от ku-y- 'свежевать тушу') и др. Основы прошедшего времени с этим суффиксом имеют соответствия в авестийском и в других памирских языках, например: ав. huška- 'высохший, сухой' (от корня haḅē- 'сохнуть') наряду с ав. hušata- 'высохший'; р. čūg- от kin- 'делать' < *krka-; р. zi-dūg- от zi-dār- 'подметать' < *us-trka- (и.-е. ter- в рус. тереть, ишк. star- 'подметать'). Но в других памирских языках основы прошедшего времени с этим суффиксом не получили столь широкого распространения. В мунджанском же языке основы прош. времени с этим суффиксом представлены довольно широко: mošk- (от maz- 'убивать') < *maška- (и.-е. magh- 'убивать') или < *mḡška- (ав. mar-

'умирать'; ср. дари -muš в par-muš 'подавленный, увявший' < *mṛčī-; g(i)yašk- от g(i)yar- 'переходить' < *wi-tṛška- (и.-е. ter-s-, ав. tar-); nē-yušk-, йидга nē-yušc- (от nē-yuy- 'слушать') < *ni-g/yušk/-čī- (ав. gaos-); xišk- от xēš- 'тащить' < *k/xṛšk/čī- (ав. karš-) и др.

Звонкий вариант этого мунджанского суффикса основы прошедшего времени представлен в м. zēn-g-īy-o // zuñ-g-ig-a 'юноша, подросток', где zēn-g- является рефлексом причастия прошедшего времени на *-k/čī-, т.е. < *zan-k/čī-, а zuñ-g- < *zan-ka- (ав. zan- в fra-zantay- 'ребенок', н.-перс. far-zānd 'ребенок', тадж. zoda 'рожденный', ш. zōd-, -zēd- основа прош. вр.).

Кроме отмеченных типов основ прошедшего времени в мунджанском, как уже было сказано выше, представлены также основы прошедшего времени на ноль звука, например: mṛ- от mṛ- 'умирать', stor- (наряду со stet-) от stēr- 'подметать' и др. Думается, что исторически основы прошедшего времени этого типа продолжают причастия прошедшего времени на *-wā/ī- (ср. и.-е. mṛ-uo- наряду с mṛ-to- 'умерший' от mer- 'умирать'; др.-инд. rakvā- 'сваренный' от rak- 'варить', ав. rak-; ав. ahva- от ah- 'быть'). Основы прошедшего времени с нулевым суффиксом нашли отражение и в других памирских языках, например: ишк. pḥ- (наряду с pḥt-) от ras- 'варить, печь' < *rakwa-, язг. p'ūx- < *rakwa- то же (ав. rak-); ш. ču- (наряду с čūd-) от kin- 'делать' < *krwa- (ав. kar-). Приводим примеры мунджанских основ прошедшего времени, продолжающих исторические причастия прошедшего времени на *-wā/ī-: mṛ- (к основе наст. вр. mṛ- 'умирать') < *mṛwa- (и.-е. mṛuo- от mer- 'умирать'); kēr- (к основе наст. вр. kēn- 'делать') < *krwī- (ав. kar- 'делать', ср. ш. ču- основа прош. вр. к kin- 'делать' < *krwa-); xur- (к основе наст. вр. xēr- 'кушать') < *xwṛwa- (ав. xvar-); aver- (к avar- 'приносить') < *a-brwī- (ав. bar-); stor- наряду со stet- (к stēr- 'подметать') < *us-tṛwa- (и.-е. ter- в ишк. star-, ш. zidar- 'подметать'); telg- (к tolḡ- 'колоть, резать скот') < *tṛ/lgwī- или *tar/lgwī- (и.-е. tel(e)gh-, tel(e)k- 'бить, убивать', др.-инд. tarh- 'раздроблять'); yir- (к yonḡ- 'молоть') < *arwī- (и.-е. al- 'молоть', др.-инд. ālu- 'очень мелкий', но ав. aša- из *(a)ṛšā-, *arkā- 'смолоное', н.-перс. ard 'мука'). Как можно видеть, этот тип основ прошедшего времени свойствен в основном глаголам с исходным основы настоящего времени на -г.

Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие типы древнеиранских причастий прошедшего времени: причастия на *-tā-, *-tyā-, на *-atā-, *-atyā- или *-itā-, *-ityā-, на *-yā-, *-yi- или на *-ayā-, *-ayi-, причастия на *kā/ī-, -čī- и на *wā/ī-. Кроме того, все мунджанские основы прошедшего времени сохранили следы исторических родовых форм, что нашло отражение в корневом гласном основы.

Как и древнеиранские причастия прошедшего времени, мунджанские основы прошедшего времени имеют пассивное значение только при переходном глаголе. При непереходном глаголе они имеют активное значение, например: wuznoy- 'вымытый', nъwъxt- 'написанный', рѣоуеу (от рѣоу-) 'созревший', neyareу 'вышедший' (от neyar-).

5.4. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая форма причастия прошедшего времени, которая в настоящее время в основном служит для образования формы перфекта и плюсквамперфекта. Эта краткая причастная форма (или основа перфекта) образуется от основы прошедшего времени прибавлением суффикса -еу м.р., -еуа, -уа (после исхода основы на -r-, -y-), -іуа- (после исхода основы на -k/g- ж.р., например: wefteу- м.р., wefteуа ж.р. от осн. weft- прош. вр. weft- 'ткать'; kereу- м.р., keryа- ж.р. от ker- 'делать'; wuznoyeу м.р., wuzneyа ж.р. от wuznoy- 'мыть'; liŕkiу- м.р., liŕkiуа ж.р. от liŕk- 'видеть'. У некоторых глаголов в основе перфекта жен. рода происходит изменение корневого гласного, например: n(i)yosteу- м.р., n(i)yasteуа ж.р. от n(i)yost- 'сидеть, садиться'; čosteу- м.р., časteуа- ж.р. от čost- 'падать'.

С исторической точки зрения суффикс -еу, по-видимому, является отражением общеиранского суффикса этого типа причастий *-aka- I). В формах жен. рода имеется дополнительный суффикс -а < *-ākā-.

Выше уже говорилось о том, что современная перфектная основа служит для образования глагольных форм. Но в языке возможны случаи субстантивации этого краткого в прошлом причастия, например: уагеу 'мука' (т.е. 'смолотое'), nъwъxtеуа 'запись' (т.е. 'написанное'), хеста 'лепешка' (т.е. 'выпеченное', 'выпечка'), ср. ав. xvāstō 'испеченный'.

Выражение лица и числа

5.5. Лицо и число выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (настояще-будущее время, форма повелительного наклонения), лицо и число выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (форма прошедшего времени, перфект, плюсквамперфект), лицо и число выражается особыми показателями лица и числа энклитического типа.

Личные окончания

В языке представлены следующие окончания:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-em	-am
2 л.	-ey	-af
3 л.	-t/d, -i, ∅	-at

I) Хотя не исключено, что и в данном случае суффикс -еу < *-aya-.

В форме повелительного наклонения во 2-м лице ед. и мн. числа имеются другие окончания, а именно: ед. ч. ноль звука // - о, мн.ч. -it, например: wiš́k // wiš́ko: 'встань!', wiš́kit 'встаньте!'

Исторически все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залога, а именно: а) ед.ч. I л. -еш < *-āmi; 2 л. -еу < *ahi; для повелительного наклонения окончание, равное нолу звука, является отражением древнеиранской глагольной флексии 2 л. ед.ч. активного залога императива *-а, а мундж. окончание -о < *-ahwa, т.е. окончание 2 л. ед. ч. медиального залога императива; 3 л. -t/d < *-tf (первичное) или *-ta (вторичное), окончание -i, по-видимому, из *-it < *-īta- медиальный залог опатива, нулевое окончание в 3 л. ед.ч. отражает древнеиранское окончание опатива активного зал. *-uāt;ó) мн.ч. I л. -ам < *-amā вторичное окончание активного залога; 2 л. -af < *at/√wām вторичное окончание медиального залога (подтверждением того, что -f- могло развиться из *-t/√w-, является м. š́fur 'четыре' < *š́at/√wārah, ав. š́aṇwārō); окончание повелительного наклонения -it, по-видимому, из *-īta- или *-ātai, т.е. окончание 2 л. дв. ч. (др.-инд. -āthē, ав. -aiṇai-); 3 л. -at < *-antām медиальное окончание императива.

Показатели лица и числа

5.6. В глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени, лицо и число выражается, как уже было сказано выше, особыми показателями, которые только в форме плюсквамперфекта отделяются от вспомогательного спрягаемого глагола и присоединяются к перфектной основе. В других памирских языках эти показатели лица и числа являются подвижными во всех глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени. В I-ом и 2-ом лице ед. числа различаются два ряда показателей: для переходных и непереходных глаголов. Во всех остальных случаях показатели лица и числа не различаются в зависимости от переходности - непереходности глагола. Аналогичное явление наблюдается в язгулямском и бартангском языках, где также имеется два ряда показателей лица и числа для 3-го лица мн. числа.

В мунджанском представлены следующие глагольные показатели лица и числа:

	Ед. ч.		Мн. ч.
1 л. -ь/еш (при перех.)	-	-	-am
-ам (при неперех.)			
2 л. -ь/ет (при перех.)	-	-	-af
-ау (при неперех.)			
3 л. -а или ноль звука	-	-	-at

Как и в других памирских языках, показатели лица и числа, употребляющиеся при непереходном глаголе, исторически продолжают личные формы глагола *ah-, *h- 'быть' в настоящем времени одного из наклонений, т.е.: а) ед.ч. I л. -am <*ahmi, 2 л. -ay <*ahi, 3 л. -a <*ahat, а нулевой вариант <*hat; б) мн.ч. I л. -am <*hamā, 2 л. <*had/twam, 3 л. -at <*hantām.

Показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, могут быть истолкованы как рефлекс сочетаний древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л. ед.ч. конъюнктива или опатива с соответствующим энклитическим местоимением, т.е. а) ед.ч. I л. -b/əm <*ahyāt + mai; 2 л. -b/et <*ahyāt + tai; 3 л. -a <*ahat + hi; б) мн.ч. I л. -am <*ahat + ahmā (твор.мн.); 2 л. -af<*ahat + vāh; 3 л. -at <*ahat + tāiṣ, где tāiṣ твор. мн. от указательной местоименной основы *ta- (ав. taiṣ), либо энклитическое местоимение *diṣ (ав. diṣ).

Личные формы глагола

5.7. В мунджанском представлены следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, форма повелительного наклонения (для 2-го лица ед. и мн. числа), прошедшее время, перфект и плюсквамперфект (или точнее – преждепрошедший перфект, подробнее об этой форме см. дальше).

Как и в других памирских языках, в мунджанском из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это – форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные формы представляют собой различные в хронологическом плане новообразования.

Но в мунджанском сохраняются и застывшие личные формы, продолжающие древнеиранские. Это – положительная и отрицательная формы глагола со значением 'есть, имеется': ast 'есть, имеется' и čəṣ 'нет, не имеется'. Первая форма может быть восстановлена в *astām, т.е. 3 л. ед.ч. императива медиального залога от основы *ah- 'быть' (ишк. 'есть, имеется'). Отрицательная форма čəṣ состоит из двух частей: отрицания č̣ <*naka- или *aka- (и.-э. nē, *ne в ne-k^uo-э 'ни один', ne-k^uə 'и не', др.-инд. наса 'и не') и -(ə)ṣ <*aṣyāt, т.е. 3 л. ед.ч. опатива акт. залога или *aṣti, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива акт. залога от основы *aṣ- (и.-э. es-, *ek/k-, др.-ир. *ah-, *aṣ- 'быть', ср. ягн. связку 3 л. ед.ч. -x).

5.8. Форма повелительного наклонения 2 л. ед. числа имеет два варианта: а) неосложненная основа настоящего времени; б) основа настоящего времени + окончание -o, например: wiṣk' // wiṣko! 'встань!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения имеет окончание -it (ср. Гюнберг, 1972): wiṣkit! 'встаньте', ásit 'приходите!'. Пример во фразе: moḥ áyit, ze č̣ə-yem 'вы идите, (а) я не пойду'.

5.9. Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе настоящего времени личных окончаний. (см. парадигму спряжения глагола *wof-*: *wef-* 'ткать':

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>zə wófəm</i>	<i>mox wófəm</i>
2 л. <i>tʰ wófəy</i>	<i>mof wófaf</i>
3 л. <i>wə wəft</i>	<i>way wófət</i>

Как можно видеть, в 3-ем лице ед. числа может изменяться корневой гласный. Это свидетельствует о том, что форма 3-го лица ед. числа образована не от основы *wof-* < **wafa-*, т.е. основы индикатива, а от основы *wef-* < **wafai-*, т.е. основы оптатива (и.-е. *uebh-*; др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное').

Кроме изменения корневого гласного, в 3-ем лице ед. числа могут иметь место и другие фонетические явления: выпадение сонанта *ɾ*, *n* или, наоборот, появление сонанта *n*, например: 3 л. ед.ч. *let* от основы наст. вр. *lor-* 'иметь', *wuʔit* от основы наст. вр. *wuʔet-* 'смотреть', *pist* от *pəra-* 'спрашивать', *xondi* от *xəd-* 'смеяться' и др. Это тоже является свидетельством того, что форма 3-го лица ед. числа образована от другого варианта основы, т.е., например, основа настоящего времени *lor-* < **dāra-* основа индикатива с корневым гласным на сильной ступени, а *let* 3 л. ед. ч. этого же глагола < **d̥rti-* основа оптатива с корневым гласным на слабой ступени *ti* личное окончание *-*ti*.

Некоторую особенность в спряжении в форме настоящего времени имеют глаголы типа *lor-* 'иметь', *rim-* 'нравиться'. Если при спряжении всех других глаголов в этой глагольной форме именное подлежащее употребляется в прямой форме, то при спряжении этого типа глаголов, именное подлежащее употребляется в косвенной форме, т.е. ед.ч. *mən lorəm*, *ta lorey*, *wən let*; мн.ч. *mox lorəm*, *mof loraf*, *waf lorat*.

Глагольная форма настоящего-будущего времени выражает всякое непрошедшее действие: *zə ʔuəm naʔn guʔəm*, *wədəm ʔəəm* 'я пойду заменю хлеб(и) тут же приду'; *f(b)-ta xiyayin vint* 'тебя он сам уведет'; *ta ʔti rózəneʔ* 'что ты говоришь?'; *tʰ wə- tʰak dal no mən to zə wuʔəgəm* 'дай мне ружье, чтобы я посмотрел'.

5.10. Форма прошедшего времени образуется сочетанием основы прошедшего времени с показателем лица и числа, при этом, как уже упоминалось, в 1-м и 2-м лице ед. числа различается спряжение переходных и непереходных глаголов. Именное подлежащее при переходном глаголе, как правило, употребляется в косвенной форме. (см. парадигму спряжения переходного глагола *wof-*: *wef-* 'ткать' и непереходного глагола *ʕih-*: *ʕost-* 'падать' в этой форме:

П р о ш е д ш е е в р е м я

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. mən weftəm

mox weftam

zə čostam

mox čostam

2 л. ta weftəm

mof weftaf

tu čostay

mof čostaf

3 л. wan weft

waf weftat

wə čost

way čostat

Следует сказать, что при форме прошедшего времени (как и при других формах, образованных от основы прошедшего времени) некоторых переходных глаголов (типа 'смеяться', 'нравиться') именное подлежащее употребляется не в прямой форме, а в косвенной, например: savzipari-yin xediya 'пери Савзи засмеялась'.

Глагольная форма прошедшего времени употребляется для выражения всякого действия, имевшего место в прошлом независимо от его длительности и кратности: xiyayin čəy ba-bozogonī 'сам он отправился по купеческим делам'; dər f(ə)ta kə liš'k-əm - va-xaυ rūr-əm 'сегодня, когда (я) тебя увидал - (ну прямо) мой собственный сын'; wa rūr-əš aft-mə viya kə wə tot m̄bra 'его сыну было семь месяцев, когда его отец умер'; čə ušondəy-əm '(я) не проголодался'; mīro v̄šəy 'солнце село'; way žink-in šta 'та женщина сказала'; və-rəfika ʔəgəvd, stəta, pokiza kər '(она) взяла веник, подмала, (все) подчистила'.

Выше уже говорилось о том, что при переходном глаголе именное подлежащее употребляется обычно в косвенной форме. Но в наших материалах зафиксированы случаи нарушения этого правила, т.е. вместо косвенной формы именного подлежащего отмечена прямая форма, например: zə čə vzendəm 'я не знал'; aga zə va viyam, no t̄b va liyem 'если бы я был (тут), я бы тебе дал'. Правда, во втором примере при переходном глаголе именное подлежащее отсутствует, но можно полагать, что zə 'я' относится в равной степени как к придаточному предложению, так и к главному. Кроме того, в этом сложноподчиненном условном предложении обращает на себя внимание наличие приглагольной частицы va, которая функционально и по происхождению соответствует русской частице бы. Она может употребляться также при форме перфекта.

5.II. Форма перфекта образуется сочетанием перфектной основы (исторически - причастие прошедшего времени) с показателями лица и числа. Парадигма спряжения тех же глаголов в этой форме:

П е р ф е к т

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. mən weftəyem

mox weftəyam

zə čostəyam

mox čostəyam

2 л. ta weftəyet

mof weftəyaf

3 л. tu čosteyay
wan_wefttēy
wə čostey

moč čosteyaf
waf wefttēyat
way čostēyat

Форма перфекта выражает результат действия, имевшего место в прошлом: хуб šey kə oyačeyay 'хорошо, что ты пришел'; мох musafidi šeyayam 'мы уже стали старыми'; narx šə rūn-an sisad (afyonī) moč xiyan nəlǵevdiyaf 'вы (уже) сами назначили цену масла в триста (афгани)'; nə kə va dir pristeyəm va 'кому-нибудь другому (я) продал бы'.

5.12. Форму плюсквамперфекта правильнее было бы назвать формой преждепрошедшего перфекта, поскольку она образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *v-*: *viy-* 'быть' в форме перфекта. В отличие от всех глагольных форм, образующихся от основы прошедшего времени, показатели лица и числа при этой глагольной форме отделяются от спрягаемого вспомогательного глагола и употребляются при неспрягаемой перфектной основе смыслового глагола. Приводим спряжение глагола *ših-*: *čost-* 'падать' в этой форме:

П р е ж д е п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. zə čostey-am viya

moč čostey-am viya

2 л. tš čostey-ay viya

moč čostey-af viya

3 л. wə čostey viya

way čostey-at viya

Неизменяемый компонент этой формы *viya* представляет собой неупотребляющееся в настоящее время (кроме этого случая) причастие прошедшего времени жен. рода (ср. именное окончание жен. рода *-a* в *frīya* 'блоха', *pāla* 'нога') и может быть восстановлен в **būtī--ākā*-. Соответствующая форма муж. рода *viyey* тоже отмечена в форме преждепрошедшего перфекта, ср. *zə šeyey-am viyey* ' (давно) уехал'. Но она употребляется очень редко. Аналогичная глагольная форма представлена также в ишкашимском языке: *watūk-əm vādūk* '(я) упал(а)', *watūk-bt vādūk* '(ты) упал(а)', *watūk vādūk* '(он(а)) упала', *watūk-on vādūk* '(мы) упали' и т.д. А мунджанское *šeyey-am viyey* полностью соответствует ишкашимскому *vādūk-əm vādūk* '(к тому времени я), должно быть, уже уехал'.

Переходный глагол в этой форме нами не зафиксирован. Но если учесть материал диалекта йидга, то его спряжение может быть приведено в следующем виде (спрягается глагол *wof-*: *weft-* 'ткать'):

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. mən weftēy-əm viya

moč weftēy-am viya

2 л. ta weftēy-et viya

moč weftēy-af viya

3 л. wən weftēy viya

waf weftēy-at viya

Глагольная форма преждепрошедшего перфекта употребляется сравнительно редко и выражает результат действия, предшествующего другому действию, или вообще давнопрошедшее действие. Примеры: *mələ čostey viya* 'она вот здесь упала'; *ovde mih ġey kə way ġriy-an wada liyey viya* 'вот уже семь дней прошло с тех пор, как ее муж дал обет'.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

5.13. Мунджанский инфинитив (или имя действия) образуется от основы настоящего времени прибавлением одного из суффиксов: *-d/to(w)*, *-(e/ə-yo(w))*, *-ko(w)*, *-o(w)*, например: *wef-to(w)* 'ткать', *čos-to(w)* 'падать', *liš-ke(w)* 'видеть', *kuš-ko(w)* 'колоть, резать (животное)', *ži-yo(w)* 'бить, ударять', *kər-o(w)* 'делать', *xur-o(w)* 'кушать'. Как можно видеть, в ряде случаев инфинитив образуется не от того варианта основы настоящего времени, который функционирует в языке, а от другого варианта, который либо не употребляется отдельно, либо вообще не зафиксирован в языке. Так, например, инфинитив *wef-to(w)* 'ткать' образован от неупотребляющейся отдельно основы наст. времени *wef-* < **wafai-*, т.е. основы опатива. В качестве основы наст. времени этого глагола в языке функционирует *wof-* < **wafa-*, т.е. основа индикатива. Или, другой пример: инфинитив *liš-ko(w)* 'видеть' образован от незафиксированной основы наст. времени **liš-* < **dišai-*, т.е. основы опатива (ав. *dā(y)-* 'видеть', др.-инд. *dhiṣāna-* 'понятливый', вах. *diš-* 'знать, понимать'). В качестве основы наст. времени этого глагола употребляется супплетивная основа *win-* 'видеть' (ав. *vaēn-*). Таким образом, в мунджанских инфинитивах сохраняются такие варианты основ наст. времени, которые сейчас в языке не функционируют. Это наблюдается и в других памирских языках. Так, например, ш. *či-dōw* 'делать' образовано от основы настоящего времени **či-* < **krai-* основы опатива, т.е. от основы, которая в языке не функционирует. В качестве основы настоящего времени в шугнанском используется *kin-* < **kriŋi-* (ав. *kar-*). Или, например, ш. *wizēn-tōw* 'знать' при функционирующей основе настоящего времени *wizān-*.

Мунджанский инфинитив, являясь именем действия, употребляется в тех же функциях, что и имя существительное: *tə qaža mox niho to nə ġeyow-an* 'ты посиди с нами до ухода!'; *ešku čəš nə xurəw-an* 'ничего нет для еды'; *ġə xāi/lyow-an fouida čəš* 'плакать - бесполезно'.

Инфинитив употребляется также в особых конструкциях для выражения начала действия, возможности, необходимости совершения действия, например: *guxtem dambura žiyb* 'я начал играть на тамбуре'; *yan bno kər və-xəyo* 'он начал плакать'; *yow-i kūko čə kərkey?* 'ты не сможешь зарезать корову?'; *ala niyosto čə kərker* 'он не смог здесь жить'; *və-rūvər žə aždōr-an kay muževdo čə kərkerat* 'никто не мог

шевелинуть голову дракона'; $\dot{\text{t}}\text{a}\dot{\text{y}}\text{-i}$ не wuznouw-an 'нужно постирать белье'.

Историческими соответствиями для мунджанских суффиксов инфинитива являются следующие. Суффикс $-d/to(w)$ отражает форму вин. падежа ед. числа конечного элемента исторического инфинитива, т.е. $*\text{-tawam}$ или основу -tawa- (ср. др.-инд. инфинитив дат. падежа kār-tavai 'делать'). Остальные мунджанские суффиксы инфинитива также отражают историческую падежную форму (или основу): $-\text{yo}(w) < *yawa(m)$, $-\text{k}/\text{ko}(w) < *kawa(m)$, $-\text{o}(w) < *awa(m)$. Все эти мунджанские суффиксы инфинитива имеют соответствия в других памирских языках, ср. ш. wef-tōw 'ткать', vi-dōw 'быть', вах. $\text{re-dōw}(n)$ 'давать', р. čī-gōw 'делать', вах. seḡ-ak , ишк. k̄n-ūk 'делать' и др.

Причастие

5.14. Наибольшее распространение имеют два причастия прошедшего времени: причастие, образующееся от основы прошедшего времени, и причастие, образующееся от основы перфекта (исторически распространенное причастие прошедшего времени). Эти причастия, как и имена, имеют категорию рода, числа и - при субстантивации - категорию падежа.

Причастие, образующееся от основы прошедшего времени, имеет следующие суффиксы: а) м.р. -əy (возможно, из более раннего $*\text{-əy/g}$, -iy/g у глаголов с исходом основы прошедшего времени на -k/g-); б) причастие жен. рода имеет дополнительный гласный -a/ə . Примеры: sketəy м.р., sketəy/ga ж.р. от основы прош. вр. sket- 'резать'; kevdəy м.р., kevdəy/ga ж.р. от основы прош. вр. kevd- 'жевать'; li/əčkīy/g м.р., li/əčkīy/ga ж.р. от основы прош. вр. li/əčk- 'видеть'; kəḡəy м.р., kəḡ(ə)y/ga ж.р. от основы прош. вр. kəḡ- 'делать'.

Форма мн. числа образуется, как и в именах существительных, с помощью суффикса -i : ед. ч. м.р. n(i)yóstəy , мн.ч. n(i)yóstəyi , ед.ч. ж.р. n(i)yástəy/ga , мн.ч. n(i)yástəy/gi от основы прош. вр. n(i)yost- м.р., n(i)yast- ж.р. 'сидеть'.

Это причастие употребляется в основном в функции сказуемого, например: savjotí yḡrvdəy , $\dot{\text{t}}\text{əyəy skapir ne rotō-an}$ '(она) взяла сладости, пошла к царю'; $\text{va-baxt no m̄n neḡḡḡḡəy}$ 'мне предначертаны мои доли'; $\text{da fatir-aḡ ruḡn dəḡḡəy}$ 'в хлебный мякиш положено масло'; $\text{yu rarizóda niyástəy/a}$ '(а там) сидела одна перь'.

С исторической точки зрения эти причастия представляют собой распространенные причастные формы на $*\text{-tā/ī-+-kā/ī-}$, $*\text{-kā/ī-+-kā/ī-}$ и $*\text{-uā/ī-+-kā/ī-}$ (или $*\text{-wā/ī-+-kā/ī-}$), т.е., например: stét-əy от основы прош. вр. stet- 'подметать' может быть восстановлено в $*\text{us-tr-+-tī-+-kā-}$ (и.-э. ter- 'чистить', ишк. star- , ш. zidar- 'подметать'; соответствующая причастная форма в ишк. stuld-ūk , в ш. ziāḡḡ); liák/iy $< *diḡ-+-kī-+-ki-$ (и.-э. dī- 'видеть', вах. diḡ-

'знать', н.-перс. *didān* 'видеть'); *kəŋ-eu* < **kŋ--u/ĩ--ka-* (ав. *kar-*, соответствующая причастная форма в р. *čūj* < **kŋ--wa--ka-*, хуф. *čugj* < **kŋ--ka--čī-*, р. *čīwc* мн.ч. ж.р. < **kŋ--wĩ--čī-*).

Имеются случаи субстантивации этой причастной формы, например: *yareu* 'мука' (букв. 'смолотое'), *kalau* 'сажа' (букв. 'закопченное, задымленное' (и.-е. *ked-* 'коптить, дымить', рус. чад, кад-ило).

Другое причастие прошедшего времени образуется прибавлением к причастию (точнее - к перфектной основе) на *-eu* (из **-eu/g* или **-iy/g*) суффикса *-á(y/g)* м.р., *-(á)y/ga* ж.р., например: *n(i)yosteu/ga* м.р., *n(i)yasteu/gay/a* ж.р. от перфектных основ *n(i)yosteuy* м.р. *n(i)yasteu/ga* ж.р. от глагола *nih-* 'сидеть, садиться'; *nəwxtəu/gá* м.р., *nəwxtəu/gay/ga* ж.р. от глагола *nəwix-* 'писать'. Форма мн. числа образуется так же, как и у имен существительных, прибавлением суффикса *-i*; *nəwxtəui* м.р., *nəwxtəuyi* ж.р. При переходном глаголе оно имеет пассивное значение.

В предложении это распространенное причастие может выступать в любой именной функции, например: *və mən nəwxtəuá štī šeu?* 'куда девались мои записи' (букв. 'записанное'); *vriškiyá ġilós-i nə mən č̣ dal!* 'не давай мне надбитый стакан!'; *za xoǰau taryók-an č̣e-leuam*, *ya mevdega* 'я не дал им терьяк ходжи, он взвешен'; *ála gazdona ḳnam və xuerga*, *ya nilevdegága*, *ila škobam* 'тут мы поворачиваем мельницу, она опущена, мы ее поднимаем'; *zir-i awan-yon xazons gur keryá ast* 'под ним зарыто сокровище'; *Amir-Amza ba amroi Mir-Nigor-in nyosteuyai viyat ḳ yau č̣fir kávyoki skápir nyostat* 'АМИР-АМЗА вместе с Мир-Нигор сидели, когда прилетели эти четыре голубя'.

Это причастие используется также при образовании формы страдательного залога в сочетании с глаголом *au-*: *šeu-*, например: *wuzir si sir yareu averuá šeu* 'вчера было привезено тридцать сиров муки'.

Исторически суффикс этого причастия *-a(y/g)* м.р. < **-aka-*, *-(a)y/ga* ж.р. < **-ākā--kā-*, ср. ш. *-ak* < **-ākā-* в *ziyuč̣č-ak* 'засохший'.

Кроме этих двух причастий прошедшего времени в мунджанском сохраняется еще застывшая форма краткого причастия, равная основе прошедшего времени, например: *xést-a* 'лепешка, хлеб' (букв. 'испеченное, выпечка'), где *xest* < **xwāstyā-* или **xwastī-* (ав. *xwāstō* 'испеченный'), *-a* — именной суффикс жен. рода; сюда же будет относиться и м. *xost-a* 'толстые лепешки, хлеб из кислого теста', где *xost-* < **xwasta-*; *na-wuznoy-* 'немный', где *wuznoy-* < **awa-snāya-* (ав. *snā-*).

5.15. Наконец, в мунджанском достаточно сохраняются причастия настоящего времени: 1) *pəč(č̣)a*, *ийдга* ' кипящий' (ср. ав. *pačika-* 'варящий'); 2) *biw-an-eu* 'пугало' (ср. и.-е. *bau-* 'пугать'); 3) *xəil-en-a* 'свирель' (ср. и.-е. *suei-l-* 'свистеть', ш. *xixilān* 'свирель', н.-перс. *siflidān* 'свистеть'.

ЯЗГУЛЯМСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. С синхронной точки зрения большинство имен существительных являются непроеизводными. Имеющиеся в языке в большей или меньшей степени продуктивные аффиксальные элементы сравнительно немногочисленны (Эдельман, 1966).

Из префиксальных элементов можно указать на: *pa/er-* (< **paŕā-*, **paŕi-*) в *pa/er-bast* 'браслет', *av-* (< **urā-*) в *av-dūst* 'рукавица', *a-* (< **ham-*) в *a-ban* 'жена многоженца по отношению к другой жене', *pa-* (< **aŕā-*) в *pa-δeŷ* 'остатки сыворотки' (ср. *δeŷ* 'сыворотка') и др.

Из суффиксальных элементов наиболее распространенным является различно вокализованный элемент *-k/g* < **-kā-*, например: *ḫetar-ag* 'звезда', *k'er-ok* 'клуша', *wib-ek* 'крайний вол в упряжке при молотбе', *z(e)v-eg* 'язык', *kuw-ek* 'коробочка хлопка'. Звонкий вариант этого суффиксального элемента, т.е. *-g-*, в некоторых случаях чередуется с палатальным *-ǵ-* или аффрикатой *-ǰ-* например: *ŷač-ag* 'девочка, девушка', *ŕeb-ǵg* 'лопаточка для сгребания муки на мельнице', *kaŋ-uǰ* 'кетмень'. Невокализованный вариант этого суффикса, относящийся к более раннему синхронному срезу и, как правило, уже не воспринимающийся в настоящее время говорящими как суффикс, представлен в таких словах, как: *ret-k* 'гнилушка', *δer-k* 'бревно', *ruŕ-g* 'мышь', *ḫar-ǵ* 'сестра', *paŋal-g* 'ножны', *zaŋ-č* 'поле', *wep-ǰ* 'толка', *ne-ǰ* 'нос' и др. В ряде слов отмечен также коррелят этого суффикса, представляющий собой рефлекс исторического суффикса жен. рода, т.е. *-s* < **-šī-*, например, *raŕ-s* 'метла' (ср. ш. *rûb-* 'мести', ягн. *ruḇč*, б. *rafs*, ишк. *ref-* 'метла'; ср., однако, язг. *ŕeb-ǵg* 'деревянная ло-

паточка для сгребания муки на мельнице').

Небольшое число язгулямских слов сочетает в себе оба разновременных варианта этого суффикса, например: $y\acute{e}r-\check{c}-ag$ 'гора' < * $g/yari--ka--aka$, (ав. *gairi-*), $\check{z}e/in-\check{J}-ag$ 'женщина' < * $g/\check{J}anI--k\check{a}--\check{a}k\check{a}$ (ав. *Jaini-*). Такое нанизывание суффиксов (в том числе однородных) происходит в силу того, что со временем суффиксальные элементы постепенно перестают осознаваться говорящими.

I.1. Непроизводные с синхронной точки зрения имена исторически по своему составу могут быть разделены на: а) неосложненные имена, т.е. имена продолжающие ту или иную историческую именную основу, например, $v\acute{u}r$ 'плод(ы)' < * $\check{b}\check{a}ga-$; б) имена с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не воспринимается как таковое, например, $xuf-k$ 'пена' < * $xafa--ka-$ (др.-инд. *karpa-*, ав. *kafa-*); в) имена с неосмыслившимся в настоящее время префиксальным наращением, например, $a-ban$ 'жена многоженца по отношению к другой жене' < * $ha(m)-ra\check{v}n\check{a}$ (ав. *ra\check{v}nI-*); г) имена, представляющие собой исторически редуцированную основу, например: $\check{x}a-xar-g$ 'улар, горная индейка' < * $(k)\check{J}a-xar\check{a}--ka$ (и.-е. *k/ker-* в др.-инд. *\acute{s}\acute{a}ri-* 'одна из птиц', *\acute{s}\acute{a}rik\check{a}-* 'индийская сорока'); д) имена, представляющие собой исторически сложное слово, например, $fer-yem-\check{c}$ 'двухгодовалая коза, первородка' < * $farw\check{a}-g/yam\check{I}--k\check{a}$ (ср. и.-е. *pr\check{o}-uo-* в др.-перс. *paruva-*, ав. *paurna-* 'первый' и и.-е. $g^u\check{a}-$, $g^u\check{e}m-$ 'рождать (ся)', ав. *ni-\check{J}ama-* '(ново)рожденный', ш. *far\check{u}em\check{c}* 'первотелая корова', вах. *rn-y\check{u}m* 'первотелая корова', $-\check{J}um$ в *ny-\check{J}um* 'овца годовалая').

В дальнейшем при анализе язгулямских именных основ мы будем иметь в виду их неосложненную часть.

I.2. Анализ язгулямских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы. При этом следует иметь в виду следующие фонетические закономерности:

I) язгулямские корневые гласные $\check{a}$, а, представленные на месте любого исторического гласного или слогового * $\check{J}$, указывают на историческую позицию $\check{a}$ -умлаута. Поэтому язгулямские основы с этими корневыми гласными являются рефлексам исторических основ на *- $\check{a}$ - или "- $\check{a}$ + согласный". Примеры: $-\check{J}an\check{J}$ в *wex-a-\check{J}an\check{J}* 'муж и жена' < * $g/\check{J}\check{a}n\check{a}--k\check{a}$ (и.-е. $g^u\check{e}n\check{a}-$, ав. *gen\check{a}-*); $w\check{a}d$ 'арык' < * $w\check{a}d/\check{d}\check{a}$ (и.-е. *aqed-*, ав. *vaidi-*, *aoda-*); $p\check{a}n$, $pand$ 'путь, дорога' < * $pant\check{a}$ (ав. *pan-t\check{a}-*); $y\check{a}r$ 'камень' < * $g/yar\check{a}$ (ав. *gairi-*); $k\check{a}rm$ 'червь' < * $karm\check{a}$ или * $k\check{r}m\check{a}$ (др.-инд. *k\check{r}mi-*, ав. *kerema-*); vaz 'коза' < * $b\check{u}z\check{a}$ (ав. *b\check{u}za-*); $s(\check{e})tan$ 'столб, колонна' < * $st\check{u}n\check{a}$ (ав. *at\check{u}n\check{a}-*); $zenay$ 'снег' < * $snaiga-$ (ав. *sna\check{e}\check{z}\check{a}-*); $s(\check{e})raw$ 'вошь' < * $\acute{s}wi\check{s}\check{a}$ (ав. *sp\check{i}\check{s}-*); $\check{z}ay$ 'тетива лука' < * $\check{J}\check{I}y\check{a}$ (и.-е. $g^u\check{h}i-$ ав. *\check{J}ya-*);

2) язгулямские корневые гласные *ə*, *e*, *i*, представленные на месте ир. **ā*, **ī*, корневые гласные *ə*, *i*, *u*, представленные на месте ир. **au*, **ū*, корневые гласные *e*, *o* < **ō*, гласный *i* < **ai*, **ī* указывают на историческую позицию *i*-умлаута. Поэтому язгулямские основы с этими корневыми гласными, развившимися из указанных исторических гласных, являются рефлексам древнеиранских основ на -*ī*-, *-*yā*-, *-*au*-, а также "-*ī* + согласный" и т.п. Примеры: *ʒə/inʒag* 'женщина' < **g/ǰānī* -+- *kā* -+- *ākā* (и.-э. *g^uēnā*-, др.-инд. *janī*-, *jāni*-, ав. *ǰāni*-; ср. язг. -*ǰanǰ* в *wex-a-ǰanǰ* 'муж и жена', которое отражает историческую *ā*-умлаутную позицию); *azən* 'полдень' < **āzani*(-), т.е. либо основа, либо местн. ед. (и.-э. *āghen*-'день'); *pəḍ* 'нога' < **pād/ḍā* (ав. *paḍuā*-, ср. язг. *paḍ*- в *paḍag* 'место для ноги на овринге', которое является рефлексом ир. **pād/ḍā*-); *yew* бык < **g/yawuā*- (ав. *gav*-, *gawuā*-, ср. язг. *yaw*- в *yaw-ek* 'говяжий'); *veʒ* 'участник в доле' < **bag/ǰi*-, **bag/ǰuā*- (и.-э. *bhag*-, др.-инд. *bhag*-, ав. *bag*- 'делить, наделять', ср.-перс. *ham-bāy* 'сотоварищ, обладающий общей долей', ишк. *an-boʷ* 'жена многоженца по отношению к другой жене, т.е. 'содольница'); -*wes* в *par-wes* 'прошлый год' < **watsi*(-) т.е. либо основа, либо местн. ед. (и.-э. *uēt*-, **uets*-, др.-инд. *vatsā*-'год'); *gʷid* 'перепелка' < **wṛd/tī*- (др.-инд. *vartikā*-, ш. *gṛd*, ишк. *wore*); *ri* 'лицо' < **raudī*-, **rūdī*- (ав. *raoḍa*-); *bi* 'запах' < **baudī*-, **būdī*- (ав. *baodāy*-); *rut* 'горный поток' < **rūtī*- (др.-инд. *srōtaḥ*, ав. *raoḍah*-, др.-перс. *rautah*-, н.-перс. *rud* 'река'); *reḍ* 'кишка' < **rōtī*- (и.-э. *reuto*-); *zeṛ* в сочетании с *kʷən*-'осиливать, побеждать' < **zōrī*- (и.-э. *geu*- в ав. *zāvar*- сила, н.-перс. *zūr* сила); *le* обращение мужчин или мальчиков друг к другу < **l/rōdi*- или **l/rōdai* (и.-э. *leudhi*-'народ', др.-в.-н. *liut* 'человек', алб. -*la* в *vēla* 'брат', рус. -людин в простоядин, ш. -*lō* в *a-lō* обращение женщин или девушек друг к другу, -*rō* в *a-rō* обращение к равному, ср. мн.ч. *a-rōd-ār*); *zin* 'зима' < **zainī*(-) (ав. *zaen*-); *ǰʷid* 'пот' < *(*k*)*ǰwaid/ōī*-, *(*k*)*ǰwid/ōī*- (др.-инд. *svēda*-, ав. *xvaḍēa*-); *ǰʷil-an* 'свирель' < *(*k*)*ǰwail/rī*-, *(*k*)*ǰwīl/rī*- + суф. (и.-э. *suei*-, *sui*- 'свистеть, дуть', ш. *ǰi-ǰilān* 'свирель', н.-перс. *siflidān* и *silfidān* 'свистеть');

3) язгулямские корневые гласные *o*, *ū*, *u*, представленные на месте ир. **ā*, **ī*, корневые гласные *o* < **au*, *o* < **ū*(?), *e* < **ai*, *e* < **ī* указывают на историческую позицию *a/u*-умлаута (или нейтральную позицию). Поэтому язгулямские слова с этими корневыми гласными, представленными на месте указанных выше исторических гласных, являются рефлексам древнеиранских основ на *-*a*-, *-*u*- или ***-a/u* + согласный. Примеры: -*dom* в *zinda-dom* 'ловушка, рассчитанная на поимку живьем' < **dama*- (и.-э. *dem*- 'законывать в кандалы, брать в плен'); *ǰom* вечер < **kārna*- (ав. *xāra*-); *roḥna* 'пятка' < **pāḡna*- + суф. (др.-инд. *pāḡsni*-, ав. *pāḡna*-); *mūḥ* 'горох, фасоль' < **maḡa*- (др.-инд. *maḡa*-,

ш. *maḥ*); *yūrḫ* 'медведь' < *ar(k)ḥa- (др.-инд. *ṛkṣa-*, ав. *arḥa-*); *xuf-k* 'пена' < *xafa-+-ka- (др.-инд. *karṇa-*, ав. *kafa-*); *royṇ* 'масло' < *rauṇḥa- (ав. *raouṇa-*); *toxm* 'зерно, семя' < *tauk/xmā- (др.-инд. *tokman-*, ав. *taoxman-*); *ḍoyd* дочь < *d/ḍug/ytar- или < *d/ḍug/ytā (ав. *duḡedar-*); *ḍoḍ* 'дым' < *d/ḍūtā- (др.-инд. *dhūma-* 'дым'); *y^ooṽ* 'экскременты' < *g/y^omauṽa- или *g/y^oṽa- (и.-е. *g^obu-*, *g^ou-*, ав. *g^ouṽa-*); -*meu* в *kaw-meu* 'облако' < *maiṽa- (ав. *maēu-*; но ср. язг. *meu-* в *meu-dob* 'пасмурная погода перед дождем' < *mīṽa- тот же корень); *ḡet* 'волосы' < *gaita- (и.-е. *ghaitā-*, ав. *gaēv/sav-*, н.-перс. *gisu*).

1.3. Для ряда слов в язгулямском зафиксировано варьирование корневого гласного, например: *peḍ* 'нога' < *pad/ḍyā-, *paḍ-ag* 'место для ноги на овринге' < *pāḍ/ḍā-, *piḍ* 'след' < *pad/ḍa-, *ḡām* 'глаз' < *ḡaṣmā(-), т.е. или основа жен. рода, или дв. ед. от основы муж. рода *ḡaṣma- (ав. *ḡaṣman-*, др.-перс. *ḡaṣma-*; но -*ḡūm* в *ḡin-ḡūm* 'голубоглазый' < *ḡaṣman-); *sawḍ* 'год' < *sard/ḍā-, *siḍ* в *a-siḍ* 'в этом году' < *srd/ḍa-, -*siḍ* в *sedasiḍ* 'три года назад' < *srd/ḍi(-), т.е. либо основа, либо им.-вин. мн.ч. ср.р. от атематической основы (ав. *sared-*); *ḍom* 'хвост' < *duma-, -*ḍem* в *par-ḍem* 'подхвостник' < *ḍumi-, -*ḍām* в *reṣta-ḍām* 'краснохвостка (назв. птицы)' < *d/ḍumā- (ав. *duma-*) и др.

1.4. Некоторые язгулямские основы с исторической точки зрения представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексы редуцированных основ. Примеры: *pa-raḡ-g* 'мочевой пузырь' < *pa-ra(n)k/gā- (и.-е. *rank/g-* 'вздуваться'; ср. аналогичную модель в ш. *pi-bīz-g* 'мочевой пузырь' < *pī-pīsa-+-ka-, и.-е. *reis-* 'вздуваться'; для развития значения ср. и.-е. *p(h)eu-*, *p(h)ū-*, *p(h)ū-s/t-* 'вздуваться, пузыриться' в лит. *pūsle* 'пузырь (в том числе мочевой)'; *kēgerḡ//kigerḡ* 'съедобные грибы' < *kr-k/garī-+-ka- (ср. и.-е. *kar-*, *kar-* в кимр. *ceri* 'плод', ягн. *horč*, тадж. *k/qorč* 'гриб', тадж. *ḡayora* 'грибы', курд. *kari* 'гриб', ш. *ḡiḡorč* 'грибы'); *ne-ḡūḡ* 'вой' < *ni-gū-gū (и.-е. *gōu-*, *gū-* 'звать, кричать', др.-инд. *gav-* 'звучать', пуш. *ḡ/ḡwaz/ḡ* 'шум, гам'); *yel-val* 'завитушка, кудряшка' < *g/yal/r-g/yarā- (ср. и.-е. *ger-* 'крутить, вертеть'); *k^oe-k^o(e)ley* 'град' < *k(w)l/r-k(w)l/raḡ- (и.-е. *gel(e)-* 'покрываться льдом, замерзать'; ломанная редуцированная основа < *gla-g- в др.-норв. *klaki* 'ледяная корка на земле', лат. *glacies* 'лед') и др.

1.5. Ряд язгулямских именных основ с исторической точки зрения являются композитами. Примеры:

1) *engeḡ-mek* 'наперсток' < *anguṣta- + mīka-, т.е. 'надеваемое на палец' (для первой части ср. ав. *anguṣta-* 'палец', а для второй ср. др.-перс. -*mauṣa* в *raṭi-mauṣa-* 'надевать');

2) *fer-ḡem-č* 'двухгодовалая коза, первородка' < *fara/i- (или *farwa/i-) + g/yamī-+-kā- (для первой части ср. и.-е. *prō-ḡo-* в др.-

перс. *paruva-*, ав. *paucva-* 'первый', а для второй части ср. и.-е. *g^hem-* 'рождаться', ав. *ni-^hama-* 'новорожденный', ш. *far-yēm-*с 'первотелая корова', м. *fra-yōmey* 'годовалая коза', вах. *re-yūm* 'первотелая корова'; для семантики ср. др.-инд. модель *par-yāriṇī-* 'первотелая корова', для второй части которой ср. и.-е. *iē-ro-* 'год', ав. *uar* 'год', рус. ярка);

3) *zar-ax* 'лед' < **zarā-aixā-*, букв. 'смерзшийся лед' (для первой части ср. и.-е. *gel-* 'покрываться льдом', лат. *glacies* 'лёд, глетчер', а для второй части - и.-е. *eis-* 'лед', ав. *aēxa-*; вах. *zer-īx* 'лед, ледник'; ср. модель перс. *uax-šāl* 'ледник', где *-šāl* < **kālā-* (и.-е. *k/kel-* 'покрываться льдом'));

4) *la-zar* 'ледник, глетчер' < **lāhā-+zarā-* 'смерзшийся лёд' (и.-е. *lě/ě-* в рус. лёд и лето, ср. антоним и.-е. *k/kel-* 'холодный, теплый'; и и.-е. *gel-* в лат. *glacies* 'лед'); ш.-р., вах. *lazār* 'ледник';

5) *per-yan* 'горная тропа, овринг' < **paruyā-+ uaiṇā-* (для первой части ср. и.-е. *pel-*с, *reli-*с 'скала', др.-инд. *rāyā-* 'камень', а для второй - и.-е. *iēu-ni-* 'тропа, дорога, путь', ав. *uaoṇem* вин. ед. 'тропа, дорога') и др.

Род

2.0. С синхронной точки зрения язгулямские именные основы, взятые сами по себе, т.е. вне контекста, нейтральны в отношении грамматического рода (Эдельман, 1966). Но следы былой грамматической родовой оппозиции в языке сохраняются (Соколова, 1967). Это проявляется в следующем. Во-первых, родовая принадлежность имени может быть установлена синтаксически, т.е. по грамматическому роду относящегося к имени существительному указательно-личного местоимения ед. числа косвенной формы: *way*, *day* м.р. - *im*, *dīm* ж.р. При этом следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство, не отмечавшееся ранее исследователями. Если местоимение муж. рода всегда будет указывать на муж. род относящегося к нему имени существительного, то местоимение жен. рода, являющееся исторически местоимением ср. рода, может указывать как на женский род имени существительного, так и на мужской (подробнее см. "Местоимение"). Примеры: *yūṛx šak vāstagin vad ki odam rāyū ī^hakā^h mad wāy-ra* 'медведь (м.р.) был крепко связан, а человек стал его (м.р.) бить'; *warg nest, wū wehūg rēv^h-ay im-ra badāg* 'волка (// волчицы) нет, один человек застрелил его (// ее)'; *way-me uḫtsola bēš veda, way ī-im k^oēḫtā-ay* 'у него был восьмилетний козел, он его зарезал'.

2.1. Во-вторых, следы грамматической родовой оппозиции сохраняются у ряда одушевленных имен существительных, имеющих родовые пары. Внешне родовая оппозиция в этом случае проявляется в чередовании корневого гласного, обусловленного историческим чередованием: а) а- и ā-умлаутных основ или основ на *-yā-; б) а- и i-умлаутных основ;

в) ā- и i-умлаутных основ; г) i- и ī-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского//среднего и женского родов. Примеры: бeṣ 'козел' < *būka- (и.-е. bhukko-с, др.-инд. bukka-) - vāz 'коза' < *būzā- (и.-е. bhūgo-с, ав. būza-); mū(w) 'баран' < *mawa- (и.-е. mū- в лат. mūgiō 'одеять') - maw 'овца' < *mawā- (тот же корень) или *maiśā- (ав. maiśā-); xūr 'осел' < *xaga- - -xar в kēṣ-xar 'ослица' < *xagā- (ав. xagā-); x'oer 'племянник, -ца' < *xwaryā- (и.-е. uellico(n) 'свонок, свояченица', вах. xeryan, xeryun, ш. xēr 'племянник, -ца'); k'oḍ 'собака, пес' < *kwaṭa-, *kunta- - kēṣ 'сука' < *kun(t)ī-+-ṣī- (ср. и.-е. kūon-, kūn-, ш. kud 'пес', kīd 'сука'); wūs 'теленос' < *watsa- - wen-ṣ 'телка' < *watsnī- (и.-е. uet-, др.-инд. vatsā- 'годовалое животное, теленок, телка', ишк. wūs-ūk 'теленос', won-iс 'телка'); nabes 'внук' < *napātsya-, *napātsi- - nabas 'внучка' < *napātsā- (и.-е. *nepōt(s)-, *nept(s)ī-, др.-инд. nāpāt-, naptī-, ав. napāt-, naptī-, ш. nibōs внук, nibēs 'внучка'); ṣeḥ 'петух' < *kṛṣi- - kārṣ/g 'курица' < *karkā- (и.-е. ker-, kerk- в др.-инд. -krakṣa- 'каркающий', kṛka-vāku- 'петух', ав. kehrka-).

Ряд язгулямских одушевленных имен не имеет родовых пар, но поскольку они обозначают имя того или иного пола, то их родовая принадлежность не вызывает сомнений и она всегда подтверждается исторически. Примеры: -janṣ в сочетании wex-a-janṣ 'муж и жена' < *ganā- (и.-е. gūnā-, ав. genā-), ži/en-ṣ-ag 'женщина' < *jānī- (др.-инд. janī-, jāni-, ав. jāni-); ḍoyd 'дочь' < *d/ḍuytar- или < *d/ḍuytā (др.-инд. duhitar-, ав. dugedar-); aban 'жена многоженца по отношению к другой жене' < *ha- pat/vnā- (ав. pavnī-); zēnaw 'сноха' < *snušā- или *snawā- (др.-инд. snuṣā-); xūx 'свекровь, теща' < *xwasgā- (др.-инд. śvasgā-); x'oerog 'свекор, тесть' < *xwasura- (и.-е. scekuro-, др.-инд. śvasura-, ав. xvasura-); poс 'сын' < *put/vra- (ав. puṣra-); yew 'бык' < *yawa- (ав. gav-, gavya-); yūrḥ 'медведь' < *arkā- (др.-инд. ṛkṣa-); wad-āg 'ягненок, ярка' < *watā- + суф. (и.-е. uet-, др.-инд. vatsā- 'годовалое животное'); kāf 'ворона, галка' < *kūfā- (и.-е. kū-b(h)o- в др.-инд. kūkkubha- 'дикий петух, фазан'); warg 'волк, волчица' < *wṛkā- (др.-инд. vṛkā-); g'oīd 'перепелка' < *wart/dī- (др.-инд. vartikā-).

Некоторые имена, обозначающие животных или птиц жен. рода, исторически представляют собой имена среднего рода, например: x'oerog 'ворона' (а)? < *k/xwagna- или < *k/xurna- (и.-е. kēu-, kū- в рус. кура, др.-инд. śakṣra- 'вид куропатки'); ṣok 'сова' < *kūka- (др.-инд. kōka- 'сова', ш. žūk 'филин'); xeg сви́нья < *xuka- (и.-е. su-ko-, ав. hū-) и др. Вообще следует сказать, что исторические именны основы среднего рода явились тем классом основ, за счет которого в дальнейшем в процессе развития языка пополнялся как класс основ муж. рода, так и класс основ жен. рода. Случаи перехода имени среднего рода (в том числе одушевленного) в имя жен. рода засвидетельствованы еще

в санскрите (Барроу, 1976, с. 233). Это явление свойственно не только именам существительным, но и другим именным разрядам слов, и не только памирских, но и других иранских языков.

У небольшого числа одушевленных имен существительных муж. рода корневым гласным является а, что указывает на историческую позицию ā-умлаута. А позиция ā-умлаута, как известно, характеризовала имен-ные основы на *-ā-, т.е. основы жен. рода. В этом случае, очевидно, следует предположить, что эти имена отражают не историческую основу, а историческую ā-умлаутную флексивную форму, например: nar 'самец' < *narā твор. ед. м.р. от основы *nar- (ав. nar-); var-ag 'жеребец, конь' < *barā+ суф., где *barā твор. ед. от основы *bara-); γad-ág 'мальчик' < *γat/dā + суф., т.е. твор. ед. от основы *γat/da- (и.-е. g^hā-, g^hem- 'рождаться', ср. ав. zantay- рожденный, ребенок').

2.2. Родовая принадлежность неодушевленного имени существительного может быть восстановлена в той мере, в какой может быть восстановлена основа имени (см. "Основы"). Примеры.

1) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических ā-умлаутных основ, т.е. исторических основ жен. рода (реже - среднего): wāδ 'канал, арык' < *wād/dā- (и.-е. aqed- 'вода', ав. vaidi- 'канал', aoda- 'источник'); γ^oaxt 'палец' < *ang/γuštā- (ав. angušta-) или < *gwištā- (и.-е. g^his-ti- 'палец'; zənaγ 'снег' < *snaig/γā- (и.-е. sneigh^ho-, др.-инд. snēha-, ав. snaēžā-); s(ə)raw 'вошь' < *šwišā- (ав. spiš-).

2) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических а/у-умлаутных основ, т.е. основ муж./ср. рода: xom 'вечер' < *kšarna- (ав. xšar-); -jūm в ěin-jūm 'голубоглазый' < *šāma(n)- (ав. šāman-, др.-перс. šāma-); bəruj/ž 'береста' < *brāja- (ср. и.-е. bhr̥g- и bhleg- 'сверкать, блестять, белый', др.-инд. bhūrja- 'вид березы', ишк. b̥r̥gž, ос. bārz(ā) 'береза', ш. v̥əy̥z, 'береза', biruj 'береста'); -meγ в kām-meγ 'облако' < *maiya- (ав. māya-); dom 'хвост' < *d/duma- (ав. duma-); γ^oov 'эскременты' < *g/γūva- или *g/γauva- (и.-е. g^hū-, g^hū- в др.-инд. gūtha-, ав. gūva-); toxm 'семя, семечко' < *tauk/xma(n)- (ав. taoxman-, др.-перс. tauma-).

3) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических i-умлаутных основ, т.е. основ любого рода: peδ 'нога' < *pad/dyā- (ав. paīdyā-); peš 'има' < *nāmi- или *nāmai дат. ед. (ав. nāman-, ишк. nin 'има'); zin 'зима' < *zainī-, *zainyā- (и.-е. ghei- в ав. zašn-); bi 'запах' < *būd/dī-, *būd/dyā- (ав. baoda-, baoday-); peγ- в peγ-k-ag 'кропка' < *pūvī-, pūvyā- (и.-е. pū-, pū- 'маленький', вах. piš/c(ek) 'маленький, крошечный'); ru/ēst-i-j 'краснота' < *rūstyā-, *rūstī- (и.-е. reudh-(so)-, ав. raoidita-, х.-оакс. rrusta- 'красный').

Таким образом, наряду с сохраняющимися явными следами исторической родовой оппозиции родовая принадлежность большинства язгулямских имен может быть восстановлена благодаря умлауту.

3.0. В язгулямском языке различаются ед. и мн. число. Имя в ед. числе совпадает с основой, например: wāg 'старшая сестра' (или обращение к женщине старшей по возрасту), warg 'волк', kər 'камень, скала'. Форма мн. числа образуется прибавлением к основе одного из следующих суффиксов: -aŵ (наиболее продуктивный), -éžg (менее продуктивный), -én, -énj (употребляется при одушевленных именах и то сравнительно редко); суффиксы -án (и возможно -ón), -ar (и возможно -ór), а также суффиксы -érj, -érġ/k, -āg/g и -é/iv являются реликтивными. Кроме того, в язгулямском, как и в других памирских языках, сохраняются следы исторических флективных форм мн. и дв. числа.

Общим для всех суффиксов мн. числа является то, что все они продолжают исторические именные основы, превратившиеся в процессе развития языка в показатели собирательной множественности. Рассмотрим каждый из этих суффиксов в отдельности.

3.1. Суффикс -aŵ, как уже отмечалось, является универсальным показателем мн. числа, например: wag-aŵ от wāg 'старшая сестра', werg-aŵ от warg 'волк', kər-aŵ от kər 'камень, скала'. При переносе ударения на суффикс, как можно видеть, корневой долгий гласный ā сокращается, а корневой краткий а переходит в редуцирующийся гласный е.

До сих пор принято считать, что суффикс -aŵ является отражением древнеиранского суффикса собирательной множественности *-ŵa (?) от основ на *-ā (Gauthiot, 1916, с. 267). Но дело в том, что исторически любой суффикс собирательной множественности должен представлять собой полнозначное имя. И, как показывает анализ суффиксов подобного рода, они никогда исторически не присоединяли к себе гласный элемент предшествующей именной основы. Такого рода суффиксы как бы автономны. Поэтому, очевидно, следует попытаться найти какое-то другое объяснение происхождению суффикса -aŵ.

Думается, что суффикс -aŵ можно было бы сопоставить с древнеиранской именной основой *haŵa- в значении 'общий, коллективный, совместно' (ср. и.-е. sem-, sm- 'совместно, вместе', др.-инд. samá-, др.-перс. hama- 'весь, все, целиком', ав. hāma- 'подобный', н.-перс. hāmā 'весь, все'). Этот же др.-ир. корень *ha- с другими наращениями представлен в ав. hađa, др.-перс. haďā, др.-инд. satrá-, ав. haŵrā 'весь, все, вместе'; также и.-е. sm-tu- в др.-инд. sántva-, ир. *ha-t/ŵa-.

Вообще следует сказать, что древнеиранский корень *ham-, *ha- (и.-е. sem-, sm-) с различными суффиксальными наращениями очень широко представлен в показателях множественности во всех иранских языках. С ним связаны, например, как нам представляется, суффиксы мн. числа н.-перс. -hā, тадж. -ho, кудр. -ed, ос. -ad и др. Думается также, что различно вокализованный суффикс -n (-ān, -ōn, -ūn, īn-, -ēn и т.д.), как показатель мн. числа, также связан с др.-ир. осно-

вой *ha-+-n- (ср. образование от полной ступени и.-е. корня сем-др.-инд. *sāmāna-* 'объединение'), хотя, как известно, все специалисты до сих пор считают этого типа суффиксы рефлексам древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа *-nām.

3.2. Язгулямские суффиксы множ. числа -en, -ōn (последний возможно из таджикского) и особенно -an употребляются сравнительно редко, напр.: *šarik-en* 'спутники, товарищи по работе' *рас-en* 'сыновья', *mošir-on* 'переселенцы' (но ср. также собственно язг. *уш-on* 'уши'), *weh-an* 'мужчины'. Что касается происхождения этих суффиксов, то мы, как уже было отмечено выше, склонны считать их рефлексам древнеиранской основы с суффиксальным наращением *-n от корня *ha-, т.е. язг. -en < *hani, язг. -on < *hana- язг. -an < *hanā (и.-е. *sem-, sm-* 'воедино, вместе').

Усложненный суффикс -en] отмечен только в слове *рас-en]* 'приплод домашнего скота, оставшийся в виде уплаты у того, кто брал скот на временный прокорм' (ср. ш. *рбс* 'очередность в пастбище скота'). Он может быть восстановлен либо в *hani + haka, либо в *hani-+-ka-, т.е. тот же др.-ир. корень *ha- с различными суффиксальными наращениями (для вторых компонентов ср. и.-е. *sm-ko- в др.-инд. *śśvant-* 'весь, все' и и.-е. *kom-, *kū- с тем же значением). Этому язгулямскому суффиксу исторически соответствует ягн. -onč в *pinonč* 'жены многоженца по отношению друг к другу' (< *pavni- + hana- + haka-// hačī-). Такое нанизывание суффиксов мн. числа - обычное явление для ряда иранских языков, ср., например, ш. *sal-ūn-d-ak-en* 'приставная лестница, ступеньки', ишк. *aw-ōn-d-on* 'они'. В пользу того, что суффикс мн. числа "гласный + n" в иранских языках нефлексивного происхождения, свидетельствует широкое его распространение в составе различных сложных суффиксов мн. числа в ряде неиранских языков этого региона, например, в верш. -eng, -ong, -ung, -ing, -ang, -an], -anc, -inc и др., ср. верш. *уш-en-anc* 'царицы', *dew-an]* 'дивы', *awiš-in-daru* 'женн'. А варианты этого суффикса верш. -hang // -ang еще более убеждают нас в этом (Зарубин, 1927).

3.3. Язгулямский суффикс -ežg, как уже было отмечено выше, является менее продуктивным, чем суффикс -ač. Примеры: *ушg-ežg* 'девушки', *х'an-ežg* 'коровы', *земč-ežg* 'земли, поля', *šad-ežg* в сочетании *wūyn-i šadežg* 'черные пески', *у°ežt-ežg* 'пальцы'. Этот суффикс может быть восстановлен в *hač/jī- + haka-, т.е. обе его части связаны с тем же древнеиранским корнем *ha- (но ср. Соколова, 1967, с. 106). В шугнанском ему соответствует элемент -(i)žz в *ci-žz-at pil-ižz* 'детшки, детвора', где -ižz < *hayi- + -čī-. Преимущественное употребление язг.-ežg при именах жен. рода объясняется тем, что этот суффикс является рефлексом именной основы жен. рода *hačī-.

В язгулямском сохранился неосложненный вариант этого суффикса в виде -k-, -äg/g < *hākā, ср., например, *уш-ag* 'ушки (котла)', *рәč-k-ag* 'крошки', *weh-ag-* в *weh-ag-ač* 'мужчины' (ср. *weh-üg* 'мужчина'),

pet-yerw-āg 'хозяева скота' (ср. язг. γ° erf-ek 'козленок').

3.4. Суффикс мн. числа -ar зафиксирован только в двух словах: vrad-ar от vred 'брат' и в δ eyd-ar от δ oyd 'дочь'. Относительно происхождения форм мн. числа этих слов среди специалистов нет единого мнения. В.С.Соколова считает, что язг. vradar 'братья' является продолжением др.-ир. *brātarā, что обеспечивает ā-умлаутную позицию. А *brātarā она без всяких на то оснований выводит из древнеиранской формы им. мн. *brātarah (Соколова, 1967, с. 81). Д.И.Эдельман высказывает предположение о том, что исторически формы vradar и δ eydar являются результатом "сохранения полной основы индо-иранских терминов родства на *-tar, и.-е. -ter." (Эдельман, 1966, с. 26). Но в соответствии с акцентуальными закономерностями древнеиранского основы *brātar- и *d/δuytar- имели ударение на втором слоге от конца, а заударный гласный конечного слога в процессе развития от древнеиранского к среднеиранскому языковому состоянию, как известно, отпадал. Поэтому основы *brātar- и *d/δuytar- не могли сохраниться в таком виде от древнеиранского периода.

Историко-фонетический анализ форм ед. и мн. числа этих слов в иранских языках позволяет высказать другое предположение относительно их происхождения. Если мы сравним, например, язг. vradar с соответствующими словами ш. virōdār(z), ишк. v(b)rudar(bn) 'братья', то нетрудно заметить, что они не могут быть рефлексами исторической флективной формы. Они представляют собой сочетание основы язг. vrad- (ср. язг. vradig 'друг'), ш. virōd, ишк. v(b)ru(d) 'брат' с суффиксом мн. числа агглютинативного типа -ār. Этот суффикс имеет ряд вариантов в шугнанском, ср., напр., rižin-ārz 'дочери', abin-ārj 'жены многоженца' и др. Варианты этого суффикса остаточно сохраняются и в язгулямском, ср., например, γ° ent-erk/g' 'снеговые глибы', где γ° ent- < *yunta- (и.-е. gūt- в шведск. диал. kūt 'глиба, ком').

Этот суффикс, как показатель мн. числа, представлен не только в памирских языках, ср., например, башкарик -ār в phi-ār 'плечи' при phi 'плечо'. Несомненным вариантом этого суффикса является элемент -a/ol в ряде иранских языков: язг. sar-al 'кисть, лапа', вах. ser-al 'копыто у парнокопытных', язг. sēmb-ol-ek 'копыто у парнокопытных' (ср. язг. som 'копыто у однокопытных'; др.-инд. śarha-, ав. safa- 'копыто лошади'); тадж. šang-ol 'когти' при šang 'коготь'. Более широко этот элемент в качестве показателя мн. числа представлен в ряде диалектов Ирана.

Что касается происхождения язгулямских суффиксов -ar, (и возможно -or), -ol, то и они тоже могут считаться рефлексами древнеиранской основы с суффиксальным наращением *-r/l- от корня *ha-, т.е. *har/lā-, а для варианта с -r- возможно также и *ha'grā- (др.-инд. satrā, ав. ha'grā 'воедино, вместе, весь, все'). Но можно также предположить, что суффиксы мн. числа типа "гласный + r/l" являются рефлексами др.-ир. *harā-, что может быть сопоставлено с и.-е. sol-

'весь, все', др.-инд. *sarva-* ав. *haurva-* 'весь, все'. Осложненный вариант этого суффикса, т.е. язг. *-erk/g'* в *γ^oent-erk/g'* 'снежные глыбы' представляет собой сочетание двух суффиксов, в основе которых лежит один и тот же древнеиранский элемент **ha-*, но которые имеют различные суффиксальные наращения, т.е. *-erk/g' < *hāri-* (или **hāγri*) + *haka-* (ср. ш. *-ērz* в *rizīn-ērz* 'дочери' < **harī-* или *hāγri-* + *hači-*). Таким образом, если язг. *-ar* отражает историческую *ā-*умлаутную позицию, то язг. *-er* в *-erk/g'* отражает *i-*умлаутную позицию.

3.5. Что касается язгулямского суффикса *-e/iv*, то он отмечается В.С.Соколовой только в одном слове, а именно в *reḇagev* 'босиком' (Соколова, 1967, с. 106). Она сопоставляет его со сложным наречным суффиксом ш. *-(a)jēv* в *ḫāba-jēv* 'ночами'. Но в таком случае язг. *reḇagev* следовало бы перевести 'ногами, в ногах' (ср. ш. *rōḇ-ēv* в 'ногах'), а не 'босиком'. Обычно слова со значением 'босой, босиком' в иранских языках представляют собой исторические композиты, ср., напр. тадж. *rou-luḡ* // *rou-barahna*, ш. *rōḇ-viyōj*, вах. *pi/nyḡ-rēḇg*. Поэтому не исключено, что и язг. *reḇagev* представляет собой сложное слово. Думается, что второй элемент *-agev* состоит из *ag-* + *-ev*, где *ag-* < **agā-* 'голый, обнаженный' (ср. и.-е. *eg-* 'отсутствие, дефект' в др.-в.-н. *ekoγdo* 'голый, обнаженный'), а *-ev* — суффикс мн. числа, т.е. точно такая же модель, как в ш. *rōḇ-viyōj* 'с босыми ногами', где *-viyōj* < **bahya-* + *-āka-* (и.-е. *bhovo-s* 'голый, обнаженный'), а суффикс **-āka-* — показатель мн. числа.

Что касается язгулямского показателя мн. числа *-e/ev*, то он сохраняется в таких словах, как *γ^oer-ev* 'пригоршня из двух ладоней' (где *γ^oer-* < **γiḡra-*, и.-е. *geu-ro-*, *geu-lo-* в др.-инд. *gḥla-*, *gula-* 'шар', лат. *vola* 'углубление в руке') и *ker-ev* 'отверстия в бревне' (где *ker-* < **kīra-*, и.-е. *k/kū-ro-* в ав. *sūra-* 'отверстие, дыра'). Принято считать, что такие показатели мн. числа, как язг. *-e/ev*, с. *-ef*, ор. *-īf*, ш. *-ēv*, вах. *-ev*, ишк. *-ēv*, *-ov*, продолжают именную флексию дат.-отл. мн. **-byah* ж.р., **-aibyah* м.р. (см., например, Соколова, 1967, с. 105). Но при таком толковании гласный показателя мн.ч. может быть только гласным переднего ряда, поскольку исторически в этом случае он отражает позицию *i-*умлаута. А в ишкашимском мн. имеем *-ēv*, *-ov*. Аналогичные элементы мы находим в таких курдских словах, как *mer-ēv/f*, *mir-ov-an* 'люди, человек (вообще)' при *mer* 'человек, мужчина', где элементы *-ēv/f*, *-ov-* совершенно безотносительны к числу и падежу и где они выражают собирательную множественность, т.е. так же, как и курд. *-i* в *mer-i* (прям. форма) — *me/er-i* (косв. форма) 'человек, люди'. С другим гласным этот элемент представлен в курд. *h'ēn-av* 'внутренности' (ср. ав. *antar-* 'внутри, между'). А в составе сложного показателя мн.числа он содержится в парф. *bag-ift* 'боги'. Аналогичный показатель мн. числа имеется и в вершикском, ср. *čid-iw* 'котлы' при ед. ч. *čidin*, ишк. *čādan* 'котел' (Зарубин, 1927).

Все сказанное относительно показателей мн. числа "гласный + губной согласный" склоняет нас к тому, чтобы видеть в них элементы нефлексивного происхождения. Думается, что, как и в случае с выше-рассмотренными язгулямскими показателями мн. числа, эти суффиксальные элементы являются рефлексам именной основы со значением собирательности, совокупности чего-либо. В таком случае они могли бы быть связаны с и.-е. *ēri-* в др.-инд. *āri-* 'союз, товарищество' или с и.-е. *ebhi, obhi* в рус. об-щий, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi, avi, aiwi*, 'у, к, при'. Такое толкование этих элементов больше подходит и к многочисленным топонимам, содержащим эти элементы: ш. *Pōrṣ(i)n-ēv* Поршне́в, вах. *In-If* Иниф и др.

3.6. В язгулямском, как и в других памирских языках, сохраняются также именные основы, представляющие собой рефлекс и древнеиранских флексивных форм мн. и дв. чисел. Реконструировать эти формы помогает знание историко-фонетических закономерностей, связанных с умлаутом. Эти язгулямские именные основы, как правило, в настоящее время самостоятельно не употребляются. Они выступают обычно в сочетании с тем или иным суффиксом мн. числа, например: *pac-* в *pac-en* 'сыновья' (ср. рос. 'сын') < **put(s)rāh* им. мн. м.р. от **put(s)ra-* (ав. *puṣṭra-*); *kad* в *kad-aṣ* 'дома' (ср. *kūd* 'дом') < **katāh* им. мн. м./ж. р. от **kata-* (ав. *kata-*); *was-* в *was-aṣ* 'телята до I года' (ср. *wūs* 'теленки') < **watsāh* им. мн. м./ж. р. от **watsā-* (и.-е. *uet-s-* в др.-инд. *vatsā-* 'теленки'); *kaḥ-* в *kaḥ-aṣ* 'шкур крупного рогатого скота' (ср. *kuḥ* 'шкура') < *(s)*krṣāh* им. мн. м./ж. р. от *(s)*krṣa-* (и.-е. (s)*ker-* в рус. шкура); *kʷəd-* в *kʷəd-aṣ* 'собаки' < **kwa(n)-tyah* мн. им. м.р. или **kwa(n)tīṣ* мн. им. ж.р. от **kwa(n)tī-* (ср. и.-е. *kuon-*, *kun-* 'собака').

Не возможно также и относительно самостоятельное употребление такого типа основ, например: *-sid* в *sedasid* 'три года назад' < **sṛd/ḍi* мн. им.-вин. ср. р. от **sṛd/ḍ-* (ав. *sarəd-* 'год'); *ḥad* 'приставная лестница' < **sṛītāh* мн.им. (и.-е. *klei-* 'прислонять') или **skṛtāh* мн. им. (и.-е. (s)*kel-* 'прислонять'), ср. ш. *sal-* в *salūndak(ēn)*, ишк. *ṣot-un*, вах. *wḥ-xar* 'приставная лестница'.

Язгулямское *bac-ken* 'ребята, дети' (ишк. *bač-kač*, ш. *-čēn* в *a-čēn* 'эй, ребята!') представляет собой сочетание двух различных основ, каждая из которых является рефлексом флексивной формы мн. числа, т. е.: *bac-* < **b/pūt(s)ryah*, т.е. им.-вин. м.р. от **b/pūt(s)ri-* или **b/pūt(s)rīṣ* им.-вин. ж.р. от **b/pūt(s)rī-* (и.-е. *pūi-(t)-* 'маленький', ав. *puṣṭra-* 'сын'; *-ken* < **kanyah*, т.е. им.-вин. м.р. от **kanī-*, или < **kanīṣ*, т.е. им.-вин. ж.р. от **kanī-* (и.-е. *ken-* 'молодой, юный', ав. *kainī-* 'девочка', рус. чадо).

Как уже было отмечено выше, ряд язгулямских именных основ, в основном те, которые обозначают нарные части тела, представляют собой рефлекс исторической формы дв. числа, например: *rad-* в *rad-aṣ* 'но-

ги' < *pāḍ/ḍā им.-вин. дв. м.р. от *pāḍ/ḍa- (ав. pāḍ-, pāḍa-); ped 'ноги' (также 'нога') < *pāḍ/ḍai им.-вин. дв. ж./ср. р. от *pad/ḍā-; zen 'колени, колено' < *zanwi им.-вин. дв. ср. р. от *zanu- (и.-е. genu-, др.-инд. jānu- ср. р., н.-перс. zanu); čām 'глаз(а)' < *čašmā им.-вин. дв. м.р. от *čašma- (ав. čašman- др.-перс. čašma-); yev- в yev-on 'уши, ухо' < *yūšī им.-вин. дв. ср. р. от *yūš- или *yūšai им.-вин. дв. ж./ср.р. от *yūšā- (ав. gaos-, gaosā-); xox 'легкие, легкое' < *(k)šuxa им.-вин. дв. м./ж.р. от *(k)šux- или *(k)šuxāh род. дв. (ав. suši дв. ср.р.); dəvūr 'дверь, двери' < *dwara им.-вин. дв. м./ж.р. от *dwar- (ав. dvār-).

Падёж

4.0. В современном язгулямском падежные отношения выражаются в основном с помощью предлогов и послелогов, например: šod en wu ŋəŋgal 'он пришел в лес'; āz-əm naḱaṣa na səyaŋ ŋāt 'я только что с жатвы пришла'; ti k'ód-a na-nyast na odam? 'твоя собака не кусает людей?'; taka raŋin ma ŋən 'лепешки(я) пеку в печке'; pša xéx-an šod 'они пошли за водой'; ŋe kən ž-dif na yu zamč 'гони их с этого поля!'; u reŋ endoyd-a šod i kúd 'тогда он встал и пошел домой' (Эдельман, 1966, с. 68-74).

Кроме того, в языке имеются два аффиксальных показателя: -i и ā/ž(ə)-. Факультативный суффиксальный показатель -i присоединяется к препозитивному принадлежностному определению (также к местоименному), в том числе выраженному целым словосочетанием. Примеры: šód-i bi 'запах дыма'; déd-i kúd 'дом отца'; mox-i kúd 'наш дом'; wū pir-a kəmpir-i kúd daŋd 'она вошла в дом каких-то старика со старухой'. То обстоятельство, что этот показатель присоединяется к косвенной форме местоимений, у которых различаются падежные формы, наводит на мысль о том, что по происхождению он является послелогом (ср., однако, Эдельман, 1966, с. 28). Язгулямскому показателю принадлежностного определения -i в других памирских языках соответствуют: ш. -an(d), с. -an, -inder, ишк. -no, вах. -ən, -i/ey. Представляется возможным восстановить для язг. -i форму *əyi, т.е. местн. ед. от *a- (и.-е. en, p, eni, nei 'в, у, при', ав. an- в antare 'внутри').

Что касается язгулямского префиксального показателя ā/ž(ə)-, то он указывает на косвенное дополнение со значением исходности, например: bu wəraṇáŋ-da na ž-web, varáŋ-da i xi kúd-ŋe 'затем насыпав из ящика (муку), принесешь к себе домой'; tu na š-k'od š'əyək? 'ты боишься собаки?'. Происхождение его связывается с др.-ир. *haša, ав. haša, др.-перс. hašā 'от, из' (Эдельман, 1966, с. 29), хотя возможна также его связь и с и.-е. eg/g/hs 'из, от'.

4.1. Хотя в современном язгулямском и отсутствует категория падежа, но следы ее сохраняются. Зная этимологию слова, можно по качеству корнев-ого гласного имени определить историческую позицию

(умлаут) и, таким образом, восстановить ту или иную падежную форму. Выше уже приводились в качестве примеров имена, являющиеся рефлексамии исторических флективных форм, в частности имена — рефлекс исторической формы им.-вин. падежа мн. и дв. числа, такие, как рас- в рас-ēn 'сыновья' < *put(s)rāh им.-вин. мн. от *put(s)ra-, rad в rad-aŭ 'ноги' < *rād/ōa им.-вин. дв. м.р. от *rād/ōa- и др.

К этому можно добавить именные основы, являющиеся рефлексами других исторических падежных форм и не только мн. и дв., но и ед. числа. Примеры:

1) v(ə)rad- в v(ə)rad-ig 'приятель, друг' < *brātā им. ед. от *brātar- (ав. brātar-); v(ə)red 'брат' < *brātrai дат. ед. (ср. др.-инд. pitré дат. ед. от pitar- 'отец') или < *brātai дат. ед. от усеченной формы *brāta- (ср. усеченные формы в ср.-н.-н. bōle 'родственник, брат' и в рус. батя); vle обращение к брату, к родственнику < *brātai зват. ед. от *brāti- (ср. усеченную форму в др.-прусс. зват. brote); v(ə)rad- в v(ə)radar 'братья' может быть истолковано: а) < *brātāh им. мн. от *brāta-; б) < *brātrāh им. мн. от *brāt(a)ra-; в) < *brātṛnām род. мн. от *brātar-;

2) x̄ar-g 'сестра' < *(k)šwāh(a)rā твор. ед. от *(k)šwāha- (ср. др.-инд. pitrā твор. ед. от pitar- 'отец'); x̄er-j-ig 'приятельница, подруга' < *(k)šwāh(a)rai дат. ед.;

3) nēm 'имя' < *nāmai дат. ед. от *nāman (др.-инд. nāme дат. ед.) или < *nāmi местн. ед. (др.-инд. nāmi); но возможно также, что язг. nēm отражает основу на -i, т.е. *nāmi- (ав. nāman-);

4) zēmāō 'земля' < *z(a)mat/dā твор. ед. от древнего отл. ед. *zamat/d (ав. zam- ж.р.);

5) -sūō в a-sūō 'в этом году' < *srdam вин. ед. или < *srdah род. ед., или < *srdat отл. ед. от основы *sard-, *srd- (ав. sared- ж.р.); -sīō в sedasīō 'три года тому назад' < *srdi им.-вин. мн. ср. р. от *sard- или *srd-;

6) zin 'зима' < *zaini местн. ед. от *zain- (ав. zaēn-);

7) azēn 'полдень' < *azani местн. ед. от *azan- (и.-е. āghen- 'день');

8) -wes в pər-wes 'в прошлом году' < *wa(t)sai местн. ед. от *wa-(t)sa- (и.-е. ūet(s), др.-инд. vatsa- 'год');

9) le в a-le-le обращение к женщине или к мужчине, а также le обращение мужчин друг к другу < *l/rōdai зват. ед. м.р. от *l/rōdi-, а также *l/rōdī зват. ед. ж.р. от *l/rōdī- (и.-е. leudhi- 'народ', *sue-leudhā- 'соплеменник', др.-в.-н. liut 'человек', алб. vēla 'брат' из *sue-leudhā 'товарищество', рус. -людин в простолюдин, ш. -lō в a-lō и -rō в a-rō обращение к равному, н.-перс. rud 'сын, дитя', rid-āk 'юный слуга, паж').

4.2. Таким образом, в язгуляйском нашли отражение почти все древнеиранские падежные формы всех трех чисел и трех родов:

Ед. число

	Др.-ир.		Язг.	
Им.	*brātā	-	v(ə)rad-	'брат'
Вин.	*sṛdam	}	-sūō в а-sūō	'в этом году'
Род.	*sṛdah			
Отл.	*sṛdat			
Дат.	*brātrai //	-	v(ə)red	'брат'
	*brātai			
	*kšwāh(a)rai	-	ḫ°er-	'подруга'
	*nāmnai	-	nəm	'имя'
Твор.	*kšwāh(a)rā	-	ḫ°ar-	'сестра'
	*zamad/tā	-	zəmad	'земля'
Местн.	*zaini	-	zin	'зима'
	*azani	-	azən	'полдень'
Зват.	*brātai	-	vle	обращение к брату, родственнику
	*l/rōdai	м.р.	le	обращение к соплеменнику
	*l/rōdī	ж.р.		

Дв. число

Им.-вин.	*rād/ōā	м.р.	}	rad-āṽ	'ноги'
Род.	*rād/ōāh	м./ж.р.			
Им.-вин.	*rād/ōai	ж./ср.р.	-	red	'ноги, нога'
	*čašmā	м.р.	-	čām	'глаз(а)'
	*dwara	м./ж.р.	-	d(ə)vūr	'двери, дверь'

Мн. число

Им.	*put(s)rāh	-	pac- в pac-én	'сыновья'
	*brātāh//	}	v(e)rad-	'братья'
	*brātrāh			
Род.	*brātrnām			
Им.-вин.	*sṛd/ōi	ср.р.	-	-sīd в cedasīd
				'три года назад'

Имя прилагательное

Основы

5.0. Язгулямские прилагательные не имеют каких-либо специальных показателей, ср., например, zard 'желтый', wūyn 'черный'. Большинство суффиксальных элементов, свойственных прилагательным, являются общими для них и имен существительных, например: waḫ-k' 'сухой' < *warša- (//*wṛšā-)+-kā- (и.-е. uel-k/k'- или suel-k/k'- в ср.-н.н. welk и в ср. -в.-н. swelk 'сухой') или < *huš-kā- (и.-е. sus-ko ав.

huška-, курд. wušk 'сухой'); raz-g 'прямой' < *razā-+ka- или *rāzkā- (и.-е. regh-, ав. raz- 'направлять'); d(ə)m-əg 'пухлый, толстый' < *d/daṃa-+ak/ga- (и.-е. dhem- 'пухнуть, вздуться', н.-перс. dāmidān 'дуть') и др.

Только прилагательным свойственны такие суффиксы, как -in, -én(j), -ān. Суффикс -in (< *-anya-) образует относительные прилагательные: dər̥k-in 'деревянный', ɣar-in 'каменный', xax-in 'бобовый'. Он представлен также в составе сложного суффикса -ak-in в словах vezn-ak-in 'козье (мясо)', mīn-ak-in 'баранье (мясо)'. С помощью суффикса -an (< *-ānā-) образуются имена прилагательные со значением обладания чем-либо, а также со значением измазанный чем-либо, например: reḫ-an 'светлый, чистый' < *rukšyā-+ānā- (и.-е. leuk- 'свет, светлый', ав. raocant- 'светящийся'); x̌oən-an 'окровавленный' < *wahunyā-+ānā- (и.-е. *uez- в ав. vahuna- 'кровь'); reyn-an 'вымазанный в жире' < *rūnyūā-+ānā- (ав. raoyūā-). Суффикс -en(j) (< *-anya-(+ka-) малопродуктивен, ср. mað-en 'средний', также в составе сложного суффикса в слове með-an-enj 'средний'.

Хотя в современном языке не различаются классы основ прилагательных, но связь каждого из них с той или иной исторической основой не утрачена. По качеству корневого гласного прилагательного может быть восстановлена его историческая основа. Фонетические закономерности, связанные с умлаутом, здесь те же, что и в случае с основами имен существительных (см. "Имя существительное"). Примеры.

1) Язгулямские прилагательные - рефлексy исторических основ на *-a-: xūy 'сладкий' < *xwɣg/ɣa- (ср. и.-е. sū-ro-, s̥e-ro- 'солёный, острый', ав. xwarezišta- 'наисладчайший', ш. xīy м.р., xūy ж.р., ишк. xāz-ūk, вах. xūzg 'сладкий', для развития значения ср. и.-е. sal- 'соль', лит. sālti 'становиться сладким'; или и.-е. sūdā- 'сладкий' в бел. vād 'соль'; сюда же язг. x̌oarg 'сырой, незрелый'); wūyn 'черный' < *wɣg/ɣnā-, ср. язг. waɣn 'черный' < *wɣg/ɣnā- (и.-е. ɣer- 'чернеть', а также и.-е. s̥uer-g 'черный', нем. schwarz); dury < *darg/ɣa- (и.-е. dīgho-, ав. darega-); rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-, ср. язг. rarv 'рыжий' < *rabrā- (и.-е. erebh- 'темно-красный, коричневый', ш. rōrv ж.р., rūrv м.р. то же); stūvd 'густой, нежидкий' < *stapta- (ср. и.-е. step- 'цепенеть, застывать', а также и.-е. stāi- 'густеть'); roxn 'белый' < *rauxna-, *rūxna- (и.-е. leuk- 'светлый', ав. raoxāna- 'блестящий'); būy 'тухлый' < *bauda- (ав. baoda- 'запах'); lūš 'голый, нагой' < *lauša-, ср. язг. laš 'голый' < *laušā- (и.-в. leu-s- в гот. laus 'голый', рус. лысый).

2) Язгулямские прилагательные - рефлексy исторических основ на *-ā-: zard 'желтый' < *zartā- (и.-е. ghel-, ав. zairita-); ɣarn 'круглый' < *ɣarnā- (и.-е. gel- 'комкать; нечто круглое'. др.-инд. gula- 'ком, шар'); kal 'лысый' < *kal/rwā- (и.-е. keləco-

'лысый', ав. kaurva-, н.-перс. kal); wауп 'чёрный' (Долыхудоев, 1985, с. 290) < *wrg/yna- (и.-е. цер- 'чернеть' и и.-е. swer-g- 'чёрный', нем. schwarz; ср. язг. wūp 'чёрный' < *wrg/yna-); xēlap 'усталый' < *s/šrapā- (и.-е. (s)lep- в н.-в.-н. laff 'усталый'); ðar 'далекий' < *d/ðūrā- (ав. dūra-); laš 'голый' < *laušā-, lūšā- (и.-е. leu-s- в гот. laus 'голый'; ср. язг. lūš 'голый' < *laušā-, lūšā-); rarv 'рыжий' < *rabrā- (и.-е. erebh- 'темнокрасный', ш. rōrv ж.р., rurv м.р. то же; ср. язг. rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-); waḥk 'сухой' < *waršā--+kā- или *wṛšā--+kā- (и.-е. uel-k/k'- или swel-k/k'- в ср.-н.-н. welk и в ср.-в.-н. swelk 'сухой'); x°arg 'сырой, незрелый' < *(k)šwarā- или *(k)šūrā--+kā- (ср. и.-е. sū-ro- в рус. сырой, недоваренный); уах 'холодный' < *aixā- (ав. aēxa- 'лед'); тауд 'острый, резкий' < *tigā- (ав. taēya-); laš 'скользкий' < *laišā-, lišā- (и.-е. (s)lei- 'скользкий'); wask 'высокий' < *u(t)sā--+kā- или < *u(t)skā- (и.-е. uds-, 'uts-, др.-инд. усса 'высокий', ав. us-tēma 'высочайший', ušca 'наверху').

3) Язгулямские прилагательные - рефлексy исторических i-умлаутных основ, т.е. основ на -ī-, -yā-: ender 'другой, иной' < *antaryā- (ав. antara-); v(ə)rez 'высокий, верхний' < *brzyā- (и.-е. bharegh-, ав. berez-); rušt 'красный' и rešt(a)- в rešta-ðam 'краснохвостка' < *rūštyā- (и.-е. reudh-so-, х.-сакс. rrusta-, ш. rūst м.р., rōst ж.р. 'красный'); riḥ-an/rēḥ-an 'светлый, чистый' < *rūkayā- (др.-инд. rukṣa-, ав. raokṣna-); sepid 'белый (в сочетании)' < *s/šwaityā- (др.инд. śvēta-, śvētya-, ав. sraēta-); šin 'голубой, синий' < *a(k)šainyā-, *a(k)šinyā- (ав. aḥšāēna-).

Ряд имен прилагательных могут быть выявлены только благодаря этимологическому анализу слов, представляющих собой композиты, например: zar-ax 'лед(ник), глетчер' < *zarā-aixā-, букв. 'смерзшийся лед' (и.-е. gel- 'покрываться льдом', лат. glacies 'лёд' и ав. aēxa- 'лед'), ḥa-naḥ 'с белым носом (о скоте)' < *(k)šayā-nāḥ- (ср. и.-е. kvē- 'светлый' и и.-е. nās- 'нос').

В таких словах, как qel-y°aḥt 'большой палец' и уэг-мот 'крепкий кулак' самостоятельно употребляется лишь вторая часть, представляющая собой имя существительное. А определения к ней, т.е. qel и уэг-, самостоятельно не употребляются (но ср. qel-šūr 'больше'). Основа qel- < *kalya- (и.-е. kel- 'высокий, верхний', ср.-ирл. coll 'главный'), а основа уэг- < *yaryā- (и.-е. g°er- 'тяжелый, мощный, крепкий', ав. goucu- 'тяжелый').

Род, число, падеж

5.1. В современном язгулямском родовая оппозиция в прилагательных, так же как и в существительных, отсутствует, ср., например.: seḡag vred 'младший брат', seḡag x°arg 'младшая сестра'. Но следы былой родовой оппозиции в языке сохраняются. Они могут быть выяв-

ны благодаря умлауту по качеству корневого гласного, ср.: wūyn 'черный' < *wrg/yna- м./ср.р. - wayn 'черная' < *wrg/ynā- ж.р. (и.-е. чер- 'чернеть', wuer-g- 'черный'); lūš 'голый' < *lauša- м./ср. - laš 'голая' < *laušā-, *lūšā-ж.р. (и.-е. leu-s в got. laus 'голый', ш. lūš 'голый'); rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-м./ср.р. - rarv 'рыжий' < *rabrā- ж.р. (и.-е. erebh- 'темно-красный', ш. rurv м.р., gorv ж.р. 'рыжий') и др.

5.2. Язгулямские прилагательные нейтральны также в числовом и падежном отношениях, ср. например: səgag vradar 'младшие братья'; səgag x̣^oergéžg 'младшие сестры'; səgag vradār-(r)a aḷa(r)! 'дай (это) младшим братьям!'; səgag x̣^oergéžg-ra aḷa(r)! 'дай (это) младшим сестрам!'.
 5.3. Имя прилагательное, выступающее в функции препозитивного определения, обычно принимает суффиксальный элемент -i, например: rušt-i piyala 'красная пиала', zard-i ker-aḷ 'желтые камни' (топоним), xerd-i/e wāḍ 'маленький арык'. Аналогичное явление наблюдается в верхнем говоре ваханского языка, ср. rāst-e xūn 'нижний дом', uḥ-e xūn 'верхний дом'. Исторически этот суффиксальный элемент скорее всего является рефлексом древнего деривативного суффикса.

Степени сравнения

5.4. Сравнительная степень прилагательного образуется прибавлением к основе суффикса -dūr : vez-dūr 'длиннее', səl-dūr 'меньше'. Исторически суффикс -dūr является закономерным отражением древнеиранского суффикса сравнительной степени *-tara-. В слове beḥ-tū 'больше' этот суффикс имеет начальный глухой смычный. В язг. ḫi-dar-dūr 'лучше' представлены два варианта суффикса сравнительной степени: -dar- < *tarā- и -dūr < *tara-.

Как и в других памирских языках, в язгулямском сохраняются рефлексы исторической сравнительной степени, которая образовывалась от корня с помощью суффикса *-uāh (ср. др.-инд. vasyas, ир. *vahuah 'лучший'), например: ḫi- в ḫi-dūr 'лучше' < *kšūyah (и.-е. su-, др.-инд. su-, ав. hu- 'хороший'); beḥ- 'больше' < *wīšūyah (ср. и.-е. uelis- 'увеличиваться', н.-перс. biš- в bištār 'больше') или < *wakšūyah (и.-е. uk-с- 'умножать, увеличивать'), либо, наконец, < *baršūyah, *br̥šūyah (и.-е. bhel- в др.-в.-нем. boln 'большой', рус. большой').

Числительное

7.0. Собственно язгулямские числительные употребляются главным образом для обозначения чисел от одного до десяти и для обозначения двадцати. Эти числительные и их исторические соответствия следующие.

1) wū(g) 'один' < *aiwa-+ka- (ав. aēva- В язгулямском сохранились также рефлексy другого индоевропейского числительного 'один', а имен-но: язг. wem- в wem-arn '(длиной) в один локоть' < *samya- или *samī- (инд.-ир. *sam-, и.-е. sem- 'один') и язг. am- в am-digar 'один другого, друг друга' < *hama- (инд.-ир. *sam-, и.-е. sem- 'один'). Если второй вариант засвидетельствован в древнеиндийском и в древне-иранских языках (ср. др.-инд. sa-hástram, ав. ha-zarṭa- 'однотысячный', др.-инд. sa-kṛt-, ав. ha-keret 'один раз', ав. haḍḍ-zātai 'единоутроб-ному'), то второй вариант с начальным сибиллянтom в известных нам древнеиранских языках не засвидетельствован. Но в современных иран-ских языках имеются рефлексy обоих вариантов, ср. например, н.-перс. hām-kaṛ 'сотрудник, товарищ по работе' и sāma-kaṛ 'прислуга, слуга'; н.-перс. hām-rah и sān-gar 'спутник, попутчик'.

Заметим, что поскольку этот корневой элемент совмещает в себе значения 'один, воедино, вместе' и 'весь, все, все' (ср. и.-е. sem, semo- 'eins, in eins zusammen, samt, mit', др.-инд. samā-, др.-перс., ав. hama- 'один и тот же, подобный, весь', н.-перс. hām- в hām-xun 'единокровный', но hāmā 'весь, все'), то рефлексy его находим также в различных показателях множественности, в том числе и в язг. -aṣ̌ < *haṣ̌ā- или *haṣ̌wā- (ср. и.-е. sm̌-tu в др.-инд. sántwa-, а так-же др.-инд. satrā, ав. haṣ̌rā 'воедино, вместе, объединенный').

2) daw- 'два' < *d/duwā им.-вин. дв. м.р.; язг. -dow в ar-dow 'оба' < d/duwa-; язг. dew- в dew-sūd 'двухлетний', dew-ṛadāgi 'двуно-гий', dew-gen 'до-два' можно рассматривать как рефлекс древне-иран-ской формы им.-вин. дв. ж./ср. рода *d/ḍ(u)wai (ав. duye) или *dwi; в язг. biyan 'вчера' также представлен рефлекс числительного 'два', а именно; < *dwi-ayānā род.-местн. дв., т.е. 'второго дня' (и.-е. āier-, āien- 'день', ав. ayare, род. ayar 'день').

3) sūy 'три' < *t(s)rayah им.мн.м.р. от *t(s)ray- (ав. ŵray-); вариант ci- в ci-sūd 'трехлетний' < *t(s)ri им.мн.ср.р. (ср. др.-инд. tri-ṛad- 'трехногий', ав. ŵri-ṛada- 'длиной в три ступни'); язг. sed- в sed-a-sūd 'позапрошлый год' и в sed-a-saḍn 'позапрошлогодний' является рефлексом исторического порядкового числительного *t(s)rita- или *t(s)ṛta- 'третий' (ав. ŵrita-, ŵrityā-).

4) čer 'четыре' < *čaṣ̌/hwāri им.мн.ср.р. от *čaṣ̌/hwār- (ав. čaṣ̌-war-); другой вариант čar- в čar-sūd 'четырёхлетний' < *čaṣ̌/hwārām, čaṣ̌/h(u)gām род.мн. м./ж.р.

5) penj 'пять' < *pančī, ср. лит. penki или < *pančāis тв.мн.м./ср. р. (ав. panča); сюда же язг. pen(ĵ)- в pen(ĵ)-sūd 'пятилетний'; ср. также язг. panĵ- в panĵ-gen 'по пяти' < *pank/čāh им.мн. от *pank/ča-.

6) xu/ū, xu(w) 'шесть' < *(k)šwašah или *(k)šušah им.мн. м./ж.р. от *(k)šwaš-, *(k)šuš- (ав. xšwaš).

7) uvd 'семь' < *hapta (ав. hapta); вариант (h)evd- в (h)evd-sūd

'семилетний' < *hapti(-), ср. модель ав. aštay- 'мера длины шириной в четыре пальца' (Pokorny, 1959, с. 775 со ссылкой на Хеннинга).

8) uxt 'восемь' < *ašta (ав. ašta); в сочетании (h)əšt-sūd 'восьмилетний' < *aštai, т.е. им. дв. ж.р. (но ср. ав. aštay- 'мера длины').

9) nu(w) 'девять' < *nawa (ав. nawa).

10) dūs 'десять' < *d/daša (ав. dašā).

Что касается числительного wast 'двадцать', то оно предполагает историческую позицию ā-умлаута и поэтому должно быть восстановлено в wīs(a)tā, что может быть истолковано как форма дв. числа им.-вин. падежа муж. рода от *wīsat (и.-э. wī-kmtī, ав. visaiti, viṣaṣ '20'). Соответствующее числительное в вак. wīst и в н.-перс. bīst отражает форму дв. числа им.-вин. падежа ср. рода, т.е. *wisati.

7.1. Порядковые числительные образуются прибавлением к количественному числительному суффикса -əm < *-ama- (ав. -ama-), например, cūy-əm 'третий', uvd-əm 'седьмой'. Но в язгулямском сохранился рефлекс порядкового числительного 'первый', для выражения которого в древнеиранском употреблялось прилагательное с исходным значением 'передний'. Этот элемент мы находим в слове perwasaδn 'годовой', букв. 'первогодка (о животных)' (ср. язг. sedasaδn 'трехгодовой'). Он может быть восстановлен в *parwa-, *parwā- (ав. parwa-, др.-перс. paruwa- 'первый'). Вариант этой основы с начальным шелевым f сохранился также в язг. far-yemš 'первотелая корова, первородка'. Реликтовым порядковым числительным является также язг. bi- в biyan 'вчера' (т.е. 'второго дня') < *dwaya-.

7.2. Таким образом, в язгулямском нашли отражение следующие древнеиранские флексивные формы числительных:

Др.-ир.		Язг.	
		Ед. число	
Им. *aiwah или *aiwa-		- w-ū(g)	'один'
		Дв. число	
Им. *d/duwā м.р.		- daw	'два'
Вин. *d/δ(u)wai ж./ср.р.		- dēv-	" - "
*aštai м./ср.р.		(h)əšt-	'восемь'
Им. *wīsatā м.р.		wast	'двадцать'
		Мн. число	
Им. *t(s)rāyah м.р.		- cūy	'три'
*t(s)rāyi ср.р.		- ci-	" - "
*čaṣ/hwāri ср.р.		- čer	'четыре'
Род. *čaṣ/hwārām м./ж.р.		- čar-	" - "
*pank/čāh м.р.		- panj-	'пять'

Твор. *rank/čaiš м./ср.р. - renj 'пять'
 Им. *(k)šwašah м./ж.р. - šu(w) 'шесть'

Кроме того, в язгулямском имеются рефлексы следующих древнеиранских форм порядковых и других числительных, а также прилагательных, используемых в качестве них. Они следующие: 1) уже упоминавшееся *raṭwa-, *raṭwuyā- 'первый' в язг. rəṭwasaḥn 'годовой' и far-yemš 'первотелая корова'; 2) *dwaṭa- в язг. bi- в biyan 'вчера' (т.е. 'второго дня'); 3) *t(s)rita- или *t(s)ṛtuyā- 'третий' в язг. sed-a-siḍ 'позапрошлый год'; 4) *hapti- или *haptuyā- в язг. (h)əvd-siḍ 'семилетний'; 5) *ašti- или *aštai в язг. (h)əšt-siḍ 'восьмилетний'.

Древнеиранское числительное *ham, *ha и его вариант *sam, *sa 'один' (и.-е. sem-, sm- 'один', ав. haḥō- zātāi 'единоутробному') сохранилось в язгулямском, как уже было отмечено выше, также в двух вариантах: səm-arn 'длиной в один локоть' и am-digar 'один-другого'.

Местоимение

Личные местоимения

6.0. Личные местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа имеют две падежные формы: прямую и косвенную. Во мн. числе для каждого лица имеется одна форма. В качестве местоимений 3-го лица ед. и мн. чисел используются местоимения, исторически продолжающие указательные местоимения. В ед. числе эти местоимения имеют не только две падежные формы (прямая и косвенная), но и две родовые формы (м. и ж. род). Во мн. числе представлена одна форма. В отличие от других памирских языков язгулямские лично-указательные местоимения сохранили только два ряда этих местоимений: дальний и средний. Ближний ряд местоимений, а основу которого легло древнеиранское местоимение *ima-, в язгулямском, по-видимому, не сохранился. Язгулямские личные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Лицо \ Форма	Ед. число		Мн. число
	пр. форма	косв. форма	
1 л.	az	mo/ün, mo-	mox
2 л.	tow	tu, ti-	təmox
3 л.			
а) указ.мест. дальнего ряда	u	way м.р. im ж.р.	if
б) указ. мест. среднего ряда	əy	day м.р. dim ж.р.	dif

Примечание: форма *mo-* употребляется только перед послелогом *-ra* и *-me*, форма *ti-* — перед послелогом *-ra*.

Местоимения прямой падежной формы употребляются в функции подлежащего и именной части сказуемого, а местоимения косвенной падежной формы — во всех остальных функциях, например: *az badin* 'я пойду'; *heh mó-ra var* 'принеси мне воды!'. Синтаксическая функция косвенной падежной формы обычно конкретизируется предлогом или послелогом, например: *u že mún fəṣṣāg* 'он стесняется меня'; *za pta mon!* 'иди ко мне!'. Местоимения косвенной падежной формы, кроме того, употребляются в функции подлежащего при переходном глаголе в любом из прошедших времен, например: *mon xi baṣā-ra taka aḡard* 'я дала лепешку своему ребенку'. При непереходном глаголе такое употребление косвенной формы местоимения наблюдается реже, например: *mon-em wəxt yāt* 'я давно пришел'.

Местоимения в функции определения, так же как и имена существительные и прилагательные, осложняются показателем *-i*: *móx-i déd-at bob bi qolin zindagonay-əf keg* 'наши отцы и деды жили без ковров'. Для тех местоимений, где различаются две падежные формы, этот показатель употребляется при косвенной форме местоимения, например: *ím-i rəc-u səgag* 'ее сын — маленький'. Употребление показателя *-i* факультативно.

Особо следует сказать в связи с этим о местоимениях 1-го и 2-го лица ед. числа. Эти местоимения в функции определения могут иметь различные варианты. Так, местоимение-определение 1-го лица ед. числа может иметь следующие варианты: *mo/ún(-i)* и *ni* 'мой, моя, мой'. Не трудно догадаться, что второй вариант является результатом синкопы первого варианта, т.е. *mo/úni* → **mni* → *ni*. Местоимение 2-го лица ед. числа может иметь варианты *tí*, реже *tí-i* и *tu-i*. В современном язгулямском произошло некоторое функциональное размежевание этих вариантов, а именно: варианты *mo/ún* и *tí-i* употребляются при подчеркивании принадлежности (Эдельман, 1966, с. 38), например: *món-i kúd-u duk* 'мой дом — 'вон тот'; *tí-i naswordon?* '(это) твоя табакерка?'. Варианты *ni* и *tí* имеют более широкое атрибутивное употребление, например: *ni ded wəxt šod* 'мой отец давно уехал'; *ni cil tit mēda* 'мой платок разорвался'; *rúvn-da na-keṣtti kāl?* 'у тебя не болит голова?'; *tí nān-u k'ōnda?* 'где твоя мать?'.

6.1. Исторические соответствия для большинства язгулямских личных местоимений достаточно прозрачны:

1-е лицо: ед.ч. *az* 'я' < **azā(m)* им. ед. (и.-е. *eg-*, *egō*, *eg(h)om*, др.-инд. *ahām*, ав. *ažəm*); косв. форма *mo/ún* < **mana* род. ед. (ав. *mana*, др.-перс. *manā*); мн.ч. *mox* 'мы, нас' < **ahmāxam* (ав. *ahmākem*, др.-перс. *amāxam*);

2-е лицо: ед. ч. *tow* 'ты' < **tuwam* (ав. *tvəm*, *tūm*), косв. формы *tu* < **tawa* род. ед. (ав. *tavā*), *tí* < **taya*, т.е. притяжательное местоименное прилагательное; мн.ч. *təmoх* 'вы, вас' и т.д. < **tahmāxam*,

т.е. форма род. мн. от основы ед. числа *ta (и.-э. te-, tū-, tye-; образование по аналогии с *ahmāxam);

3-е лицо: ед.ч. прямая форма дальнего ряда u < *awam им. м.р. от *awa- (ав. ava-), среднего ряда āu < *ayam им.м./ж.р. от *ā- или, что менее вероятно фонетически, < *aitah- (ав. aētō); косвенные формы муж. рода: дальнего ряда wau < *awayā твор. ж.р. от *awā- (ав. awayā), среднего ряда day < *aitayā твор. ж.р. от *aitā- (ав. aētaya); косвенные формы жен. рода: дальнего ряда im из wim *awahmāi дат. ср.р. от *awa-, ближнего ряда dim < *aitahmāi дат. ср.р. от *aita- (ав. aētahmāi).

Как можно видеть, в местоимениях 3 л. ед. числа произошла родовая трансформация, т.е. исторические местимения ср. рода стали местоимениями жен. рода, а исторические местоимения жен. рода стали местоимениями муж. рода. Аналогичное явление имело место и в развитии указательных местимений шугнано-рушанской группы языков.

Что касается происхождения местоимений мн. числа if (из wif) и dif, то можно сказать следующее. Если сравнить их с соответствующими местоимениями шугнано-рушанской группы языков (ш. wēv/f, dēv/f, рх. (w)uf, duf, б. uf, dif, ор. waf, daf), то станет ясно, что возводить язг. if и dif к древнеиранской форме дат.-отл. мн. числа не представляется возможным, поскольку этому препятствуют рушанские и орошорские формы. По-видимому, конечный -f в этих местоимениях следует рассматривать как показатель множественности (подробнее о нем см. "Имя существительное"). Некоторую трудность представляет решение вопроса о том, куда относить гласный элемент в этих формах: к показателю множественности или к местоимению. Если гласный отнести к показателю множественности, то начальные согласные w- и d- можно толковать либо как рефлексы форм ед.ч. м.р., т.е. им.-вин. *awam, *aitah или *aitam, твор. *awa (ав. avā), *aita (ав. aēta), либо как рефлексы форм мн.ч. м.р., т.е. им.-вин. *awai, *aitai, твор. *awāiś (ав. avāiś), *aitāiś. Если же гласный элемент отнести к местоимению, то язг. wi- и di- можно толковать либо как рефлексы форм род. ед. м.р., т.е. *awahya, *aitahya, либо как рефлексы форм род. мн. м.р., т.е. *awaiśām (не исключено и *awaihām), *aitaiśām (или *aitaihām). Думается, однако, что второе наше предположение более вероятно, поскольку, если отнести гласный элемент в язг. if к показателю множественности, то ничего не остается от местоимения. Такое объяснение поддерживается и прямой формой мн.ч. ш.-р. wāđ 'они, те', в которой конечный -đ является показателем множественности, а wā- < *awahyāh род. ед. или < *awāhām род. мн. от основы *awa-. Показатель множественности в виде дентального -d- представлен также в указательных местоимениях ишк. aw-ón-d-on 'они, те' и ос. a-d-on 'эти', u-ā-on 'они, те' (Абаев, 1958, с. 31).

Указательные местоимения

6.2. В качестве указательных используются местоимения *yu(k)* и *du(k)*. Первое употребляется при указании на ближний объект, второе – при указании на удаленный объект. Краткие формы *yu*, *du* выступают обычно в функции препозитивного определения, например: *aʃa yu sex mo'-ra!* 'дай мне эту спицу!'. Полные формы *yuk*, *duk* употребляются субстантивно; *yuk duk-ama* 'этот с тем (подрался)'.
 Значительно реже в качестве указательных употребляются отмеченные выше местоимения 3-го лица, например: *āy ti zənaw šəra ink'o xarob* 'эта твоя невестка почему такая худая?'.

С исторической точки зрения указательные местоимения *yu(k)*, *du(k)*, по-видимому, представляют собой рефлексy формы им. падежа ед.ч. от основ **i-* ж.р. и **aita-* м.р. с позднейшим суффиксальным наращением *-uk*, т.е. язг. *y-* в *yu(k)* < **iyam* (ав. *īm*), а язг. *d-* в *du(k)* < **aitah*. Язгулямские элементы *y-* и *d-* могут отражать также форму им. мн., т.е. *y-* < **iyai*, а *d-* < **aitai* (ав. *aēte*).

Таким образом, в язгулямском в отличие от других памирских языков указательные местоимения ближнего ряда отражают не древнеиранскую местоименную основу **ima-*, а основы **a-* и **i-*. Местоимения же среднего и дальнего рядов, как и в других памирских языках, отражают соответственно основы **aitā-* и **awā-*.

6.3. Итак, в язгулямских личных и указательных местоимениях нашли отражения следующие древнеиранские местоименные основы:

Личные местоимения

Др.-ир.		Язг.	
Ед. число			
1 л. Им.	azā(m)	- az	'я'
Род.	*mana	mo/ūn	'меня, мне' и т.д.
2 л. Им.	*tuwam	- tow	'ты'
Род.	*tawā	- tu	'тебя, тебе' и т.д.
Мн. число			
1 л. Род.	*ahmāxam	- mox	'мы, нас' и т.д.
2 л. Род.	*tahmāxam	- temox	'вы, вас' и т.д.

Указательные местоимения

Др.-ир.		Язг.	
I. О т о с н о в ы *awā-			
		Ед. число	
Им.	*awam (м.р.)	- u	(м.р.)

Род. *awahya (м.р.)	- (w)i- в (w)if
Твор. *awayā (ж.р.)	- way (м.р.)
Дат. *awahmāi (ср.р.)	
Местн. *awahmi (ср.р.)	- im из wim (ж.р.)

Мн. число

Род. *awaišām (м.р.)	- (w)i- в (w)if
----------------------	-----------------

П. О т о с н о в н *aitā-

Ед. число

Им. *aitah (м.р.)	- d- в du(k)
Род. *aitahya (м.р.)	- di- в dif
Твор. *aitayā (ж.р.)	- day (м.р.)
Дат. *aitahmāi (ср.р.)	- dim (ж.р.)
Местн. *aitahmi (ср.р.)	

Мн. число

Род. *aitaišām (м.р.)	- di- в dif
-----------------------	-------------

Ш. О т о с н о в н *ā-, *ī-

Ед. число

Им. *ayam (м.ср., ж.р.)	- āy
*iyam (м.ср. ж.р.)	- y- в yu(k)

Мн. число

Им. *iyai	- y- в yu(k) (?)
-----------	------------------

Возвратно-определятельное местоимение

6.4. Различаются местоимение-существительное и местоимение-прилагательное: *xūd* и *xī*. С послелогом *-ra* употребляется только *xī*. Примеры: *áz-a xūd vadin-da ma xēd* 'я сама дойду до берега'; *ḡerák na ē-xūd varay* 'бревна ты принесешь от себя'; *ḡerūb ti vrēd-ra wafín, yasaú xūd qatay* 'я свяжу чулки твоему брату, ты отвезешь их с собой'; *ar xer-me xūd z(e)veg* 'в каждом кишлаке свой язык'; *ayed-ay xī mel i kūd* 'он пригнал свой скот домой'; *xī wex-ra ayas!* 'отнести (это) своему мужу!'.
 Местоимение *xūd* является закономерным отражением ир. **xwata-* (и.-э. *we- sçe-*, др.-инд. *sua-*, ав. *xva-*, *hva-* 'собственный'), а местоимение *xī* < **xwaya-*, т.е. форма местоименного прилагательного (ср. ав. *xvaē-* в *xvaē-tu-*).

6.5. Местоимение *kī* 'кто' (в сочетании с предлогом или послелогом - 'кого, кому' и т.д.) с исторической точки зрения представляет собой рефлекс формы род. падежа от основы *ka-*, т.е. **kaḥya* м.р. (ав. *kaḥya*) или **kaḥyān* ж.р. С древнеиранской основой **ka-* связано и язг. *kade/im* 'какой, который' < **ka-tāmī-*, **ka-tāmyā-* (др.-инд. *katāma-*).

Кроме того, в язгулямском сохраняется рефлекс исторической основы **čī-* (и.-е. *k^uei*, др.-инд. *kim* 'что', *kiḥ* 'кто') в местоимениях *čī(g)* 'что, какой', *čiz* (последнее, вероятно заимствовано из тадж.) и, возможно, *š(ə)tū* 'как, каким образом'. Местоимение *čī-* отражает форму род. ед. от основы **čī-*, т.е. **čīḥya* м.р. или **čīḥyān* ж.р. Для язг. *čiz* ср. др.-перс. *čīš-čiy*, ав. *čīšca*. Язг. *šə-* в *š(ə)tū* может быть восстановлено в **čī-* (ср. ав. *čī* 'как'). Для элемента *-tū* ср. рус. ч-то. Язгулямскому *š(ə)tū* соответствует ишк. *sta* 'что' и мундж. *šti* 'что'.

Таким образом, в язгулямском нашли отражение следующие древнеиранские основы вопросительных местоимений: 1) ир. **ka-* в язг. 'кто', *kade/im* 'какой, который'; 2) ир. **čī-* в язг. *čī* 'что, какой', *čiz* 'что' и в *šətū* 'как, каким образом'.

Глагол

Основы

8.0. В языке различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. От основы настоящего времени образуется глагольная форма настояще-будущего времени и повелительная форма. От основы прошедшего времени образуется глагольная форма прошедшего времени. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая причастная форма на *-a(g)*, которая является базой для образования глагольной формы перфекта и ряда сложных глагольных форм.

С исторической точки зрения лишь основа настоящего времени является прямым продолжением древнеиранской основы настоящего времени. Основа прошедшего времени, как и в других иранских языках, образовалась на базе древнеиранского причастия прошедшего времени.

Основы настоящего времени

8.1. С синхронной точки зрения основы настоящего времени не имеют каких-либо классов. Они не имеют также какого-либо общего показателя, ср., *piš-* 'спрашивать', *neveš-* 'писать', *reḡbač-* 'держат'. Лишь благодаря историко-этимологическому анализу с учетом умлаута может быть установлена соотношенность той или иной язгулямской основы с

определенным типом древнеиранской основы.

С исторической точки зрения язгулямские основы настоящего времени сохранили следы таких древнеиранских наклонений, как индикатив, конъюнктив, оптатив, причем как от тематических основ, так и от атематических. Тип рефлекса язгулямской основы может быть определен по качеству ее корневого гласного. Но следует сказать, что в данном случае устанавливается прежде всего историческая позиция, связанная с умлаутом. И только на основании этого в какой-то степени может быть определен тип рефлекса язгулямской основы. Так, например, корневой гласный *ā* является, как известно, признаком исторической позиции *ā*-умлаута. А эта историческая позиция была характерна для древнеиранских тематических основ конъюнктива. Но в данном случае следует иметь в виду и древнеиранскую атематическую основу индикатива с суффиксом **-nā-*. Корневые гласные переднего образования (а в некоторых случаях – верхнего подъема вообще, см. "Имя существительное") являются признаком исторической позиции *i*-умлаута. А эта историческая позиция, как известно, была характерна для древнеиранских основ (тематических и атематических) оптатива. Но в данном случае следует иметь в виду и древнеиранские основы индикатива на **-ya*, **-aya-*, **-sya-*, которые также характеризовались *i*-умлаутом. Корневые гласные заднего ряда, а также редуцированный гласный *e*, являются признаками *a/u*-умлаутной позиции. А эта историческая позиция была характерна в основном для древнеиранских основ индикатива. Но в данном случае следует иметь в виду и атематические основы конъюнктива, которые также характеризовались *ā*-умлаутом.

Таким образом, в одних случаях рефлекс может быть однозначным, в других случаях возможна вариативность. Приводим примеры язгулямских основ настоящего времени, являющихся рефлексами того или иного типа исторической основы.

1) Язгулямские основы настоящего времени – рефлекс древнеиранских основ индикатива: *šoxs-* 'учить(ся), привыкать' < **(k)š(w)ak/xs-* (ср. и.-е. *k^uek-s-* в ав. *kaš-*, *xšā-* 'учить(ся)', ишк. *ixs-* 'учиться, привыкать', сюда же язг. *kas-*, ишк. *kas-* 'смотреть', ишк. *šiy-* 'казаться'); *xūδ-* 'испражняться' < **k/xrδ/δa-* (и.-е. *sker-d-*, *skēr-d-*, ш. *šard-* то же); *bex-toxs-* 'сливаться', где *-toxs-* < **tak/xsa-*, но ср. *tež-* 'течь, ходить' < **tačya-* (ав. *tak-*); *wə-roxs-* 'распарываться, расходиться по шву' < **rak/xsa-* или **ruk/xsa-*, но ср. *wə-raxs-* < **rak/xsā-* или **ruk/xsā-*, т.е. основа конъюнктива (и.-е. *lēk-* или **rēk-*, а также и.-е. *reu-k/g-* 'рвать, разрывать', ишк. *reḷ/ž-*, ш. *wi-rēḷ-*, *wi-rūž-* то же); *neveš-* 'писать' < **ni-pīša-* (ав. *paēs-*); *per-weḷ/z-* 'просеивать', где *-weḷ/ž-* < **wīk/ša-* (ав. *vaēk-*); *x'iž-* 'свистеть' < **(k)šwīya-* (и.-е. *sueigh-l-* 'свистеть', ш. *xi-xīl-an* 'свираль'); *yeriç-* 'скрипеть' < **g/γriça-* (и.-е. *geri-* от *ger-* в ср.-н.-н. *karren* 'скрипеть', вах. *γeriç-* то же).

2) Язгулямские основы настоящего времени - рефлексy древнеиранских основ конъюнктива: *paǰ/ž-* 'варить, печь' < **pak/čā-* (ав. *pak-*); *per-ḍar-* 'удерживать', где *-ḍar-* < **d/ḍarā-*, ср. *-ḍer-* в *pe-ḍer-an* 'выдерживающий, крепкий, ноский' < **d/ḍarai-* (ав. *dar-*); *pay-* 'пасты скот' < **pāyā-* (ав. *pāy-*); *kas-* 'смотреть' < **kašā-* (ав. *kas-*); *taž-* основа, употребляющаяся при побуждении что-либо сделать (ср. *taž badem* 'давай пойдем!') < **tak/čā*; но ср. *tež-* 'течь' < **tačya-* и *-tox-* 'сливаться' < **tak/xša-* основы индикатива (ав. *tak*); *lāf-* 'говорить' < **l/rafā-*, но ср. *lev-* 'разговаривать во сне' < **l/rabya-* основа индикатива и *lef-* в *left* 3 л. ед. от *lāf-* 'говорить' < **l/rafai-* основа оптатива (и.-е. *lep-* в др.-инд. *lapati* 'говорит' и и.-е. *rebh-* в ср.-н.-н. *reven* 'говорить бессмыслицу'); *paḍāy-* 'жечь' < **upa-d/ḍayā-*, *paḍays-* 'гореть' < **upa-d/ḍisa-* (и.-е. *dī-* в др.-инд. *dīpáyati* 'зажигает', *dīpyatē* 'пламенеет', ш. *pidis-* 'зажигаться', *pidin-* 'зажигать'); *pe-xas-* 'спать' < **upa-xursā-*, *x^oab-* 'усыплять, укачивать, убаюкивать' < **xwārā-* (и.-е. *sup-*, ав. *xvar-*); *ḍad-* 'давать' < **d/ḍād/ḍā-* (ав. *dā*); *zaz-* 'брать' < **zazā-* (ср. и.-е. *ghe(n)-d-*, **ghen-* 'брать, хватать', ишк. *zon(d)z-*, ш. *zēz-* 'брать'); *wə-raxs-* 'выпадать (об осадках), осыпаться' < **rak/xsā-* или **rik/xsā-* (и.-е. *rek-* 'влажный, дождить' или и.-е. *leik^u-* в н.-перс. *rixān* 'лечь(ся), осыпаться'); *xarn-* 'покупать' < **k/xrīnā-* (и.-е. *k^urei-*, ишк. *xārn-*, н.-перс. *xaridān*); *kaw-* 'колоть, резать скот' < **kawā-* или **kūšā-* (и.-е. *kāu-*, ав. *kaoš-*).

3) Язгулямские основы настоящего времени - рефлексy древнеиранских основ оптатива: *pis-* 'спрашивать' < **pr̥s(s)ai-* (ав. *peres-*); *ǰ/žir-* 'думать, полагать' < **k/čarai-* (ав. *kar-*); *beḥ-teǰ/ž-* 'сливать, спеживать', где *-teǰ/ž-* < **tačai-* (ав. *tak-*); *rež-* 'подводить глаза, красить ресницы' < **rag/ǰai-* (и.-е. *reg-*, др.-инд. *raj-* 'красить', ишк. *reǰ/ž-* то же); *anəs-* 'забывать' < **ā-nasai-* (ав. *nas-*, ш. *rinēs-*); *wə-riḥ-* 'вспаривать, взрезать' < **wi-raišai-* (и.-е. *rei-s-* 'резать, разрывать', ав. *raēš-* 'ранить', ш. *wirēḥ-*, ав. *riz-* 'распаривать'); *wə-ḍin-* 'разматывать(ся), раскручивать(ся), где *-ḍin-* < **d/ḍinai-* или *d/ḍinī-*, ср. язг. *wə-ḍān-* 'разматывать', где *-ḍān-* < **d/ḍinā-*, т.е. основа конъюнктива (и.-е. *deie-*, *dī-* 'крутиться'); *fer-sib-* 'толкать' < **p(fra)sūr/bai-* (ср. и.-е. *skēu-b(h)-* 'толкать').

Относительно реконструируемых основ оптатива следует сказать, что они, являясь тематическими или атематическими, дают один и тот же рефлекс. Все восстановленные выше основы оптатива приведены нами в тематическом варианте, а нетематический вариант опущен, например, язг. *pis-* 'спрашивать' восстанавливается нами в виде *pr̥s(s)-ai-*, т.е. в тематическом варианте, а нетематический вариант этой основы **pr̥si-* нами опущен. Это относится и к другим приведенным

язгулямским основам - рефлексам древнеиранской основы оптатива.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, некоторые язгулямские глаголы сохранили несколько вариантов основ, являющихся рефлексам исторических основ разных наклонений, ср., например: *tež-* 'течь' < **tačya-*, *-toxš-* в *bež-toxš-* 'сливаться' < **tak/xsa-* - основы индикатива, *taž-* < **tačā-* основа конъюнктива, *-tej/ž-* в *bež-tej/ž-* 'сливать' < **tačai-* или *tačī-* основа оптатива (ав. *tak-*) и др.

Основа прошедшего времени и ее производные

8.2. Показателем основы прош. времени для большинства глаголов является конечный смычный *-t* или *-d*. Глухой смычный обычно употребляется после исхода основы наст. времени на глухой согласный: *waf-*: *waft* 'ткать', *pis-*: *pist* 'спрашивать'. Но встречаются случаи употребления глухого смычного *-t* после звонкого согласного и гласного: *tab-*: *tabt* 'крутить', *zay-*: *yāt* 'приходить'. Звонкий смычный *-d* употребляется только после исхода основы наст. времени на звонкий согласный или гласный: *lev-*: *levd* 'разговаривать во сне', *fərsib-*: *fərsabd* 'толкать', *pay-*: *payd* 'пасти скот', *cau-*: *cad* 'жать, косить'.

Небольшое число глаголов имеет исход основы прош. времени на *-g* *ḫ(ə)wār-*: *ḫ(ə)wūg* 'кушать', *k°ən-*: *k/keg* 'делать'. У одного глагола зафиксирована основа прош. времени на *-x°*, т.е. *riḫ°* - от основы наст. времени *raḵ/ž-* 'варить, печь'. Наконец, от основы наст. времени *k°ən-* 'делать' наряду с основной прош. времени *k/keg-* зафиксирована основа *ki-* в составе перфектного причастия *k(i)ya(g)* 'сделавший' (ср., однако: *meg-/mig-* от *mar-* 'умирать', *xiḡ-/x°ig-* от *x°ar-* 'кушать').

С точки зрения соотношения основы наст. времени и основы прош. времени последняя может отличаться не только дополнительным конечным смычным *-t/d* или *-g*, но и другой огласовкой, например: *gin-*: *gont* 'проливаться', *kan-*: *kont* 'копать', *fərsib-*: *fərsabd* 'толкать', *nəwir-*: *nəwūg* 'заходить (о светилах)'; *anəš-*: *anūxt* 'забывать' и др.

Большинство современных язгулямских основ прош. времени являются вторичными по образованию, ср., например, *pay-*: *payd* 'пасти скот', *perdar-*: *perbard* 'держать', *serafs-*: *serafst* 'шипать, саднить', *tafs-*: *tafat* 'раскалывать(ся)', *xarn-*: *xarnt* 'покупать'. Лишь в отношении некоторых основ можно говорить как о рефлексах древнеиранского причастия прош. времени, которое, как известно, образовывалось от корня (а в позднедревнеиранском уже допускалось и образование от основы наст. времени).

8.3. В известных нам древнеиранских языках зафиксирован в основном один суффиксальный элемент, с помощью которого образовывалось причастие прош. времени - суффикс **-tā*. Закономерными рефлексами этого

исторического причастия на *-tā являются следующие язгулямские основы прош. времени: vūst- от van(d)- 'связывать' < *basta- (ав. band-, прич. basta-); kūxt- от kās- 'смотреть' < *kašta- (ав. kas-); tūyd- от tež- 'течь, ходить' < *takta- (ав. tak-); nəvēšt- от nəvēš- 'писать' < *ni-pīšta- (ав. paēs-); šod- от супплетивной основы наст. времени bad- 'идти, уходить' < *šūta- (ав. šuav-, прич. šūta-); k'oōxt- от kaw- 'колоть, резать животное' < *kūšta- (ав. kaoš-); xod- от xan- 'слышать' < *srūta- (ав. srav-); -ūd- в pər'vūd- от pər'vīw- 'свертываться, прокисать (о молоке)' < *šūta- (и.-е. teu- 'взбухать' в ав. tūiri- 'створожившееся молоко', рус. творог); waft- от waf- 'ткать' < *waftā- (и.-е. webh-, др.-инд. vabh-, ав. -ub в ubdaēna-); mad- от m- 'становиться, делаться' < *matā- (ср. и.-е. epā- 'брать' в рус. иметь, вах. ымыу- 'становиться'); maht- от miz- 'мочиться' < *mištā- (ав. maēz-); vad- от v- 'быть' < *būtā-.

Но ряд язгулямских основ прош. времени имеют корневой гласный переднего образования на месте др.-ир. корневых *ā, *ǣ, *ū, *ī. А это свидетельствует об исторической i-умлаутной позиции. Отсюда можно предположить, что наряду с древнеиранским суффиксом *-tā- существовал также суффикс *-tī- или скорее *-tūā-, с помощью которого также образовывались причастия прош. времени. Закономерными рефлексам этого древнеиранского причастия можно считать следующие язгулямские основы прош. времени: pist- от pis- 'спрашивать' < *pratī-, *prətyā- (ав. pərəs-); ded- от daδ- 'давать' < *d/daťī-, *d/daťyā- (ав. dā-); west- от waδ- 'уводить в жены' < *wastī-, *wastyā- (ав. vad-); wint- от win- 'видеть' < *wintī-, *wintūā- (ав. vaēna-); ret- от несохранившейся основы наст. времени 'выдернувшийся' < *rūtī-, *rūtūā- (и.-е. reu-, rū- 'дергать, выдергивать', ишк. rūt 'выдернувшийся'). Материал других памирских языков также подтверждает существование в древнеиранском причастия прош. времени на *-tī- или *-tūā- (ср. др.-перс. martiya- 'смертный').

8.4. Как и в других памирских языках, в язгулямском сохранились рефлексy не только исторического причастия прош. времени с элементом *-t-, но и с элементами *-w- и *-k-). Эти причастия не менее древние, ср. и.-е. m̥r-ucō- наряду с m̥r-tō- 'умерший', др.-инд. rak-vā- 'сваренный', ав. huška- 'высушенный, сухой'. Сюда относятся следующие язгулямские основы прош. времени: rūx°- от raš/ž- 'варить, печь' < *rak/xwa- (ав. rak-, ишк. p̥x-); xūg от x°ār- 'кушать, есть' < *xw̥rk/a-, но ср. язг. x°ig- в x°iga(g) 'съеденный' < *xw̥rkī- (и.-е. s̥uel-(k-), ав. xvar-, шугн. прич. xūš-š); yug- от yaww- 'молоть' < *arka- или *r̥ka-, но ср. язг. yə/ig- в yə/iga(g) 'смолотый' < *arkī- или *r̥kī- (и.-е. al- 'молоть', ав. aša- 'смолотый' из *ars/ša-, н.-перс. ard 'мука', шугн. yūš(š)); k/keg- от k°eṇ- 'делать' < *kr̥kī-, но ср. язг. ki- в k(i)ya(g) 'сделавший' < *kr̥wī- или *kr̥ya-, ср. ш. šu- < *kr̥wa- и šūš-š, где šūš- < *kr̥k/ša-, вах. -keš- < *kr̥k/šī- наряду с kert- < *kr̥ta- (в авестийском представлены причастия kərəta-,

karšta-, kaša- 'сделанный'); meg- от mar- 'умирать' < *mrkī-, так же язг. mig- в miga(g) 'умерший' (и.-в. mer(k-), ав. mar-, шугн. прич. mīy-ǝ) и др.

8.5. Исторически производной от основы прош. времени является краткая причастная форма с суффиксом -a(g), употребляющаяся главным образом для образования формы перфекта, например: ǝanta(g) (от ǝant-) 'выучившийся, грамотный', raða/eda(g) (от raðad-) 'загоревшийся'. У ряда глаголов при этом возможно изменение корневого гласного: ǝeda(g) (от ǝod-) 'пошедший', waǝta(g) (от weǝt-) 'умывший, купавшийся', wasta(g) (от west-) 'женившийся', raχa(g) (от ruχa-) 'сваренный', miǝa(g) (от meg-) 'умерший' и др.

Заслуживает внимания наблюдение Д.И.Эдельман относительно того, что эта причастная форма от переходных глаголов имеет обычно активное значение (Эдельман, 1966, с. 60). Судя по материалу, эта форма от переходных глаголов довольно часто употребляется и в пассивном значении, ср., например: k(i)ya(g) 'сделавший', но ǝada(g) 'убитый', raχa(g) 'сваренный', newešta(g) 'написанный' и др. Такая нейтральность этой причастной формы в отношении пассивности-активности свидетельствует и о нейтральности в этом плане основы прош. времени, что, в свою очередь, является лишним аргументом в пользу того, что и древнеиранское причастие прош. времени, рефлексом которого является современная основа прош. времени, также могло быть нейтральным в отношении пассивности-активности (подробнее об этом см. соответствующий раздел в очерке "Шугнанский язык").

О нейтральности современной основы прош. времени переходных глаголов в отношении пассивности-активности свидетельствует и вариативность в спряжении переходных глаголов, ср. ǝz-əm xūg 'я съел' и mūn xūg 'мною съедено'.

Выражение лица и числа

8.6. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы наст. времени, выражается личными окончаниями, в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, — энклитическими подвижными показателями.

Личные окончания

8.7. Личные окончания в языке следующие: ед. ч. I л. -in, 2 л. -ay, 3 л. -t (в основном после глухих согласных и сонантов) или -d (в основном после звонких согласных); мн.ч. I л. -əm, 2 л. -it, 3 л. -an. Форма повелительного наклонения в ед. числе имеет нулевое окончание, а во мн. числе то же окончание, что и у формы настоящего будущего времени, т.е. -it.

С исторической точки зрения язгулямские личные окончания представляют собой рефлексы различных древнеиранских личных окончаний; как первичных, так и вторичных, как активных, так и медиальных, как от тематических основ, так и от атематических, как индикатива, так и конъюнктива и оптатива. Так, окончание 1 л. ед.ч. *-in* является закономерным отражением древнеиранского окончания 1 л. ед.ч. конъюнктива *-āni*. Окончание 2 л. ед.ч. *-au* < **-ahi*, а нулевое окончание повелительной формы продолжает древнеиранское окончание императива **-a*. Окончание 3 л. ед.ч. *-t/d* < **-ti* (первичное) или **-ta* (вторичное). Окончание мн.ч. 1 л. *-əm* < **-ama* или **-amni*, 2 л. *-it* < **-ita*, 3 л. *-an* < **antām*, т.е. мед. окончание императива.

Подвижные показатели лица и числа

8.8. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (прош. время, перфект, плюсквамперфект), лицо и число выражается, как уже выше было отмечено, энклитическими показателями. Они следующие: ед. ч. 1 л. *-əm*, 2 л. *-at*, 3 л. *-(ay)*; мн. ч. 1 л. *-an*, 2 л. *-əf*, 3 л. *-an* (обычно при переходных глаголах), *-əf* (при переходных глаголах). Как правило, эти показатели лица и числа примыкают к первой синтагме во фразе, например: *imi nēm-at na-pist?* 'ты не спросила ее имени?'; *wū mast-əf xəkərd* 'целый месяц они искали (его)'; *tí-ra-n vəg* '(это) тебе принесли'.

То обстоятельство, что эти показатели лица и числа совпадают с глаголом-связкой, дает возможность предположить, что они, будучи употребленными с переходным глаголом, исторически представляют собой рефлексы личных форм древнеиранского глагола **ah-*, **-h* (ср. ав. *hənti* 3 мн.ч.) и с инфиксом **anh-* (ср. ав. *aṇhat* 3 ед. конъюнктив) 'быть' в презенсе. Если принять такое предположение, то для язгулямских показателей лица и числа могли бы быть следующие древнеиранские соответствия: а) ед. ч, 1 л. *-əm* < **ahmi* (ав. *ahmi*), 2 л. *-at* < **hatāh* (со вторичным окончанием медиального залога, ср. др.-инд. окончание *-thās*), 3 л. *-ay* < **ahyāt* (оптатив), а нулевой вариант < **hat* (конъюнктив), ср. 3 л. ед.ч. глагола-связки *-u/ū* (ср. *ṣig-u īmahe?* 'что это у нее?') < **ahat*, т.е. 3 л. ед.ч. конъюнктив (ав. *aṇhat*); б) мн.ч. 1 л. *-an* < **anhmā* или **hamnā*, 2 л. *-əf* возможно из **had/twai* (с первичным окончанием медиального залога), 3 л. *-an* < **hantām* (императив).

Показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, внешне почти целиком (за исключением 3 л. мн.ч.) совпадают с показателями лица и числа, употребляющимися с переходным глаголом, но исторически они, по-видимому, представляют собой сочетание древнеиранского глагола **ah-*, **-h* 'быть' в 3 л. ед.ч. в одном из наклонений с энклитическим местоимением, т.е.: а) ед.ч. 1 л. *-əm* < **ahyāt + mai*, 2 л. *-at* < **ahat + tai*, 3 л. *-ay* < **ahyāt + hi*, а нулевой

вариант < *hat + hi; 6) мн.ч. I л. -an < *ahat + nāh, 2 л. -əf < *ahyāt + vāh, 3 л. -əf < *ahyāt + āb/fiŷ (т.е. твор. мн. от местоименной указательной основы *ā-). О соответствующих параллелях в других памирских и не-памирских языках см. в разделе "Сравнительно-исторический анализ морфологии".

Таким образом, в язгулямском, как и в других памирских языках, представлены два ряда омонимичных (за исключением 3 л. мн. числа), но исторически различных показателей лица и числа, употребляющихся при глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени.

Личные формы глагола

8.9. Как уже отмечалось, все современные личные глагольные формы в язгулямском, как и в других памирских языках, вторичны по своему происхождению. Но в язгулямском сохранились и застывшие личные формы глагола. Они следующие: *yast* 'есть, имеется', *yest* 'пусть (так) будет!' и *xo* 'бы' (частица сослагательного наклонения). Форма *yast* скорее всего может быть восстановлена в *hāstā, т.е. 3 л. ед.ч. от редуцированной основы *h-ah- 'быть', менее вероятно из *astā или *astām (императив, мед. залог). Форма *yest* фонетически может отражать либо *hasti, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива от редуцированной основы *h-ah- 'быть', либо *asti, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива от основы ah- 'быть'. Но такая реконструкция наталкивается на семантические трудности, поскольку язг. *yest* имеет явно опативное значение. Поэтому, думается, что эту форму можно было бы восстановить и по-другому, а именно: *histyāt, т.е. 3 л. ед.ч. опатива от редуцированной основы *hi-st-'стоять, становиться' (и.-е. stā-, st-, si-stā-). Что касается частицы *xo* 'бы', то она по аналогии с русской частицей *бы*, которая развилась из др.-рус. аориста 2-го и 3-го л. ед.ч. от глагола 'быть' (Фасмер, 1964, с. 257), может быть восстановлена в форму 3 л. ед.ч. мед. залога аориста от основы *ah/x- 'быть'; т.е. в *āhta (ср. ишк. -bs < *āsta 3 л. ед.ч. мед. залога аориста от того же корня).

Базой для образования всех личных глагольных форм являются, как уже было сказано выше, две глагольные основы: основа наст. времени и основа прош. времени (исторически - причастие прош. времени).

8.10. От основы наст. времени прибавлением личных окончаний образуется глагольная форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения для 2-го лица ед. и мн. числа. Приводим парадигму спряжения глагола *laf-*: *laft* 'говорить' в форме настоящего-будущего времени:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

Ед.ч.
I л. *lafín*

Мн.ч.
lafém

2 л. lafáy

lafít

3 л. laft

lafán

В повелительной форме во 2-м лице ед. числа окончание отсутствует: laf 'скажи!' – lafit 'скажите!'.

Форма настоящего-будущего времени выражает любое непршедшее действие, например: təməx-ta wandá ċi kār kʰenit? 'что вы здесь делаете?'; bu-da az wáy-ra ruqsat daóin 'потом я его отпущу'; xi doyd dađđ ni póc-ra! 'пусть он выдаст свою дочь за моего сына!'; Ĥʰovd taĥ-raĥ na-mit! 'как бы молоко не прокисло!'.

8.II. Основа прош. времени является базой для образования таких глагольных форм, как прошедшее время, перфект и плюсквамперфект. Форма прош. времени образуется путем сочетания основы прош. времени с подвижными показателями лица, например: áz-əm ĥod 'я пошел', žuw-əm cad 'я жала пшеницу'.

При переходном глаголе в прош. времени, как и в других глагольных формах, образованных от основы прош. времени, возможен и другой тип спряжения, а именно; mún cad 'я жала' (исторически – 'мною сжато'); mún pakáya soy bréĭt-a yát-əm 'я только что попил чай и пришел'. В случае, если во фразе представлено местоименное прямое дополнение, то оно, как и местоименное подлежащее, употребляется в косвенной форме, например: mún ž-im wint 'я видел ее'. Подобное построение не может не свидетельствовать о смешении в спряжении переходных и непереходных глаголов.

Как уже отмечалось выше, в 3-м лице мн.числа различаются показатели лица и числа для переходных и непереходных глаголов, а именно: -ef для переходных, -an для непереходных глаголов, например: wú mást-ef Ĥəkərd 'целый месяц они искали (его)'; xafa-(a)n mad 'они обиделись'. Но и в этом случае наблюдаются отступления от правила, т.е. показатель -an может употребляться не только при непереходном глаголе, но и при переходном, например: tí-ra-n vэг '(это) тебе принесли'. Хотя в принципе эти два -(a)n могут быть различны по происхождению (см. Подвижные показатели лица и числа).

Если же говорить о наиболее употребительном спряжении переходных и непереходных глаголов в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, то оно имеет следующий вид: (см. таблицу на след. стр.).

Форма прош. времени выражает прошедшее действие независимо от его длительности и кратности, например: áz-əm ĥod i pír-i xaskáĥ-i kúđ 'я пошел в дом к старику-дровосеку'; penĭ-ĭu ĥiĭ im qatay zindagonay kэг 'пять-шесть дней прожил он с ней'. В условном предложении с частицей хо эта форма выражает ирреальность условия: aga wú mást-əm хо waxt vad, bú-əm хо manor ĥoxт 'если бы у меня был месяц времени, тогда я бы больше выучил'.

8.I2. Форма перфекта образуется сочетанием перфектного причастия на -a(g) с теми же показателями лица и числа, что и при форме прошед-

Парадигма спряжения переходного глагола
'говорить' и непереходного глагола
'идти' в форме прошедшего времени

Число	Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол	
			при место- именном подлежащем	без местоимен- ного подлежа- щего
Ед.	I-е	áz-эм šod	mún laft	-эм laft
	2-е	tów-at šod	tu laft	-(at) laft
	3-е	āy(-ay) šod	im (ж.р.)	-(ay) laft
			laft way (м.р.)	
Мн.	I-е	móx-an šod	mox laft	-an laft (šod)
	2-е	temóx-ef šod	temox laft	-ef laft
	3-е	if-an šod	if laft	-ef laft

шего времени. Особенности в спряжении переходных и непереходных глаголов здесь те же. См. парадигму спряжения непереходного глагола bad-: šod 'идти' в форме перфекта:

П е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л.	áz-эм šeda(g)	móx-an šeda(g)
2 л.	tów-at šeda(g)	temóx-ef šeda(g)
3 л.	āy(-ay) šeda(g)	if-an šeda(g)

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, а также при передаче сообщения с чужих слов и при логическом заключении о действии: ni roc qatol mēda 'мой сын стал взрослым'; šig-ay hēvēšta? 'что он написал?'; ana, u uoya yašag veda! 'вот она какая оказалась, эта девушка!'.
8.13. Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием перфектного причастия на -a(g) с вспомогательным глаголом v-: vad 'быть' в форме прош. времени'. См. парадигму спряжения того же глагола bad-: šod 'идти'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л.	áz-эм šeda(g) vad	móx-an šeda(g) vad
2 л.	tów-at šeda(g) vad	temóx-ef šeda(g) vad

Форма плюсквамперфекта выражает либо действие, совершившееся ранее другого действия, либо безотносительное давнопрошедшее действие, например: móx-an wú šenda nista-an vad ki wú sewer yāt '(только) мы расположились в одном месте, как подъехал какой-то всадник'; tów-at pəred na ita vad? 'а раньше ты не приезжала?'.

8.14. В язгулямском имеются еще две сложные глагольные формы, образование которых относится, по-видимому, к недалекому прошлому. Это – форма преждепрошедшего перфекта и глагольная форма, служащая для выражения таких оттенков, как предположение, условное допущение, пожелание и т.п., например: if-an dīm-ra ičig na lafta(g) veda(g) 'они ей, оказывается, ничего не сказали'; u šeda(g) mit 'он, должно быть, (уже) ушел'; u bu ki veda mit? 'кто бы это мог быть?'.

Неличные глагольные формы

И н ф и н и т и в

8.15. Инфинитив образуется от основы наст. времени прибавлением суффикса -aʃ: laf-aʃ 'говорить', bad-aʃ 'отъезжать'. Являясь именем действия, инфинитив может выступать в предложении в любой именной функции, например: móx-an mæg na xendaʃ 'мы умерли от смеха'; Šarif kasaʃ badin 'я схожу проводить Шарифа'; anəxtag-em š-way xaxaʃ 'я забыла, как его месить'.

С исторической точки зрения суффикс инфинитива -aʃ является отражением элемента -ākā- ж.р., рефлекс которого представлены также в суффиксах инфинитива ряда других памирских и непамирских языков, ср. вах. -ak в pəc-ák 'варить, печь', ягн. -ak в ruč-ák то же. Варианты этого суффикса представлены также в ишкашимском и частично в ваханском инфинитиве: ишк. рас-ūk 'варить, печь', rəzin-uk 'знать', где суффиксы -u/ūk < *-aka- м.р., вах. win-g 'видеть', где -g < *-ka-. Аналогичный суффикс представлен в имени действия в языке дари, ср. rawāʃ 'хождение'.

Возможно в язг. xəayn 'молотья' можно видеть реликтовый инфинитив на *-na-. Такого рода инфинитив, как известно, сохраняется и в других иранских языках, ср. вах. tuk-n 'уезжать, отъезд', ягн. ruč-na 'варить, печь'.

П р и ч а с т и е

8.16. В языке различаются причастия, образующиеся от основы наст. времени, и причастия, образующиеся от основы прош. времени. Кроме того, остаточно сохраняется причастие наст. времени, внешне совпадающее с основой наст. времени и продолжающее древнеиранское

причастие наст. времени на *-а, ср. др.-перс. -bara- в tača-bara- 'несущий на голове шлем(?)'. В язгулямском эти причастия следующие: ʃu 'горящая палочка' < *ʃāwa- (ср. и.-е. dāu- 'гореть', ш. ʃāw- 'гореть'); ʃu 'хотящий, любящий' < *ʃāwa- (ср. и.-е. gāu- 'радоваться' в тох. В kaw- 'хотеть, желать'). Аналогичным по образованию, но в настоящее время уже не осмысляющимся как причастие, является причастие с суффиксальным элементом -ag в значении 'нуждающийся, хотящий' (подробнее о нем ниже).

8.17. От основы наст. времени образуются две причастные формы с суффиксами -ek/k' и -on и одна причастно-деепричастная форма на -arm. Наиболее употребительным является причастие на -ek/k' < *-ikā- (ср. ав. račika- 'пекуший'), с помощью которого образуется имя действующего лица, например: raʃ-ek 'пекущий, готовящий пищу, повар' (ср. ш. riʒ-iʃ, р. raʒ-ūč/ʃ м.р., raʒ-ēs ж.р., б. raʒ-ōs м.р., raʒ-ēs ж.р. то же значение); waʃ-ek 'убирающий (-ая) мусор', уборщица'; iʔau-ek 'боящийся, трус'; sef-ek 'ворующий, вор'; seʔu-ek 'жнец'; ɛncav-ek 'швея'.

Это причастие в сочетании с глаголом-связкой передает значение намерения, например: ʔz-ɛm nɛr Marʃun badék vad, bóre p(ə)zé kasál-ɛm mad 'я собирался сегодня поехать в Мотраун, но занемог'.

В язгулямском достаточно сохраняется причастие настоящего времени жен. рода с суффиксом -eč/ʃ < *āčī- в словах birayeʃ и ɖadeč 'беременная, роженица'.

Причастие с суффиксом -on < *-ana-, употребляющееся сравнительно редко, в основном имеет значение имени действующего лица: way-on 'плакса' (ср. ш. wāy-in м.р., wāy-ān ж.р., р. naw-on м.р., new-ān ж.р. 'плакса'); xʔar-on 'обжора'. Возможно чередование этой причастной формы с причастием на -ek, напр.: way-on/way-ek 'плакса'; -endeʃon в ʃābug-endeʃon и -endiʃek в ʃāb-endiʃek 'встающий рано утром'. Но в этом причастии сохраняется также не только значение имени действующего лица, ср., например: pe-ɖer-ān 'выдерживающий, крепкий', iʔil-ān 'свирель', где -an < *-ānā-, т.е. ж.р. к *-ana.

Форма на -arm (ш.-р. -ūrm) служит деепричастием, например: mɔx-an zɛbanarm ʃod 'мы, подпрыгивая, пошли'; zaʔin tú-ʃe wayarm 'я иду к тебе, плача'.

Причастие на -ag образуется почти исключительно от глаголов со значением естественных потребностей: xʔar-: xugʔ 'кушать', p(ə)xas-: p(ə)xovd 'спать', miʒ-: maʃt 'мочиться' и др. Оно обозначает лицо, нуждающееся в совершении данного действия, например: xʔar-ag 'желающий поесть', rexag 'желающий спать'. Это причастие представляет собой сложное образование, состоящее из инфинитива смыслового глагола (по-видимому, усеченного инфинитива) и элемента -ag, исторически являющегося причастием наст. времени *aga- 'нуждающийся, желающий' от глагола *ag- (ср. и.-е. ā(1)gh- 'нуждаться, хотеть', ав. āzi-ʃ, н.-

перс. аз 'желание, страсть'). Таким образом, язг. х°ar-ag буквально означает 'нуждающийся в том, чтобы поесть' или 'желающий поесть'. Но в современном языке это уже застывшее образование.

В язгулямском сохраняется также сочетание, служащее для выражения намерения, это - k°əxtə-may '(скот), предназначенный для убоя'. Второй элемент -may (< *-mayā-) может быть сопоставлен с ш. -məj в navist-məj и с с. -məy in navist-məy 'собирающийся писать' (ср. и.-э. mei- 'думать, намереваться').

8.18. От основы прош. времени образуются две причастные формы: с суффиксом -a(g) и распространенное от этой формы причастие с суффиксом -in. Кроме того, в языке остаточно сохраняется причастие, совпадающее с основой прош. времени и продолжающее древнеиранское причастие прош. времени с элементом *-t-, например: paīt 'сломанный, раздавленный' < *pištā- (и.-э. peis- 'раздавливать, размалывать', др.-инд. piṣṭā- 'молотый', ав. pišant- 'раздавливающий', ш. piṣṭ 'тутовая мука'); pət- в petk 'сгнившее, гнилушка' < *pūtya- (ав. pav- 'гнить'); с отрицательной частицей na- в na-k°əxt 'незарезанный, незаколотый (о скоте)', где -k°əxt < *küšta-.

Причастие на -a(g) < *-ākā- в основном входит в состав сложных глагольных форм. Путем сочетания причастия на -a(g) с показателем лица и числа образуется глагольная форма перфекта (см. выше). Очень редко это причастие употребляется самостоятельно, например: x°antag-əш 'я грамотный' (букв. 'выучившийся'); rax°a yo na? '(яйцо) вареное или нет?'; tuti-ay daḡag 'попугай убит'. Отмечены также случаи субстантивации причастия на -ag, например: ki/əxtag 'нарезанные (яблоки)'.

Очень существенным является то, что причастие на -a(g) от переходных глаголов может иметь как пассивное, так и активное значение: k(i)ya(g) 'сделавший', rax°a(g) 'сваренный' (Здальман, 1966, с. 60). Это может свидетельствовать либо об изначальной залоговой нейтральности причастия прошедшего времени (ср. др.-инд. gatas 'он ушел' и grātas 'он достиг', Семереньи, 1980, с. 337), либо о формальной близости исторических пассивных и активных причастий, давших сходные рефлексy (ср. санскр. kṛta- 'сделанный' и kṛt(a)vant- 'сделавший'). Более подробно различные предположения на этот счет излагаются нами в соответствующем разделе очерка "Шугнанский язык".

Вторичное причастие, образующееся прибавлением к причастию на -ag суффикса -in (< *-ina, ср. ш. -in, р.б. -in, ишк. -i), является наиболее употребительным. Это причастие от переходных глаголов имеет обычно пассивное значение. Примеры: yūk-i fəreptagin zāz! 'возьми вот этот созревший (стручок)!'; dūki sujī mó-me nəməxtagin 'это бедро у меня вывихнуто'; yūk-ay nəvəštagin 'эта (страница) исписана'; Mašūn bidagin 'Махлун (куда-то) пропала'.

ШУГНАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

I.O. С синхронной точки зрения большинство имен существительных являются непроеизводными. Имеющиеся в языке в большей или меньшей степени продуктивные аффиксальные элементы частично описаны в существующих синхронных грамматиках по различным языкам шугнано-рушанской группы (Карамшоев, 1963; Файзов, 1966; Карамхудоев, 1973; Курбанов, 1976; Бахтибеков, 1974; Мирзабдинова, 1983) и достаточно полно в кандидатской диссертации З.Миршакар (Миршакар, 1988). Мы их здесь касаться не будем.

I.I. Непроеизводные именные основы с исторической точки зрения могут быть разделены на: а) неосложненные имена, т.е. имена, продолжающие исторически ту или иную именную основу, например, *nibōs* 'внук' < **napāt(s)a-* (ир. **napāt(s)-*, ав. *napāt-*); б) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осознается как таковое, например, *ḍōr-g* 'палка' < **dāru-+-ka-* (ав. *dārav-*); в) именны основы с неосмысляющимся в настоящее время префиксальным наращением, например, *a-bīn* 'жена многоженца' < **ha(m)-paṇī-* (ав. *pa-ṇī-*); г) имена, представляющие исторически редуцированную основу, например, *pi-bīz-g* 'мочевой пузырь' < **pī-pīsa-+-ka-* (ср. и.-е. *peis-* 'дуть, надувать') или < **pī-pūsya-+-ka-* (и.-е. *pū-* 'вздуваться'; аналогичная семантическая ассоциация представлена в др.-инд. *budbuda-* 'водяной пузырь' к и.-е. *b(e)u-* 'вздуваться'); д) имена, представляющие исторически сложное слово, например, *piḍīnd* 'порог' < **pāḍuā-+-antuā*, т.е. 'напольный (или подножный) дверной брус' (и.-е. *pēd-* 'нога', *pedc-m* 'пол, земля', др.-церк.-сл. *podъ* 'пол', ав. *pād-*, *pāiduā* 'нога' и и.-е. *anetā-*, др.-инд. *ātā-*, ав. *aīvūā-* 'дверной косяк').

Прежде чем перейти к анализу этих имен, необходимо сказать сле-

дующее. Хотя аффиксальные элементы в подобного рода именах срослись с именной основой настолько, что в настоящее время уже не воспринимаются говорящими как составные элементы, тем не менее наращение их нельзя отнести к далекому прошлому. Анализ этих имен с точки зрения умлаута показывает, что наращение этих аффиксальных элементов произошло после отпадения гласного конечного безударного слога именной основы, т.е. в период перехода от древнего к среднему состоянию языкового развития. Так, например, с синхронной точки зрения шугнанское слово *yās* 'девочка, девушка' представляет собой неразложимую основу. Исторический же анализ этого слова позволяет нам выделить в нем суффикс *-s* < **-šī-* и элемент *yā-*, который может быть восстановлен в виде **gātā-*, т.е. в виде причастия прош. времени от корня **gā-*, чему на индоиранской почве могли соответствовать два корня: 1) **gṇ-*, и.-е. *gṇā-*, *gṇem-* 'рождаться' ав. *ni-jāma-* '(ново)рожденный' и 2) **gr-*, и.-е. *gen-*, др.-инд. *jan-*, ав. *zan-* 'производить на свет, рождать'. Таким образом, ир. **gātā-* имело значение 'рожденная' (ср. аналогичное семантическое развитие в ш. *rizīn* 'дочь' < **fra-zantī-*, ав. *zan-* 'рождать', *fra-zantay-* 'ребенок'). Поскольку в шугнанском аффриката *s* может соответствовать иранской консонантной группе **tr* (или **t(s)r*), то ш. *yās* может быть восстановлено также в виде **gāt(s)rā-* 'рожденная' (ср. ав. *zaṽra-* 'рожденный' от корня *zan-*).

Сравнительно позднее наращение суффиксальных элементов особенно хорошо видно на примере тех имен, где этот элемент является еще продуктивным, ср., например, *pērn-āk* 'пятка' < **pāršnī-+-ākā-* (и.-е. *persnā-*, -*snī-*, др.-инд. *pārṣṇi-* ж.р., ав. *pāšna-* ср.р. 'пятка'). То есть в данном случае историческая основа на **-ī-*, преобразовавшись в ш. *pērn-*, впоследствии осложнилась суффиксом *-ak* < **-ākā-*. Или, например, ш. *muḫt-āk* 'горсть, захват' < **muštī-+-ākā-* (ав. *muštay-* 'кулак').

Ряд имен в шугнанском имеет два или три суффиксальных наращения: *nā-z-āk* 'кончик у лучины' (ср. ш. *nēz* 'нос' < **nāhī-+-šī-+-ākā-* (и.-е. *nas-*, др.-инд. *nāsā*, *nāsikā*, ав. *nāh-* 'нос'); *ḍum-s-āk* 'хвостик' < **d/ḍuma/ī-+-šī-+-ākā-* (ав. *duma-*); *vīy-z-ēj* 'изголовье, подушка' < **byūī-+-šī-+-ājī-* (ср. и.-е. *bhelgh-*, *bhleg-* 'пухнуть', 'подушка', др.-инд. *barhiṣ-*, ав. *barēziṣ-* 'подушка'); *sal-ūn-d-āk* 'лестничная ступенька' < **sar/lāh* (им.мн. от **sarā-*, и.-е. *kel-* 'прислонять') + **-hāna* + **-tā-* (суффиксы собирательной множественности) + **-ākā-*. В дальнейшем при анализе именных основ мы будем иметь в виду их неосложненную часть.

1.2. Анализ шугнанских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы. При этом следует иметь в виду следующие фонетические закономерности:

1) шугнанские корневые гласные *ā*, *a*, представленные на месте любого исторического гласного или **ā̃*, указывают на историческую позицию

ā-умлаута. Поэтому шугнанские основы с корневым гласным ā являются рефлексамы исторических основ на *-ā- или *-ā + согласный. Примеры: wārg 'ягненок, овечка' < *wānā-+-kā- (и.-е. *ueren-*, др.-инд. *urānā-* 'баран', *urā-* 'овца', ср. ш. *wīrn* 'баран'); maḥ 'ооб(ы)' < *māśā- или *māśāh им.мн. (др.-инд. *māṣa-*); zinaḥ 'невестка, сноха' < *snuśā- (и.-е. *snuśós*, др.-инд. *snuśā*); vaz 'коза' < *būzā- (и.-е. *bhūgo-s*, ав. *būza-*); maḥ 'овца' < *maīśā- (ав. *maēša-*, *maēši-*); sar 'голова' < *sarāh- (ав. *sarah-*);

2) шугнанские корневые гласные ē, ē, ī, представленные на месте ир. *ā, *ā, а также корневые гласные ū, ī < *ū, *au, гласный ī < *ai, *ī и гласные ē, ē < *ē указывают на историческую позицию i-умлаута. Поэтому шугнанские основы с этими корневыми гласными, развившимися из указанных исторических гласных, являются рефлексамы древнеиранских основ на *-ī-, *-yā-, *-au- или *ī + согласный и т.п. Примеры: wēb 'связка, охапка, сноп' < *wāb/rya-, *wāb/rī- (и.-е. *uebh-*, *uer- 'ткать, связывать', ср. ш. *wāf-* 'ткать'); nēz 'нос' < *nāhī-+-ēī- (др.-инд. *nāsikā-* 'нос, ноздри', ав. *nāh-*, *narhan-*); cēd 'нож' < *kṛtī- (др.-инд. *kṛtī-*); pišēn 'точильный камень, осёлок' < *ura-sānī- (др.-инд. *asāni-*, ав. *asenga-*); niwēnc 'невеста' < *nī-wan(dī-+-ēī- (и.-е. *ueh-*, *uend-* 'выходить замуж', др.-инд. *vadhū-*, ав. *vādū-* 'невеста'); ūin 'жена' < *gānī- (и.-е. *gēnī-*, др.-инд. *jani-*, ав. *jāni-*, *jaini-*; ср. р.б. *yan* < *gānā-, и.-е. *gēnā-*, ав. *gēnā-*, *ynā-*); rizīn 'дочь' < *fra-zantī- (ав. *fra-zantay-* 'ребёнок'); zīr 'камень' < *gari- (ав. *gairi-*); čīrm 'червь' < *kṛmi- (др.-инд. *kṛmi-*); mūt 'кулак, горсть', muḥt-āk 'горсть, захват' < *muṣtī- (ав. *muṣtay-*); sīvd 'плечо' < *supti- (ав. *suptay-*); sīz 'игла' < *sūčī- (ав. *sūkā*); kūvd 'молоко' < *(k)šūptī-, *kšūptya- (и.-е. *seu-*, *kseu- 'сок, жидкость' в др.-исл. *saup* 'молоко', др.-инд. *sūra-* 'суп', ишк. *x̌m* 'молоко'); zīniḥ 'снег' < *snīga-, но ср. р. *zīniḥ*, б. *zīniḥ* 'снег' < *snaḥya- (ав. *snaēša-*); le- в lē-mōlāk 'полотенце' < *rōd/vāy-, *rōd/vī- (ав. *raoda-* 'лицо'; ср. р. *ri-* в *ri-gūy* 'свадебное покрывало на лицо' < *rūd/vāy- и ор. *la-* в *la-gūy* 'свадебное покрывало на лицо' < *raud/vā-, *rūd/vā-);

3) шугнанские корневые гласные ē, ū, ū, развившиеся из *ā, *ā, а также гласный u из *a, *ā, корневой ē, развившийся из *ai, гласный ū из *au, корневой ū < *u и i < *ī указывают на историческую позицию a/u-умлаута (или нейтральную позицию). Поэтому шугнанские основы с этими корневыми гласными, представленными на месте указанных исторических гласных, являются рефлексамы древнеиранских основ на *-a-, *-u- или *-a + согласный или *u + согласный. Примеры: nībōs 'внук' < *napāt(s)a- (ав. *napāt-*; ср. ш. *nibēs* 'внучка' < *napāt(s)-f-); vīrōd 'брат' < *brātar- (ав. *brātar-*); rōb 'нога' < *rād/da- (ав. *pāda-*; ср. с. *ped* 'нога' < *rad/dya-, *rad-* в *radbun* 'подошва' < *rādōb-); dōrg 'палка' < *dāru-+-ka- (ав. *dāray-*); nīm 'имя' < *nāma(n)- (др.-инд. *nāma-*, ав. *nāman-*); nībōmš 'ножны' < *nī-

d/ḍāna-+-ka- (др.-инд. nidhāna-); pūnd 'дорога, путь' < *pānta- (ав. pantā-, paṇā-; ср. р. pānd < *pantā-); mud 'мать' < *mātar (ав. mātar-); yūrḥ 'медведь' < *arḥa- (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arṣa-); wurḥ 'волк' < *wṛka- (др.-инд. vṛka-); xēd 'грязь, пот' < *xwaid/ḍa- (и.-е. sūido-, др.-инд. svēda-, ав. xwāda- 'пот'); mēxak 'горный баран, архар' < *maiṣa-+-ākā- (др.-инд. mēśā-, ав. maēša-); ḍēw 'сумасшедший' < *d/ḍaiwa- (ав. daēva-; ср. р. ó. ḍīw < *d/ḍaiwi-); pid 'отец' < *pitar- (ав. pitar-); ḍibūd 'голубь' < *kapauta- (др.-инд. karṇta-, н.-перс. kabūtar); ḍum 'хвост' < *d/ḍuma- (ав. duma-).

1.3. Из приведенных примеров можно видеть, что в ряде случаев шугнанской основе в других языках группы может соответствовать иной вариант, ср., например, ш. ŷin-р.ó. ŷan 'жена', ш. pi-sēn-ó. pi-sōn, но pi-san-iḡ 'точильный камень' и др. Такая вариативность основ наблюдается не только между языками, но и внутри одного и того же языка. Примеры: ш. wīrn 'баран' < *warni- и wārg 'барашек, ягненок' < *warnā-+-kā- (и.-е. ueren-, др.-инд. uraṇ-, uraṇa-, н.-перс. barra); ш. pūrg 'мышь' < *pūryā-+-kā- и pirg-ič 'мышонок' < *pūryā-+-kā-+ika- (ср. и.-е. pō(u)-lo-с 'маленькое животное', вах. pyrḡ, ишк. pürk, язг. purg, с. pyrḡ 'мышь'); ш. wōx 'трава, сено, солома' < *wāstra- или скорее *wākṣa- и wīx- в слове wīx-tēn 'сеновал' < *wāstryā- или *wakṣyā- (и.-е. ues- в ав. vāstra- 'корм, трава' и vāstrya- прил. к vāstra-; но ср. р.ó. wōx 'трава, сено' и waḥ- в waḥ-jēn 'сеновал' < *wāstrā- или *wakṣā-); ш. xūf 'гора, горка' и xaf 'гора, горка' (Додыхудоев, 1980) < *xaufā- (и.-е. keu- в ав. kaofa-, др.-перс. kaufa- 'гора'; но ср.р. xūf < *xaufī-, xūfī-); ш. xōd 'усадебный двор' < * (k)ṣād/ḍa- и xēd 'загон для скота на летовье, хлев' < * (k)ṣād-/ḍī-, * (k)ṣād/ḍyā- (и.-е. sed-, *ksed- 'усаживать, ставить', англ.-сакс. set 'местопребывание, резиденция, хлев'; ср. вах. ṣād/ḍ 'двор, летний загон' < * (k)ṣād/ḍa-); ш. maḥ 'боб(и)' и moḥ 'фасоль' < * māṣā- (др.-инд. māṣa-) и др.

Количество вариантов основ в шугнанском может быть и более двух: yēd 'мост' < *haitwa-, *haitu-, то же в сложениях -yīd < *haitwī- и -yāt (Додыхудоев, 1980) < *haitwā- (и.-е. sei-, ав. hā(y)- 'святывать', ав. haētu- 'мост'); wēd, wēd, wōd, wād (Додыхудоев, 1980) 'арык, канал', где первые два слова < *wād/ḍī-, вторые - < *wād/ḍā- (и.-е. aueḍ- в ав. vaiḍī- 'течение воды, канал', аоа- 'родник, источник'); xas 'вода', xus 'жидкость', xos- в xos-in-ēv 'место, где много воды' и xīc- в xīc-āḡ 'в сторону воды' (Додыхудоев, 1985), где первые три варианта < * (k)ṣūtsā-, а последний вариант - < * (k)-ṣūtsya- (и.-е. seu-, sū- 'жидкость', др.-ирл. suth- 'сок', ав. xṣud-/ḍa- 'текущий, жидкий') и др.

1.4. Некоторые шугнанские основы с исторической точки зрения представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексны редуцированных основ. Примеры: ḍi-dīrm 'веник, метла, щетка' < *d/ḍr-dṛmi-

(и.-е. *der-* 'драть, сдирать', чешск. *drdati* 'вырывать'); *yī-yīr* 'зоб (болезнь)' < **g/yri-g/yarī-* (ср. и.-е. *gel* в др.-в.-нем. *kelah* 'опухоль на шее'; *yī-yar* 'колос проса' < **g/yra-g/yarā-* (ср. и.-е. *gher-* в греч. *χέχρος* 'просо'); *xī-xīl-ān* 'свирель' < **xwi-(k)wilyā-+ānā-* (и.-е. *suēi-, suī-* 'свистеть, дуть', язг. *ḫōilān* 'свирель', бадж. *xī-ḫēlāk* 'свист', м. *ḫēlēna* 'свирель'); *pī-bīz* 'мочевой пузырь' < **pī-pīsuā-+ka-* (и.-е. *peis-* 'вздуваться, пузириться') или < **pu-pūsūā-+ka-* (и.-е. *peu-, pū-* 'вздуваться, пузириться' в лит. *pūsē* 'мочевой пузырь'; ср. также и.-е. *b(h)eu-* 'вздуваться, пузириться' в др.-инд. *bud-buda-* 'водяной пузырь').

1.5. Ряд шуѓанских именных основ представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексy исторических композитов, составные части которых в настоящее время уже не осмысляются (или почти не осмысляются). Примеры:

1) *yī-ḫīd* 'скотный двор, хлев' < **g/yūa-+kati-* (ав. *gav-* 'бык, корова', *gavya-* прилагательное к *gav-* и ир. **kata/i-* в н.-перс. *kad*, ш. *ḫīd*, язг. *kūd* 'дом');

2) *wīḫ-tēn* 'сеновал' < **wāḫsūā-* (или **wāstryā-*) + *stāni-* (ав. *vāstrya-* прилагательное к *vāstra-* 'трава, корм' и ав. *stāna-* 'место(положение)'; для второй части возможно также **tāni-* от корня ир. **d/tā-* 'класть, помещать');

3) *xīd-ōrj* 'водяная мельница', по-видимому, из **xwātya-* (или **xwītyā-*) + *ār(n)a-+ka-* (ср. и.-е. *suē(i)-* 'приводиться в движение, крутиться, вертеться') и и.-е. *al-* 'молоть', ав. *aša-* 'смолотый', н.-перс. *ārd* 'мука'; в других памирских языках это слово представлено в следующем виде: с. *xad-urj/č*, язг. *x'au-erg*, ишк. *ḫbd-ōri*, вах. *ḫbd-ōrg* 'мельница'; ср. Г.Моргенштерне < **xwata-arna-ka-*, т.е. 'самомелущая';

4) *far-yēm-s* 'телка, первотелая корова, первородка' < **farwa-* (// **farā-*) + *gamīr-* // **gamūā-*) + *čī-* (для первой части ср. и.-е. *prō-* до- в др.-перс. *paṛuwa-*, ав. *paṛuwa-* 'перый', а для второй части ср. и.-е. *g'ēm-* 'приходить, являться на свет, рождаться', ав. *ni-ḫāma-* '(ново)рожденный'; м. *fra-yōmēu* 'годовалая коза', вах. *ḡy-yūm* 'первотелая корова'; ср. модель др.-инд. *paṛ-yāṇī-* 'первотелая корова');

5) *an-ḫūm* 'годовалый баран' < **anā-+g/ḡama-*, ш. *an-ḫūm* 'годовалая овца' < **anā-g/ḡamī-* (для первой части ср. и.-е. *en-* 'год', а для второй и.-е. *g'ēm-* 'рождаться', ср. предыдущее слово; р. *inḡamaḡ* м.р., *inḡem* ж.р.; с. *na-ḡom* 'ягненок, ярка', язг. *enḡem(ūg)*, *enḡam* то же, вах. *in-ḡum* 'годовалая овца'; ср. рефлекс и.-е. *īe-*го 'год' (ав. *yāḡe* 'год') в рус. ярка 'годовалая овца');

6) *čīd-īr* 'сажа' < **kadyā-+airuā-* или **kadī-+airī-* (для первой части ср. и.-е. *ked-* 'коптить, дымить' в рус. чад, кадило, а для второй части ср. и.-е. **ei-r-*, **ei-k-* в сар. *iš* 'сажа', т.е. в целом значение ш. *čīd-īr* можно было бы передать как 'копоть-сажа');

7) fil-lā 'молозиво' (букв. 'молочные нечистоты') < *fīl/ra- + lawā- (для первой части ср. и.-е. rei-, rī- 'становиться жирным', pī-ū-er- 'жир', ав. paṇah- 'молоко', а для второй части ср. и.-е. leu-, leuce- 'нечистоты, грязь');

8) fil-wōd 'дышло плуга' < *falya- (или *falī-) + *wāda- (ср. др.-инд. phāla- 'лемех' и и.-е. ŷedh- 'связывать, скреплять, соединять' в др.-ирл. fedan 'упряжь', fedil 'ярмо'; р. fala-wūd 'дышло плуга');

9) lōzar 'ледник, глетчер' < *lāha-zarā- 'смерзшийся лёд' (ср. и.-е. lē/ē- в рус. лето, лёд, ср. антоним и.-е. k/kel- 'холодный, тёплый'; для второй части -zarā- ср. и.-е. gel- в лат. glacies 'лёд'; ср. модель нем. Eis-keller 'лёд-лап');

10) žind-ūrv (м.р.) 'оборотень, алчный' < *gandya-+-arba-, т.е. 'жадное ничтожество' (и.-е. g^hnedh- 'желать, требовать' в рус. жадный, лит. gėdas 'алчность, жадность', ав. gad- 'просить', ишк. žind-ūk 'голодный' и и.-е. orbho- 'ничтожный, слабый' в др.-исл. argr 'убогий, жалкий, несчастный', др.-инд. ārbha- 'слабый, ничтожный') и др.

В шугнанском имеются также композиты, составные части которых в большей или меньшей степени осмыслиются говорящими, например: yumbišt 'особый сорт пшеничной муки' (из *g/yantuma- 'пшеница' и *pišta- 'измельчённый'); kam-wōxi 'бестравье' (из kamā- и wākā- или *wāstra- 'трава'); pōd-viy-ōj 'с босыми ногами' (из *rād/da- 'нога' и *b/vahya- 'босой', и.-е. bhov- 'босой'); sa-būst 'отруби' (букв. 'зерна шелуха') < *s^h(n)a- + pausta- (для первой части ср. и.-е. gr^h-no-m 'зерно, зерновой хлеб' в пуш. zę/ṇau 'ядро'; соответствующее слово в сар. sa-bast, язг. sa-best 'отруби', ср. также вах. se-в se-dēn 'место для хранения зерна') и др.

Род

2.0. Шугнанский язык, как и другие языки шугнано-руманской группы (кроме зарубежного сарыкольского), сохраняет категорию рода. Но проявление ее в современном языке изменилось. Как известно, родовая принадлежность имени в шугнанском языке определяется в основном синтаксическим, т.е. либо при сочетании имени существительного с дифференцирующимся по роду прилагательным или местоимением, либо при сочетании имени существительного с глаголом в одной из форм прошедшего времени, представляющей собой или включающей в себя историческое причастие прошедшего времени, например: kat sūg 'короткая сказка' (kat ж.р. - kut м.р.); yā ḡāb 'та ночь' (yā ж.р. - yu м.р.); uḡj^h tis sut 'мука рассыпалась' (sut м.р. - sat ж.р.).

Синтаксическая родовая оппозиция имени иногда осложняется семантической вариативностью, ср., например: tāx 'гора' (м.р.), 'камень' (ж.р.); zbrō 'сердце, душа' (м.р.), 'сердце как орган' (ж.р.); žin-

dam 'поле, засеянное пшеницей' (ж.р.), 'пшеничный умолот' (м.р.). Исторически же слова tāx и žindam отражают основу жен. рода (ср., например, žindam < *gantumā-, но ав. gantuma- м.р.), а zōrd - муж. или ср. рода (ср. ав. zered- ср.р.). Следует заметить, однако, что в этих словах можно видеть также рефлекс исторических флексивных форм. Так, например, слово zōrd может быть истолковано как рефлекс древнеиранских форм: 1) *zrd/δam вин. ед. муж. или жен. рода от *zrd/δ-; 2) *zrd/δah род. ед. муж., жен. или ср. рода; 3) *zrd/δat отл. ед. муж. или жен. рода.

2.1. Что касается лексического проявления грамматического рода, то оно более или менее актуально для сравнительно небольшого числа имен существительных, причем в основном одушевленных. Внешне родовая оппозиция в этом случае проявляется в чередовании корневого гласного, обусловленного историческим чередованием умлаутного типа: а) а- и ä-умлаутных основ или основ на *-ya// *-yā-; б) а- и i-умлаутных основ; в) i- и ä-умлаутных основ; г) i- и ī-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского//среднего и женского родов. Примеры: buč 'козел' < *buka- (и.-е. bhukko-a, др.-инд. bukka-) - vaz 'роза' < *būzā- (и.-е. bhūgo-s, ав. būza-); bukul 'теленко' < *būkala- - bakal 'тёлка' < *būkālā- (и.-е. b(e)u-, bh(e)u- в др.-инд. bukkati 'мычит, лает', ав. buxtay- 'рев, вой', курд. boṭ/xə, сор. рохə 'бык', пуш. baxūray 'чучело тельенка'); čuḥ 'петух', čaḥ 'курица' < *krkčā- (др.-инд. krkara- 'вид куропатки', kṛka-vāku- 'петух', ав. kahrka- 'петух'); xēr 'племянник, племянница' < *xwaryā- (и.-е. sueliō(n)- 'своjak, свояченица', вах. xəryan, xəryun 'племянница, племянник'); žind-ūrв м.р., žind-ārv ж.р. 'оборотень, алчный, -ая' < *gandyā-arbā- (ср. и.-е. g^hedh- 'желать, требовать' в рус. жадный, лит. gōdas 'жадность', ав. gad- 'просить, требовать', ишк. žindūk 'голодный'; для второй части ср. и.-е. orbho- 'слабый, ничтожный', др.-исл. armr 'убогий, жалкий, несчастный', др.-инд. ārbha- 'слабый, ничтожный'); nibōs 'внук' < *napātsa- - nibēs 'внучка' < *napātsī- (и.-е. nepōt-, nepī-, др.-инд. napāt-, naptī-, ир. *napāt(s)-, ав. napāt-, naptī-); vōrč 'конь' < *bāra-ka- - vērz 'кобыла' < *bārī-čī-; -žūm в an-žūm 'годовалый баран' < *gama- - žem в an-žem 'годовалая овца' < *jamī (и.-е. g^hem- 'приходить, появляться на свет, рождаться', ав. ni-žāma- 'новорожденный'); wūrč 'волк' < *wṛka- - wirč-in 'волчица' < *wṛčī- (др.-инд. vṛka- 'волк', vṛkī- 'волчица', ав. vehrka- 'волк'; ср. ор. warč-an 'волчица' < *wṛkā-); mič- в mič-īč 'баран' < *maišī- - mač 'овца' < *maišā- (ав. mašā- м.р., mašī- ж.р.); wīrn/м 'баран-производитель (нехолощенный)' < *warni- - wār-g 'ягненок, ярка' < *warnā-+-ka- (и.-е. ueren-, др.-инд. urana-, urā 'овца'); xis(s)ur 'свекор' < *xwasura- - xič 'свекровь' < *xwasrwī- (др.-инд. śvāsura- 'свекор', śvāgū- 'свекровь', ав. xvasura- 'свекор'); kud 'пес' - kid 'сука' < *ku(n)tī- (ср. и.-е. kuon, kun- 'собака', *kun- в лтш. suntana 'большая собака' и kuņa

'сука', др.-инд. ś(u)vā 'пес', śunī 'сука', ав. srēna- 'собака');
pīś 'баран или овца (как меновая единица)' < *paśwī- (ав. pasav-).

В ряде случаев шугнанский сохранил какую-либо одну родовую основу, а ее родовая пара представлена в другом из языков шугнанской группы. Примеры: ш. gōrd 'перепел', р. garḍ 'перепелка' < *gwrṭā- (др.-инд. vārtikā, язг. gwīd, ишк. worc, вах. wolč); ш. rūrs 'лис(а)' (исторически муж. род), с. garc 'лиса' (исторически жен. род) < *raup(i)sā- (др.-инд. loraśā-, ав. raorī-s); ш. žow 'корова' (исторически ср. род), но б. žaw 'корова' < *gawā- (ав. gav-); ш. yūrḥ 'медведь' < *arša-, но ор. yirḥ-an 'медведица' < *aršī- + суф. (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arša-).

Встречаются также случаи нейтрализации исторической родовой позиции в шугнанском, ср., например, ш. gid-ík, gad-ík 'баран (не-курдючный)'. Исторически gid- < *gwati- м.р., а gad- < *gwatā- ж.р. (ср. и.-е. cet- в др.-в.-н. wīdar 'баран', др.-брет. guis 'свинья').

Еще меньше в языке неодушевленных имен существительных, имеющих родовые пары: wēd 'канал, арык' < *wād/ōī- муж. или жен. род, wōd (Додыхудоев, 1980) < *wād/ōa- м.р. (ав. vaōdi- 'канал', aōda- 'родник, источник'); xēd 'загон для скота на летовье' < *(k)šād/ōī- муж./ср. или жен. род, xōd 'усадьба, двор, огороженное место' < *(k)šād/ōa- м.р. (и.-е. sed-, *ksed- 'ставить, усаживать, сажать', англ.-сакс. set 'местопребывание, лагерь, хлев, загон для скота'); yed м.р., -yāt ж.р. 'мост' (в топонимах, Додыхудоев, 1980) < *hai-twā- (др.-инд. sētu-, ав. haētu-); xūf м.р., xaf ж.р. 'гора, горка' (Додыхудоев, 1980) < *xaufā- (ав. kaofa-); xuc м.р. 'жидкость, бульон' < *(k)šūtī-+-čī- или *(k)šūtsī-, xac ж.р. 'вода' < *(k)-šūtā-+-čī- или *(k)šūtsā- (и.-е. seu-, sū-, *kseu-, *ksū- 'жидкость, влага, сок', др.-ирл. yuth 'сок', ав. xšudra- 'текущий'); buq м.р., баq ж.р. 'холм, бугор' < *būkā- (и.-е. bū- 'пухнуть, вздуться', *buk- в др.-в.-н. būhil 'холм, возвышенность', др.-инд. budduda- 'пузырь') и др.

Ряд шугнанских одушевленных имен не имеет родовых пар, но поскольку они обозначают имя того или иного пола, то их родовая принадлежность не вызывает сомнений. Примеры: ŷin 'жена' < *g/yanī- (и.-е. g^uenī-, g^uēnā-, ав. genā-, ŷnā-, Jani-; р.б. ŷan < *g/ṷana-); rizīn 'дочь' < *p/fra-zantī- (ав. fra-zantay- 'ребенок'); a-bīn 'жена многоженца' < *ha(m)-paṇī- (ав. ha-paṇī-); zinaŷ 'невестка' < *snūšā- (др.-инд. snuṣā-); čōr 'мужчина, человек' < *kāra- (и.-е. k^uel- в др.-инд. kṛtī- 'люди', рус. челядь, человек); xisīr-ž 'де-верь, шурин, зять' < *xwāsuru- (и.-е. swékuro-, др.-инд. svásura-, ав. xwāsuru- 'родственник по линии тестя или свекра'); zarīz ж.р. 'куропатка' < *zarā-+-īčī- (и.-е. gā- и ger- 'кричать (о птицах)', лит. gérė 'журавль'); ŷāž ж.р. 'галка' < *ŷāgā- (ср. и.-е. ghāg^u-h- назв. птицы, шахд. žāŷ, н.-перс. zāŷ 'галка, ворона'); čūk м.р. 'фи-

лин' < *kūka- (и.-е. kāu-, kū- в др.-инд. kōka- 'сова', вав. kīm 'сова'); xūrṇ 'ворона' (исторически м/ср.р.) < *k/xurṇa- (и.-е. kūr- в др.-инд. śākṛa- 'вид куропатки; рус. кура, язг. x'orn 'ворон (а)').

2.2. Родовая принадлежность неодушевленного имени существительного может быть восстановлена в той мере, в какой может быть восстановлена основа имени. И тут следует сказать, что в большинстве случаев современная родовая принадлежность имени совпадает с исторической. Как уже было отмечено выше (см. "Основы"), все имена с корневым гласным ā являются рефлексамі ā-умлаутных основ, т.е. в основном исторических основ жен. рода (реже - среднего). Примеры: žindam 'поле, засеянное пшеницей' < *gantumā- (ав. gantuma-); ħas 'вода' < *(k)šūtā-+-čī- или *(k)šutsā- (и.-е. seu-, *kseu- 'влага, сок', др.-инд. ksudrā-, ав. xšudra- 'текущий, жидкий'); ħar 'колючка, шип' < *kšūrā- (и.-е. kes-, kseu- в др.-инд. kṣurā- 'колючка'); sitan 'столб, колонна' < *stūnā- (ав. stūnā-); wān 'ива, тал' < *wainā- (и.-е. wei-н- в алб. vēnē 'виноградная лоза', ав. vēēiti- 'ива'); pāy (м.р.) 'кислое молоко' < *payāh- (ав. payah- ср.р.); sar 'голова' < *sarāh- (ав. sarah- ср.р.; sāra- м.р.).

Все имена с одним из корневых гласных: а) ā, ū, ū < *a, у < *a, б) ē < *ai, в) ū < *au, г) i < *ī, д) u < *ū являются рефлексамі а/у-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского или среднего родов. Примеры: virōd 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); pōd 'нога' < *pād/da- (ав. pāda-); wōḥ 'трава, сено, солома' < *wākšā- или wāstra- (и.-е. ues-, ав. vāstra-; dorg 'палка' < *d/dāru-+-ka- (др.-инд. dāru-, ав. dārav-); yūḥk 'слеза' < *asru-+-ka- (ав. asrav-); nūm 'имя' < *nāman- (ав. nāman-); zūn 'колено' < *zānu- (др.-инд. jānu-); ni-ōumš 'ножны' < *ni-d/dāna-+-ka- (др.-инд. nidhāna-); pūn(d) 'дорога, путь' < *pānta- (ав. panta-); sipun 'сошник, лемех' < *spr̥na- (и.-е. (s)p(h)el- в др.-инд. phāla- 'лемех'); dēw 'сума-сборный' < *d/daiwa- (ав. daēva-); xēd 'грязь, пот' < *xwaid/da- (ав. xwāēda-); p. pid 'отец' < *pitar- (ав. pitar-); ħiniḥ 'снег' < *snīga- (др.-инд. snēha- 'снег', ав. snaēza- 'снежить'); dūm 'хвост' < *d/duma- (ав. duma-); yūy 'ярмо' < *yug/ya- (др.-инд. yugā-); dūst 'рука' < *d/dūsta- (и.-е. dous-, др.-инд. doṣ- 'рука', ав. daoš- 'плечо'; для чередования а/ē ср. др.-перс. dauštar-, н.-перс. dūst 'друг') и др.

Но у нескольких имен с указанными выше корневыми гласными родовая принадлежность не соответствует исторической, т.е. в современном шуманском они принадлежат к женскому роду, а исторически они являются рефлексамі имен среднего рода. Случаи перехода имени среднего рода (даже одушевленного) в имя жен. рода засвидетельствованы еще в санскрите. Вот что пишет по этому поводу Т.Барроу в своей работе "Санскрит": "Основа jāni- 'женщина' имеет род. ед. jānyus с окончанием

-us, выступающим также в *sákhuus, patuus* и явно заимствованным из терминов родства (*pitus* и т.п.). Во всех трех случаях заменено нормальное окончание род. ед. -as. В Авесте имеется *Januōiš* - компромиссная форма, заменяющая **Janu-as*. Окончание род. падежа такого типа показывает, что эта основа является древним существительным среднего рода, перешедшим в женский род" (Барроу, 1976, с. 233). Этим, по-видимому, может быть объяснено и чередование в авестийском именной флексии именительного падежа ед. числа жен. рода -ā // -a, ср. ав. *daēnā* от основы ж.р. *daēnā* - 'религия', но *urvara* от основы ж.р. *urvarā* - 'растение'.

Итак, ряд шугнанских существительных жен. рода могут быть истолкованы либо как рефлексы основ среднего рода, либо как рефлексы флексивной формы им. падежа ед. числа жен. рода. Эти существительные следующие: *vōyd* ж.р. (*vūyd* м.р.) 'алой дух' < **bak/xta(-)* (ср. ав. *baxta-*; в орошорском *vōyd* м./ж.р., а в рушанском *vāyd* ж.р., *vuyd* м.р.); *žōw* 'корова' < **gāwa(-)* (ав. *gav-*); *sipōrn* ж.р. 'плуг' < **spārna(-)* (и.-е. (s)p(h)el- в др.-инд. *phāla-* 'лемех плуга'); *čōxt* ж.р. 'заплечные носилки для снопов' < **kāsta(-)* (ср. др.-инд. *kāṣṭham* 'деревянная палка', язг. *kēxt*, ишк. *kmēt* *вах.kmēt* 'заплечные деревянные носилки для снопов'); *wēd* ж.р. 'ива' < **waita(-)* (ав. *vaēiti-*) и др.

Что касается шугнанских имен с корневым гласным переднего ряда, а также *ō*, *ē*, развившимся из **ō* в позиции i-умлаута, и *ū*, развившимся из **au*, **ū* также в позиции i-умлаута, то они, являясь рефлексам i-умлаутных основ, могут продолжать как имена жен. рода (в случае исторической основы на **-ī-*, **yā-* и т.п.), так и имена муж. и ср. родов (в случае исторической основы на **-i-*, **ya-* и т.п.). Примеры: *sēm* м.р. 'глаз' **śašmī-* или **śašmī* им.-вин. дв. от **śašman-* (ав. *śašman-*, др.-перс. *šāšma-*); *nēz* ж.р. 'нос' < **nāhī-+-čī-* (др.-инд. *nāsikā-* 'нос(носдры)', ав. *nāh-*, *nānhan-* м.р.); *čēd* 'нож' < **kṛti-* (др.-инд. *kṛti-* м., ж.р.); *čīrm* ж.р. 'червь' < **kṛmī-* (др.-инд. *kṛmī-*); *žīr* ж.р. 'камень, скала' < **gari-* (ав. *gairi-* ж.р.); *pīd* м.р. 'след' < **pad/ōyā-* (ав. *paīdyā-* ж.р. 'нога, поступь'); *xīr* 'солнце' м.р. < **xūrya-* (др.-инд. *sūrya-* м.р.); *sīvd* м.р. 'плечо' < **supti-* (ав. *suptay-* ж.р.); *siz* ж.р. 'иголка' < **sū-čī-* (ав. *sūkā-* ж.р.); *angišt* ж.р. 'палец' < **anguštī-* (ав. *angušta-* м.р.); *zīl* м.р. 'тетива, струна' < **z/zīlay-*, **z/zīlī-* (и.-е. *g^hhīslō-*, арм. *žil*); *yūnj* ж.р. 'волос(н)' < **g/yūni/a-+-ka-* (ав. *gaona-* ср. р.); *žūvd* м.р. 'молоко' < **(k)šūptī-*, **(k)šūptyā-* (ср. и.-е. *seu-*, **kseu-* 'сок, жидкость' в др.-исл. *saup* 'молоко, сливки', ишк. *xēm* 'молоко'); *lē-* в *lēmōlak* ж.р. 'полотенце', букв. 'вытирающее лицо' < **l/rōdī-* или **l/rōdyā-* (ав. *raōda-*, н.-перс. *rūy* 'лицо', ср.р. *ri-* в *ri-gūy* 'свадебное покрывало на лицо' < **rūdī-* или **rūdyā-*); *šamōs* м.р. 'угар' < **(t)šmōšī-* (и.-е. (s)meuk(h)-, **(s)meuk-* 'дым', ср.-н.-н. *smouch* 'дым, угар').

2.3. Таким образом, родовая принадлежность любого шугнанского имени существительного может быть восстановлена в той степени, в какой может быть восстановлена основа имени. Большое значение при этом имеет этимологический анализ имени с учетом умлаута. Попытки некоторых исследователей установить на синхронном уровне какую-то зависимость между качеством корневого гласного имени и его родовой принадлежностью ни с синхронной, ни тем более с исторической точки зрения неправомерны. Можно привести ряд имен мужского и ряд имен женского рода со всеми имеющимися в языке корневыми гласными фонемами для каждого из родов, например:

Муж.род		Жен.род	
rāu	'кислое молоко'	yās	'девочка, девушка'
uḁc	'огонь'	zōw	'корова'
wūrj	'волк'	mūd	'мать'
zūn	'колено'	sūg	'сказка'
mēx	'твоздь'	nēz	'нос'
cēm	'глаз'	mēv	'день'
xīr	'солнце'	rizīn	'дочь'
zīniĵ	'снег'	yīn	'жена'
pus	'сын'	mul	'род киселя'
pac- в pac-ēn	'сыновья'	ḡac	'вода'

Как можно видеть, суть не в том, какой корневой гласный представлен в том или ином современном имени, а в том, чему этот корневой гласный соответствует исторически и в какой исторической позиции. Так, например, гласный *i* в слове муж. рода *xīr* 'солнце' развился из гласного **ū* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **xūrya-* (др.-инд. *sūrya-m.p.*), а в слове жен. рода *rizīn* 'дочь' тот же гласный *i* развился из гласного **a* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **p/fra-zantī-* (ав. *fra-zantay-*, *fra-zainti-* ж.р.). Или другой пример: в слове *pus* 'сын' гласный *u*, характеризующийся открытостью, развился из гласного **u* в позиции *a/u* -умлаута (или нейтральной позиции), т.е. из **put(s)ra-* (ав. *puṭra-*), но тот же гласный *u* в слове жен. рода *mul* 'род киселя', имеющий более узкое звучание, развился из гласного **ū* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **mūrī-* (ср. и.-е. *meu-*, *mū-* 'нечистая жидкость', др.-инд. *mūtra-*, ав. *mūṭra-* 'слизь, грязь', арм. *mōr* из **meu-ri-* то же).

Число

3.0. В современном шугнанском языке, как известно, различаются единственное и множественное число. Имя в ед. числе совпадает с основой: *yās* 'девочка, девушка', *tāx* 'гора', *ḡac* 'вода', *xār* 'племян-

ник', ĩb 'ложка', Ĥāb 'ночь' и др. Форма мн. числа образуется прибавлением к основе имени одного из следующих ударных суффиксов: -ēn, -in- (редко), -ūn, -yūn, -gūn, -êrġ, -ōrġ/ĉ, -ār (б.хуф.ор. -ārg).

Наиболее употребительным является суффикс -ēn, например: yās-ēn 'девочки, девушки', tāh-ēn 'горы', ĩb-ēn 'ложки'. Взаимозаменяемые сложные суффиксы -u-ūn и -g-ūn (реже -ĵ-ūn), по наблюдению Д.Карамшоева, чаще употребляются при одушевленных именах существительных, например: xêr-gūn // xêr-gūn 'племянники', nibōs-yūn // nibōs-ĵūn 'внуки'. Суффикс -ār и производные от него, но с другим начальным гласным, -êrġ, -ōrġ/ĉ (б.хуф.ор. -ārg) употребляются в основном при терминах родства: virōd-ār(ġ) 'братья', rizīn-êrġ 'дочери', abīn-ōrġ 'жены многоженца', но ср. также maĥ-ōrġ 'обовные, обобы'.

Кроме перечисленных суффиксов мн. числа в шугнанском сохраняются также такие непродуктивные суффиксы, как -d- (ср. sal-ūn-d-ak(-ēn) 'лестничные ступеньки'), суффикс "(гласный)+g/ĵ/ĉ(-)" и -ġ.

3.1. Из всех этих суффиксов мн. числа два, т.е. суффикс "гласный + n" и суффикс "гласный+ v/f", имеют историческое объяснение в специальной литературе. Среди исследователей уже давно установилось мнение о том, что эти суффиксы, имеющиеся кстати во многих иранских языках, отражают древнеиранские именные флексии мн. числа родительного падежа *-nām и отложительно-дательного падежа *-byah. Думается, что это не совсем безупречное мнение. Оно уязвимо как с фонетической, так и с грамматической точек зрения. С точки зрения умлаута др.-ир. *-nām в любом случае должно было дать суффиксальный элемент с начальным гласным ā, т.е. -ān, в то время как в языках мы имеем варианты этого суффикса с начальным гласным как переднего, так и заднего рядов, т.е. -ē/īn, -ō/ū/ūn и др. Что же касается др.-ир. *-byah, то эта флексия должна была дать рефлекс с гласным только переднего ряда, т.е. -ē/īv/f, в то время как в языках представлены не только эти варианты, но и -ōv/f, -yv/f (ср. ишк. aw-ēn-d-ov 'они', курд. mer-ov/f, mer-byv/f 'люди, человек (вообще)').

Некоторое сомнение вызывает и грамматическое поведение в современных языках этих древнеиранских флексий. Думается, что уместно поставить такой вопрос: ведь не превратились же древнеиранские глагольные флексии в процессе развития языков в аналитические суффиксальные элементы, а почему это произошло с древнеиранскими именными флексиями? Как известно, суффиксы мн. числа в современных иранских языках могут оформлять не только слово, но и целое словосочетание. Довольно часто они безотносительны к падежу и нередко - к числу, выражая не столько множественность, сколько собирательность, совокупность, ср., например, ш. sal-ūn-ak '(приставная) лестница, т.е. совокупность лестничных ступенек, ш. Ĥos-in-ēv 'место, где много воды' или курд. mer-byv/f прям. падеж, me/er-byv косв. падеж 'люди, человек (вообще)'. Немаловажное значение для уяснения их природы имеет и факт их взаимозаменяемости, ср., например, ишк. aw-on-d-

on/v 'они', а также нанизывания их один на другой, ср. ш. virōd-ār-ēn 'братья', уах-*z*-in-ēn 'сестры', sal-ūn-d-ak-ēn 'ступеньки у приставной лестницы, приставная лестница', курд. mer-ov-an 'люди', mer-(b)v-an-i//mer-ov-t-i 'человечность'.

Сказанное выше наводит на мысль о том, что приведенные выше суффиксы мн. числа исторически представляют собой рефлексy именных основ со значением собирательности, совокупности, единства чего-либо. В этом нас убеждает и такое слово, как тадж. mard-um, н.-перс. mārd-om 'народ, люди', где -u/om может быть сопоставлено с ларским ma- в ma-keš 'все люди', ma-či 'все', ma-ja 'всюду' (Молчанова, 1987) и возведено к *hama- (и.-е. sem-, sm- 'единство, совместность, совокупность', др.-инд. samā-, ав. hama-^I). Таджикское mard-um семантически и почти материально равно тадж. mard-on, как и н.-перс. mārd-on равно н.-перс. mārd-an 'люди, народ', где -o/an < *hana- из инд.-ир. *sm-nā- в значении 'единство, совместность, совокупность'. В классическом персидском, как известно, употребителен также вариант mārd-on -an, где представлено обычное нанизывание суффиксов собирательной множественности. Таким образом, если принять такой ход рассуждения, то суффикс мн. числа ш. -ēn, -in (ср. уах-*z*-in-ēn 'сестры') может быть восстановлен в *hani(-), а суффикс ш. -ūn < *hana(-), где *ha-, как уже было отмечено выше, из инд.-ир. *sm-, а -na(-) - суффиксальное наращение (ср. др.-инд. samana- 'совокупность, собрание').

Суффиксы -ēr-*z*, -ōr-*j* и -ār-(*z*) являются сложными. Что касается первого элемента, то он может быть сопоставлен с суффиксом множественности одного из дардских языков - башкирик -ār, ср. phī 'плечо' - phī-ār 'плечи'. Наиболее подходящим соответствием для первой части этих суффиксов будет и.-е. al- в др.-в.-н. all 'весь, все, все', гот. ala-mans 'все люди'. В таком случае ш. -ēr- < *āri(-), ш. -ōr- < *āra(-), а ш. -ār < *ārā(-). Но возможна также связь иранского суффикса множественности "гласный + r" с и.-е. solo- 'весь, все' в др.-инд. sarva-, ав. haurva-, н.-перс. har 'всякий, каждый'. Этот суффикс мн. числа остаточнo сохраняется в ваханском (ср. yūd-ōr-g 'стадо яков') и в ишкашимском (ср. ixo-d-ar-ēn 'сестры'). Думается, что сюда же будет относиться и широко распространенный в некоторых диалектах Ирана суффикс мн. числа -al, соответствующий тадж. -ol в tang-ol 'когти' и ос. -āl- в mad-āl-tā 'матери' (ед.ч. mad).

Второй компонент суффиксов -ēr-*z*, -ōr-*j* может быть восстановлен в *-ka-, *-či-. В неосложненном виде с начальным гласным он представлен в ш. miŷ-aŷ-ēn 'бараны, овцы (собирательно)', vizn-ēč 'козы (собирательно)', а в сочетании с другими суффиксами собирательной множественности - в ш. уах-*z*-in-ēn 'сестры' (ед.ч. уах), б. nabās-*j*-ōn 'внуки' (ед.ч. nabēs). Из других памирских языков он имеется в ваханском (ср. рнḡ-рнḡ-g 'с босыми ногами', yūd-ōr-g 'стадо яков') и в ишка-

^I Более подробно о показателе множественности -o/um см.:

Иранское языкознание. Ежегодник. М., 1991.

шимском (ср. *z̥m̥n-ok-ēn* мн.ч. от *zom̥n* 'мальчик, юноша').

3.2. В шугнанском сохраняются также именные основы, представляющие собой рефлексy древнеиранской флексивной формы мн. числа. Это, прежде всего, имена с корневым гласным *ā*, представленным на месте др.-ир. **ā*, **ā̃*, **au*, **ū*, **ai*, **ī* в позиции *ā*-умлаута. Эти именныe основы являются отражением флексивной формы мн. числа им. падежа от основ на **-ā-*. В шугнанском языке такого типа основы, как правило, самостоятельно, без дополнительного суффиксального показателя мн. числа, не употребляются. В бартангском языке такие (т.е. умлаутные) основы мн. числа могут употребляться самостоятельно. Примеры: рус 'сын' - расен 'сыновья', где рас- <*put(s)āh или *put(s)rāh им. мн. от *putsa- или put(s)ra- (ав. *puvra-*); kud 'пес' - kad-ēn 'псы', где kad- <*kū(n)tāh им. мн. от *kū(n)ta- (ср. и.-е. *kun-* 'собака'); *yāv* 'экскременты' <*g/yūvāh им. мн. от *g/yūva- (ав. *guva-*); *di-āid* 'крыша' - di-āad-ēn 'крыши', где -āad- <*k/čūtāh им.мн. от *k/čūta- (и.-е. (s)keu-, (s)kū- 'покрывать, укрывать', др.-инд. *skāuti* 'покрывает', арм. *ciw* 'крыша', язг. *skād*, ишк. *k̄b-sku(d)*, вах. *kut* 'крыша'); *maḥ-ōrj* 'бобы', где *maḥ-* <*māḥāh им. мн. от *māḥā- (др.-инд. *māḥa-*); *ḫāb-a-jēv* 'по ночам', где *ḫāb-* <*kšārāh им. мн. от *kšārā- *rā-* или <*kšārān им.-вин. мн. от *kšārān- (ав. *xšar-*, *xšarān-*).

В рушанском и бартангском языках количество подобного рода именных основ больше, например: р. *rizēn* 'дочь' - *rizan-ērg* 'дочери', где *rizan-* <*p/fra-zantāh им. мн. от *p/fra-zantā- (ав. *fra-zantay-* 'ребенок'); о. *nabōs* 'внук' - *nabās-j-ōn* 'внуки', где *nabās-* <*napātsāh им. мн. от *napātsa- (ав. *napāt-*); о. *virōd* 'брат' - *viradār* 'братья', где *virad-* <*brāt̥nām род. мн. от *brātar-* (ср. модель др.-инд. *pit̥nām* род. мн. от *pitar-* 'отец') или <*brātāh им. мн. от усеченной основы *brāta- (ср. усеченную основу в ср.-н.-н. *bōle* 'брат, родственник'); о. *hadōrj* 'мельница' - *hadarj-īf* 'мельницы', где *hadar-* <*xwātāh + *ār(n)āh им.мн. от основ на *-a (для первой части ср. и.-е. *vuĕ(i)-* 'приводиться в движение, вращаться', а для второй части - и.-е. *al-* 'молоть' в ав. *aša-* 'смолотный', н.-перс. *ard* 'мука').

Но не только корневой гласный *ā* именной основы может быть признаком исторической формы мн. числа. В качестве рефлексов такой своего рода вокалической инфлексии могут выступать также и другие корневые гласные, в частности, например, *ō*, *ū* <**ā* в позиции *a/u*-умлаута от основ на согласный, корневые гласные *ī*, *ū* <**ū*, **au* в позиции *i-*умлаута от основ на *-*ī-* и др. Примеры: ш. *xidōrj* 'мельница' - *xadūrj* 'мельницы', где *xad-ūr-* <*xwatāh + ār(n)ah (им. мн. от основы *ār(n)-), ср. выше; *viznēš* 'козы, козлы', где *vizn-* <*būznīš им. мн. ж.р. от *būznī- или <*būznuah им. мн. м.р. от *būzni- (ав. *būza-*; цыган. *buzni*); *minēš* 'овцы, бараны', где *min-* <*minīš им. мн. ж.р. от *minī- или <*minuah им. мн. м.р. от *mini- (и.-е. *mei-*, *min(u)-* 'блеть', др.-инд. *māyū* 'блещая, блечение', вах. *mau*

'овца'); miṣaḥjēn 'бараны', где miṣ- < *maṣṣuah или *mṣṣuah им. мн. м.р. от *maṣṣi- (ав. maṣṣa-, maṣṣī-); -bus в xarič-bus 'дети' < *b/put(s)ryah им. мн. м.р. от *b/put(s)ri- или < *b/put(s)riḥ им. мн. ж.р. от *b/put(s)ri- (др.-инд. putrī- 'ребёнок'); p.ḫitērg 'звезда' - ḫitūrj 'звезды', где ḫitūr- < *(k)ṣtārah т.е. им. мн. м./ср.р. от *(k)ṣtār- (и.-е. stēr-, ав. stār-, н.-перс. sitāra, axtar 'звезда').

3.3. В шугнанском сохраняются также именные основы, являющиеся рефлексамии исторической формы двойственного числа. Примеры: rōb 'нога, ноги' < *rād/da, т.е. им.-вин. дв. м./ж. р. от *rād/da- (ав. rād-, ср. б. rēd 'нога, ноги' < *rad/daī им.-вин. дв. ср. р. от *rad/da-, ав. rad/da- ср.р.; р. rād- 'ноги' < *rādān род.м./ж.р.); zūn 'колени, колени' < *zānū- им.-вин. дв. от *zānū- (др.-инд. jānu-); cēm 'глаз(а)' < *śaṣmai им.-вин. дв. ср./ж.р. от *śaṣmā- или < *śaṣmāī им.-вин. дв. ср.р. от *śaṣman- (ав. śaṣman-, др.-перс. śaṣma-); divi, divē 'дверь, двери' < *dwāri им.-вин. дв. ср. р. от *dwār- (ав. dvar- м.р.); dind-ūn 'зуб(ы)' (первоначально - 'бивни, клыки') < *d/ḍantai им.-вин. дв. ж./ср. р. от *d/ḍantā- или *d/ḍantāī им.-вин. дв. ср. р. от *d/ḍantan- (др.-инд. danta- м./ср. р., datā- ж.р., ав. dantan- ср. р., datā- ж.р.); ḫuḫ 'легкое, легкие' < *(k)ṣuṣi им.-вин. дв. ср. р. от *(k)ṣuṣ- (ав. suṣi дв. ср. р.; ср. р. suḫ 'легкое, легкие' < *suṣi).

Падеж

4.0. В современном шугнанском, так же как и в других языках шугнано-рушанской группы, кроме сарыкольского, падежные отношения выражаются с помощью предлогов и послелогов, например: ḫitūr as šīg na ḫirt 'верблюд не съест теленка'; wuz rōāḫō-ḫēz sām, dōb kinūm 'я пойду к царю, пожалуйсь'. В сарыкольском различаются две падежные формы: прямая и косвенная. Это различие формально выражено только во мн. числе. Прямая форма мн. числа имеет показатель -ḫēyl, а косвенная форма - показатель -ēf, например: уу yoc yot 'та девушка пришла'; az wī yoc pars! 'спроси у той девушки!'; wī yoc-ir levd '(он) сказал той девушке'; уу yoc-ḫēyl-af yot 'те девушки пришли'; az wī yoc-ēf pars! 'спроси у тех девушек'; wī yoc-ēf-ir levd '(он) сказал тем девушкам'. Сарыкольскому показателю мн. числа прямой формы -ḫēyl соответствует ш. -ḫēl. Исторически это - показатель собирательной множественности. Он может быть восстановлен в виде *k/xaila- (ср. и.-е. kai-, kai-lo-, kai-ko- 'весь, все', вав. kī-ḫt, ишк. ḫyk 'весь, все, всё', курд. gēḫt/k 'весь, все'). Что касается сарыкольского показателя мн. числа косвенной формы -ef, то он, как уже отмечалось выше, является рефлексом древнеиранской именной основы со значением собирательной множественности *ap/fi- (см. "Число").

4.I. Хотя в современном пугнанском отсутствует категория падежа, но следы ее сохраняются. Зная этимологию слова, можно по качеству корневого гласного имени определить историческую позицию (умлаут) и, таким образом, восстановить ту иную падежную форму.

Выше уже приводились в качестве примеров имена, являющиеся рефлексам исторических именительного, именительно-винительного, родительного, местного падежей мн. и дв. чисел. Напомним некоторые из них: рас- 'сыновья' < *put(s)rāh им. мн. от *put(s)ra-; р. rizan- 'дочери' < *p/fra-zantāh им. мн. от *p/fra-zantā-; pōd 'ноги' < *pād/ōa им.-вин. дв. м./ж. р. а р. pad- в padviyūj 'босою' < *pād/ōah род. дв. от *pād/ō-; ó.virad- 'братья' < *brātīnām род. мн. от *brātar- или *brātāh им. мн. от усеченной основы *brāta-; divu 'двери' < *dwara, т.е. им.-вин. дв. м./ж.р. от *dwar- и др. К этому можно добавить рефлекс исторического звательного падежа мн. числа: 1) -rōd- в a-rōd-ār обращение к равным < *rōtīš зв. мн. от *rōtī- или < *rōtyah зв. мн. от *rōtī-, а также -lā в a-lā обращение общее < *lātāh зв. мн. от *lōtā-, также < *lōtā зв. ед. (и.-е. leudhi-, *leut(h)i- 'народ', алб. vëla 'брат' из *sye-loudhā 'товарищество', др.-в.-н. liut 'человек, человеческий род, люди', рус. люди); 2) -čēn в a-čēn 'эй, ребята!' (обращение) < *kanyah м.р. или *kanīš ж.р. зв. мн. от *kanī- (и.-е. ken- в рус. чадо, др.-инд. kanya-, ав. kaini- 'девушка', язг. -ken в бес-ken, ишк. -kaš в баš-kaš 'ребята, дети').

Но в пугнанском сохранились также следы исторических падежных форм не только мн. и дв. чисел, но и ед. числа. Примеры:

1) yax 'сестра' < *hwaχā им. ед. от *hwaχar- (др.-инд. svāsar- ав. xvaχhar-);

2) -ōa в a-ōa 'эй, парень!' (обращение) < *d/ōahā зв. ед. от *d/ōaha- (ср. сакс. dahan- 'человек');

3) -rō(d) в a-rō(d) обращение к равному, lōd-ik ласковое обращение к любимому человеку и lō в a-lō обращение девушки или женщины к соплеменнице < *r/lōtai м.р., *r/lōtī ж.р. зв. ед. от *r/lōtī-; для жен. рода возможен также прототип *r/lōtai зв. ед. от *r/lōtā- (и.-е. leudhi-, *leut(h)i- 'народ', алб. vëla 'брат' из *sye-loudhā 'товарищество', др.-в.-н. liut 'человек, человеческий род, люди', н.-н. lūd 'девушка, девушка', рус. -люд- в простолюдин, люди; дард. lā 'брат', язг. le 'брат', также обращение к мужчине);

4) zim- в zim-с 'участок земли, поле' < *zamī местн. ед. от *zam- (ав. zam- ж.р., местн. ед. zemē), ср. zimāb 'земля' < *z(a)mad/tā твор. ед. от древнего отл. ед. *z(a)mat;

5) -sīd в a-sīd 'в этом году' < *srdī местн. ед. ср. р. от *srd- (ав. sared- 'год'), а соответствующее р. -soō в a-soō < *srdad/t отл. ед. от того же корня;

6) mēst 'луна, месяц' < *māstī местн. ед. от *māst- (др.-инд. māś-, māśī местн. ед., ав. māh-) и др.

Большой интерес представляет хуф.кōс- в кōс-хōна 'хлев', которое может быть восстановлено в *kaus/šah, т.е. род. ед. или мн. от *kaus/š-, что, в свою очередь, является формой род. ед. от *kaw- (ср. и.-е. g^hou-, ав. gav- 'корова, бык', ишк.кьž-ūk 'бык' наряду с ишк. уи, хуф. žōw 'корова'). Аналогичные переходы из одной падежной формы в другую довольно часто можно наблюдать уже в авестийском, ср. на- пример: ав. rāḍave дат.-отл. дв. от rāḍa, являющегося, в свою оче- редь, формой им.-вин. дв. от *rāḍ-.

4.2. Таким образом, в шугнанском, как и во всей шугнано-рушанской языковой группе, нашли отражение многие древнеиранские падежные фор- мы всех трех чисел и трех родов. Они следующие:

	Др.-ир.	Ш.-р.
	Ед. число	
Им.	*brātā	- б.р. virad- 'брат'
	*hwaḥā	- ш.-р. yaḥ 'сестра'
Вин.	*sṛdam	- р.- soḍ в а-soḍ 'в этом году'
Отл.	*sṛdat	
Твор.	*zamad/tā	- ш. zimāḍ 'земля'
Местн.	*zamai	- ш. zim-с 'поле'
	*sṛdi	- ш. -sīd в а-sīd 'в этом году'
Зват.	*d/ḍahā	- ш. -ḍa в а-ḍa 'эй, парень!'
	*l/rōtī	- ш. -rō(d), -lō обращение к соплеменнику

	Дв. число	
Им.-вин.	*pād/ḍa м./ж.р.	- ш. pōḍ 'ноги'
	*pād/ḍai ж./ср.р.	- б. pēḍ 'ноги'
	*dwara м./ж.р.	- ш. divu 'двери'
	*dwārī ср.р.	- ш. divi/š 'двери'
	*(k)šusi ср.р.	- ш. šux 'легкие'
Род.	*pād/ḍā м.р.	- р. pād- 'ноги'
	*pādān м./ж.р.	

	Мн. число	
Им.	*put(ṣ)rāh	- ш.-р. paṣ- 'сыновья'
	*brātān //	} б.р. virad- 'братья'
	*brātrāh	
Род.	*brātṛnām	
Зват.	*rōtīš	- ш. -rōd в а-rōd-ār
	*l/rōtān	- ш. -lā в а-lā обращение к соплеменникам

Основы

5.0. Шугнанские прилагательные не имеют каких-либо специальных внешних показателей, ср., например, *cīg šīg* 'новорожденный теленок, сосунок', *katā kurta* 'большая рубашка'. Лишь относительные прилагательные, образующиеся от существительных, имеют особые суффиксы. Это *-in*, *-ē/inj/ž*, *-ūnǰ*, например: *mēŷ-in* // *mēŷ-in-inǰ* 'дневной', *miḍ-ēnǰ* 'средний', *maŷž-ēnǰ* ж.р., *maŷž-ūnǰ* м.р. 'голодный'. Некоторые относительные прилагательные имеют осложненные варианты этих суффиксов, т.е. *-nē/inǰ*, *-nūnǰ*: *pirḍ-nēnǰ* 'передний', *bōrn-inǰ* // *bornūnǰ* 'вечерний'.

Хотя в современном языке не различаются классы основ прилагательных, но связь каждого из них с той или иной исторической основой не утрачена. По качеству корневого гласного прилагательного может быть восстановлена его историческая основа. Фонетические закономерности здесь те же, что и в случае с основами имен существительных (см. "Имя существительное"). Примеры.

1) Шугнанские прилагательные – рефлексы исторической основы на **-a*: *ūm* 'неообразованный' < **āma-* (др.-инд. *āma-* 'незрелый, неспелый, недоваренный', вах. *ing/č*, пушту *ū/om* то же); *šipē-* в *šipē-ḍum* 'белохвостка' < **šwaita-* (и.-е. *kuei-*, ав. *sraēta-*); *cōḥ* 'взъерошенный, лохматый' < **t(s)rauša-* (и.-е. *treu-s-* 'увеличиваться, расти', ав. *ŷraoḥ-*) или < **tsauša-* (и.-е. *teu-s-*, **tseu-s-* в др.-инд. *tūsa-* 'опушка, кисть', норв. *tūst* 'лохматый').

2) Шугнанские прилагательные – рефлексы исторической основы на **-ā*; *naw* 'новый' < **nawā-* (ав. *nawā-*); *ḍar* 'далекий, далеко' < **dūrā-* (др.-инд. *dūra-*, ав. *dūrāt* 'далекий'); *xāŷ* 'сладкая' < **xw-ryā-*, **xūryā-* (и.-е. *sū-ro-* 'кислый, соленый', ав. *xwarezišta-* 'наисладчайший', язг. *xūŷ* 'сладкий') или < **xryā-* (и.-е. *sal-* 'соль', лит. *sālti* 'становиться сладким', др.-инд. *sal-ila* 'соленый').

3) Шугнанские прилагательные – рефлексы исторической основы на **-ī*, **yā*: *tār* 'черный' < **tāŷryā-* (ав. *taŷrya-* 'черный'); *siṭid* 'густой, вязкий' < **str̥tī-*, **str̥tyā-* (и.-е. (s)tēr- 'густой', др.-исл. *stirðr* 'густой', ос. *sutyɾ*, вах. *tūrg*, ишк. *tyryūk* 'густой, вязкий'); *ḍir* 'нижний, низинный' < **d/ḍarī-*, **d/ḍaryā-* (и.-е. *dhel-* в ср.-н.-н. *dal* 'нижний, внизу', рус. *дол*); *iḥ* 'холодный' < **ai(k)ŷyā*, **ī(k)ŷyā-* (и.-е. *ei-s-* 'мороз, лед', ав. *isav-* 'ледяной', абха- 'мороз', с. *iḥ* 'холодный', вах. (y) *iḥ* 'лед', сюда же ш. *yāx* и язг. *yax* 'лед', пушту *asaṭ* 'мороз'); *kīl* 'лысый, плешивый' < **kīlī-*, **kīlyā-* (и.-е. *koi-lo-* 'лысый'); *-luč* 'голый' < **lūšya-+-ka-* (и.-е. *leue-* в гот. *laus* 'голый'; ср. рус. *лысый*; сюда же ш. *lūš-* в топониме *lūš-para* 'Голая скала' (Додыхудоев, 1985); *šīḥ*, *cīḥ* 'лохматый, взъерошенный' < **traušyā-* (и.-е. *treu-s-* 'увеличиваться, расти', ав.

ṡraēš-) или < *tsauṡyā-, *tṡyā- (и.-е. .teu-s, *tseu-s- в др.-инд. tṡṡa- 'опушка', норв. tṡst 'лохматый').

Некоторые имена прилагательные в настоящее время самостоятельно не употребляются. Выступая в качестве определения к последующему имени существительному, они в большинстве случаев настолько с ним сплелись, что уже не воспринимаются как таковые. Примеры: sipē-ḡum 'белохвостка' < *ṡwaita- + d/ḡuma- (ав. spaēta- 'белый' и duma- 'хвост'); ṡa-sitan 'главный столб в жилище' < *kṡāyā- + stṡnā- (ав. xṡā(y)- 'иметь силу, главенствовать' и stṡna- 'столб, колонна'; ср. также ш. ṡē- в ṡē-jib 'большая ковшеобразная ложка' < *(k)ṡāya-); -viy- в pḡḡ-viy-ḡ 'с богами ногами' < *b/vahyā- (и.-е. bhoso-s 'нагой, обнаженный'); ṡind-ūrv м.р., ṡind-ārv ж.р. 'жадный, оборотень, злое существо' < *gandyā- + arbā- (и.-е. g^hedh- 'жалать' в рус. жадный, ав. gad- 'просить', ишк. ṡond-ūk 'голодный, алчный' и и.-е. orbho-, др.-инд. ārbha- 'жалкий, убогий, злой, плохой'). Интересно отметить, что прилагательному ш. ṡind-ūrv м.р., ṡind-ārv ж.р. в рушанском соответствуют ṡind-ury м.р., ṡind-iry ж.р. < *gandyā- + arya- м.р., + aryūyā- // *aryī- ж.р. (для второго компонента ср. и.-е. elk/g- 'жалкий, убогий, злой' или и.-е. ergh- в нем. arg 'злой, дурной').

Род, число, падеж

5.1. В шугнанском (как и во всей шугнано-рушанской группе, кроме сарыкольского) в отличие от других памирских языков сохраняется родовая оппозиция в сравнительно небольшом количестве прилагательных. Это противопоставление по роду отражает историческую оппозицию мужской/средний род - женский род. Примеры: xṡṡ 'сладкий' < *xwṡya-, xṡṡ ж.р. < *xwṡyā- (см. "Основы"); kut 'короткий' < *kṡta-, kat ж.р. < *kṡtā- (ср. ав. karet- 'резать'); ṡul 'маленький' < *ṡar/la-, ṡal ж.р. < *ṡar/lā- (и.-е. ḡher- 'маленький', ср. ав. zara- в zarahehṡ 'меньшие'); rṡst 'красный' < *rṡṡtya-, rḡst ж.р.

< *rḡṡtyā- (и.-е. reudh-, rudh-so-, reudh-s-to- 'красный', др.-инд. rōhita-, ав. raōḡita-, х.-сакс. rrusta- 'красный'; ср. р. rḡst м.р., rāst ж.р. - < *rṡṡtā-); р. loṡ 'голый', lēṡ ж.р. < *lḡṡyā- (и.-е. leus- в гот. laus 'голый', рус. лысый) и др.

Такие прилагательные, как vṡṡ 'длинный' (vḡṡ ж.р.), rṡrv 'светлорыжий' (rḡrv ж.р.) интересны в том отношении, что они проливают свет на развитие родовой оппозиции в шугнанском. С исторической точки зрения родовые корреляты vṡṡ м.р. и vḡṡ ж.р., а также rṡrv м.р. и rḡrv ж.р. отражают прилагательные муж. и ср. рода, т.е. vṡṡ, vḡṡ < *bṡg/yant-+-ṡī- (ср. и.-е. bhereḡh- 'высокий', ав. berez- 'высокий', вах. verz, ишк. vṡṡd-ūk 'длинный'), а rṡrv, rḡrv < *rabra- (и.-е. ṡreb(h)- 'темнокрасный', др.-исл. refr 'лиса', рус. рябой). Позже в процессе развития языка прилагательные среднего рода перешли в прилагательные женского рода. Аналогичное явление мы наблюдали и в име-

нах существительных (см. "Имя существительное"). Вообще следует сказать, что переход исторических имен среднего рода в имена женского рода – довольно частое явление в языках шугнано-рушанской группы и особенно в шугнанском языке. С этой точки зрения несомненный интерес представляет следующее шугнанское определительное словосочетание: *kat ðum žow* 'корова с коротким хвостом'. Исторически слова *žow* и *ðum* среднего рода, а слово *kat* – женского рода.

Это явление наблюдается не только в именах существительных и прилагательных, но и в указательных местоимениях и отглагольных именах, ср., например: ш. *dam* указ. мест. среднего ряда косв. формы ж.рода < **aitahmāt* отл. ед. м./ср. р. от **aita-* (ав. *aētahmāt*); ш. *tūyd-* м.р. и *tōyd-* ж.р. основа прош. вр. к *ti-* 'идти, ехать' < **takta-* м./ср.р. (ав. *tak-*).

В противоположность шугнанскому другие диалекты группы чаще отражают историческую родовую оппозицию "муж.род – жен. род", ср., например, р. *vuz* 'длинный' < **bṛza-*, *vawz* ж.р. < **bṛzā-*, р. *ruv* 'светлорыжий' < **rabra-*, *rārv* ж.р. < **rabrā-*, р. *tuyd-* м.р. < **takta-*, *tāyd-* ж.р. основа прош. вр. к *tē(y)-* 'идти' < **taktā-* и др.

5.2. В отличие от существительных прилагательные не изменяются по числам, например: *katā čīd* 'большой дом' – *katā čādēn* 'большие дома'; *rōšt mūn* 'красное яблоко' – *rōšt mūnēn* 'красные яблоки'.

Степени сравнения

5.3. Сравнительная степень образуется прибавлением к прилагательному суффикса *-di* (< **tari-*); *ðar-di* 'дальше', *katā-di* 'больше'. Возможен также удвоенный вариант суффикса, т.е. *-didi* или *-dar-di*: *ðar-didi* 'дальше'. После глухого исхода прилагательного отмечен также вариант суффикса сравнительной степени с начальным глухим, т.е. *-tīr* м.р., *-tār* ж.р., например: *fiš-tīr* 'младший, меньший', *fiš-tār* ж.р..

В шугнанском сохраняются также рефлексy исторической сравнительной степени, которая образовывалась не от основы, а от корня: *fiš-* в *fiš-tīr* м.р., *fiš-tār* ж.р. 'младший, меньший' < **fišyāh* (ср. и.-е. *reis-*, *pis-*, **pheis-*, **phis-* 'мельчить, крошить'); *bēx* 'больше' < **wakšyāh* (ср. и.-е. *pek-s-* 'умножать') или < **wīšyāh* (и.-е. *weis-* 'увеличиваться', н.-перс. *biš-* в *bištār* 'больше'), либо, наконец, < **barsyāh*, **bṛsyāh* (и.-е. *bhel-* в др.-в.-н. *boln* 'большой', рус. большой); *bī-* в *bī-di* 'лучше' < **wahyāh* (и.-е. *wezu-*, ав. *vahu-* 'хороший', н.-перс. *behtār* 'лучше'), менее вероятно из *bīd-di*, где *bīd-* < **badyāh* (и.-е. *bhad-* 'хороший', др.-инд. *bhadra-* 'хороший', ав. *hu-baδra-* 'счастливый').

Превосходная степень образуется путем препозиции элемента *sar-* 'най-, самый', например: *sar-ðar* 'самый дальний'.

6.0. Числительное $y\bar{i}(w)$ 'один' не различается по диалектам и может быть восстановлено в *aiwa- или *aiwi- ср. род. (ав. aēva-, др.-перс.

Числительное 'два' различается по диалектам огласовкой: ш. δu и $\delta i-$ (в $\delta i-y\bar{u}n$), с. $\delta \bar{e}w$ < *d/duwai им.-вин. дв. ж. или ср. р. (ав. duye); р.б. δaw , с. $\delta a(w)$ < *d/duwā им.-вин. дв. м.р. Кроме того, в шугнанском сохраняются рефлексы древнеиранского порядкового числительного (или числительного-прилагательного) *dwaya- 'второй' в ш.-р. $v\bar{d}$, хуф. $v\bar{o}y$ 'опять, снова' (ишк. $\bar{d}v$ 'опять, снова') и в ш.-р. $bi-$ в слове $biy\bar{o}r$ 'вчера', т.е. 'второго дня' (и.-е. $\bar{a}ier-$ 'день').

В шугнанском слове $var\bar{v}$ 'оба', возможно, представлен рефлекс ир. *ubā-'оба', т.е. *ubā- $\bar{v}r\bar{a}-$ или *ubā-- $\bar{a}r\bar{a}-$ - $\bar{v}\bar{a}-$,

Числительное ш.-р. $ar\bar{e}y$ 'три' закономерно продолжает древнеиранскую форму род. падежа мн. числа муж. рода * $\bar{v}/hray\bar{a}m$. Сарыкольский вариант $aro\bar{y}$ 'три' < * $\bar{v}/hrayah$, т.е. им.мн. м.р. (ав. $\bar{v}ray-$, ягн. вост. $sara\bar{i}$, зап. $tirai$).

Числительное ш.б. $sav\bar{o}r$, р. $sav\bar{u}r$, с. $sav\bar{u}r$ 'четыре' закономерно продолжает др.-ир. * $\bar{c}a\bar{v}/hw\bar{a}rah$ им.мн.м.р. Другие рефлексy этого числительного, но уже порядкового, представлены в ш. $widir$, р. $y/widir$ 'послепослезавтра' (ср. гот. $fidur-$) < *(k)wturya- (и.-е. $(k^u)tur-$ io-, ав. $t\bar{u}rya-$) и в р. $pur-$ в $pur-nabasa$ 'прапраправнук' < *(k) $\bar{v}/hw\bar{a}ra-$ (ср. тадж. $far-$ в $far-nabira$ то же).

Для числительного 'пять', имеющего в диалектах один и тот же корневой гласный, т.е. $\bar{r}\bar{i}n\bar{z}$, следует, по-видимому, восстановить вариант * $\bar{r}an\bar{c}\bar{i}$, т.е. форму ср. рода (ав. $\bar{r}an\bar{c}a$, для ир. * $\bar{r}an\bar{c}\bar{i}$ ср. ав. $\bar{v}r\bar{i}$ ср.р. 'три' и др.-инд. $\bar{c}atv\bar{a}ri$ ср.р. 'четыре'). Менее вероятным представляется развитие ш.-р. $\bar{r}\bar{i}n\bar{z}$ из * $\bar{r}ank/\bar{c}ti-$ (ср. др.-инд. $\bar{r}a\bar{n}kti-$ 'пять, пятеро') или из * $\bar{r}ank/\bar{c}\bar{a}i\bar{s}$ твор. мн. м.р.

Числительное 'шесть' различается по диалектам не только гласным, но и конечным согласным: 1) ш. $x\bar{o}\bar{y}$, бадж. $x\bar{o}w$ и р. $x\bar{u}w$ < * $xwa\bar{s}a-$, * $xwa\bar{s}ah$, т.е. либо тематизированная основа, либо форма им. мн. от основы на согласный (ав. $x\bar{e}va\bar{s}$); 2) б.ор. $x\bar{o}w$ продолжает i-умлаутный вариант основы, т.е. * $xwa\bar{s}i$ ср.р.; 3) с. xel (по-видимому, из * xed , ср. вах. $\bar{s}\bar{a}d/1$ 'шесть') представляет собой рефлекс древнеиранского либо порядкового, либо собирательного числительного, т.е. * $xwas/\bar{s}ti-$ 'шесть, шестеро, шестой' (ср. др.-инд. $\bar{s}a\bar{s}tha-$, ав. $x\bar{s}tva-$ 'шестой', но ср. др.-инд. $\bar{r}a\bar{n}kti-$ 'пять, пятеро'). Другой рефлекс этого числительного представлен в ш.р. $\bar{x}i-$ в словах ш. $\bar{x}i-\bar{c}\bar{e}rn$, р. $\bar{x}i-\bar{c}\bar{e}rn$ 'локоть' (как мера длины), что может быть восстановлено в *(k) $\bar{s}wa\bar{s}i+$ + $k\bar{a}r\bar{n}\bar{i}-$ '(длиной) в шесть локтей'. Первая часть представляет собой числительное 'шесть' ср. или жен. рода (ср. приведенные выше ав. $\bar{v}r\bar{i}$ ср.р. 'три', др.-инд. $\bar{c}atv\bar{a}ri$ ср.р. 'четыре', а также ав. $a\bar{s}tay-$ ж.р. 'мера длины в четыре пальца'). Для второй части * $-k\bar{a}r\bar{n}\bar{i}-$ 'локоть' ср.

и.-е. (s)kel- 'гнуть', 'изгиб, сустав, колено', (s)kel-no- 'изогнутый'. Этот же корень представлен в ш. wiḥ-ṣārn 'локоть' (исторически - '(длиной) в восемь локтей').

Числительное 'семь' во всех диалектах представляет собой рефлекс др.-ир. *hapta (ав. hapta, др.-перс. hafta), т.е. ш.-р. (w)ūvd, с. nvd.

Числительное waḥt 'восемь' во всех диалектах, кроме сарыкольского, отражает древнеиранскую форму им.-вин. падежа дв. числа *aštā (др.-инд. aṣṭā, ав. ašta). Сарыкольское woḥt < *ašta. Как уже выше было отмечено, рефлекс этого числительного представлен также в ш. wiḥ-ṣām, р. wiḥ-ṣārn 'локоть' < *ašti + kārnī- (длиной в восемь локтей!), где *ašti- может быть сопоставлено с ав. aštau- ж.р. 'мера длины в четыре (?) пальца'. Но не исключено, что ḫi-и wiḥ- < *aikāya- 'один', ср. др.-инд. ēka- 'один'.

Числительное ш.х. nōw, р. б. nāw 'девять' продолжает др.-ир. *nawā (ав. navā). Сарыкольский вариант new отражает i-умлаутную основу, т.е. *nawī ср.род.

Числительное 'десять' представлено в диалектах в следующем виде: р. бов < *d/daa (ав. daaā); ш. dīs, с. des, б. dās < *d/dasi ср. р. или *d/daswī ж.р. от основы *d/daa- (ср. и.-е. dek-, deku- 'десять').

При счете после десяти обычно употребляются таджикские числительные, в сарыкольском - таджикские и уйгурские. Но собственно шугнанский счет в шугнанском также сохраняется, ср. например, ш. dīs-at uīw 'II', dīs-at dīyūn 'I2', du dīs '20' и т.д.. Наименования десятков образуются путем сочетания названия единицы и числительного dīs '10': du dīs 20, aṣay '30' и т.д.

6.1. Порядковые числительные в шугнанском образуются с помощью суффикса -um < *-ama- (др.-инд. -ama, ав. -ama-): yīwum 'первый', dīyūnum 'второй', aṣāyūm 'третий' и т.д. В языке сохраняются также реликтовые порядковые числительные (см. выше).

Местоимение

Личные местоимения

7.0. Личные местоимения имеют два лица: I-е и 2-е. Роль личных местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения. Личные местоимения имеют две падежные формы: прямую и косвенную. Во мн. числе эти формы совпадают. Личные местоимения всех диалектов могут быть представлены таблицей (см. след. стр.).

Общеиранское происхождение местоимений, кроме местоимений 2-го лица мн. числа, очевидно.

Шугнанское местоимение I-го лица ед. числа прямой формы wuz закономерно продолжает др.-ир. *azam (и.-е. eg-, eg(h)om, egō, др.-инд. aham, ав. azem, др.-перс. adam). Соответствующее местоимение во

всех остальных диалектах, т.е. р. az, б. āz, х.с. waz 'я', отражает ā-умлаутную позицию и поэтому должно быть восстановлено в виде *azā(m) (ср. и.-е. égō, ав. azēm). Местоимение I-го лица ед. числа косвенной формы ш. рх. mu, б.ор. mu(n), с. my(n) является рефлексом древнеиранского местоимения род. падежа ед. числа *mana (ав. mana, др.-перс. manā).

Лицо	Число	Ед. число						Мн. число		
	Форма	ш.	р.	х.	б.	ор.	с.	ш.рх.	б.ор.	с.
I-е	Прямая	wuz	az	waz	āz	waz		māš		maš
	Косв.	mu			mu(n)		mn(n)			
2-е	Прямая	tu			tū	tu	têw	tama	tamāš	tamaš
	Косв.	tu	tā	taw, tā	tā		ta, ty			

Во мн. числе для обеих форм I-го лица представлено одно местоимение ш.-р. māš, с. maš 'мы', которое соответствует авестийской форме род. падежа мн. числа ahmākem. Но корневой гласный местоимения māš указывает на ā-умлаутную позицию и поэтому для него следует восстановить форму в виде *ahmākā(m).

Местоимение 2-го лица ед. числа прямой формы ш.-р. tū 'ты' продолжает др.-ир. форму им. падежа ед. числа *tuwam (ав. tvēm, tūm). Соответствующее сарыкольское tēw // taw 'ты', по-видимому, отражает др.-ир. форму вин. падежа ед. числа *tuwām (др.-инд. tvām). Местоимение 2-го лица ед. числа косв. формы ш. tu и с. ty < *tawā род. ед. (ав. tavā), а остальные варианты, т.е. рх. б.ор. tā, х. taw, с. ta < *tawā род. ед. (ав. tavā).

Что касается местоимения 2-го лица мн. числа ш. рх. tama, б.ор. tamāš, с. tamaš, то для него не засвидетельствовано соответствия в известных нам древнеиранских языках. По аналогии с местоимением I-го лица мн. числа māš 'мы' < *ahmākām оно может быть восстановлено в *tahmākā(m). Первый элемент этого местоимения *ta- представляет собой основу косвенных падежей 2-го лица ед. числа, элемент *-hmā- — суффикс мн. числа. Элемент *-k- обычно характеризует форму род. падежа мн. числа. А конечный элемент *-ā(m) известен нам из других др.-ир. местоимений, ср. ав. azēm, tvēm, ahmākem, yuštākem, yavākem.

7.1. Итак, в шугнано-рушанской группе языков сохранились рефлексны следующих древнеиранских местоименных форм:

Ед.число

- 1-е л. им. *azām (ав. azām) - ш. wuz, X.p. c. waz, p. az, б. āz
 род. *mana (ав. mana) - ш.р. X.mu, б. mu(n) c.мы(n)
 2-е л. им. *tuwam (ав. tvām) - ш.рх.ор. tu, б. tū
 вин. *tuwām (ав. tvām) - c. tā/aw
 род. *tawā (ав. tavā-) - ш. tu, рх. б.ор. tā, х. taw,
 c. ta, ты

Мн.число

- 1-е л. род. *ahmākām (ав. ahmākem) - ш.рх.б.ор. māš, c. maš
 2-е л. род. *tahmākām - ш.рх. tama, б.ор. tamāš

Указательные местоимения

7.2. Указательные местоимения делятся на три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний, средний и ближний. В каждом из рядов различаются ед. и мн. число, а также прямая и косвенная падежные формы. Местоимения ед. числа косв. формы имеют форму муж. и жен. рода. В сарыкольском родовые различия почти стерты: формы жен. рода употребляются очень редко. В шугнанском в отличие от других диалектов родовое различие имеется также у местоимений прямой формы ед. числа дальнего ряда. Все указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей.

Число Диалект		Ед.число					Мн. число						
		Ш.. бдж.	р.	х.	б. ор.	с.	ш.	рх.	б.	ор.	с.		
Форма													
Ближний ряд	Прямая		yam	yim	yam	yim	yam	māš				moš	
	КОСВ.	М.р.	mi	may		mī	mi	mi	mēv	muf	mif	maf	mef
	Ж.р.	Ш. mam	mum		mim	mam	mem						
		б. mim											
Средний ряд	Прямая		yid				yad	dāš				doš	
	КОСВ.	М.р.	di	day		dī	di	di	dēv	duf	dif	daf	def
	Ж.р.	Ш. dam	dum		dim	dam	dem						
		б. dim											
Дальний ряд	Прямая		yu										
			yā	yaw	yā	ym	wāš				woš		
	КОСВ.	М.р.	wi	way		wī	wi	wi	wēv	(w)uf	uf	waf	wef
	Ж.р.	Ш. wam	(w)um		um	wam	wem						
		б. wim											

Прямая падежная форма употребляется в функциях подлежащего и именного сказуемого (или при имени в функции подлежащего или именного сказуемого), например: *yu tūyd* 'он ушел'; *yu yīdā tūyd* 'тот парень ушел'; *yā yās tūyd* 'та девушка ушла'; *wād-ēn tūyd* 'они ушли'; *wād šorikēn-ēn tūyd* 'те мужчины ушли'; *mi oχno - yu* 'мой знакомый - тот'. Косвенная падежная форма употребляется в функции прямого или косвенного дополнения (или при имени в функции дополнения), например: *as wi pēχst* '(он) спрашивает его'; *as wi virōd pēχst* '(он) спрашивает того брата'; *šāy wēv wīnt* 'кто их видел?'; *wēv ziryōtēn-um tar maktab bōχcat* 'тех детей я послал в школу'. В рушанском, хуфском и бартангском диалектах указательные местоимения в косвенной форме могут употребляться в роли подлежащего при переходных глаголах в прошедших временах, например: *p. way šōχt* 'он посмотрел' (ср. ш. *yu šūχt* 'он посмотрел'); *ō. wī-yī lap vūg* 'он много принес'.

7.3. Что касается происхождения указательных местоимений, то тут нужно сказать следующее. Нетрудно заметить, что для всех местоимений каждого из трех рядов характерен определенный согласный элемент: для местоимений ближнего ряда элемент-ш-, для местоимений среднего ряда элемент-d-, для местоимений дальнего ряда элемент-w-. Это указывает на то, что все местоимения ближнего ряда представляют собой рефлекс той или иной флексивной формы от древнеиранской местоименной основы *imā- 'этот, эта' (ав. imā-). Все местоимения среднего ряда являются рефлексами той или иной флексивной формы от древнеиранской местоименной основы *aitā- или *ētā- 'тот, та' (ав. aētā-). И, наконец, все местоимения дальнего ряда представляют собой рефлекс той или иной флексивной формы от древнеиранской местоименной основы *awā- 'тот, та' (ав. avā-).

Второе общее замечание касается следующего. Если та или иная современная падежная или числовая форма является, если так можно сказать, последовательным отражением определенной древнеиранской формы, то этого нельзя сказать о современных родовых формах. Только родовая пара ш. *yu* 'тот' - *yā* 'та' точно соответствует древнеиранской родовой паре *awah им. ед. м.р. - *awā им. ед. ж.р. от основы *awā-. Что касается родовых пар местоимений косвенной формы, то здесь наблюдается следующая картина. Современные местоимения жен. рода всех трех рядов исторически являются рефлексами местоимений среднего рода тех падежей, где представлен др.-ир. элемент *-hm-. Местоимения же муж. рода всех трех рядов, отражающие историческую i-умлаутную позицию, представляют собой рефлекс местоимений мужского рода род. падежа. То есть в местоимениях, как и в именах существительных (см.), происходил процесс перехода из среднего рода в женский.

Итак, указательные местоимения шугнано-рушанской группы языков имеют следующие древнеиранские соответствия. Местоимения ед. числа ближнего ряда прямой формы ш.х.с. *yam* < *imā(-), т.е. либо основа

жен. рода (ав. imā-), либо форма им. падежа (ав. imā). Корневой гласный а в ш.х.с. уам, указывающий на историческую а-умлаутную позицию, дает также возможность возводить это местоимение к форме вин. падежа, т.е. к *imām (ав. imam). Соответствующая форма других диалектов р. (y)im, б. ср. yim < *ima(-), т.е. либо основа муж. рода (ав. ima-), либо форма им. падежа (ав. imah). Корневой гласный этого местоимения i, указывающий на историческую нейтральную или а/и-умлаутную позицию, дает также возможность возводить р.б.ор. yim к форме вин. падежа муж. рода, т.е. к imam (ав. imem).

Местоимения ед. числа ближнего ряда косвенной падежной формы муж. рода ш.ор. с. mī, б. mī < *imahya род. м.р., а р.х. may < *imayā твор. ж.р. от основы *imā-. Соответствующие местоимения жен. рода ш.ор. mam < *imahmāt отл. ср. р. (ср. ав. aētahmāt, р.х. mum < *imahmat отл. ср. (ср. форму отл. падежа с кратким -а- мест. I-го лица ед. числа ав. mat)); бадж. б. mim, с. mem < *imahmāi дат. ср. р. (ср. ав. aētahmāi) или *imahmi местн. ср. р. (ср. ав. aētahmi).

Аналогичные соответствия в падеже и в роде будут наблюдаться и у местоимений ед. числа среднего и дальнего рядов. Местоимения прямой формы среднего ряда ш.рх. б. ор. yid < *aita- или *aitah им. м.р., либо < *aitam вин. м.р. (ав. aētēm-), с. yad < *aitā(-) основа или им. ж.р., либо *aitām вин. ж.р. (ав. aētām). Местоимения косвенной формы муж. рода ш.ор. с. di, б. dī < *aitahya род. м.р. (ав. aētahe), а р.х. day < *aitayā твор. ж.р. (ав. aētaaya); местоимения жен. рода ш.ор. dam < *aitahmāt, рх. dum < *aitahmat отл. ср.р. (ав. aētahmāt); бадж. б. dim, с. dem < *aitahmāi дат. ср. (ав. aētahmāi) или *aitahmi местн. ср. р. (ав. aētahmi).

Местоимения ед. числа дальнего ряда прямой формы ш.уч м.р., с. уы < *awa- основа м.р. или *awam им.-вин. м.р. (ав. aom); ш. (ж.р.) р.б.ор. yā, хуф. yaw < *awā(-), т.е. основа ж.рода или им. падеж, либо *awām вин. ж.р. (ав. awam). Соответствующие местоимения косвенной формы муж. рода ш.ор.с. wī, б. wī < *awahya род. м.р. (ав. awahe), р.х. way < *awayā твор. ж.р., местоимения жен. рода ш.ор. wam < *awahmāt, р.х. (w)um, б. um < *awahwat отл. ср.р., с. wem < *awahmāi дат. ср.р. или *awahmi местн. ср.р..

7.4. Местоимения мн. числа представляют собой сочетание местоименной основы, отражающей ту или иную историческую падежную форму мн. числа, и одного из следующих показателей мн. числа: 1) для прямой формы -d < *-d/tā- (ср.ш. sal-ūn- d-ak(-ēn) 'лестничные ступеньки', инк. aw-ón- d-on, ос. u-d-on 'они, те'); 2) для косвенной формы -v/f < *ab/fi- (подробнее о происхождении см. "Имя существительное").

Итак, шугнано-рушанские указательные местоимения мн. числа имеют следующие исторические соответствия: 1) ш.-р. wā- в wād и ор. wa- в waf < *awāhām, т.е. род. ж.р.; ш. wē- в wēv и с. we- в wef <

*awaišām, т.е. род. м.р. (ав. aṵaēšām) ; р.б. (w)u- в (w)uf, с. wo- в wođ < *awāhu, т.е. местн. ж.р.; 2) ш.-р. dā- в dāđ и ор. da- в dāf < *aitāhām, т.е. род. ж.р.; ш. de- в dēv, б. di- в dif и с. de- в def < *aitaišām, т.е. род. м.р. (ав. aētaēšām); р.х. du- в duf и с. do- в dēđ < *aitāhu, т.е. мест. ж.р.; 3) ш.-р. mā- в māđ и ор. ma- в maf < *imāhām т.е. род. ж.р.; ш. mē- в mēv, б. mi- в mif и с. me- в mef < *imaišām, т.е. род. м.р.; р.х. mu- в muf и с. mō- в mođ < *imāhu, т.е. мест. ж.р. Следует сказать, что местоимения с гласным переднего ряда (ш. wēv, dēv, mēv, б. dif, mif и с. wef, def, mef) могут быть истолкованы и как состоящие из рефлекса древнеиранского местоимения род. падежа ед. числа муж. или жен. рода и показателя мн. числа. Но поскольку соответствующие им местоимения в других диалектах этой группы с гласным непереднего ряда не могут быть объяснены таким образом, то, думается, что наиболее вероятным является предположение о происхождении их из древнеиранской формы род. падежа мн. числа муж. рода.

7.5. Таким образом, в шугнано-рушанской группе языков нашли отражение следующие древнеиранские формы указательных местоимений:

Др.-ир.

Ш.-р.

И. О т о с н о в ы *awā-

Ед. число

Им.-вин. *awam	м.р.	-	ш.	с. ун
Им. *awā	ж.р.	-	ш.-р. уā,	хуф. yaw
Вин. *awām	ж.р.			
Дат. *awahmāi	ср.р.	-	ш.ор.с. wi-, б. wī	
Местн. *awahmi	ср.р.			
Отл. *awahmāt	ср.р.	-	ш.ор. wam, р.х. (w)um, б. um	
Твор. *awayā	ж.р.	-	р.х. way	

Мн. число

Род. *awāhām	ж.р.	-	ш.-р. wā- (в wāđ),	
			ор. wa- (в waf)	
*awaišām	м.р.	-	ш. wē- (в wēv), с.	
			we- (в wef)	
Местн. *awāhu	ж.р.	-	р.б. wu- (в wuf),	
			с. wo- (в wođ)	

П. О т о с н о в ы *aitā-

Ед. число

Им. *aitah	м.р.	-	ш.-р. yid	
Вин. *aitam	м.р.			
Им. *aitā	ж.р.	-	с. yad	
Вин. *aitām	ж.р.			

Род. *aitahya м.р.	-	ш.ор.с. di, б. di
Дат. *aitahmāi ср.р.	-	бадж.б. dim, с. dem
Местн. *aitahmi ср.р.		
Отл. *aitahmāt ср.р.		ш.ор. dam, р.х. dum
Твор. *aitayā ж.р.	-	р.х. day

Мн. число

Род. *aitāhām ж.р.	-	ш.-р. dā- (в dād), ор. da- (в daf)
*aitaišām м.р.	-	ш. dē- (в dēv), б. di- (в dif), с. de- (в def)
Местн. *aitāhu ж.р.	-	с. do- (в doó), р.х. du- (в duf)

Ш. О т о с н о в ы *imā-

Ед. число

Им. *imah м.р.	-	р.б.ор. yim
Вин. *imam м.р.		
Им. *imā ж.р.	-	ш.хуф.с. yam
Вин. *imām ж.р.		
Род. *imahya м.р.	-	ш.ор.с. mi, б. mi
Дат. *imahmāi ср.р.	-	бадж.б. mim, с. mem
Местн. *imahmi ср.р.		
Отл. *imahmāt ср.р.	-	ш.ор. mam, р.х. mum
Твор. *imayā ж.р.	-	р.х. may

Мн. число

Род. *imāhām ж.р.	-	ш.-р. mā- (в mād), ор. ma- (в maf)
*imaišām м.р.	-	ш. mē- (в mēv), б. mi- (в mif), с. me- (в mef)
Местн. *imāhu ж.р.	-	с. mo- (в mod), р.х. mu- (в muf)

Вопросительные местоимения

7.6. Они следующие: 1) ш.рх. čāy, с. čoy (косвенная форма čī), б. čī, ор. čī 'кто'; 2) ш.рх.ор. čīz, б. čiz, с. sayz 'что' (относится к неодушевленным предметам и животным); 3) ш. čidūm, рх. ор. čidōm, б.с. čidum 'какой, который'; 4) са 'какой, что за'; 5) ш. cūnd, р.б. cōnd, с. cund 'сколько' и др. Примеры: ш.р. čāy yat?, ор. čī yat? 'кто пришел?'; ш. бадж. čāy tu pid? 'кто твой отец?'; ш. čī qīwi? 'кого ты зовешь?'; ш. čīz fikri kini 'о чем ты думаешь?'; ш.

(бадж.) *tu ta čidūm maktāb -ind kor kini?* 'ты в какой школе работаешь?'; ш. *sā-t biyūr mā yat?* 'что же ты вчера не пришел?'; ш. *sūnd warāq-at nivišt?* 'сколько листов ты написал?'.
 С исторической точки зрения большинство вопросительных местоимений представляют собой различные образования от основы *ka- или *kau-, *čī-, Сарыкольское čou является рефлексом др.-ир. *kayah им. ед. м.р. или *kauam вин. ед. м.р., а ш.рх. čāu < *kauā им. ед. ж.р. или *kauām вин. ед.ж.р. Соответствующая косвенная форма čī < *čihya (от основы *čī-) род. ед. м.р. Что касается местоимения čiz 'что', то несомненно, что оно представляет собой осложненную др.-ир. основу *kau-, *čī- (ср. и.-е. k^ui-d им. ед.ср.р., др.-инд. cid/t, ав. čit̥).

Местоимение ш. čidūm, рх.ор. čidōm, б.с. čidum 'какой' < *čitāma- или *katāma- (ср. др.-инд. kathamā-, ав. katāma- 'какой'). Местоимение ш. sūnd, р.б. sōnd с. cund 'сколько' может быть восстановлено в *k/čanta- (ср.др.-инд. kati 'сколько'), а соответствующее ш. dūnd, р.б. dōnd, с. dund 'столько' < *tanta- (ср.др.-инд. tāti 'сколько').

Возвратно-определятельное местоимение

7.7. Это местоимение во всех диалектах имеет прямую и косвенную формы: ш.рх.б.ор. xūbaŋ, с.хъбаŋ 'сам(а), сами', косв. форма ш.рх. б.ор. ху, с. хы 'свой, своя, свои'. Примеры: р. xūbaŋ-at wunt 'ты видел'; р. ху kitōbēn-i zūxt '(он) взял свои книги'.

Прямую форму ш.рх.б.ор. хубаŋ с. хъбаŋ, по-видимому, следует восстановить в виде *хва-раŋā(-), где первая часть представляет собой посессивную основу возвратного местоимения (ср. ав. hva-, хва-), а вторая часть - либо основу жен. рода *раŋā-, либо форму твор. падежа ед. числа м.рода от основы *раŋа- (ср. и.-е. poti- 'господин' в лит. pats 'сам', др.-инд. sva-rati-, ав. хваē-rati- 'он сам'). Употребление твор. падежа вместо именительного, как известно, довольно часто встречается в Авесте. Косвенная форма возвратно-определятельного местоимения ш.рх.б.ор. ху, с.хы закономерно продолжает др.-ир. посессивную основу *хва- (ав. hva-, хва-).

Глагол

Основы

8.0. Во всех языках пугнано-рушанской группы различаются два типа основ: основа наст. времени и основа прош. времени. Эти две основы составляют ядро всей глагольной системы. От них образуются все личные глагольные формы. От основы наст. времени образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения. От основы прош. времени образуются глагольные формы прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта или давнопрошедшего времени.

8.1. Основа наст. времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей. Она нейтральна в модальном (если не считать вторичных каузативных форм) и видовом отношениях. Лишь благодаря сравнительно-историческому анализу основ наст. времени могут быть выявлены рефлексы древнеиранских тематических и нетематических основ, а также рефлексы основ всех трех древнеиранских наклонений: индикатива, конъюнктива и оптатива. При этом необходимо учитывать как консонантные элементы современных основ, так и качество их корневого гласного. Зная происхождение той или иной основы, а, стало быть, и фонетические закономерности в ее развитии, можно благодаря качеству корневого гласного современной основы восстановить историческую позицию, оказавшую влияние на его развитие, т.е. либо позицию *ā*-умлаута, либо позицию *i*-умлаута, либо, наконец, позицию *a/u*-умлаута. А знание этих исторических позиций для современных глагольных основ наст. времени равносильно знанию того, рефлексом какого типа исторической основы — тематической или нетематической, основы индикатива, конъюнктива или оптатива — она является. О фонетических закономерностях, связанных с умлаутом в этих случаях см. Пахалина, 1983.

Таким образом, сравнительно-исторический анализ основ наст. времени дает возможность разделить их на следующие три группы.

1) Шугнанские основы — рефлексy исторических основ индикатива: *pōu-* 'пасти' < **pāya-* (ав. *pā(y)-*); *ḫōu-* 'читать, учиться' < **k/-ḫāya-* (ав. *xsā-* 'учить'); *wikōu-* 'отдыхать' < **awi-kāya-* (и.-э. *k^hie-* 'отдыхать', рус. по-кой); *mōz-* 'делать, строить' < **māza-* (и.-э. *mag-* в англ.-сакс. (*gi*)-*makōn* 'делать, строить'); *wizūn-* 'знать' < **awi-zāna-* (и.-э. *gen-*, ав. *zan-*); *lūv-* 'говорить, петь' < **l/raba-* (и.-э. *lep-* в др.-инд. *lāpatī* 'говорит', ишк. *b^h-lav-* 'говорить'); *parwēz-* 'просеивать' < **parā-waik/ča-* (ав. *vaēk-*); *mēz-* 'мочиться' < **maiza-* (ав. *maēz-*); *rūb-* 'мести, сгребать' < **raub/pa-* (ср. и.-э. *reu-b-* в гот. *raupjan* 'срывать, дергать', н.-перс. *rūb-* 'мести'); *ōūz-* 'доить' < **daug/ja-* (и.-э. *dheugh-* в др.-инд. *dogdhi* 'доит'); *ziyūy-* 'засыхать, увядать' < **us-hauša-* (и.-э. *saus-*, ав. *haoš-*); *win-* 'видеть' < **waina-* (ав. *vaēna-*); *-jīs-* в *paŷ-jīs-* 'переходить' < **jasya-* или **jasa-i-* (ав. *gam-* 'идти'); *niṣ-* 'сидеть' < **ni-haṣya-* (ав. *had-*); *ḫofs-* 'спать' < *(*k*)**šwapsa-* или *(*k*)**šupsa-* (и.-э. *suer-*, *sup-*, ав. *xvar-*; ср.ш. *ni-ḫēb-* 'усыплять' < **ni-(k)šwāpai-* осн. оптатива); *ris-* 'оставаться' < **risa-* или **risya-* (и.-э. *lē(i)-* 'оставаться'); *pidīs-* 'зажигаться' < **ura-d/ōisa-* или **ura-d/ōisa-* (и.-э. *dei-* 'светить, сиять', др.-инд. *di-ryate* 'пламенует'); *vi-* 'быть' < **būya-* (ав. *bav-*); *pi-* 'гнить' < **pūya-* (ав. *paṇ-*); *ḏāō-* 'давать' < **d/ōa-d/ōā-*, т.е. редуцированная основа либо индикатива, либо конъюнктива.

2) Шугнанские основы — рефлексy исторических основ конъюнктива:

ġān- 'рыть, копать' < *kāna-, ср. 3 л. ед. ġūnt, где ġūn- < *kana-, т.е. осн. индикатива (ав. kan-); sāw- 'идти, отправляться' < *sawā- (ав. šav-); wāf- 'ткать' < *wāfā-, ср. 3 л. ед. wōft, где wōf- < *wāfa-, т.е. осн. индикатива (и.-е. ŋebh-); yad- 'прибывать, приходить' < *yatā- (и.-е. iet-, др.-инд. yat-, ав. yat- 'приводить в движение', ав. frā-yat- 'приходить') или < *aitā-, itā- (и.-е. eidh-, i-tā-, iā-, ав. ay- 'идти'); yān- 'молоть' < *arnā-, *fnā- (и.-е. al- в ав. āa- 'омолотный', н.-перс. ārd 'мука'); xīkafc- 'расплетать, распускаться' < *s/škap/fsā- (и.-е. (s)kēp-, (s)kēb(h)- 'раскалывать' в н.-перс. šīkāftan 'раскалывать(ся), трескаться, лопаться', šīkuftān 'распускаться, расцветать'); kaŷ- 'убивать, резать (животное)' < *kūšā-, ср. 3 л. ед. kīŷd, где kīŷ- < *kūšai-, т.е. осн. опатива (ав. kaoš-); wīkaŷ- 'чесать, причесывать' < *wi-kūšā-, ср. 3 л. ед. wi-xīŷd, где xīŷ- < *kūšai- (и.-е. kseu-s- 'скрести, чесать, причесывать'); bāf- 'быть возможным' < *būfā- (и.-е. beu-, bheu- 'распухать, вздуваться', др.-инд. bhū-ri-, ав. būiri- 'обильный, сильный, много') или < *pūfā- (и.-е. p(h)eu-, p(h)ū- 'вздуваться, пухнуть' для развития значения ср. и.-е. teu-, tū- 'распухать, вздуваться' в ав. tav- 'мочь').

3) Шугнанские основы – рефлексны исторических основ опатива: pīz- 'варить, печь' < *pašai- или < *pašī- (ав. pak-); šis- 'смотреть' < *kašai- или *kašī- (ав. kas-); kin- 'делать' < *kynī- (ав. kar-); wērv- 'кипятить', где элемент wēr- < *wārai-, *wārī-, ср. ш. wōr-v- 'кипеть' < *wāra-, т.е. осн. индикатива (и.-е. ŋer- в рус. варить); ŷēw- 'жечь' < *ŷawai-, *ŷawī-, ср. ш. ŷaw- 'гореть' < *ŷāwā-, т.е. осн. конъюнктива (ср. и.-е. dāu- 'гореть'); mī-xēb- 'уснылять, качая колыбель' < *nī-(k)šwāpai- или *nī-(k)šupai-, ср. ш. xōfc- 'спать' < *(k)šwapa-, т.е. осн. индикатива (и.-е. sŋer-, sŋer-, ав. xvar- 'спать', nī-xvar- 'уснылять'); pid-wid- 'засучивать (рукава)' < *pati-wida(i)- (ср. и.-е. ŋeidh- 'крутить, сгибать, загибать'); xīn- 'слышать' < *srunī- (и.-е. klū-, klū-n- 'слышать', ав. surunaoitī 'слышит'); zēz- 'брат' < *zāzāi- (ср. и.-е. ghē(i)- в греч. χωρᾶν 'хватать'); sipēn- 'сыпать, пересыпать' < *us-prnai-, *us-prnī- (и.-е. pel- 'наполнять, сыпать', ав. par- 'наполнять').

Таким образом, все засвидетельствованные в древнеиранских языках типы основ наст. времени, – как тематические, так и нетематические, во всех трех наклонениях, – нашли отражение в шугнанском языке.

Основа прошедшего времени и ее производные

8.2. Признаком основы прош. времени для большинства шугнанских глаголов является конечный смычный -t (в основном после глухого согласного) или -d (после звонкого согласного или гласного): δād- 'давать', vūst- 'связывать', tūyd- 'уходить'. Исторически этот конечный

-t/d является рефлексом согласного элемента суффикса древнеиранского причастия прош. времени *-t-, ср. ав. dāta- 'данный', basta- 'свя-занный'.

В других диалектах шугнано-рушанской группы небольшое число глаголов имеет исход. основы прошедшего времени на -g: р.б. šūg-, с. šawg- 'делать' (ш. šūd-), р.б. mūg-, с. mawg- 'умирать' (ш. mūd-), б. xūg-, с. хуг- 'кушать' (ш. xūd-) и др. В данном случае можно было бы предположить существование на древнеиранской почве причастия прош. времени на *-kā-, т.е. šūg- < *krka-, mūg- < *mrka-, xūg- < *xwṛka-. В подтверждение существования такого причастия на древнеиранской почве можно сослаться на ав. huška- 'высохший' (у Бартоломе- 'ausgetrocknet, trock.en') от корня ав. haōš- 'сохнуть', за которым, по-видимому, очень рано закрепилось значение прилагательного 'сухой'. А причастное значение 'высохший' в авестийском передавалось формой hušata-. Рефлексы причастных форм от этого глагольного корня сохранились в языках шугнано-рушанской группы: ш.рх.б. zi-yušt-, с. zi-yašt- < *us-huštā- (ав. hušata-, н.-перс. xušidā 'высушенный') и, с другой стороны, ш.рх.б. xūšk-, с. хūšk 'сухой' < *huška- (и.-е. *(k)sus-, др.-инд. śus- из *sus-, ав. hāōš- 'сохнуть', др.-инд. suṣka-, ав. huška- 'высохший, сухой'). Палатальный вариант древнеиранского суффикса причастия прош. времени *-ka- должен был бы иметь вид *-š/ša-. Причастия с этим суффиксом засвидетельствованы в авестийском, ср. aša- 'смолотный', maša- 'смертный, человек' (при др.-перс. martiya-), kaša- 'занятый делом' (наряду с ав. kereta- 'сделанный'). Чередование древнеиранских суффиксов причастия прош. времени *-ka- и *-š/ša- нашли отражение и в языках шугнано-рушанской группы, ср. хуф. šug- в šug-š- и ш. šūš- в šūš-š 'сделанный'. А в сарыкольском наряду с mešš 'умерший' употребляется и myṛyak 'мертвый'.

Анализ перфектных основ (см. дальше) и параллельно употребляющихся других вариантов основ прош. времени подобного типа глаголов показывает, что в шугнано-рушанской группе сохранялись кроме того рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-wā-, *-wī- (ср. и.-е. mr̥-uo- 'умерший, мертвый', др.-инд. rakwā- 'сваренный, зрелый'). Так, варианты основ прош. времени глаголов ш. šu-, рх. šo-, šo- 'делать' и рх. xo- 'кушать' могут быть восстановлены в *kr-wa- и *xwṛ-wa-. Соответственно р. šūš- и хūš- краткие формы причастия прош. вр. м. рода от гл. kin-: šūg 'делать' и хār-: xūg 'кушать' < *krwa-+-ka- и *xwṛwa-+-ka-, а форма ж. рода и мн. числа р. šīw- в šīws- < *krwī-(-)+-šī-, форма мн. числа р. šō- в šōš- < *krwah-+-ka-. Рефлекс этого же древнеиранского причастия прош. времени представлен и в рушанских причастных формах от глагола mīr-: mūg 'умирать', т.е. р. mū- в mūš- ед. ч. м.р. < *mrwa-+-ka-, mō- в mōš- мн.ч. < *mrwah-+-ka-, р. mīw- в mīwš- ж.р. < *mrwī-+-šī-.

Но учитывая одну фонетическую особенность рушанского, приведенные выше варианты основы прош. времени могут быть истолкованы и по-друго-

му. Дело в том, что р. -w(-) может соответствовать др.-ир. *-š-, ср., например, р. xīw 'шесть' < *xwāša(-), ав. xšvaš. Поэтому р. šīw- в šīwsc- может быть восстановлено в *kršāi- (ср. ав. kaša- 'быть занятым делом'), а р. mīw- в mīwz- < *mršāi- (ср. ав. māša- 'смертный').

Возвращаясь к современным основам прош. времени на -g, следует сказать, что они продолжают либо, как уже было отмечено, древнеиранское причастие прош. времени на *-kā-, либо древнеиранское причастие прош. времени на *-wā-, *-wī-, но в последнем случае - только от корня, осложненного суффиксом *-k-. Поэтому р.х. xīg- 'кушать, есть' может быть восстановлено не только в *xwṛg-ka-, но и в *xwṛgk-wa- (ср. и.-е. vceḗ-k- 'кушать'). Точно так же и р.х. mīg- 'умирать' может быть рефлексом и *mrṛg-ka-, и *mrṛgk-wa- (и.-е. mer-k- 'умирать', др.-инд. marśáuati, ав. merēšaiti 'повреждает, ранит, губит', др.-инд. mrṛkta- 'поврежденный') и р.х. šīg- 'делать' < *krṛg-ka- и *krṛgk-wa-. А хуфскую форму краткого причастия прош. времени жен. рода mīg-z от глагола 'умирать', по-видимому, можно восстановить только в *mrṛkwī-+-šī-, поскольку вряд ли можно было бы предположить сохранение заднеязычного смычного в позиции перед гласным переднего ряда -i. Аналогичные причастия прош. времени засвидетельствованы и в языках дари, ср. dar-miš // raš-moṭda- 'увядший, подавленный'.

В сугнанском и сарыкольском глаголы с исходом основы настоящего времени на *r имеют особую основу прош. времени, которая входит в состав перфектной причастной формы, но самостоятельно не употребляется. Эта основа прош. времени образована от корня на *-r с суффиксом *-s/ša-(из. и.-е. -ko-). Примеры: ш. šr- в šr-šr-, с. šr- в šr-šr- 'делать' < *kršai- (ав. kaša- 'быть занятым делом'); ш. mīr- в mīr-šr-, с. mīr/šr- в mīr/šr- 'умирать' < *mrša/i- (ав. māša- 'смертный'); ш. xīr- в xīr-šr-, с. xīr- в xīr-šr- 'кушать' < *xwṛša- (ав. xwāša- 'еда' от корня xwar- 'кушать'); ш. ur- в ur-šr- 'молоть' < *arša- (ав. āša- 'смолотый', н.-перс. ārd 'смолоное, мука') и др. Следует, однако, сказать, что в отношении ав. xwāša- Х.Бартоломе высказывает предположение о том, что эта основа могла образоваться из др.-ир. *xwarša- (Bartholomae, 1904). Но развитие древнеиранской группы *-r- в сугнано-рушанской группе в -šr-/šr- вряд ли возможно.

8.3. Большинство современных основ прош. времени являются вторичными по происхождению, поскольку они продолжают образования не от корня, как это имело место в древнеиранском, а от основы наст. времени, ср., например, ш. tān-: tānt 'натягивать основу при тканье'. Причем довольно часто в этом случае основа прош. времени образуется от другого варианта основы наст. времени, ср., например, ш. mōz-: mīzd 'делать, обрабатывать', где mōz- является рефлексом исторической основы индикатива *māza-, а mīz- в mīzd - рефлексом исторической основы опатива *māzai- (ср. и.-е. māg- в англ.-сакс. (gi)-nakōm 'делать, строить').

Но ряд шугнанских глаголов, по-видимому, сохраняет рефлекс корневого образования основ прош. времени, например: *ḥōvd-* 'спать' < *(k)ḥwapta- или *(k)ḥupta- (и.-е. *super-, sup-*, ав. *хвар-*, прич. прош. вр. *хварта-*); *miḥt-* 'мочиться' < **mīšta-* (ав. *maēz-*); *vud-* 'быть' < **būta-* (ав. *bav-*, прич. прош. вр. *būta-*) и др. Следует заметить, что откорневое образование глагольного причастия прош. времени было характерно в основном для раннего состояния древнеиранского языка-основы. В процессе развития языка оно постепенно заменялось образованием от различного типа основ настоящего времени. Аналогичный процесс имел место и в древнеиндийском (Барроу, 1976, с. 342). Поэтому в ряде случаев бывает трудно установить, первичной или вторичной по своему образованию является та или иная современная основа прош. времени.

8.4. Как известно, древнеиранское причастие прош. времени, отражением которого является шугнанская основа прош. времени, как и любое другое имя, различалось по роду, ср. ав. *basta-* м.р. 'связанный', *bastā-* ж.р. Следы древней родовой оппозиции сохраняются и в шугнанских основах прош. времени. Примеры:

1) шугнанские основы прош. времени - рефлекс исторического причастия прош. времени муж.// ср. рода: *ḥōvd-* 'спать' < *(k)ḥwapta- или *(k)ḥupta- (ав. *хвар-*, прич. прош. вр. *хварта-*); *ōd-* 'давать' < **dāta-* (ав. *dā-*, прич. прош. вр. *dāta-*); *lūvd-* 'говорить' < **l/wapta-* (и.-е. *ler-* в др.-инд. *lāpati* 'говорит'); *vūst-* 'связывать' < **basta-* (ав. *band-*, прич. прош. вр. *basta-*); *ḥiḥuḥt-* 'резать, рубить' < **ḥkašta-* (ав. *skand-*); *ancūvd-* 'шить' < **ha(m)-trpta-*, **ha(m)-trapta-* (ср. и.-е. *derbh-* в др.-инд. *dr̥bhaṭi* 'связывает', ав. *derəwda-* 'связка мышечная', н.-перс. *darpi* 'заплата'); *miḥt-* 'мочиться' < **mīšta-* (ав. *maēz-*); *nivišt-* 'писать' < **nīpišta-* (ав. *raēš-*, прич. прош. вр. *pišta-*); *pi-ōid-* 'зажигаться' < **ura-d/ōita-* (и.-е. *dei-* 'светить, сиять'); *vud-* 'быть' < **būta-* (ав. *bav-*, прич. прош. вр. *būta-*); *kuḥt-* 'убивать, резать (животное)' < **kušta-* (ав. *kaōš-*); *ḥud-* 'слышать' < **srūta-* (и.-е. *klēu-*, *klīb-* в ав. *surumaōiti* 'слышит'); *ziyuḥt-* 'сохнуть, вянуть' < **us-hu(x)šta-* (и.-е. *saus-*, *sus-*, ав. *haōš-*, прич. прош. вр. *hušta-*, н.-перс. *hušidā* 'высушенный');

2) шугнанские основы прош. времени - рефлекс исторического причастия прош. времени жен. рода: *vad-* 'быть' < **būtā-* (ав. *bav-*); *rad-* 'гнить' < **rūtā-* (ав. *rav-*); *ṽad-* 'гореть, зажигаться' < **ṽūtā-* (ср. и.-е. *dāu-* 'гореть'); *ziyaḥt-* 'сохнуть, вянуть' < **us-huštā-*, (ав. *haōš-*); *rēd-* 'оставаться, отставать' < **rītā-* (и.-е. *lē(i)-* 'оставаться', ишк. *fris-*, **frin-*); *wi-rēḥt-* 'разрезать, распаривать' < **wī-rītā-* (и.-е. *reis-* 'резать, рвать', ав. *raēša-* 'щель в земле'); *ri-waḥt-* 'летать' < **r/fra-waštā-* (ав. *vaz-*, прич. прош. вр. *vašta-*).

Следует заметить, что шугнанские основы прош. времени с корневым гласным, отражающим древнеиранский корневой гласный в позиции а/у-умлаута (в шугнанском это чаще всего корневой гласный о), могут быть основами как мужского, так и женского рода, например: ш. xōvd- м./ж. р. 'спать', tōyd- ж.р. (м.р. tūyd-) 'уходить', zōd- ж.р. 'рождать', mōd- ж.р. (м.р. mūd-) 'умирать' и др. Исторически они отражают древнеиранское причастие прош. времени мужского и среднего рода на *-ta-. Следовательно, приведенные выше современные основы прош. времени жен. рода следует рассматривать как рефлексy исторического причастия прош. времени среднего рода. Аналогичный переход исторических имен среднего рода в разряд имен женского рода мы отмечали уже для имен существительных и местоимений, ср., например, ш. vūyd м.р., vōyd ж.р. 'нечистая сила' < *bak/xta- м./ср.р. (ав. baxta-), ш. dam указательное местоимение косв. формы жен. рода < *aitahmāt отл. ср. р. от основы *aita- и др. Это явление встречается не только в шугнано-рушанской группе языков, но и в других памирских (и шире - иранских) языках, ср., например, ишк. žonj 'женщина' < *gana-+-ka- (и.-е. g^henā-, ав. genā-). По поводу перехода этого слова из разряда имен среднего рода в разряд имен женского рода см. комментарий в нашей работе (Пахалина, 1983, с. 58) со ссылкой на Т.Барроу.

8.5. Как можно видеть из приведенных выше примеров, исторически род различался у основ прош. времени как непереходных, так и переходных глаголов. Увязывание родовой оппозиции в основах прош. времени с переходностью/непереходностью глаголов неправомерно не только с точки зрения исторической, как это уже было показано выше, но и с синхронной точки зрения (Карамшоев, 1963; 1978). Можно привести ряд современных основ прош. времени непереходных глаголов, в которых род может быть внешне выраженным и невыраженным, например: šint- 'смеряться' (исторически м./ж.р.); ōd- 'пуститься, броситься' (исторически м./ср.р.); yat- 'приходить' (исторически ж.р.); xōvd- 'спать' (исторически м./ср.р.), в других диалектах: р. xōvd- м.р., xōvd- ж.р., б. axōvd- м.р., axōvd- ж.р.; но ср. ш. vud- м.р. (исторически м./ср.р.), vad- ж.р. (исторически ж.р.) 'быть'; tōyd- ж.р. (исторически м./ср.р.), tūyd- м.р. (исторически м./ср.р.) 'уходить'. Также можно привести ряд основ прош. времени переходных глаголов, в которых род внешне может быть выраженным и невыраженным, например: ziduht- м.р. (исторически м./ср.р.), zidaht- ж.р. (исторически ж.р.) 'рвать, рваться'; р. šūg- м.р. (исторически м./ср.р.), šōg- ж.р. (исторически м./ср.р.) 'делать', zê- в zêc- ж.р. 'рождать' (< *zāti-+-ci-, но ср. vūd- м./ж.р. (исторически м./ср.р.) 'приносить', yūd- м./ж.р. 'молоть' (исторически м./ср.р.) и др.

8.6. Древнеиранские причастия прош. времени, как известно, различались не только по роду, но и по числу. Следы исторической числовой оппозиции также сохранились в шугнанских основах прош. времени. Примеры: vad- ед. ж.р. 'быть' < *būtā(-) ед.ж., но та же основа vad-

мн.ч. < *būtāh им. мн. м./ср., ж.р. от *būtā- (ав. bav- 'быть'); pad- ед.ж. 'гнить' < *pūtā(-) ед. ж., но та же основа pad- мн.ч. < *pūtāh им. мн. м./ср., ж.р. от *pūtā- (ав. pav-); ziyāht- ед.ж. 'сохнуть, вяннуть' < *us-huštā(-) ед.ж., но та же основа ziyāht- мн.ч. < *us-huštāh им. мн. м./ср., ж.р. от *us-huštā- (ав. haōh-); riwāht ед. ж. 'летать' < *p/fra-waštā(-) ед.ж., но та же основа riwāht- мн.ч.

< *p/fra-waštāh им. мн. м./ср., ж.р. от *p/fra-waštā- (ав. vaz-) и др. Как можно видеть, признаком основ прош. времени мн. числа в приведенных выше глаголах является корневой гласный ā, отражающий любой исторический гласный в позиции ā-умлаута (ср. флексия мн. числа *-āh). А поскольку корневой гласный шугнанских основ прош. времени ед. числа жен. рода также отражает исторический гласный в позиции ā-умлаута (ср. основу жен. р. ед. ч. на *-tā), то и получилось внешнее совпадение шугнанских основ прош. времени ед. числа жен. рода и мн. числа.

Сравнительно небольшое число шугнанских основ прош. времени мн. числа имеют корневой гласный ō, представленный на месте др.-ир. *a в позиции a/u-умлаута (или так называемой нейтральной позиции). Эти основы являются рефлексам исторической флексивной формы мн. числа им. падежа м./ср. рода. Примеры: tōyd- мн. ч. 'уходить' < *taktah (ав. tak-); nōst- мн. ч. 'сидеть' < *ni-hastah (ав. had-); pi-rōst- мн.ч. 'рваться, разрываться' < *apa-rastah (и.-е. rend-); pi-ōōvd- мн.ч. 'начинать, приниматься за' < *upa-d/ōaptah (и.-е. dhābh- 'приступать, начинать') и др. Следует сказать, что флексия им. падежа мн. числа м./ср. рода от основ на *-a с кратким гласным (т.е. *-ah) отмечена только для авестийского языка, ср. ав. асра 'лошади' (др.-ир.

*asrāh) им. мн. м.р. от основы *асра-. Приведенные шугнанские основы прош. времени мн. числа tōyd-, nōst- и др. внешне совпадают с основами прош. времени ед. числа жен. рода. В этом случае они, как уже было отмечено выше, отражают историческую основу прош. времени ед. числа ср. рода, перешедшую затем в разряд основ жен. рода, т.е. ш. tōyd- ед. ж. < *takta- ед. ср., ш. nōst- ед. ж. < *ni-hasta- ед. ср. и т.д. Отсюда можно предположить, что и шугнанские основы мн. числа типа tōyd- исторически также бывают скорее среднего рода, чем мужского.

8.7. Следы исторических флексивных форм обнаруживаются не только в шугнанских основах прош. времени мн. числа, но и в основах прош. времени ед. числа. Так, например, ш. vūst- м.р. ед.ч. 'связывать' может отражать не только историческую основу м.р. ед. числа *basta- (ав. basta-), но и историческую флексивную форму ед. числа муж. рода либо им. падежа *bastah, либо вин. падежа *bastam, а ш. vad- ед. ч. ж.р. 'быть' может отражать не только историческую основу жен. рода ед. числа *būtā- (ав. būta-), но и историческую флексивную форму ед. числа жен. рода либо им. падежа *būtā, либо вин. падежа *būtām. Точ-

но также основы типа ш. *tāyd-* ж.р. ед. ч. 'уходить' отражают не только историческую основу ср. рода. ед. числа **takta-*, но и историческую флексивную форму: либо форму им.-вин. падежа, ед. числа ср. рода **taktam*, либо форму им. падежа ед. числа жен. рода **takta* при нормальном др.-ир. **taktā* (ср. ав. *urvara* им. ед. ж.р. от основы *urvarā-* 'растение' и ав. *daēnā* им. ед. ж.р. от основы *daēnā-* 'религия').

8.8. Корневой гласный ряда основ прош. времени и кратких причастных форм муж и жен. рода, как ед., так и мн. числа, указывает на историческую позицию *i*-умлаута. А это может свидетельствовать о следующем: либо на древнеиранской почве существовали причастия прош. времени не только на **-tā-*, (**-tā-*), но и на **-tī-*, **-tyā-*, либо такого рода основы отражают *i*-умлаутную флексивную форму от основы на **-tā-* (или **-tī-*). В принципе и то, и другое возможно.

Подтверждением того, что на древнеиранской почве могло существовать причастие прош. времени на **-tī*, **-tyā-* является др.-перс. *martiya-* 'смертный' (др.-инд. *martya-*) и ав. *fra-zaintay-* ж.р. 'ребенок' (букв. 'рожденная') наряду с ав. *zāta-*, *-zanta-* 'рожденный'. Вариативность суффиксальных элементов с гласными **-ā* и **-ī* вообще довольно частное явление в языках, ср., например, ведический герундий на *-tvā* и *-tvī* (*kr-tvā* // *kr-tvī* 'сделав'), ав. *jana-* // *jaini-* 'убивающий', древнеиранский суффикс причастия аориста жен. рода на **-atī-* и т.д. Кроме того, анализ шугнано-рушанских основ прош. времени с исходом на гласный и на *-g* позволил восстановить, как выше было показано, древнеиранское причастие прош. времени не только на **-wā-*, но и на **-wī-*. Все это не может не давать основания для предположения о существовании в древнеиранском причастии прош. времени на **-tī-* или **-tyā-*. Исходя из этого, все *i*-умлаутные шугнанские основы прош. времени можно восстановить в причастия на **-tī-* или **-tyā-* (в дальнейшем мы будем восстанавливать одну из этих форм). Примеры: *-jīd-* в *naŷ-jīd-* м./ж.р. 'переходить, переправляться' < **-gatī-* (ав. *gata-*); *wīft-* 'ткать' < **waftī-* (и.-э. *weh-*, др.-инд. *vab-*); *wi-zēnt-* 'знать' < **wī-zantī-* (ав. *zan-*); *xičift-* 'трескаться, лопаться' < **ākaftī-* (и.-э. *skēbh-*, *skēr-* в н.-перс. *šikāftan* 'трескаться, лопаться'); *dūyd-* 'доить' < **d/dūytī-* (и.-э. *dheugh-* в н.-перс. *dūxtan* 'доить'); *rūvd-* 'мести, сгребать' < **rūptī-* (и.-э. *reu-*, *rū-* в н.-перс. *rūftan* 'мести'); *p. vid-* 'быть' < **būtī-* (ав. *bav-*, прич. *būta-*); *ō.nōst-* м.р., *nēs-* в *nēsc-* ж.р. 'сидеть' < **ni-hastī-* (ав. *had-*); ш. *zē-* в *zēs-* 'рождать' < **zāntī-* (ав. *zan-* в *fra-zaintay-* 'рожденная'); *par-wiḥ-* в *par-wiḥc-* ж.р. и мн. ч. 'сваливаться в воду с турсука, перевернувшись' < **parā-warētī-* (**-wṛētī-*) ж.р., **parā-warētīē* (**-wṛētīē*) им.мн. или **parā-warētī* (**wṛētī*) им.-вин. дв. (ср. и.-э. *uel-*, **uel-s-* 'валить(ся)').

Если же эти шугнанские основы рассматривать как рефлексy флексивных форм от основы на **-tā*, что все же менее вероятно, то они могли

бы быть восстановлены следующим образом: $-\ddot{y}id$ в $pa\ddot{y}-\ddot{y}id$ 'переходить' < * $gatai$ дат. ед. м.р. или * $gatai$ местн. ед. м./ср. р. или ж.р.; $wit-$ 'ткать' < * $waftai$ дат. ед. м.р. или * $waftai$ местн. ед. м./ср. или ж.р.; р. $vid-$ м.р. 'быть' < * $b\ddot{u}tai$ дат. ед. м.р. или * $b\ddot{u}tai$ местн. ед. м.р. и т.д.

Итак, шугнанские основы прош. времени продолжают следующие древнеиранские причастия прош. времени: 1) причастие на $*-t\ddot{a}-$ (и, возможно, на $*-y\ddot{a}-$; 2) причастие на $*-t\ddot{i}-$ или $*-tu\ddot{y}-$; 3) причастие на $*-w\ddot{a}-$, $*-w\ddot{i}-$ и, возможно, 4) на $*-k\ddot{a}-$ // $*-\ddot{a}-$. Все шугнанские основы прош. времени сохранили следы исторических родовых, числовых и падежных форм, что нашло отражение в корневом гласном основы.

8.9. Древнеиранское причастие прош. времени, как известно, имело пассивное значение при переходном глаголе и активное значение при непереходном глаголе, ср., например, ав. $basta-$ 'связанный', $gato$ 'выступивший'. Следы исторической оппозиции "пассивность-активность" сохраняют основы прош. времени рушанского, хуфского и бартангского диалектов. Это проявляется в особом спряжении переходных и непереходных глаголов в формах, образовавшихся от основы прош. времени. Особенно четко это проявляется в рушанском и хуфском, ср. р. mi $\ddot{b}\ddot{u}g$ 'мною сделано', но $\acute{a}z-um$ yat 'я пришел', т.е. 'я есть пришедший'. В бартангском наблюдается некоторое нарушение этой исторической оппозиции, ср. $mu\ddot{n}-um$ $\ddot{b}\ddot{u}g$ 'я сделал' - $\acute{a}z-um$ yat . 'я пришел'. В шугнанском эта историческая оппозиция внешне не нашла отражения, ср. $w\ddot{u}z-um$ $\ddot{b}\ddot{u}d$ 'я сделал' и $w\ddot{u}z-um$ yat 'я пришел'. Залоговая недифференцированность отмечена также и для рушанского и бартангского, ср. р. $\acute{a}z-um$ $\ddot{b}\ddot{u}g$ // mi $\ddot{b}\ddot{u}g$ 'я сделал', для второго случая также - 'мною сделано', но $\acute{a}z-um$ yat 'я пришел'.

В основе этих нарушений, как нам представляется, могли лежать следующие процессы. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что в древнеиранском к пассивному причастию прош. времени мог добавляться притяжательный суффикс $*-want$, ср. ав. $fra-zaintivant-$ (ж.р. $-vaiti-$) 'тот, кто имеет кого-то рожденным', а это, естественно, предполагало активное значение, т.е. ав. $fra-zaintivant-$ одновременно могло пониматься и как 'родивший'. Суффикс этого причастия $*-t\ddot{a}want-$, $*-t\ddot{i}want-$ мог иметь вариант $*-twant-$ (ср. аналогичную редукцию в др.-ир. суффиксе причастия среднего залога $*-mna-$, др.-инд. $-māna-$). В таком случае рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на $*-ta-$ с пассивным значением и на $*-twant-$ с активным значением для переходных глаголов совпали и в результате др.-ир. * $k\ddot{r}ta-$ 'сделанный' и * $k\ddot{r}twant-$ 'сделавший' дали в шугнанском один и тот же рефлекс $\ddot{b}\ddot{u}d-$. Думается, что этим можно было бы объяснить залоговую нейтральность шугнанской основы прош. времени переходных глаголов.

Аналогичный процесс имел место в санскрите. Санскритское $k\ddot{r}t\acute{a}vant-$ 'тот, кто имеет что-то сделанным' со временем стало пониматься как 'сделавший'. Вот что пишет Т.Барроу по этому поводу: "Позже причастие на $-t\acute{a}vant-$ // $-navant-$ (когда в причастии корень принимает $-na$) начинает употребляться самостоятельно вместо прошедшего времени действительного залога, при этом связка подразумевается: на $m\ddot{a}m$ $ka\ddot{e}sid$ $\ddot{d}r\acute{e}t\acute{a}van$ 'никто не (у)видел меня'. В классическом языке это обычный способ выражения, являющийся альтернативой к употреблению прошедших времен, в добавление к страдательной конструкции" (Барроу, 1976, с. 345). Близки к этому, как нам представляется, следующие две конструкции в английском языке: he has it $done$ 'он имеет это сделан-

ним', 'у него это сделано' и he has done it 'он это сделал' (Маслов, 1983).

Другой причиной залоговой недифференцированности шугнанских основ прош. времени могла быть контаминация древнеиранских пассивных причастий на *-tā-, *-tī- (или *-tuā-) с нейтральными в залоговом и во временном отношениях причастиями аориста на *-a(n)t- м.р., *-atī- ж.р. (ср. ав. varəhant- м.р., varəhantī- ж.р. 'победивший'). Так, например, др.-ир. *pač-ata- м./ср. р. (др.-инд. pac-ata- 'сваренный, сваренное' (пассивное причастие прош. вр. на *-ata-) и др.-ир. *pač-atī- ж.р. 'сваренная, сварившая' (причастие аориста) со временем вполне могли контаминироваться (ср. вах. pəc-et-k причастие прош. вр. 'сваренный, сваривший').

Заслуживает также внимания предположение М.Н.Боголюбова о переходе пассивного значения глагола к активному через возвратное значение, т.е. 'сделанное' - 'сделалось' - 'сделал' (Боголюбов, 1982).

Наконец, не следует сбрасывать со счетов и возможность изначального совмещения активного и пассивного значений в ряде древнеиранских причастий прош. времени на *-tā-, *-tuā-. Вот что пишет Т.Барроу по этому поводу: 'Как и в других случаях, специфическая функция этого суффикса не была свойственна ему с самого начала, а была воспринята им постепенно. Исходное значение, например, слова klutō-, как и любой другой формы прилагательного того же типа, не более чем 'связанный со слушанием, имеющий отношение к слушанию'. В греческом языке специализация значения не пошла так далеко, и наряду с пассивным значением мы часто встречаем и активное: δυνατός 'возможный' и 'способный', δυνατός 'понятный' и 'поятливый' и т.д. В санскрите активное значение видно в слове sūtā- 'возника' ('погонщик'), т.е. тот, кто связан с sū-t- (букв. 'погоняние'), от sū-, sūvāti, а также в nāpitā- 'питьельник' (Барроу, 1976, с. 159). Об этом говорит и др.-инд. grātas (из pra-ār-tas) 'он достиг' наряду с gatas 'он ушел' (Семереньи, 1980, с. 337).

Но наиболее вероятным нам представляется все же следующее. Историческое пассивное значение причастия прош. времени при переходном глаголе и активное значение при непереходном сохранилось в основах прош. времени всех памирских (да и вообще иранских) языков. Но в результате звуковой близости, а иногда и материального совпадения различных по происхождению двух рядов показателей лица и числа (при переходных и непереходных глаголах), употреблявшихся с современной основой прош. времени при образовании личных глагольных форм, создалось впечатление залоговой недифференцированности современных основ прош. времени (ср. ср.-перс. raft ham '(я) ушедший есмь' и i-m kart // kart i-m 'есть мною (/ / мое) сделанное' // 'сделанное есть мною (/ / мое)'; ср. также модель ягн. viyortam-x 'найденное мною (/ / мое) есть' и vutaim '(я) ставший').

Итак, подводя итог всему вышеизложенному относительно основ прош. времени, можно констатировать следующее. В шугнано-рушанской группе языков нашли отражение древнеиранские причастия прош. времени на *-tā-, *-tuā- или *-tī-, *-wā-, *-wī- и на *-kā- // *-āā-. Все основы прош. времени первичного образования сохранили следы исторической оппозиции по роду (муж., ср., жен.), по числу (ед., дв., мн.) и, возможно, по падежу.

8.10. Исторически производной от основы прош. времени является краткая форма причастия прош. времени, не осмысляющаяся в настоящее время говорящими как причастие и выступающая как своего рода основа для образования глагольной формы перфекта. Признаком этой так называемой перфектной основы

сравнительно с основой прош. времени является конечная аффриката -ǰ (после звонкого согласного или гласного) или -č (в основном после глухого согласного) для муж. рода и аффриката -ǰ (после звонкого согласного) или -с (после глухого согласного или гласного) для жен. рода. Исходные согласные основы прош. времени -d, -t при образовании перфектной основы, как правило, либо выпадают, либо спонантизируются. Примеры: осн. прош. вр. vüst- - осн. перф. vüšǰ- 'связывать'; dā- - dōǰ 'давать'; tūy- м.р. - tūǰ-, tūy- ж.р., мн. ч. - tic ж.р., мн.ч., tūǰ мн.ч. 'уходить'; yat- - yačǰ- 'приходить'; zidux- м.р. - ziduxč-, zidač- ж.р., мн.ч. - zidič ж.р., zidač- мн.ч. 'рвать(ся), разрывать(ся)'; švd- м.ж.р. - švǰ- м.р., švǰ- ж.р., мн.ч. 'спать' и др.

У небольшого числа сугнанских глаголов с исходом основы наст. времени на -г перфектная основа образуется от другого варианта основы прош. времени, самостоятельно не употреблявшегося, например: čūd- осн. прош. вр. 'делать' < *kṛta- (ав. kēreta- 'сделанный') - čūǰ-ǰ перф. основа < *kṛṣa-+-ka- (ср. ав. kaša- 'сделанный'); mūd- 'умирать' < *mrta- (ав. mereta- 'умерший, смертный') - mūǰ-ǰ- м.р. < *mrṣa-+-ka- (ср. ав. maša- 'смертный, человек'), mīǰ-ǰ- ж.р. того же глагола < *mrṣi-+-čī-, mūǰ-ǰ- мн.ч. того же глагола < *mrṣah-+-ka-; yūd- 'молотъ' < *arta- (ср. н.-перс. ārd 'мука', т.е. 'смоло-тое') - yūǰ-ǰ- < *arṣa-+-ka- (ав. aša- 'смолотый'); xūd- 'кушать' < *xwṛta- или *xwarta- (ав. корень xvar-) - xūǰ-ǰ- < *xwṛṣa-+-ka- (ср. ав. xwāsa- 'еда, кушанье'); zidūd- 'мести, подметать' < *us-tṛta- - zidūǰ-ǰ- перф. основа < *us-tṛṣa-+-ka- (н.-е. ter- 'тереть, вытирать'); р. čīw-с- ж.р. и мн. ч. 'делать' < *kṛwī(-)+-čī- (ав. kar-); mīw-ǰ- 'умирать' < *mrwī(-)+-čī- (ав. mar-), х. mīg-ǰ- 'умирать' < *mrkwī-+-čī- и др.

Итак, в сугнано-рушанской группе языков краткая форма причастия прош. времени (или перфектная основа) являлась отражением древнеиранского причастия прош. времени с одним из следующих сложных суффиксов: *(-tā)-kā-, *(-tī)-ka-, *(-tī)-čī, *-ša/i-+-kā-((-čī), *(-wā)-kā-, *(-wī)-čī.

Выше уже говорилось о том, что современная перфектная основа служит для образования формы перфекта. Но в языке сохраняются субстантивировавшиеся формы этого исторического причастия, ср. ш. xičs 'сдобная булка' < *xwas-/štuā-+-čī- и ш. -xačs в run-xačs 'сдоба' < *xwas/štā-+-kā (н.-е. sūgr- 'сладкий, вкусный', др.-инд. svāda- 'вкус', ав. xvasatō 'вкусно испеченный'); ш. mičs 'моча' < *mišta- (или *mištuā-)-+-ka- (ав. maēz-).

8.II. Перфектная основа, являвшаяся исторически причастием прош. времени, служит базой для образования глагольной формы плюсквамперфекта, т.е. давно-прошедшего или преждепрошедшего времени. В этом случае она сочетается с личной формой вспомогательного глагола 'быть' в форме прош. времени. В бартагском и орошорском диалектах в качестве вспомогательного используется глагол vaw-: vud 'быть', например, ó. luvǰ vud 'он(а) сказал(а), suč vud 'он ходил', - sic vad 'она ходила'. Эта глагольная форма в этих диалектах является аналитической. Основа прош. времени вспомогательного глагола является отражением древнеиранского причастия прош. времени, т.е. vud- м.р. < *būta-, a vad- ж.р. < *būtā- (ав. būtā- от bav- 'становиться').

В остальных диалектах группы в качестве вспомогательного используется глагол, являющийся рефлексом древнеиранской основы *ah-, *h- 'быть', который в настоящее время самостоятельно не употребляется (за исключением застывшей формы 3 л. ед. ч. yast 'есть, имеется'). В сугнанском и в хуфском основа

прош. времени от этого глагола имеет вид -at (ср. ш. lūvǝ-at 'он(а) сказал-(а)'), а в рушанском и сарыкольском -it (ср. р. lūvǝ-it 'он(а) сказал(а)').

Поскольку элементы -at, -it говорящими не осмыслиются, то вся глагольная форма в целом с синхронной точки зрения считается синтетической. С исторической точки зрения ш.х. -at является отражением древнеиранского причастия прош. времени на *-atā- от глагола *ah-, *h- 'быть', т.е. *hatā-. А р.с. -it отражает причастие прош. времени на *-atī- или *-ita- от того же глагола, т.е. *hatī- или *hīta-. Суффикс *-ata- наряду с *-ta в причастиях прош. времени зафиксирован, как уже отмечалось выше, в древнеиндийском и авестийском, ср. др.-инд. расata- 'сваренный, испеченный', ав. huṣata- 'высохший, сухой'. Также существовал и суффикс *-atī наряду с *-tī- и *-itā-. Менее вероятным с фонетической точки зрения было бы предположение видеть в -at и -it рефлекс исторического причастия прош. времени на *-tā-, *-tī- от глагола *ah- 'быть', т.е. *astā-, *astī-, поскольку консонантная группа *-st сохраняется в языке.

Выражение лица и числа

8.12. Лицо и число в глагольных формах выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы наст. времени (настояще-будущее время и форма императива), лицо и число выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прош. времени (форма прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта), лицо и число выражается особыми подвижными показателями энклитического типа.

Личные окончания

8.13. Личные окончания в диалектах следующие: а) 1 л. ед. ч. ш.рх.б.ор. -um, с.-ам; мн.ч. ш. -ām, рх. -am, б.ор.с. -an; б) 2 л. ед. ч. ш.рх.б. -i, ор.с. ноль; мн.ч. ш. -ēt, рх.б.ор. -at // -af, с.-it; в) 3 л. ед. ч. во всех диалектах -t или -d, мн. ч. ш. -ēn, рх.б.ор. -an, с.-in.

Исторически все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залога. Исключение составляет окончание 1 л. мн.ч. б.ор.с. -an, для которого не засвидетельствованы соответствия в известных нам древнеиранских языках, а также в древнеиндийском. За пределами этих языков личное окончание 1 л. мн.ч. -an можно было бы сопоставить с хеттским личным окончанием 1 л. мн.ч. -meni (ср. х.-сакс. -mane, согд. -'um) или скорее с хет. -weni, а также с лувийским -ēni. Исходя из этого на индоиранской почве можно предположить существование окончания 1 л. мн.ч. *-man(i), *-wan(i), а также *-manā, *-wanā по аналогии с окончанием 2 л. мн.ч. *-ta // *-tana, *-tha // *-thana (ср. др.-инд. bhāraṭha 'вы несете', vadathana 'вы говорите', bharaṭa 'несите', hantaṭa 'убейте'). В таком случае окончание 1 л. мн.ч. б.ор.с. -an можно было бы восстановить в виде *-a-w(a)ṇā. Для окончания с элементом -w- ср. окончание 1 л. дв.ч. ав. -va.

Что касается остальных окончаний, то они являются рефlekсами следующих древнеиранских личных окончаний: а) 1 л. ед. ч. ш.рх.б.ор. -um < *-a-ma, с.-ам < *-a-ma (ав. -mī); мн.ч. ш.-ām, рх. -am < *-ā-mā (ав. -mā);

б) 2 л. ед. ч. ш.рх.б. -i < *-a-hi (ав. -hi → ор.с. ноль звука < *-h (ав. -h) или *-a, т.е. окончание императива (ав. -a); мн.ч. с. -it < *-ī-ta, ш. -ēt < *-ī-tām, рх.б.ор. -at < *-ā-tām (пр. *-tām дв.ч.), рх.б.ор. -af, по-видимому, из *-ā-twam (ав. -dvam); в) 3 л. ед. ч. -t/d < *-ti или *-tā; мн.ч. ш. -ēn, с. -in < *-a-nti (ав. -nti), рх.б.ор. -an < *-ā-ntām (императив, ав. -ntam). В некотором разъяснении нуждается восстанавливаемое окончание 1 л. ед.ч. *-mā (ав. -mi). Его мы реконструируем по аналогии с окончанием 3 л. ед.ч. *-ta, которое существовало наряду с окончанием *-ti и *-tu, ср. ав. asti (индикатив, акт. залог), astu (императив акт. залог) и *(a)hata (конъюнктив мед. залог) от *ah- 'быть' (см. Барроу, 1976, с. 293). Аналогично чередующиеся окончания были представлены и в 1 л. ед.ч. конъюнктива, т.е. *-āni // *-āna.

Подвижные показатели лица и числа

8.14. В отличие от личных окончаний подвижные показатели лица и числа могут присоединяться к любому (чаще, однако, к первому) члену предложения, например: ш. wāḍ-ēn lūvd-at yu nīvāḥt-i 'они говорили, а он записывал'; wāz-um di śinōw gār na-ḥud 'я не слышала подобных слов'.

Эти показатели в диалектах следующие: а) 1 л. ед.ч. ш.рх.б.ор. -um, с. -am; мн.ч. ш. -ām, рх. -am, б.ор.с. -an; б) 2 л. ед.ч. -āt; мн.ч. ш. -ēt, рх.б.ор.с. -af, б. -at; в) 3 л. ед.ч. ш.рх.б.с. -(i); мн.ч. ш. -ēn, рх.б. -an, б. -af (последний обычно при переходных глаголах), ор.с. -af.

Показатели лица и числа в шугнанском внешне совпадают с предикативной связкой. В других диалектах есть небольшие расхождения, так, например, в рушанском показателем 2 л. мн.ч. является -af, а предикативная связка может быть -af и -at (реже). В бартангском в 3 л. мн.ч. в качестве предикативной связи употребляется только -an.

8.15. Исторический анализ показателей лица и числа показывает, что они, будучи употребленными с непереходным глаголом, являются закономерными рефлексам личны форм глагола *ah-, *h- 'быть' в настоящем времени, причем в одном лице это может быть рефлекс индикатива, в другом - конъюнктива или опатива. Показатели 1 л. ед. числа -um, -am продолжают личную форму *ahmā. Показатель 2 л. ед. ч. -at может быть восстановлен в *hatēh, т.е. форму конъюнктива 2 л. ед. числа. Для окончания *-tāh ср. др.-инд. вторичное окончание 2 л. ед. ч. -thās (Барроу, 1976, с. 286). Показатель 3 л. ед. ч. -i отражает форму опатива 3 л. ед. ч. глагола *ah- т.е. *ahyāt. Нулевой вариант этого показателя является рефлексом формы конъюнктива активного залога *-hat (ав. aṇhat) или формы опатива *hyāt.

Показатели мн. числа продолжают следующие личные формы глагола *ah-, *h- 'быть': а) 1 л. -ām < *ahmā, -an < *aṇhmā (от основы *aṇh-, ср. ав. aṇhat конъюнктив 3 л. ед. ч. от *aṇh- 'быть'); б) 2 л. -ēt < *hyāta или *hīta (опатив), -af (через этап *-av, ср. вах. -ev) < *hatwām (для вах. *hatwai) конъюнктив (ср. авест. окончания -dūm и -duyē); в) 3 л. -ēn < *hanti (индикатив) или *hyānta (опатив), -an < *hantām (императив). Что касается показателя 3 л. мн. числа б.ор.с. -af, то он совпадает с показателем 2 л. мн. числа рх.б. ор.с. -af (ср. также ваханские показатели мн. числа 2-го и 3-го лица -ev). Контаминация окончаний 2-го и 3-го лица для не-единственного числа, по-видимому, была не так уже невозможной. Очень близки были, например, окончания 2-го и 3-го лица дв. числа, ср. *-ṣah и *-tah (первичные),

*-tam и *-tām (вторичные). Но вместе с тем можно было бы восстановить для показателя 3 л. мн.ч. -af и императивную форму *hantwa(?).

Эти же показатели лица и числа употребляются и при переходных глаголах. Но в этом случае они, как нам представляется, имеют другое происхождение, а именно: они отражают историческое сочетание древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л.ед.ч. в одном из наклонений с энклитическим местоимением, т.е.: а) ед.ч. 1 л. -um, -am < *ahat+mai (где *ahat форма конъюнктива акт. залога); 2 л. -at < *ahat+tai; 3 л. -i < *ahyāt+hi (где *ahyāt форма опатива акт. залога), а нулевой вариант в этом лице отражает древнеиранскую форму конъюнктива активного залога *hat + hi; б) мн.ч. 1 л. -ām < *ahat+ ahm̥ (твор.мн.), вариант -an < *ahat + nāh; 2 л. -ēt < *ahyāt + tai, а вариант -af < *ahat + vāh; 3 л. -ēn < *ahyāt + anāiš (твор.мн. от мест: основы *ana-), рх.б. -an < *ahat + *anāiš, а б.ор.с. -af < *ahat + āb/fiš (твор.мн. от мест. основы *ā-).

Личные формы глагола

8.16. В шугнанском, как и в других диалектах группы, представлены следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, прошедшее время, перфект и плюсквамперфект. В сарыкольском, кроме того, имеются две сложные глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. К этому следует добавить еще представленную во всех диалектах форму повелительного наклонения. В отличие от именной глагольная система в языках шугнано-рушанской группы претерпела более значительные изменения сравнительно с древнеиранской. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные формы представляют собой хронологически различные новообразования.

Но в шугнано-рушанской группе языков, как и в других памирских языках, сохраняется также застывшая личная глагольная форма. Это - yast 'есть, имеется'. Она может быть восстановлена в *hastam, т.е. в форму 3 л. ед.ч. императива, медиального залога от основы *hah- (редуплицированная) 'быть'. А соответствующая отрицательная форма nist 'не есть, не имеется' отражает форму индикатива 3 л. ед.ч. активного залога того же глагола *ah- 'быть', т.е. *asti.

Возможно собственно шугнанской является и застывшая глагольная форма b̥st 'стой!'. Она может быть восстановлена в *ura-histdi или в *ura-histhwa, т.е. в форму 2 л. ед.ч. императива активного или медиального залога от редуплицированной основы *his/ēt-, образованной от корня *st-, *stā- 'стоять' (ср. авест. основу hiēt-).

8.17. Форма повелительного наклонения ед. числа во всех диалектах группы внешне совпадает с основой наст. времени, например: ш. lūv, рх.б. ор. luv, с.lev 'скажи, говори!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения безударного окончания 2 л. ед. числа императива *-a, ср. ав. bāg-a 'неси!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, например: ш. lūv-ēt, рх.б.ор. luv-at // luv-af, с.lev-it 'скажите, говорите!'.
 8.18. Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе наст. времени безударных личных окончаний, например: ед.ч. 1 л.

ш. lāw-um, 2 л. lāw-i, 3 л. lāw-d; мн. ч. I л. ш. lāwām, 2 л. lāw-āt, 3 л. lāw-ēn. Эта форма выражает любое непроедшее действие. Так, ш. wāgum в зависимости от контекста может означать 'принесу, принесу, принесу-ка, буду приносить'. Конкретизация значения в какой-то степени осуществляется за счет подвижных энклитических частиц, например: ш. yū-ta tīnd 'он (обязательно) уйдет'; ʕi-r-ta yēd-ind kini? 'что ты тут делаешь?'; wāz-ta ar Dušambi kōr kinum 'я работаю в Думанбе'; nūr-ta ʕo-lu ʕiniʕ ōdā 'сегодня, наверное, пойдет снег'.

8.19. Как уже отмечалось выше, базой для образования всех глагольных форм, выражающих не-настоящее время, является основа прошедшего времени, развившаяся из древнеиранского причастия прошедшего времени (подробнее см. "Основы"). От этой основы, как уже говорилось, в современном лугнанском образуется вторичная основа перфекта. Путем сочетания основы прош. времени или основы перфекты с подвижными показателями лица и числа (см. выше) образуются форма прошедшего времени и форма перфекта.

Ни та, ни другая форма не являются продолжением какой-либо древнеиранской формы. В этом отношении они представляют собой новообразования. Но поскольку аналогичные формы имеются в целом ряде иранских языков, причем как современных, так и языков среднеиранского периода, то можно думать, что такого типа новообразования не так уж новы и что возникли они где-то на рубеже древнеиранского и среднеиранского периодов.

8.20. Ниже приводим спряжение глагола ш. lāw-: lāwd 'говорить' в формах прошедшего времени и перфекта.

П р о ш е д ш е е в р е м я

Ед.ч.

Мн.ч.

I л. wāz-um lāwd
2 л. tú-(a)t lāwd
3 л. yū-(i) lāwd

māš-ām lāwd
tamā-(š)t lāwd
wāš-ēn lāwd

П е р ф е к т

Ед.ч.

Мн.ч.

I л. wāz-um lāwʕ
2 л. tú-(a)t lāwʕ
3 л. yū-(i) lāwʕ

māš-ām lāwʕ
tamā-(š)t lāwʕ
wāš-ēn lāwʕ

Форма прошедшего времени выражает прошедшее действие независимо от его длительности и кратности. Так, например, ш. wāz-um sut может означать 'я пошел', 'я шел', 'я (с)ходил'. Кроме того, форма прошедшего времени в условно-временных придаточных предложениях может выражать будущее совершенное действие, например: wēgā-ri di tu wirōd yat, tu nāw! 'когда вечером придет твой брат, ты заплачешь!'

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, а также при передаче информации с чужих слов или при логическом заключении о действии, например: wūdʕ na wūdʕ yī rētʕō wūdʕ, wī-nā-ēn di rus wāšʕ-at yī rāzīn wic 'было ли не было, был один царь, у него было два сына и одна дочь'; lāwd-um gimūn tōyʕ-ēn wāš 'я подумал: должно быть, они услышали'.

8.21. Что касается формы плюсквамперфекта, то, как уже отмечалось, в шугнанском, рушанско-хуфском и сарыкольском диалектах она с синхронной точки зрения является простой, поскольку она образуется путем сочетания перфектной основы, осложненной элементом ш.х. -at, р.с. -it, с подвижным показателем лица и числа.

В бартангском и орошорском диалектах форма плюсквамперфекта образуется аналитически, т.е. путем сочетания перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vaw-: vud* 'быть' в форме прошедшего времени.

Приводим спряжение глагола ш. *lūv-: lūvd* и б. *luv-: luvd* 'говорить' в этой форме.

• П л ю с к в а м п е р ф е к т

Шугнанский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>wúz-um lūvʃat</i>	<i>māš-ān lūvʃat</i>
2 л. <i>tú-(a)t lūvʃat</i>	<i>tamā-(ā)t lūvʃat</i>
3 л. <i>yú-(i) lūvʃat</i>	<i>wāš-ān lūvʃat</i>

Бартангский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>áz-um luvʃ vud</i>	<i>māš-an luvʃ vud</i>
2 л. <i>tū-t luvʃ vud</i>	<i>tamāš-af luvʃ vud</i>
3 л. <i>yā-(i) luvʃ vud</i>	<i>wāš-an luvʃ vud</i>

Форма плюсквамперфекта используется для выражения действия, имевшего место давно или ранее какого-то другого действия. В условном предложении эта форма употребляется для выражения ирреального действия. Примеры: ш. *yú(-yi) parwōs tūʃat*, б. *yā(-yi) parwōs tūʃ vud* 'он уехал в прошлом году'; ш. *wām-ard fōraʃ sa vūšʃat*, *yā yaʃʃat* 'если бы она захотела, она бы пришла'.

8.22. Как уже отмечалось, в рушанско-хуфском и бартангском диалектах переходные глаголы во всех прошедших временах имеют и другой тип спряжения, наиболее характерный для них. Местоименное подлежащее при этом типе спряжения может употребляться в косвенной падежной форме, причем в рушанском и хуфском в отличие от бартангского в этом случае глагол, как правило, не спрягается и показатель лица и числа отсутствует, а в бартангском в этом случае показатель лица и числа присутствует, причем в 3-м лице мн. числа употребляется показатель переходного глагола -af (а не -an). Приводим спряжение глагола рх. б. *luv-: luvd* 'говорить' в форме прошедшего времени.

Спряжение переходного глагола в прошедшем времени

Рушанско-хуфский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>mu luvd</i>	<i>māš luvd</i>
2 л. <i>tā luvd</i>	<i>tamā luvd</i>
3 л. <i>way luvd</i>	<i>uf luvd</i>

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	mūn-um luvd	māš-an luvd
2 л.	tā-(a)t luvd	tamāš-af luvd
3 л.	wī-yi luvd	ūf-af luvd

8.23. В сарыкольском помимо отмеченных выше глагольных форм представлены еще две сложные глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. Обе эти формы образуются сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vēw*:- *vid* 'быть' либо в форме настоящего-будущего времени (для первой формы), либо в форме перфекта (для второй формы), например: *уи халг мөүҗ vid* 'тот человек, должно быть, умер'; *мāš-an керрэк-ан wi а-хынг-ан саҗс vedj* 'доски для моста мы еще раньше утащили'. Эти формы являются сравнительно поздними образованиями.

8.24. Наиболее четким и последовательным для современной глагольной системы в целом является противоположение форм во временном аспекте. О категории наклонения можно говорить лишь постольку, поскольку существует различие в употреблении частиц отрицания при глагольных формах (в положительных формах в этих случаях различие внешне ничем не поддерживается). Так, частица *на* (ав. *nōit*, др.-перс. *naiy*) указывает на изъявительный характер действия или состояния, а частица ш.рх.б.ор. *mā*, с. мо (ав., др.-перс. *mā*) употребляется при выражении таких оттенков неизъявительности, как: повеление (прямое или косвенное), желание, долженствование, необходимость, предосторожность и т.п. Например, ш. *на lūvd* означает '(он) не говорит' или 'он не скажет', а ш. *mā lūvd* может означать 'пусть он не говорит', 'чтобы он не сказал', 'как бы он не сказал' и т.д.

Сарыкольский в отличие от других диалектов сохраняет такую унаследованную от прошлого черту, как подвижность во фразе глагольной частицы отрицания, например: *на-уик sedj vēw, ta dil* 'если ты не доволен, то как хочешь'; *мо мы барго саҗт, хид!* 'как бы она не украла да не съела моего ягненка!'.
8.25. Категории вида в том смысле, как она понимается, например, в русском языке, в диалектах нет. Такие видовые оттенки, как длительность, многократность, передаются факультативными частицами, а результативность, законченность действия - формой перфекта.

8.26. Новообразованием является описательная форма страдательного залога или так называемая пассивная форма. Она образуется сочетанием перфектной основы, осложненной суффиксом *-āk*, с вспомогательным глаголом ш. *sāw*:- *sut* 'становиться, делаться, отправляться' в личной форме, например: ш. *уи qulf wiḥōjak na-sūd* 'замок не открывается'; *māš-and-ta šadēn mīzjak sāwēn* 'у нас будут построены дома'.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

8.27. Инфинитив в памирских языках одновременно является и именем действия. Шутганский инфинитив образуется от основы наст. времени путем прибавления одного из следующих суффиксов: *-t/d*, *-t/dōw* (с. *-t/dēw*, *-t/daw*), *-iz*, *реже - dōw* (с. *-dōw*, *-aw*), с. -и. Большинство шутганских глаголов имеет три

варианта инфинитива, например: čint // čintōw // činiŋ 'копать, копание', nivišt // nivištōw // nivišiz 'писать, писание'.

С исторической точки зрения инфинитив на -t/d у большинства глаголов продолжает древнеиранское имя действия на *-ti// *tai (ср. ав. stātē 'стоять'), например: nivišt 'писать' < *ni-pīti (ав. paē-), vīst 'связывать' < *basti (ав. band-, tīd 'уходить' < *tak/xti (ав. tak-), vid 'быть' < *būti (ав. bav-, но ср. инф. buye), čint 'копать' < *kanti (ав. kan-), sit/d 'отправляться, идти, становиться' < *sūti (ав. š(y)av-, инф. šūiti).

Но шугнанский инфинитив на -t/d может продолжать не только исторические имя действия на *-ti, но и имя действия на *-tā (ср. ав. parētā инф. 'спрашивать' наряду с parētaу 'опрос' от корня fras-, pars-) и *-tum (ср. др.-инд. kártum 'делать'), например: ш. yat 'приходить' < *yātā (ав. yat-), tārt 'убирать, расчищать' < *tartā или *trtā (и.-е. ter- 'тереть'), rēd 'оставаться' < *rītā (и.-е. lē(i)- 'оставаться'), lūvd 'говорить' < *l-/rartum (и.-е. ler-, др.-инд. lar- 'говорить').

Некоторые шугнанские глаголы сохранили рефлексы всех трех вышеуказанных типов древнеиранского имени действия. Так, например, глагол īkafo-: īkufst 'расцветать, распускаться' (и.-е. (s)kēp-, (s)kēb(h)- в н.-перс. īkoftān 'расцветать') имеет следующие варианты краткого инфинитива (т.е. инфинитива на -t): īkift < *ēkap/fti, īkaft < *ēkap/ftā и īkufst < *ēkap/ftum (т.е. вин ед. от основы на *-tu-).

Все шугнанские глаголы имеют и другую, так называемую полную, форму инфинитива на -t/dōw, например: nivištōw 'писать', vīstōw 'связывать', wišōd-tōw 'знать', tīdōw 'уходить', vidōw 'быть', sit/dōw 'отправляться, идти, становиться' и др. Исторически суффикс -t/dōw отражает форму вин. падежа ед. числа конечного элемента основы древнего инфинитива, т.е. *-tawam (ср. др.-инд. инф. на -tawa в дат. падеже kártavai 'делать', dātavai 'давать'). Шугнанскому суффиксу инфинитива -t/dōw в сарыкольском соответствуют два говорных суффикса: -t/daw и -t/dēw, например: navištaw, navištēw 'писать', tidaw, tidēw 'уходить' и др. Исторически эти суффиксы отражают формы отложительно-го и дательного-местного падежей конечного элемента основы древнего инфинитива на *-tawa-, т.е. -t/daw < *-tawāt, а -t/dēw < *-tawāi (дат.) или *-tawai (местн.). Кроме языков шугнано-руманской группы аналогичного типа инфинитив достаточно сохраняется в ваханском языке, ср., šidōw(n) 'убивать', red/dōw(n) 'давать'.

8.28. Большинство шугнанских глаголов имеют также инфинитив на -iz, например: nivišiz 'писать', čaniz 'копать', šāndiz 'смеяться', šōyiz 'читать, учиться'. Этот инфинитив может сочетаться в вспомогательном глаголом kin-: šūd 'делать', образуя ту или иную глагольную форму, например: tu-ta rōst lūvi-yō, šāndiz kini? 'ты правду говоришь или смеешься?'; tu-yat tām nivišiz šūd 'ты ведь тогда еще записал'. Основа вспомогательного глагола может выпадать, и таким образом инфинитив сочетается только с личным окончанием, например: māš dūziz kinām // māš dūziz-ām 'мн доим'; wuz šōyiz kinum // wuz šōyiz-um 'я читаю'.

Исторически суффикс -iz может быть восстановлен в *-īšī-. В других памирских языках ему соответствуют: язг. -aŋ < *-ākā-, ишк. wū/uk < *-aka-, вах. -ak < *aākā-, -mk- < *-aka-. Этот суффикс отмечен также и в других иранских языках, ср., например; афг. vuak 'быть', пашай karTk 'делать', ормури

par-gūnyek 'покрывать', дари rawāḥ 'хождение' и др. Анализ этого имени действия с точки зрения умлаута говорит о том, что это образование является сравнительно поздним.

Во всех диалектах, кроме шугнанского, глаголы с исходом основы настоящего времени на -г или -п (< *-g-/-p-) имеют инфинитив с суффиксом -gōw, например: рх. čī-gōw 'делать', xī-gōw 'кушать' и др. Исторически этот суффикс по аналогии с суффиксом -tōw можно было бы восстановить в *-kāwa(m), ср. м. liš-ko(w) 'видеть'.

В шугнанском и рушанском сохраняется исторический инфинитив на *-ai (флексия дат.ед.), ср. ш. čī, р. čī 'делать' < *kraī (ср. ав. инф. от корня baw- - buye 'быть').

8.29. В сарыкольском зафиксировано также имя действия на -ын < *-ana-, ср. с. warv-ын 'кипение'. В авестийском языке этому суффиксу соответствует (ə)na-, например, ав. xvarəna 'еда, питье', uas-na 'моление'. Ср. также др.-инд. -ana- в asana- 'еда', rāsana- 'варка, приготовление пищи'. Очень широко этот суффикс инфинитива представлен в ваханском, ср. tuk-n 'идти', rñu-n 'пасти (скот)'. Этот же элемент *-ana- содержится в сложном суффиксе инфинитива на *-tana- или *-tanai, ср. вах. pi-tn 'пить', (y)i-tn 'есть'. Суффикс *-tana(i)- является одним из самых распространенных суффиксов инфинитива в персидском, таджикском и других иранских языках, ср. н.-перс. kārdañ 'делать' < *kar-tanai (др.-перс. šartanaiy 'делатель').

Причастие

В шугнанском имеются несколько причастий настоящего времени и два причастия прошедшего времени.

8.30. Из причастий наст. времени два образуются от основы наст. времени. Это причастие на -īḥ и баджувская форма на -īn (м.р.), -ān (ж.р.), например: niḥiḥ-īḥ 'пишущий, писатель', wāḥ-īn (м.р.), wāḥ-ān (ж.р.) 'плаксивый'. Два других причастия образуются от формы инфинитива на -t/a (или краткой формы инфинитива). Это причастия настоящего-будущего времени со значением намерения на -mēḥ (р. -miḥ), -minēḥ и остаточное сохраняющееся причастие наст. времени на -čōz, например: tiḥ-mēḥ // tiḥ-minēḥ, с. tiḥ-mayḥ, р. tay-miḥ 'собирающийся отправиться', wiḥn(t)-čōz, с. wazond-(i)čuz 'знающий, знаток'. Последний тип причастия очень широко представлен в сарыкольском языке.

Исторически эти суффиксальные элементы могут иметь следующие соответствия. Суффикс -īḥ < *-ika- (ср. ав. raḥ-ika- 'пекущий, варящий'), суффикс -īn (м.р.) < *-anya- (ср. ав. zaraṇya- 'золотой'), -ān (ж.р.) < *-ānā- (ср. ир. *zaraṇa- 'золотой', Bartholomae, 1904, стр. 1683). Что касается элементов -mēḥ (с. -mayḥ) и -min-ēḥ, то они представляют собой рефлекс древнеиранских причастий наст. времени *mai-ka- и *mīna- + суф. 'думающий, намеревающийся' от корня *mai-, *main- // *mīn- 'думать, намереваться' (и.-е. mei-no- 'мнение', нем. meinen 'думать'). Суффиксальный элемент ш. -čōz, с. -(i)čuz является рефлексом древнеиранского причастия настоящего времени *kāza- 'могущий, способный к...' от корня *kāz-, *kāsa- 'мочь, быть в состоянии, быть способным' (ср. и.-е. kak-, *kak-, *kaḡ(h)- 'мочь, быть способным', др.-инд. śāka- 'могущий, способный на что-либо', ав. sačaiti 'знает толк в...', вах. -kāz-g, ишк. -kāz, ос. aqaz- 'помощь'). Таким образом, ш. tiḥ-mēḥ // tiḥ-min-ēḥ могло бы быть восстановлено в *takti-+maik-+ka-,

*takti-+-mīna+суф. 'думающий, намеревающийся отправиться', а ш. wizēn(t)-
cōz < *awa-zanti-+-kāza- со значением 'способный к знанию, знающий, знаток'.

8.31. Из причастий прош. времени наиболее древним является причастие на
-t/d, продолжающее историческое пассивное причастие прош. времени на *-tā-,
*-tyā-, *-tī-. В современном языке оно отмечено только с частицей отрицания
no-, например: no-nivīšt 'не написанное', no-čīd 'не сделанное', no-firāpt
'не созревший' и т.д. Пример во фразе: māy zimc yai no-cīd 'наше поле еще не
сжато'.

Наиболее распространенным причастием прош. времени является причастие,
образующееся от перфектной основы прибавлением суффикса -in (рх.б.ор. -in,
с. -enj). Это причастие нейтрально в залоговом отношении. Примеры: nivīšč-in
'написанный, написавший, запись', anjivj-in 'захваченный, захвативший',
rēxč-in 'сваренный, сварившийся', tūy-in м.р., tīc-in ж.р. 'ушедший' и др.
Исторически суффикс -in отражает др.-ир. *-anyā- (см. выше).

8.32. От перфектной основы прибавлением суффикса -āk образуется еще одно
причастие прошедшего времени, которое в настоящее время не является столь
продуктивным. Оно используется в основном при образовании формы страдатель-
ного залога, например: yu qulf wixīdjak na sūd 'замок не открывается' (букв.
'замок не становится открытым'); wi awōz xudjak sut 'послышался его голос'
(букв. 'его голос услышанным стал'). От некоторых глаголов эта форма как бы
субстантивировалась, ср., напр.: žaqč-āk 'сжатый, сдавленный', ziyixč-āk 'за-
сохшие (ветви), сушняк', rīdāfc-āk 'заразный' (букв. прилипший), šūnc-(āk)
'смех'.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Имя

1.0. Общие замечания. Сравнивая древнеиранскую именную систему с современной памирской, мы можем сказать, что древнеиранская флективная именная система в памирских языках перестроилась в аналитическую. В большинстве памирских языков утраченной оказалась категория рода. Следы ее сохраняются лишь в языках шугнано-рушанской группы. В мунджанском языке, хотя и существует категория рода, но она является вторичной. Числовая оппозиция (единственное число - множественное число) хотя и имеется в памирских языках, но она не продолжает древнеиранскую числовую оппозицию. Имя в ед. числе совпадает с основой. А во мн. числе на смену древнеиранской флексии пришли аналитические показатели мн. числа, развившиеся из древнеиранских именных основ с собирательным значением. Древнеиранская шестипадежная флексия полностью утрачена. Падежные отношения в памирских языках выражаются различными аффиксальными служебными элементами, в большей или меньшей степени утратившими именное значение.

Среди именных частей речи больше всего следов флективности сохранили местоимения, особенно личные и указательные. Во всех памирских языках у этих местоимений различаются две падежные формы: прямая и косвенная. А в ишкашимском и ваханском языках сохранились три падежные формы.

Но исторический анализ имени памирских языков с учетом умлаута показал, что аналитизм именной системы памирских языков является чисто внешним. Древнеиранская именная флексия оставила свой след в корневом гласном имен. Благодаря этой вокалической инфлексии могут быть восстановлены именные основы муж./ср. и жен. родов, а также числовые и почти все падежные формы. Особенно полно сохранилась в памирских языках система личных и указательных местоимений. В числительных па-

мирских языков также нашли отражение многие древнеиранские флексивные формы и ряд основ, сохранившихся из всех современных иранских языков только в памирских. Словом, древнеиранская внешняя флексия преобразовалась в современную вокалическую инфлексию, которая на синхронном уровне может быть выявлена только благодаря историческому анализу.

Имя существительное

1.1. Основы. С синхронной точки зрения основы имен существительных можно разделить на неосложненные основы и основы, включающие в себя тот или иной аффиксальный элемент. К неосложненным основам можно отнести: ш. *pus*, язг. *pos*, м. *pur*, вах. *petr*, ишк. *zas* 'сын'. Из словообразующих суффиксов наиболее распространенными являются различно вокализованные элементы -к, -g, -y, их палатализованные варианты -k'/č, -g'/j и развившиеся из них позднее суффиксы -с, -z (последние — кроме мунджанского), в мунджанском также — различно вокализованный элемент -у, например: ш. *čur-ík*, ишк. *múl-úk* 'мужчина', язг. *par-ák* 'ребро', м. *zár-ika* 'старуха', м. *wér-ey*, ишк. *wúr-úk* 'ягненок', ш. *zin-čs*, язг. *z(ə)n-es*, ишк. *úzn-úk*, м. *íziyo*, *azyo* 'турсух, козий мех для плавания, бурдук'.

Невокализованные варианты этих суффиксов относятся к более раннему синхронному срезу и в настоящее время уже не осмыслиются говорящими как суффиксы, например: ш. *púr-g*, язг. *pur-g*, м. *pur-y*, ишк. *púr-k*, вах. *pur-k* 'мышь'; ш. *pá-z*, язг. *pe-ž*, м. *fás-k-*, ишк. *ní-s* 'нос'; язг. *keb-ž-*, м. *kafč-*, ишк. *kof-č*, вах. *kar-č* 'ложка'.

Во всех памирских языках встречаются основы, содержащие несколько суффиксальных наращений, например: ш. *si-z-ak* 'закалка', язг. *žə/in-ž-ag*, ишк. *užin-ž-ok* 'женщина', м. *zeń-g-iyó* 'мальчик', 'юноша', вах. *si-s-ək* 'булавка'. Историческими соответствиями для отмеченных выше суффиксальных элементов являются: -к < *-ка- (ср. ав. *huš-ka-* 'сухой', ад-ка- // ат-ка- 'верхняя одежда'), -g < *-ga- (ср. др.-инд. *śṛṅga-* 'рог', *vamśaga-* 'бук'), -y < *-ya- (ср. др.-инд. *dīrgha-*, ав. *darəg/yā-* 'длинный'), -k'/č < *-ka-; *-čī-, -с/z < *-č/-žī- (ср. ав. *vū-čī-* 'игла'), -у < *-īyā- (ср. др.-инд. *pārvatīya-* 'горный').

Неосложненные с синхронной точки зрения имена исторически по своему составу могут быть разделены на: 1) неосложненные именные основы, продолжающие ту или иную историческую основу, например, ш. *nibēs*, язг. *naβes*, м. *naβes*, ишк. *nəvə*, вах. *pəñs(n)* 'внук' — < **napāt-(s)a/i-* (ав. *napāt-*); 2) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осмысливается как таковое, например, ш. *púr-k*, язг. *pur-g*, м. *por-y*, ишк. *púr-k*, вах. *pur-k* 'мышь' — < **pūr/a/i-+k/g+ya-* (ср. и.-е. *pōu-*, *pō(u)-go-* 'маленькое животное'); 3) именные основы с неосмыслившимся в настоящее время префиксальным наращением,

например, ш. a-bīn, язг. a-ban 'жена многоженца' < *ha(m)-pa^hnā/i- (ав. pa^hnī- 'госпожа'), ишк. am-bo^h то же < *ha(m)ba^ha; 4) именные основы, представляющие собой исторически редуцированную основу, например, ш. yi-^hir, м. žə-yu/brg/y, ишк. žo-yar вах. žə-yar 'зоб (нарос на шее)' - < *g/y^hr-g/yarā/i- (ср. и.-е. gel- в др.-инд. gūlma- 'нарос', греч. редуцированная основа γαγγλῖον 'нарос'); 5) именные основы, представляющие собой исторически сложное слово, например, ш. far-yēm-с 'телка двух-трех лет, первородка', язг. fer-yem-č 'двухгодовалая коза, первородка', м. f(ə)ra-yōm-əy 'козленок (букв. 'новорожденный'), 'коза двух лет, первородка', вах. ruyūm 'первотелая корова' - < *farwā- // *frawā- (и.-е. prō-^ho- в др.-перс. rachuva-, ав. raucva- 'первый') плюс *g/yā^hmā/i- (и.-е. g^ha-, g^hem- 'появляться на свет, рождаться', алб. pre-gjim 'праздник по случаю первородства', ав. ni-jāma- '(ново)рожденный') плюс вторичный словообразующий суффикс (кроме ваханского).

Анализ производных именных основ с учетом умлаута показал, что в большинстве случаев деривативный аффиксальный (чаще - суффиксальный) элемент является вторичным по происхождению. Неосложненная же часть именных основ в большинстве случаев представляет собой рефлекс той или иной исторической основы. Конечный безударный элемент древнеиранских суффиксов именных основ, отпав в процессе развития языка, оказал фонетическое влияние на качество корневого гласного основы. В результате корневой гласный современной основы оказался своего рода показателем того типа исторической основы, к которой восходит современная основа. Фонетические закономерности, наблюдающиеся при этом, вкратце можно было бы сформулировать следующим образом: 1) историческая позиция а/и-умлаута (или нейтральная позиция) оказывала консервирующее влияние на развитие древнеиранских гласных переднего и заднего рядов, а также дифтонгов; незначительное изменение качества гласного в некоторых языках шло по линии передвижения к смешанному ряду; но на развитие др.-ир. *ā, *a эта позиция оказывала сильное влияние, отодвигая их в задний ряд и постепенно сужая до верхнего подъема; 2) историческая позиция ā-умлаута оказывала консервирующее влияние на развитие др.-ир. *ā, *a, но постепенно расширяла гласные переднего и заднего рядов до нижнего подъема и продвигала их к смешанному ряду; 3) историческая позиция i-умлаута продвигала в передний ряд все гласные непереднего образования, а др.-ир. *ā, *a - к тому же и сужала; 4) влияние исторической позиции на развитие др.-ир. *ī, а также тех др.-ир. *ā, *a, которые отвечают инд.-ир. *ī, *ī̄, аналогично ее влиянию на др.-ир. *ā.

Исходя из этого, мы можем констатировать, что в памирских языках нашли отражение следующие типы древнеиранских именных основ:

1) основы на *ā- (или *-ā- + согласный) ж.р., например: ш. yas 'девушка, девочка' < *g/yātā-+-čī-, т.е. 'рожденная' (ср. и.-е.

g^uem- 'появляться на свет, рождаться'); язг. -janj в weх-a-janj 'муж и жена' < *g/jānā-+kā- (и.-е. g^uēnā-, ав. genā-); ишк. vaγd, вах. vāγd 'нечистая сила, злой дух' < *bak(ā)tā- (ав. baxta-); ш. язг. vaz 'роза' < *būzā- (ав. būzā-); м. raf- в rafika, язг. raf-с 'веник, метла' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu-, rū- в ш. rūb- мести, ишк. ref 'метла'); ишк., вах. rašt 'рассвет' < *rūštā- (и.-е. leuk/k'-, ав. гарк- 'светить, светать'); ш. маў 'овца', санг. maš-k 'мешок из овечьей шкуры' < *maiša- (ав. maēša-); м. уауо, ишк. уāt-ik 'мост' < *hait(w)ā- (ав. haētu-, ш. yīd); язг. zənaγ 'снег' < *snaig/ya- (ав. snaēša-, ш. žiniš);

2) основы на *-а- (или *-а- + согласный) м./ср.р., например: ш. v(i)γōd, м. v(ə)roγ, ишк. v(ɔ)ru, вах. v(ə)γāt 'обрат' < *brātā-; язг. miš 'горох, фасоль' < *maša- (др.-инд. maṣa-, ш. maš); ш. pōd 'нога', язг. pūd 'след', ишк. ru(d), вах. pūd 'нога' < *pād/da- (ав. pād-, pāda-; ср. язг. ped 'нога'); язг. ōom, м. ləm, ишк. dymb, вах. dymb 'хвост' < *d/ōuma- (ав. duma-);

3) основы на *-ī-, *-yā- (или *-ī-, *-yā- + согласный), например: ш. wōd, м. wel-a 'арык, канал' < *wād/dī- (ав. vaidi-, ср. язг. wād, вах. wōd/d); ш. nā-z, язг. ne-š, ишк. ni-с 'нос' < *nāhī- + суф. (др.-инд. nāṣya-, nāṣikā-, ав. nāh-, nāḥhan-); ш. wixin, м. yīn-a, ишк. wen, вах. wixen 'кровь' < *waxuni- (ш.), *wahunī- (м., ишк.), *wa(k)šuni- (вах.) (ав. vohuni-, ср. язг. x^oan 'кровь'); р. rūd, язг. red, м. ruγ-ey, ишк. réč-ык 'кишка, -й' < *rātī-, ишк. *rōtī- (и.-е. reuto-, rut-, ср.-перс. rōt).

Как можно видеть, в древнеиранском существовало варьирование основ с одним и тем же значением. Это нашло отражение в памирских языках, точнее - в корневых гласных именных основах.

1.2. Р о д. Из всех памирских языков грамматический род (мужской и женский) представлен только в шугнано-рушанской группе языков и в мунджанском языке. Как показало исследование, в этих языках следует различать первичную родовую оппозицию, отражающую древнеиранскую, и вторичную родовую оппозицию, развившуюся позже.

Следы исторической родовой оппозиции (м./ср. род - ж.р.) сохраняются во всех памирских языках. Это находит выражение, во-первых, в противопоставлении немногочисленных родовых пар, а, во-вторых, в чередовании корневого гласного одной и той же именной основы. В той мере, в какой могут быть определены прототипы именных основ памирских языков, в этой же мере могут быть определены и родовые прототипы (см. "Основы").

Таким образом, в историческом прошлом все памирские языки различали два грамматических рода: мужской/средний и женский. Древнеиранские именные основы среднего рода явились тем классом основ, за счет которого пополнялся в дальнейшем как класс основ муж. рода, так и класс основ жен. рода.

1.3. Ч и с л о. Числовая система является общей для всех памирских языков и сильно отличается от древнеиранской. Как известно, в древнеиранском было три числа: ед., дв. и мн. Число выражалось флексивными показателями. В памирских языках различаются два числа: ед. и мн. Имя в ед. числе совпадает с основой. Форма мн. числа образуется прибавлением к именной основе одного из многочисленных показателей аналитического типа. Но благодаря умлауту в памирских языках можно обнаружить следы исторического мн. и дв. чисел (см. дальше).

В основе большинства современных суффиксов мн. числа лежат следующие четыре древнеиранских элемента: 1) *ham-, *ha- в значении 'воедино, совместно, все вместе' (и.-е. *sem-*, ав.-др.-инд. *sam-*, ав. *ham-*); 2) *ab/fi-, *ab/fa- в значении 'общий, в соизе с, весь' (и.-е. *ebhi*, *obhi*, *ēpi-*, др.-инд. *abhi*, *āpi*, *āpi-*, ав. *aibi*, *aiwi*, *avi*, *aipi*; рус. об- в общий); 3) *hara- 'весь, все, все' (и.-е. *solo-*, *sol(e)uo-*, др.-инд. *sarva-*, ав. *haurva-*, др.-перс. *haruva-*, н.-перс. *har* 'каждый'); 4) *ar/lā-, *ar/lī- (и.-е. *al-* в др.-в.-н. *all* 'весь, все', гот. *ala-mans*). Все простые суффиксы мн. числа памирских языков соответствуют одному из этих элементов. Сложные суффиксы мн. числа образовались в результате различных комбинаций простых суффиксов. Характерной особенностью памирских языков является образование целых цепочек из суффиксов мн. числа.

Наибольшее распространение в памирских языках получили суффиксы мн. числа, продолжающие древнеиранский элемент *ha- с различными наращениями (*-t-, *-d-, *-v-, *-n-, *-l-, *-r-, *-y-, *-k-, *-s-, *-ka- и др.; в авестийском засвидетельствованы образования: *hāma* 'подобный', *hađa*, *haṭrā* 'вместе с', *ha-keret* 'один раз'). Так, например, др.-ир. *ha-nā/ī- дало следующие рефлексы суффиксов мн. числа в памирских языках: ш. -ēn, -ūn, -in- (ср. *yaḥ-z-in-ēn* 'сестры'), язг. -en, -an, -on, м. -an, -on (редко), ишк. -ɛn, -on, -un (последние два редко), вах. -ūn, -īn, -ōn (все редко). Др.-ир. *ha-ṽa- нашло отражение в язгуламском суффиксе мн. числа -aṽ, а др.-ир. *ha-tā/ī- и *ha-dā/ī- — в ш. -d- (ср. *sal-ūn-d-ak-ēn* 'лестничные ступеньки'), в ш.-р. -d в *wāḍ* 'они', р.б. -ad в -adas, ишк. -d (ср. *men-d* 'яблоня', *aw-ōn-d-on* 'они'), вах. -t в сложном суффиксе мн. числа -īš-t (здесь же будут относиться суффиксы мн. числа с дентальным согласным других иранских языков: ос. -ad, -t- в сложном суффиксе -āl-tā, ягн. -it (ср. *iš-t-it* 'они'), тадж. -ot (ср. *boḡ-ot* 'садн'), н.-перс. -āt (в *es(s)āt* 'осетин(н)'), курд. -ed и др.). Др.-ир. элементы *ha-k/gā-, *ha-č/ṣi- нашли отражение в таких суффиксах мн. числа, как: ш. -ak- (ср. *sal-ūn-d-ak-ēn* 'лестничные ступеньки'), ш. -ēč/ṣ (ср. *min-ēč* 'овцы'), язг. -āg/g (редко), -ež-g, м. -ok/g/y- в сложном суффиксе -ok/g/y-i, ишк. -ok- в сложном суффиксе -ok-ɛn (редко). Рефлексы этого древнеиранского элемента собирательной множественности мы находим также и в других иранских языках: тадж. (диал.) *nor-in-g* 'гранатовые заросли', *navišta- ṣ-ot* 'записи', *pal-on-č* 'жены многоженца', ягн.

pin-on-č то же и др. Следует, однако, сказать, что невокализированный вариант суффикса -k/g, -č/j, как показатель собирательной множественности, может восходить также к древнеиранскому элементу *-ka (ср. и.-е. kom-, km- 'вместе с, с').

Др.-ир. *ha-yi- (и.-е. *ap-i-, др.-инд. samī-) в значении собирательной множественности нашло, по-видимому, отражение в таких суффиксах мн. числа, как: ш. -у- в сложных суффиксах, м. -i (в том числе — в составе сложных суффиксов -ok-i, -an-i), ишк. (санг.) -ay. Из непамирских языков рефлекс этого суффикса отмечен в новоперсидском (ср. rudġani 'кишки') и в белуджском.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, довольно часто показатель мн. числа представляет собой целую цепочку суффиксов мн. числа, являющихся рефлексами либо различных вариантов одного и того же древнеиранского элемента (с различными наращениями), либо рефлексами разных древнеиранских элементов собирательной множественности.

Интересно отметить, что один из вариантов этого показателя собирательной множественности в виде др.-ир. *hama- 'весь' нашел отражение в реликтовых суффиксальных элементах собирательной множественности тадж. -um, н.-перс. -om, пуш. -a/em в таких словах как: тадж. mard-um, н.-перс. mard-om 'народ, люди' при ma/ärd 'человек' (ср. ср.-перс. маних. mrdwm 'народ', MacKenzie, 1971, с. 54); н.-перс. sārīš-om 'клейстер, желатин' при sārīš 'клей'; пуш. gor-a/em 'стадо коров, волов' при gor- в gor-vān 'волопас, пастух' (др.-инд. gaura- 'вол'). Как префиксальный элемент он нашел отражение в ларском ma- в ma-kes 'народ, люди' (Молчанова, 1982). А язгулямский сохранил рефлекс этого элемента только в виде послелога, выражающего совместность -ama. Самостоятельное же употребление этого элемента широко представлено в ряде иранских языков, ср. н.-перс. hāmā 'весь, все', 'тоже, также', сар. am 'также', om 'совокупность, масса чего-либо', em čaug(aw) 'соединять, объединять'. Как суффиксальный же показатель множественности он отмечен в таком неиранском языке, как вершикский, ср. čaṭ-u-m 'яички (у животных)' при čaṭo то же в ед. числе (Зарубин, 1927).

Заканчивая изложение относительно рефлексов др.-ир. *ha- + суф. элемент в значении собирательной множественности, хотелось бы отметить следующее. По-видимому, не следует смешивать приведенные выше памирские рефлексы др.-ир. *ha-nā/ī- со среднеперсидским элементом -ān в таких сочетаниях, как magurat-ān magurat 'магов маг'. В данном случае употребление слова с элементом -ān выражающего не только мн. число, но и определенное падежное отношение в таком сопряженном виде, по-видимому, свидетельствует о том, что элемент -ān является рефлексом древнеиранской именной флексии мн. числа род. падежа *-ānām. Но не исключено, что и в этом случае мы имеем дело с рефлексом древнеиранского показателя собирательной множественности *hānā-, тем более что элемент ср.-перс. -ān в равной мере употребляется для выражения

множественности и в несопряженном виде, ср. *pitārān* 'отцы'. Первичным для этого элемента было, по-видимому, значение множественности, совокупности, а не принадлежности. Нефлективное происхождение суффиксов типа *-ā/ē/īn* подтверждается, как нам представляется, и тем, что они широко употребляются и в неиранских языках, ср. вершишские суффиксы мн. числа *-eng, -ong, -ung, -ing, -ang* // *-hang, -anj*, например: *awiš-in-daru* 'жены' (для *-daru* ср. ишк. *-dar-* *viho-dar-īn* 'сестры' = верш. *yas-taru* 'сестры'), *yēn-anc* 'царицы' и др.

Вторым древнеиранским элементом, рефлекс которого также достаточно широко представлен в памирских языках для выражения множественности, был, как уже отмечено, элемент **ab/fī-, *ab/fā-*. Наибольшее распространение рефлекс этого элемента получили в языках шугнано-рушанской группы, в мунджанском и ваханском, меньше - в язгулямском и ишкашимском. Так, др.-ир. **ab/fī* нашло отражение в следующих суффиксах мн. числа: ш. *-ēv* (ср. *rōb-ēv* 'в ногах'), шахд. *-ēf, p.-īv, б.-īf, ор.-īf, -īv, язг.-e/iv* (редко), вах. *-ev, -īf* (последний обычно в топонимах). Древнеиранский вариант этого элемента **ab/fā-* нашел отражение в: р.б. *-f* (в *wuf*), ор. *-f* (в *waf*), ишк. *-bv, -ov* (в указательных местоимениях), м. *-af*. Из непамирских языков рефлекс этого элемента представлен в сложном парфянском суффиксе *-īf-t* (ср. *bag-īf-t* 'боги'), а также в курдских словах *merbv/f* (прям. форма), *me-erbv/f* (косв. форма) 'люди, народ' (ед. ч. *mer* 'человек, мужчина'), *mer-ov-ti* 'человечность', *h'īn-av* (косв. *-ev*) 'внутренности грудной клетки'. Из неиранских языков аналогичный показатель множественности представлен в вершишском, ср. *šid-īw* 'котлы' при *šidin* то же в ед. ч. (ишк. *šādan* 'котел').

В одних памирских языках этот элемент является показателем мн. числа прямой падежной формы, в других - косвенной. А в ишкашимском языке рефлекс др.-ир. **aba-* представлен как в прямой форме (ср. *aw-ōn-d-ov* // *aw-ōn-d-on* 'они'), так и в косвенной (ср. *wān-bv* 'их, тех'), причем в прямой форме он чередуется с суффиксом мн. числа *-on*

< **hāna*. Думается, что это является очень убедительным подтверждением того, что все эти суффиксы мн. числа представляют собой рефлекс древнеиранского элемента нефлективного происхождения. Ведь до сих пор, начиная с конца прошлого столетия, все исследователи связывали происхождение этих суффиксов с древнеиранской именной флексией, т.е., например, ишк. *-on* < **-ānām* флексия род. мн., а ишк. *-bv, -ov* < **-ābyah* флексия дат. мн. ж.р. При этом, естественно, не учитывались фонетические закономерности, связанные с улаутом. В то время, как, например, такие современные суффиксы мн. числа, как *-af, -ov*, никак не могут быть выведены фонетически из **-ābyah*.

Наконец, в памирских языках имеется ряд суффиксов мн. числа, представляющих собой сочетание "гласный + r/l" (плюс иногда еще один суффикс мн. числа). Выше мы уже говорили о том, что в основе подобных

суффиксов лежит древнеиранская основа *harā/ī-, // *halā/ī- 'весь, все, всё' (и.-е. solo-, др.-инд. sárva-, ав. haurva- 'весь все'). Но есть и другие возможности объяснения этих суффиксов, а именно из *harā/ī-, *halā/ī- в значении 'воедино, вместе о' (и.-е. sem-, sm-, sm-l- 'воедино, вместе с'). Поскольку в древнеиранском эти индоевропейские основы в звуковом отношении совпали, то трудно говорить о том, какой индоевропейский корень лежит в др.-ир. основе *harā/ī-, *halā/ī- в значении 'весь, все, вместе с'. Фонетически и семантически памирский суффикс мн. числа "гласный + r/l" может быть связан также с и.-е. al-, представленном в гот. alls 'весь, всё'.

Итак, др.-ир. элемент *harā/ī- // *halā/ī- или *ar/lā/ī- нашел отражение в следующих суффиксах мн. числа памирских языков: ш. -ār (ср. virōd-ār 'братья'), также в сложных суффиксах ш. -ār-z, -ēr-z, -ōr-j/č, язг. -ar (ср. vrad-ār 'братья'), также в сложных суффиксах язг. -erk/č/j (редко), язг. -ol-, -al (редко), ишк. -ar- (ср. ixo-d-ar-īn 'сестры'), вах. -ōr-č (ср. ləw-ōr-č 'речной нанос'), -ūr-g (в yed-ūr-g 'стадо яков'), также вах. -āl в send-āl 'опорки', -ōl в čang-ōl 'когти'. Наибольшее распространение рефлекс этого древнеиранского элемента получили в языках шугнацо-рушанской группы. В остальных памирских языках отмечены единичные случаи употребления подобных суффиксов. Но вне пределов памирских языков рефлекс этого древнеиранского элемента, выражающие множественность, широко представлены, например, в диалектах Ирана (ср. масарми zan-ala 'женщины', gurg-ala 'волки'). Встречаются они и в диалектах таджикского языка (ср. куляб. i-го в значении in-ho 'они', Джалалов, 1956, с. 16). В составе сложного суффикса рефлекс этого элемента представлен также в ос. -āl-tā (ср. mad-āl-tā 'матери').

В шугнанском имеется еще один суффикс мн. числа -xəl, соответствующий с. -xəyl. Как и рассмотренные выше суффиксы, он представляет собой рефлекс древнеиранского элемента со значением собирательной множественности *xaila- (и.-е. kai-lo- 'весь, все').

Но в памирских языках, как уже выше было отмечено, сохраняются следы древнеиранских форм мн. и дв. чисел. Они выявляются благодаря анализу именных основ с точки зрения умлаута. О них см. дальше в связи с рассмотрением падежа.

1.4. П а д е ж. Если в древнеиранском была представлена многопадежная система имени, то в памирских языках от этой системы остались только отдельные следы. В основном же падежные отношения в памирских языках выражаются различного рода служебными элементами. В зависимости от степени грамматикализации этих служебных элементов они делятся на: 1) служебные элементы, полностью утратившие связь с именным значением и превратившиеся в аффиксы; и 2) служебные элементы, в большей или меньшей степени сохраняющие связь с именным значением (предлоги, послелог). Служебные элементы, имеющие одно и то же происхождение, в одних языках выступают как аффиксы, в других - как

предлоги или послелоги, т.е. в данном случае налицо процесс их развития, процесс их превращения в чисто грамматические показатели.

Если установление происхождения тех служебных элементов, которые в настоящее время в памирских языках еще сохраняют связь с полнозначным словом, не вызывает особых затруднений, то установление происхождения аффиксальных служебных элементов сопряжено с немалыми трудностями. Но поскольку именно этого рода служебные элементы лежат в основе выражения падежных отношений в памирских языках, они заслуживают особого внимания.

В памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские элементы со служебным значением, рефлексy которых играют важную роль в памирских языках:

1) древнеиранские элементы, рефлексy которых в памирских языках употребляются для выражения прямого дополнения, а также косвенного со значением исходности: а) др.-ир. **hak/čā-*, **hag/γā-* 'из, от' (др.-инд. *vásā*, ав. *hačā* 'из, от') или др.-ир. **azā-*, **asā-* (и.-е. *eğhs/z*, **ekw-* 'из, от', рус. из): ш. *as*, язг. *š/z(ə)*, м. *ž/šə*, ишк. *сə*, *вах. сə*, также в составе местоимения I л. мн.ч. *ə(ə)ro-c-ən* 'у нас, наш' Из непамирских языков можно указать на тадж. *az*, которое в диалектах употребляется при выражении прямого дополнения; б) др.-ир. **an-*, **a-* (из инд.-ир. **n* 'из, от' в одной из падежных форм, и.-е. *an*, *n/n-* 'из, от'): язг. *na-*, ишк. *-i* (показатель прямого дополнения); *вах. -əy// -ī* (показатель прямого дополнения), возможно также мундшанский элемент *-i*; из непамирских языков сюда будет относиться тадж. (диал.) *ay* 'из, от', могущий указывать на прямое дополнение (ср. *ay mən didašt* 'он увидел меня'); в) др.-ир. **ap/ba-* 'из, от' (и.-е. *apo-*, др.-инд. *apa*, ав. *apa*): м. *və-* показатель прямого дополнения;

2) древнеиранские элементы, рефлексy которых употребляются при указании на адресат и некоторые другие значения: а) др.-ир. **rādā/ī-* 'ради, для' (др.-перс. *radiy*): ш. *-ra(d)*, *-ard*, *-rd*, язг. *-ra(g)* (реже - при прямом дополнении), *вах. -rə-k*, *-ər-k*; б) др.-ир. **aba/i-* 'к, для' (и.-е. *ebhi*, ав. *aibi*, *aiwi*): ишк. *-bo*, ш., язг. *ba-*; в) др.-ир. **an*, **a*, **ana*, **na* 'к, для' (и.-е. *an*, *anō*, *no*, ав. *ana*): м. *na/ə* и, возможно, м. *-an*, *-in* (показатели инструментальности);

3) древнеиранские элементы, рефлексy которых употребляются при указании на принадлежность, посессиивность и некоторые локативно-временные значения: а) др.-ир. **an*, **a* (инд.-ир. **n*), **antar-* в одном из падежей 'у, при' (и.-е. *en*, *n*, *n(e)i*, *entero* 'у, при, внутри'): ш. *-an*, *-and*, *-nd*, *-(a)ndīr*, *-(a)ndi*; язг. *-i* (ср. *đód-i bi* 'дыма запах') и, возможно, *-ən*; м. *-ān* (м.р.), *-in* (ж.р.) показатели косвенной падежной формы ед. числа; ишк. *-no*, *вах. -ən*, *-i // -əy* показатели принадлежностного определения (ср. ишк. *dīd-no(y) buy* 'запах дыма'); б) др.-ир. **matī* или **mayī* 'совместно, вместе' (и.-е. *me-*, *me-ta-* 'вместе с'): язг. *-me* показатель принадлежности (ср. *tū-me* 'у тебя').

Таковы основные древнеиранские элементы со служебным значением и их аффиксальные рефлексy, использyющиеся в памирских языках для выражения различных падежных отношений.

Но в памирских языках сохраняются также следы древнеиранских флексивных форм имени. Анализ имен с учетом умлаута показывает, что в памирских языках нашли отражение почти все древнеиранские падежные формы всех трех чисел и трех родов от различных именных основ. Примеры:

	Др.-ир.	Пам.
	Ед. число	
Им.	*brātā	- б.р. virad-, язг. v(ə)rad- 'брат'
	*hūāhā	- ш.-р. уах 'сестра'
Род.	*kauš- или *kaus- (с последующей тематизацией)	- ишк. кьъѣк, м. кь/чу 'бнк', х. кѡс- в кѡс-хѡпа
	*brauš- (с последую- щей тематизацией)	- ш. viriū 'бровь'
	*ahuraŋya	- ишк. re- в reŋuzd 'солнце'
Отл.	*srdat	- р. -soō, язг. -sūō 'в году'
Дат.	*brātṛai/*brātai	- язг. v(ə)rad 'брат'
	*(k)šwāh(a)rai	- язг. ħōer 'подруга'
	*nām(n)ai	- ишк. nim, язг. nēm 'имя'
Дат.- местн.	*māhai	- ишк. -mi- в lēmik 'луна'
Твор.	*(k)šwāh(a)rā	- язг. ħōar 'сестра'
	*zamad/tā	- ш. zimaō, язг. zēmāō 'земля'
	*nārā(t)	- ишк. nar(k) 'самец'
	*zāwā(t)	- ишк. zas 'сын'
Местн.	*zaini	- язг. zin 'зима, зимой'
	*azani	- язг. azən 'в полдень'
	*srdi	- ш. -sīō в a-sīō 'в этом году'
	*zamai	- ш. zim-с 'поле'
Зват.	*brātai (?)	- язг. vle обращение к брату
	*d/ōahā	- ш. -da в a-da 'эѣ, парень!'
	*l/rōd/tai м.р.	- ш. -rō(d), -lō, язг. le обра- щение к соплеменнику
	*l/rōd/ti ж.р.	
	Дв. число	
Им.- вин.	*rād/ōā м.р.	- язг. rad-, р. rād-, м. ral-'ноги'
	*rād/ōa м./ж.р.	- ш. rōō 'ноги'
	*rād/ōai ж./ср.р.	- язг. reō, б. rēō 'нога, ноги'
	*čašmā м./ж.р.	- язг. čām, р. cām 'глаз(а)'
	*čašmai ж./ср.р.	- ш. cēm, вах. čēžm 'глаз(а)'
	*dwārē м.р.	- м. lōwar, ишк. var 'двери'

*dwāri	ср.р.	- ш. divi 'двери'
*dwara	м.р.	- ш. divu, язг. d(ə)vūr 'двери'
*sarā	м./ж.р.	- ишк. -sar в x̄fsar 'себя'
*zanwi	ср.р.	- м. zin-g, язг. zen 'колени'
*(k)šusī	ср.р.	- ш. x̄ux̄, м. šis̄ // šuš̄, ишк. š̄š̄ 'легкие'
*(k)šuxa	м./ж.р.	- язг. x̄ox 'легкие'

Мн. число

Им.	*put(s)rāh	- язг. рас-, ш. рас- в рас-ēn 'СЫНОВЬЯ'
	*brātrāh // brātāh	- язг. v(ə)rad-, б.р. virad- 'БРАТЯ'
	*srd/đi ср.р.	- язг. -sid в cədašid 'три года назад'
	*jani ср.р. или	
	*janīs ж.р.	- м. žin-ki 'ЖЕНЬ'
	*rūti ср.р.	- р. rūt, язг. red, м. ruu 'КИШКИ'
	*rōti ср.р.	- ишк. re- в reš'ck 'КИШКИ'
Зват.	*rōtīs	- ш. -rōd в a-rōd-ar обращение к соплеменникам
	*l/rōtāh	- ш. -lā в a-lā то же

Имя прилагательное

2.0. Основы. Род. Как известно, в древнеиранских языках прилагательные имели различные основы: основы на *-а муж./ср. рода, основы на *-ā жен. рода, основы на *-uā муж. и жен. родов и др. Памирские прилагательные не имеют каких-либо внешних показателей, ср., например, ш. zīrd, язг. zard, м. zit, ишк. zord, вах. zart 'желтый'; ш. bašānd, язг. xeb, м. yašeu, ишк. fri, вах. baf 'хороший'. Особенностью мунджанских прилагательных является деление их на прилагательные муж. рода и прилагательные жен. рода. Суффиксальные элементы муж. и жен. рода у них те же, что и у имен существительных, например: zit м.р. 'желтый', zita то же ж.р.; yašeu м.р. 'хороший', yaška то же ж.р. Это родовое противопоставление в мунджанском – явление сравнительно позднее.

Родовое различие у части прилагательных имеется и в языках шугно-рушанской группы. Но это различие иного характера. Оно отражает древнеиранскую родовую оппозицию. Показателем принадлежности к тому или иному типу древнеиранской родовой основы в прилагательных шугно-рушанской языковой группы служит корневой гласный современной основы, явившийся результатом своего рода вокалической инфлексии. Зная

фонетические закономерности шугнанского языка, связанные с умлаутом, можно восстановить историческую родовую основу любого имени прилагательного, например: ш. *kut* м.р. 'короткий', *kat* ж.р. < **kṛtā*- (ср. ав. *karēt*- 'резать'); рӯшт м.р. 'красный' < **rūštya*-, *rōšt* ж.р. < **rōštyā*- (и.-е. *reudh*-, *rudh*-so- 'красный', ав. *raoīdita*-, х.-сакс. *rrusta*-); хӯш м.р. 'сладкий' < **xwṛg/ya*-, *xāš* ж.р. < **xwṛg/yā*- (ср. ав. *xvarezišta*- 'наисладчайший').

В остальных памирских языках таких родовых пар единицы (ср. вах. *lar* ж.р., *lur* м.р. 'большой', язг. *waṛn* ж.р., *wūn* м.р. 'черный'). Но в принципе родовая основа любого прилагательного может быть восстановлена благодаря умлауту, например: язг. *xūš* 'сладкий' < **xwṛg/ya*- м.р., ишк. *хаž*- в *хаž-ūk* то же < **xwṛg/žā*- ж.р., вах. *xuž*-g то же < **xwṛg/ža*- м.р. (ср. ав. *xvarezišta*- 'наисладчайший'); язг. *zard*, вах. *zart* 'желтый' < **zartā*- ж.р., ш. *zīrd*, м. *zit* то же < **zartyā*- или **zṛtyā*- м./ж.р., ишк. *zord* то же < **zarta*- м.р. (и.-е. *ghel*-, ав. *zari*-, *zairita*-).

2.1. Ч и с л о П а д е ж. Во всех памирских языках прилагательные нейтральны в отношении числа и падежа, например: ш. *fištīr virōd*, *fištīr v(i)rōdārēn*, язг. *seḡag v(ə)red*, *seḡag v(ə)radar*, м. *kāmdyr vroy*, *kāmdyr vroyi*, ишк. *čyṭ v(b)ru*, *čyṭ v(b)rudarēn*, вах. *zeqlay vrēt*, *zeqaly vrētīšt* 'младший брат, младшие братья'.

Имя прилагательное-определение во всех памирских языках препозитивно. В язгулямском и частично в некоторых говорах ваханского языка имя прилагательное, выступающее в функции препозитивного определения, обычно принимает суффиксальный элемент -i, например: язг. *rūšt-i piyala* 'красная пиала', вах. *rāst-i xup* 'нижний дом'. Этот суффиксальный элемент, по-видимому, представляет собой рефлекс какого-то исторического суффикса прилагательного. Во всяком случае он не может быть рефлексом какого-либо древнеиранского флективного элемента.

2.2. С т е п е н и с р а в н е н и я. Во всех памирских языках представлены рефлексы древнеиранского суффикса сравнительной степени *-*tarā/ī*-, напр.: ш. *dar-di* (б.ор. -*dōr*, с. -*der*), язг. *dar-dūr*, м. *lere-dyr*, ишк. *dir-tar*, вах. *ḡir-ter* 'дальше'.

В некоторых памирских языках сохраняются следы исторической сравнительной степени, которая, как известно, образовывалась от корня с помощью суффикса *-*yāh*, например: язг. *xi*- в *xi-dūr* 'лучше' < **kēuyah* (и.-е. *vue*-, *su*-, **kau*-, др.-инд. *su*-, ав. *hu*- 'хороший'), ш. *fiš*- 'меньший, младший' < **fišyah* (ср. и.-е. *peis*-, *pis*- 'мольчить').

Числительное

3.0. В памирских языках нашли отражение все древнеиранские количественные числительные первого десятка, причем не только их основы, но и многие флективные формы. Они следующие:

Ед. число

Им.-	*aiwah ИЛИ *aiwa-	-	язг. wû(g), м. yu, ишк. wûk/g 'один'
вин.			
Дат.-	*aiwāi м.р.	-	ш. с.вах. yīw 'один'
местн.			

Дв. число

Им.-	*d/duwa м.р.	-	р.б. daw, с. da, язг. d/dow 'два'
вин.	*d/duwai // *d/duwī	-	ш. du, di-, с. dēw, м. lu, язг. dēw 'два'
	ср./ж.р.		
	*aštā м.р.	-	ш.-р. waḫt, вах. at 'восемь'
	*aštī ж./ср.р.	-	язг. ešt-, ш.-р. wiḫ- (в wiḫ-čē/šrn) 'восемь'
	*wīsatā ж.р.	-	язг. wast 'двадцать'
	*wīsatī ж.р.	-	вах. wīst, м. wist 'двадцать'
Род.	*dwayah м./ср./ж.р.	-	вах. buy 'два'

Мн. число

Им.	*ǵ/hrāyah м.р.	-	с. aroy, ишк. rūy, вах. truy 'три'
	t(s)rāyah м.р.	-	язг. cūy 'три'
	*t(s)rāyi ср.р.	-	язг. ci- 'три'
	*čat/ǵwārah м.р.	-	ш. savōr, м. č̣fur, ишк. c̣fur, вах. c̣ṿar 'четыре'
	* (k)t/ǵ/hwārah м.р.	-	р. pur- в pur-nabasa 'прапрапра-внук'
	*čah/ǵwāri ср.р.	-	язг. čer, м. č̣fir 'четыре'
	*pank/čāh м./ж.р.	-	язг. panj-, вах. pānz 'пять'
	* (k/x)šwašah м./ж.р.	-	ш. xōǵ, язг. ǵu(w), ишк. xūl 'шесть'
	*xwaši ср.р.	-	с. xel 'шесть'
	* (k)šwaši ср.р.	-	ш.-р. ǵi- 'шесть' (в ǵi-čērn)
	*nawāh м./ж.р.	-	р.б.м. naw, вах. nāw 'девять'
	*d/šasāh м./ж.р.	-	вах. šas 'десять'
Род.	*ǵ/hrāyām м./ж.р.	-	ш.-р. aḡāy, м. hiray 'три'
	*čah/ǵwārām м./ж.р.	-	язг. čar- 'четыре'
	*uksām м./ж.р.	-	м. oxš- 'шесть'
Твор.	*pank/čāiš м./ср.р.	-	ш.-р. p̣ānz, язг. penj 'пять'
	*nawāiš м./ср.р.	-	с. new 'девять'
	*d/šasāiš м./ср.р.	-	ш. šīs, с. šes 'десять'

3.1. Порядковые числительные первого десяти-ка во всех памирских языках вторичные. Для их образования используется суффикс, представляющий собой рефлекс др.-ир. *ama- (ср. др.-инд. aṣṭama-, ав. aṣtəma- 'восьмой'). Но почти во всех памирских языках сохраняются следы древнеиранских порядковых числительных (а также прилагательных, использовавшихся в качестве них). Они следующие:

Др.-ир.	Пам.
*p/farwā-	- язг. far- в farγemč 'первотелая ко- рова'
*parwā-	- язг. pərw- в pərw-a-saḥn 'первого года'
*dwit(i)ya- или	- вах. bet 'еще' ш.-р., язг. bi-, м.
*dwaya- (в компози- тах)	-de-; ш.-р. vō, х. vōy, ишк. dāv 'снова'
*h/ṽri(ti)ya- или	- м. hiry- 'третий'
*h/ṽr̥(tī)ya-	
*t(s)ritya- или	
*t(s)rita-	- язг. sed- в sedes 'третьего года'
*t(s)ritā-	- р. sad- в sados 'третьего года'
*kt(s)ūrya-, *k(t)ūrya-	- м. čšir, čur- 'четвертый'
*k(w)turya-	- ш. widir, р. γ/wdir 'последпосле- завтра'
*k(w)hurya-	- ишк. ыр- в ыр-sol-devó 'позапоза- прошлый год'
*kwturtya-	- ш. kuró 'четырёхугольник'
*k(w)ṽ/hwāra- (в компо- зитах)	- р. pur- в pur-nabasa, 'прапрапра- внук'
*ka(w)ašta-	- вах. šad 'шестой'
*hapti- (в компо- зитах)	- язг. (h)əvd- 'седьмой'
*hašti- -"	- язг. (h)əšt- 'восьмой'

В мунджанском языке в отличие от других памирских языков имеются особые собирательные числительные. Большинство из них являются вторичными. Но суффиксы, образующие эти собирательные числительные, представляют собой рефлексы древнеиранских собирательных числительных, а именно: др.-ир. *-(a)ya- (ср. др.-инд. dwaya- 'двое'), др.-ир. *-na- (ср. др.-инд. dvi-na 'двое') и -ka- (ср. др.-инд. ē-ka- 'один, в одиночку'). Из этих числительных только lu/ḥy- 'двое' и hīray- 'трое' можно считать первообразными, т.е. lu/ḥy < *dwaya- или *duya-, а hīray- < *ṽ/hrayā-. Остальные числительные представляют собой вторичные образования, имеющие, как правило, по два и более различных суффиксов собирательных числительных и плюс

еще именной суффикс мн. числа -i (yukini, luyni, hirayni, ʕ(b)fu/irni, ponʃni, oxʃnayni, ovdnayni, oʃknayni, nawnayni).

В некоторых памирских языках в композитах сохранились такие архаичные числительные как: язг. sem- в sem-arn 'длинной в один локоть' (и.-е. sem- 'один'), язг. ham- в am-digar 'один другого' (и.-е. sem-, sm- 'один', ав. ha- в haʕʕ-zātāi 'единоутробному').

Местоимение

4.0. Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я. Во всех памирских языках в качестве местоимений 1-го и 2-го лица (местоимениями 3-го лица являются указательные, в язгулямском-с меньшей степенью указательности) выступают рефлекс древнеиранских флективных форм им. и род. падежей. В сарыкольском, мунджанском и ваханском, кроме того, возможно нашли отражение древнеиранские формы 2-го лица дат. падежа (для сарыкольского в ед. числе, а для мунджанского и ваханского - во мн. числе), а в ишкашимском и ваханском - древнеиранские формы 1-го и 2-го лица ед. числа отложительного или винительного падежа. Особенностью всех памирских языков является образование формы 2-го лица мн. числа от местоименного элемента 2-го лица ед. числа.

Как известно, исторические основы косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа имели элемент *-hm-. Образованные от этих основ древнеиранские падежные формы родительного и, возможно, дательного падежей нашли отражение во всех памирских языках, кроме ваханского. Ваханские местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа представляют собой рефлекс древнеиранских форм род. падежа, образованные не от основ с местоименным элементом *-hm-, а от основ с местоименным элементом *-sm- (или *-(t)sm-), отразившимся в ваханском в виде s. Еще один вариант этого древнеиранского местоименного элемента, характеризовавшего основы косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа, мы находим в косвенных падежах древнеиранских местоимений 2-го лица мн. числа, где этот элемент имел вид *-kšm- или *-xšm-, что нашло отражение в авестийском xšm- в формах xšmāket (наряду с ušmāket), xšmat (наряду с ušmat) и т.д. Таким образом, ваханские местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа с начальным s- (а не с m-, как в других памирских языках) не являются продолжением каких-то индоиранских местоименных форм, как мы полагали раньше (Пахалина, 1976, с. 79-85), а представляют собой собственно иранские образования.

Различные варианты имеет в памирских языках и местоименный элемент, являющийся рефлексом формы род. падежа мн. числа, ср., например, ишк. mʔx, mʔʕ-bv, mʔʕ, ш.-р. mʔʕ, вах. sak, т.е. форм 1-го лица мн. числа. В данном случае, по-видимому, следует предположить варьирование этого элемента и в древнеиранском, т.е. *-k-, *-x- (инд.-ир.

*kh) и *-kǝ-.

Итак, в памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские формы личных местоимений:

	Др.-ир.	Пам.
	Ед. число	
1-е л. им.	*azam	- ш.вах. (вост.) wuz, вах. (зап.) wəz, м. zə
	*azǝ(m)	- х.ор.с. waz, р.б. ǝz, язг. az. ишк. az(i)
род.	*mana	- ш.-р. mu(n), с. мы(n), язг. mo/ûn, м. mǝn, ишк. mǝ(n)
	*manā	- вах. ma-
вин.	*mām+/-k/gǝ- или	- ишк. mak, вах. maž
отл.	*māt + - k/gǝ- (?)	
2-е л. им.	*tuwam	- ш.-р. tǝ, язг. tow, м. tu/ǝ, ишк. tǝ, вах. tū
род.	*tawa	- ш. tu, с. ты, язг. tu, вах. tow
	*tawā	- р.б.ор. tā, х. taw, с. ta, м. ta, вах. taw, ta-
вин.	*t/wām+/-ka- или	
отл.	*t/wāt +/-ka- (?)	- ишк. fak
дат.	*taβuā (?)	- с. tǝw

Мн. число

1-е л. род.	*ahmākam	- ишк. mǝč- (в mǝč-ǝv)
	*ahmāxam	- язг. м. моx, ишк. mǝx
	*ahmā(k)ǝā(m)	- ш.-р. māǝ, с. māǝ, ишк. mǝǝ
	*asmākā(m)	- вах. sak
2-е л. род.	*tahmāxam	- язг. tǝmoх, ишк. tǝmǝx
	*tahmā(k)ǝā(m)	- ш.-р. tamǝǝ
	*tasmākā(m)	- вах. sa-

Кроме этих форм, во всех памирских языках (за исключением шугна-но-рушанской группы) имеются особые посессивные местоимения. Большинство из них - вторичные. Эти местоимения следующие: 1) ед. ч. 1 л. язг. nī' 'мой, моя, мои' (из язг. *nū/oni), вах. ǝe/ы (из вах. *maže/ы); 2 л. язг., ишк. вах. tī 'твой, твоя, твой' < *t(w)aya- (ср. н.-е. mo-i-o- 'мой'; 2) мн. ч. 1 л. вах. s(e)po 'наш(а), наши' < *asmāka- (ав. ahmāka-), м. amox (из *aǝ/ǝ-mox); 2 л. м. amof 'ваш(а), ваши' (из м. *aǝ/ǝ-mof). Более подробно о происхождении этих форм см. в очерках.

4.1. Э н к л и т и ч е с к и е м е с т и м е н и я. Эти местоимения представлены только в мунджанском языке. Это сближает его с

западноиранскими языками. Исторически мунджанские энклитические местоимения 1-го и 2-го лица един. числа -əm и -ət связаны с древнеиранскими энклитическими местоимениями 1 л. *mai (ав. mē, mōi) и 2 л. *tai (ав. tē, tōi). Местоимение 3-го лица ед. числа -ēš связано с др.-ир. *šai (ав. hē, ēē). Соответствующие им формы мн. числа образованы прибавлением к местоимению ед. числа суффикса мн. числа -on, т.е. 1 л. -əmon, 3 л. -əšon и т.д.

Мунджанское энклитическое местоимение 2 л. лица мн. числа -əf-on образовано от местоименного элемента ед. числа. В этом состоит особенность мунджанских энклитических местоимений в сравнении с этими местоимениями западноиранских языков. Учитывая общую тенденцию памирских языков образовывать местоимение 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, можно предположить, что элемент -əf является рефлексом древнеиранского энклитического местоимения ед. числа вин. падежа *t/šwā (ав. šwa). На возможность соответствия м. -f- др.-ир. *t/šw- указывает м. š(b)fur 'четыре' < *šat/vwārah (ав. šašwārō).

4.2. Указательные местоимения. В памирских языках нашли отражение почти все древнеиранские флективные формы указательных местоимений от трех основ: *awā-, *aitā-, *imā-.

Др.-ир

Пам.

1. От основ *awā-

Ед. число

Им.-вин.	*awam м.р.	- ш. yu, с. уы, язг. u, вах. uow
	*awat ср.р.	- ишк. уь/i
Вин.	*awām ж.р.	- ш.р.б.ор. уā, х. yaw, ишк. aw(i) вах. yaw(-), ya
Род.	*awahya м.р.	- ш.ор.с. wi, б. wī, м. we, язг. wi-
	*awahyāh ж.р.	- м. -wa, ишк. wa
Дат.	*awahmāi ср.р.	- бадж. wim, с. wem, язг. im
Местн.	*awahmi ср.р.	
Отл.	*awahmāt ср.р.	- ш.ор. wam
	*awahmat ср.р.	- рх.б. (w)um
Твор.	*awanā м.р.	- ишк., м. wan
	*awāina или	- м. win
	*awāna ср.р.	
	*awayā ж.р.	- м., рх., язг. way
	*awa м.р.	- м. -w

Мн. число

Им.-вин.	*awāh ж.р.	- ишк. aw-, вах. yaw (адъект.)
	*awā ср.р.	
Род.	*awāhām ж.р.	- ш.-р. wā- (в wād), ор. wa- (в waf), м. wa- (в way, waf), ишк. wa
	*awaišām м.р.	- ш. wē- (в wēv), с. we- (в wef), язг. wi- (в wif)
Твор.	*awaiš м.р.	- м. -w
Местн.	*awāhu ж.р.	- р.б. (w)u- (в wuf), с. wo- (в woó)

2. От основ *aitā-

Ед. число

Им.	*aitah м.р.	- ш.-р. yid, язг. d- в du(k), вах. yet
Им.-вин.	*aitat ср.р.	
Вин.	*aitam м.р.	- ишк. (y)id
Им.	*aitā ж.р.	- с. yad, ишк. ad(i)
Вин.	*aitām ж.р.	
Род.	*aitahya м.р.	- ш.ор.с. di, б. dī, м. ye язг. di-
	*aitahyāh ж.р.	- ишк. da, м. -ya
Дат.	*aitahmāi ср.р.	- бадж.б. dim, с. dem, язг. dim
Местн.	*aitahmi ср.р.	
Отл.	*aitahmāt ср.р.	- ш.ор. dam
	*aitahmāt ср.р.	- рх. dum
Твор.	*aitanā м.р.	- м. yan, ишк. dan
	*aitēna ср.р.	- м. yin
	*aitayā ж.р.	- м. yaу, рх., язг. day
	*aita м.р.	- м. -у

Мн. число

Им.	*aitāh ж.р.	- ишк. ad- в adóndon
Вин.	*aitans м.р.	- вах. yet (адъект.)
Род.	*aitāhām ж.р.	- ш.-р. dā- (в dāó), ор. dā- (в dāf), м. ya (в yaу, yaf), ишк. da
	*aitaišām м.р.	- ш. dē- (в dēv), с. de- (в def), б. di- (в dif)
Твор.	*aitāiš м.р.	- м. -у
Местн.	*aitāhu ж.р.	- с. do- (в doó), р. du- (в duf)

3. От основ *imā-

Ед. число

Им.	*imah м.р.	
Им.-вин.	*imat ср.р.	- р.б.ор. yim, вах. yem(-)

Вин.	*imam м.р.	- ишк. (y)im
Им.	*imā ж.р.	- ш.х.с. уам, ишк. ам(i)
Вин.	*imām ж.р.	- ш.ор.с. mi, б. mī, м. me
Род.	*imahya м.р.	- м. -ма, ишк. ма
	*imahyāh ж.р.	- бадж.б. mim, с. mem
Дат.	*imahmāi ср.р.	- ш.ор. там
Местн.	*imahmi ср.р.	- рх. mum
Отл.	*imahmāt ср.р.	- м., ишк. man
	*imahmat ср.р.	- м. min
Твор.	*imanā м.р.	- м., рх. mau
	*imēna ср.р.	- м. -m
	*imayā ж.р.	
	*ima м.р.	

Мн. число

Им.	*imāh ж.р.	- ишк. ам- в amōndon
Вин.	*imans м.р.	- вах. ует (адъект.)
Род.	*imāhām ж.р.	- ш.-р. mā- (в māō), ор. ма- (в maf), м. ма- (в mau, maf), ишк. ма
	*imaišām м.р.	- ш. mē- (в mēv), б. mi- (в mif), с. me- (в mef)
Твор.	*imāiš м.р.	- м. -m
Местн.	*imāhu ж.р.	- с. mo- (в moō), р. mu- (в muf)

В язгулямском кроме того представлены рефлексы древнеиранских флексивных форм от основ *ā-, *-ī: им. ед. м./ср./ж.р. *ayam > язг. āy, *iyam > язг. у- в yu(k); им. мн. *iyai(?) < язг. у- в yu(k)?

4.3. В о п р о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я. Во всех языках нашли отражение древнеиранские формы им., вин., род., а в шугнанском и мунджанском, возможно, еще и твор. падежей всех трех родов от одной из основ: *kā- или *-kaī-, *čī-. Эти местоимения следующие:

	Др.-ир.	Пам.
Им.	*k/čid/t- ср.р. (ав. čit)	- м. k(ь)d-i 'кто', м. š(ь)t-i, язг. š(ə)t-ā, ишк. st-a 'что'
	*kaayah м.р.	- с. čoy, ишк. kūy, вах. kūy, м. key 'кто'
	*kauyā ж.р.	- ш. čāy 'кто'
Род.	*kahya м.р.	- язг., вах. ki
	*čihya м.р.	- ш. čī, язг. čī(g')

Кроме того, в памирских языках нашли отражение некоторые вопросительные местоименные прилагательные, ор., например, др.-ир. *katāma-

/i- отразившееся в: ш. *šidūm*, рх. ор. *šidōm*, б.с. *šidum*, язг. *kade/im*, м. *kīuē*, ишк. *kūdyt*, вах. *kūm* 'какой, который'. Об остальных вопросительных производных местоимениях см. в очерках по языкам.

4.4. Возвратно-определятельное местоимение. Во всех памирских языках представлены две формы, а в ишкашимском и мунджанском три формы этого местоимения. Прямая форма (а в ваханском — объектно-прямая) во всех языках, кроме шугнанского, отражает древнеиранскую основу **xwatā*/*ī*- или **xwatu-*: язг. *xūd*, ишк. *xā(da)k*, м. *xiy-* (в *xiyay(i)n*) 'сам(а)'. Для вах. *šat* 'сам(а)' следует предположить вариант *(*k*)*šwatā*-. Шугнанская прямая форма этого местоимения *xūbaŋ* 'сам(а)' продолжает, по-видимому, др.-ир. **xwa-raŋā*- (ср. и.-е. *poti-* 'сам', ав. *xwae-rati-* 'он сам').

В основе косвенной формы лежит древнеиранский элемент **xwa-*, **xu-* *wa-*, причем ш. *xu* либо < **xuwa*, т.е. вин. ед. м.р., либо < **xuwa*, т.е. твор. ед., а язг. *xī* < **xwahu-*, т.е. род. ед. м.р. или **xwaua-* (мест. прилагательное). Рефлексами последней формы являются, возможно, и посессивные формы м. *xey*, ишк. *xī/e* и вах. *še/и*. В мунджанском и в ишкашимском косвенная форма, употребляющая субстантивно в функции прямого дополнения, является сложной по своему составу: м. *xē-sar*, ишк. *xē(f)-sar*. Первый элемент может быть восстановлен в **xwa-* или **xwai* 'свой, своя', а второй *-sar* является рефлексом др.-ир. **sarā* им.-вин. дв. ж.р. от **sar-*, ср. ав. *sar-* 'тело'. В авестийском засвидетельствовано аналогичное сочетание, но только в качестве второго компонента выступает слово *tanu-* 'тело', ср. ав. ... *haša hawayas tanvo...* 'от собственной персоны, от себя'.

Глагол

5.0. Общие замечания. Глагольная система в памирских языках по сравнению с древнеиранской претерпела значительные изменения, что связано с общим для всех иранских языков развитием от флективности к аналитизму. Древнеиранский глагол, как известно, имел три так называемые временные системы: презенс, аорист и перфект. Глагольные формы каждой из них образовывались от специальной для данной системы основы. От каждой из этих основ при помощи особых суффиксов образовывались основы трех наклонений: индикатива, конъюнктива и оптатива. От основ наклонений при помощи личных окончаний образовывались личные глагольные формы. В личных окончаниях выражались время, наклонение и залог.

От основ презенса образовывались настоящее время и прошедшее (имперфект). От основ аориста образовывалось лишь одно прошедшее время — аорист. От основ перфекта образовывались два времени: перфект и плюсквамперфект.

От этой древнеиранской глагольной системы в современных памирских языках сохранилась лишь основа презенса, претерпевшая фонетические

изменения. Но изменилась также и грамматическая нагрузка современной основы настоящего времени. Если древнеиранская основа презенса имела определенную модально-видовую характеристику, но была в какой-то степени нейтральной во временном аспекте, поскольку от нее могла образовываться не только форма настоящего времени, но и форма имперфекта с помощью особых личных окончаний, то для современной основы настоящего времени характерна прежде всего ее соотнесенность с настоящим моментом, но зато она нейтральна в модально-видовом аспекте.

Но следует сказать, что модальный аспект древнеиранской основы презенса исчез не бесследно. Следы его сохранились в корневом гласном современной основы наст. времени. Исторический анализ современных основ наст. времени с учетом умлаута дает возможность выявить рефлексы различных типов исторических основ презенса, причем всех трех наклонений. Таким образом, материальный след исторической модальной характеристики сохранился в современных основах наст. времени, а функциональный в полном объеме — нет.

Существовавшие в древнеиранском два ряда личных окончаний утратились. В процессе развития языка выработался один ряд личных окончаний, представляющих собой контаминацию древнеиранских окончаний различных наклонений и залогов. Рефлексы этих окончаний в памирских языках употребляются при образовании формы настоящего-будущего времени. Во всех памирских языках имеются также особые окончания для формы повелительного наклонения (2-е лицо ед. и мн. число), которая образуется от основы наст. времени.

Древнеиранские временные системы аориста и перфекта полностью оказались утраченными. Система прошедших времен в памирских языках является новообразованием. В ее основу легло древнеиранское причастие прош. времени. Современная основа прош. времени представляет собой рефлекс этого причастия прош. времени. Принято считать, что в основу парадигмы прошедших времен в новоиранских языках легло древнеиранское причастие прош. времени на **-tā-*. Анализ основ прош. времени памирских языков показал, что в образовании этих основ принимало участие не только древнеиранское причастие на **-tā-*, но и древнеиранские причастия прош. времени на: 1) **-tī-* // **-tuā-* и **-taya-* // **-tiya-* (ср. др.-перс. *martiya-* 'умерший'); 2) **-ātā-*, **-ītā-*, **-ātī-* или **-ātuā-* (ср. др.-инд. *pacata-* 'сваренный', *guṛpitā-* 'переплетенный', ав. *uṣata-* 'пришедший', *friṣta-* 'любимый'); 3) **-nā-*, **-nī-* (ср. и.-е. *dō-na-* наряду с *dō-ta-* 'данный', др.-инд. *dū-na-* 'сгоревший', ав. *fri-na-* наряду с *fri-ta-* 'любимый'); 4) **-wā-*, **-wī-* (ср. и.-е. *m̥-uo-* наряду с *m̥-to-* 'умерший', *uidheuo-* 'отделенный', др.-инд. *rak-va-* 'сваренный'); 5) **-k/gā-*, **-k/čī-*, **-yā/ī-* и **-ā/sa/i-* (ср. и.-е. *kou-ko-* 'выгнутый', ав. *huška-* 'высохший, сухой', ав. *aša-* 'смолотый', *šaša-* 'умерший'). Рефлексы всех этих древнеиранских причастий прош. времени представлены неравномерно в памирских языках, т.е. одним языкам свойствен один тип причастий, а другие типы

представлены в меньшей степени, в других памирских языках наоборот.

К восстанавливаемым нами причастиям прош. времени на *-wā-, *-wī- близки древнеиранские активные причастия перфекта на *-wah м.р., *-wā- ж.р., ср. др.-инд. vidvās, ав. vid/dvā 'появивший' в отличие от др.-инд. vitta- 'узнанный, понятый'. Не исключено, что древнеиранские причастия на *-t- противопоставлялись причастиям на *-w- как пассивные активным. В процессе развития языка эти причастия контаминировались, в результате чего в современных памирских языках основа прош. времени в ряде случаев оказалась нейтральной в залоговом отношении (ср. ш. būd- < *kr̥ta- и ču- < *kr̥wa- 'сделанный' и 'сделавший'). Вообще следует сказать, что путей, способствовавших этой контаминации, возможно, было несколько. Здесь могла иметь место и материальная близость отдельных морфологических элементов, образовывавших активные и пассивные причастия прош. времени. Основой для контаминации могла послужить материальная близость основ прошедшего времени с активным и пассивным значением и в более позднюю эпоху, т.е. уже после отпадения гласного элемента безударного слога (ср. ш. būd- < *kr̥ta- 'сделанный' и ču- < *kr̥wa- 'сделавший'; язг. k/keg- < *kr̥k/gi- 'сделанный' и ki- в kiyag < *kr̥wī- 'сделавший'). Возможен был также переход от пассивного значения к активному через возвратное значение (Боголюбов, 1982). Кстати говоря, в авестийском засвидетельствованы случаи совмещения пассивного и возвратного значений, ср., например, stāta- 'установленный, установившийся', ūyāta-, ūāta- 'обрадованный и обрадовавшийся'. Наконец, нельзя полностью исключать и изначальную залоговую нейтральность какой-то части древнеиранских глаголов (Барроу, 1976, с. 159; Семереньи, 1980, с. 337). Более подробно все это рассматривается в очерке "Шугнанский язык". Следует также сказать, что современная основа прош. времени в памирских языках, являющаяся рефлексом древнеиранского причастия прош. времени, нейтральна не только в залоговом отношении, но и в модально-видовом. Для выражения этих характеристик памирские языки в процессе своего развития выработали свои средства (присоединение префиксальных или суффиксальных частиц, образование сложных глагольных форм и др.).

Как известно, древнеиранское причастие прош. времени имело род, число, падеж. Из всех памирских языков только языки шугнано-рушанской группы и в несколько меньшей степени мунджанский язык сохранили родовую и числовую оппозицию в части глаголов. Но род и число (а иногда и падеж) любой современной основы прош. времени всех памирских языков без труда может быть восстановлен благодаря умлаутному анализу. Показателем исторического рода и числа в современных основах прош. времени является корневой гласный основы. Глагольно-именной характер современной основы прош. времени проявляется и в особом типе спряжения глагола в прошедших временах. Лицо и число в этих глагольных формах выражается особыми подвижными показателями лица и числа.

Исторически производной от основы прош. времени является краткая причастная форма, которая в настоящее время не воспринимается носителями языков как причастие, и служит своего рода основой для образования формы перфекта, а также в большинстве памирских языков – и формы плюсквамперфекта.

От указанных выше трех глагольных основ образуются все глагольные формы: от основы наст. времени путем присоединения личных окончаний образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения, от основы прош. времени при участии подвижных показателей лица и числа образуется форма прош. времени, от основы перфекта также путем сочетания с показателями лица и числа – форма перфекта и сложные глагольные формы (плюсквамперфект, а в некоторых языках также преждепрошедший перфект). В ваханском, ишкашимском и сарыкольском языках имеется, кроме того, глагольная форма прошедшего предположительного времени, которая образуется сочетанием основы перфекта смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме настоящего-будущего времени.

Во всех памирских языках, кроме того, сохраняется ряд застывших глагольных форм (о них см. дальше).

Основы

5.17. Основы настоящего времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей. С исторической точки зрения основы наст. времени могут быть разделены на следующие три группы: 1) основы наст. времени, представляющие собой рефлекс исторических основ индикатива; 2) основы наст. времени, представляющие собой рефлекс исторических основ конъюнктива и 3) основы наст. времени – рефлекс исторических основ оптатива. Примеры:

1) рефлекс основ индикатива: ш. *xōfc-* < *(k)šwapsa-, вах. *гн-хыр-* < *p/fra-(k)šwapa- 'спать' (ав. *xvar-*); м. *wof-*, вах. *ыf-* 'ткать' < *wafa- (др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-*); язг. *neveš-* 'писать' < *ni-piša- (ав. *paēs-*); ишк. *vond-*, м. *vond-* 'связывать' < *banda- (ав. *band-*);

2) рефлекс основ конъюнктива: ш. *wāf-*, язг. *waf-* 'ткать' < *wafā-; вах. *vand-*, язг. *vand-* 'связывать' < *bandā-; ишк. *kan-* м. *kan-*, ш. *šān-* 'копать' < *kanā- (ав. *kan-*); язг. *paʃ/ž-*, ишк. вах. *рас-* 'печь, варить' < *pačā- (ав. *pak-*);

3) рефлекс основ оптатива: ш. *niviš-*, ишк. *nviš-*, вах. *neviš-* 'писать' < *ni-paišai-, *ni-pišai- (ав. *paēs-*); язг. *pis-* < *pr̥s(s)-ai-, ш. *pēxs-* < *pr̥(k)šsai- 'спрашивать' (ав. *pegeš-*); ш. *pīz-* 'печь, варить' < *pačai- (ав. *pak-*).

Как можно видеть, один и тот же древнеиранский корень реализовывался в различных типах глагольных основ презенса, что и нашло отражение в памирских основах наст. времени (точнее – в корневом гласном

основы). Причем в очень редких случаях сохраняются рефлексy одного и того же типа исторической основы презенса от одного и того же корня во всех памирских языках. Как правило, тут наблюдаются перекрестные изоглоссы.

5.2. Основа прошедшего времени в памирских языках, как уже выше было отмечено, образовалась на базе древнеиранского причастия прош. времени. У большинства глаголов она по сравнению с основой наст. времени имеет дополнительный согласный -t (обычно после глухого согласного) или -d (обычно после гласного или звонкого согласного). Ряд глаголов в основе прош. времени имеет другой корневой гласный, что, в случае вторичности основы, указывает на то, что данная основа прош. времени образована от другого варианта основы наст. времени, который в настоящее время не функционирует в языке.

Являясь исторически причастием прош. времени, основа прош. времени ряда глаголов в некоторых памирских языках, как уже выше было отмечено, сохраняет родовую и числовую оппозицию. Это имеет место в языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) и в мунджанском языке. Для тех же языков, где не сохранилось родовое и числовое различие в основах прош. времени, исторический род и число этих основ может быть восстановлен благодаря умлаутному анализу.

Большинство основ прош. времени в памирских языках являются вторичными по происхождению, поскольку они продолжают образования не от корня, как это имело место в древнеиранском причастии прош. времени, а от основы наст. времени. Но во всех памирских языках сохраняются также и первичные основы прош. времени.

Выше уже говорилось о том, что сравнительно-исторический анализ памирских основ прош. времени показал, что древнеиранское причастие прош. времени образовывалось не только с помощью суффикса *-tā-, как это до сих пор считалось, но и с помощью других вариантов этого суффикса, в частности, *-tyā- // *-tī-, а также с помощью распространенных вариантов этого суффикса *-taya-, *-tiya-, *-atā-, *-atī- или *-atyā-, *-itā-. Кроме того, в образовании древнеиранских причастий прош. времени, как показал анализ материала памирских языков, принимали участие и другие суффиксы, такие, например, как *nā/ī-, *-wā/ī-, *-kā/ī-, *-či- (и, возможно, *-g/ya/ī-), *-šā/ī-.

Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксом *nā/ī-, как и с *-tā/ī-, *-ta/iya-, представлены в основном в ваханском языке. Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксами *-wā/ī-, *-kā/ī-, *-či- наряду с *-tā/ī- представлены, главным образом, в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском, в шугнанском - также суффикс *-šā-. В язгулямском и ишкашимском в основном представлены рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксом *-tā/ī-, реже - о *-wā/ī-. В ишкашимском, кроме того, достаточно широко распространены основы прош. времени, являющиеся рефлексами древнеиранских причастий на *-atā/ī-, *-itā- (если эти ишкашимские основы

не считать вторичными). В мунджанском языке, как уже было сказано, очень распространены рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксами *-kā/ī-, *-g/ya/ī- наряду с *tā/ī- и реже - с *-wā/ī-. Приводим примеры памирских основ прош. времени, представляющие собой рефлексы различного типа древнеиранских причастий прош. времени:

1) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-tā- : ш. *ḫōvd-* < *kšwarta-, язг. *p(ə)-xovd-* < *upa-xwarta-, вах. *ro-ḫort-* < *pra-kšwarta- 'спать' (ав. *xvar-*); ш. *ṣūxt-*, язг. *kūxt-*, ишк. *kūt-* 'смотреть' < *kašta- (и.-е. *k^hek-*, ав. *kas-*); язг. *kōnt-*, ишк. *kūnd-*, вах. *kot-* 'копать' < *ka(n)ta- (ав. *kan-*); язг. *waft-* < *waftā-, вах. *oft-* < *uf/ptā- 'ткать' (др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-*); ш. *vud-* м.р., *vad-* ж.р., язг. *vad-*, ишк. *yūd-* 'быть' < *būtā- м./ж. р. (ав. *bav-*); ш. *yōd-*, м. *yōu-* < *ustā-, ишк. *wud-* < *wasta- 'нести' (ав. *vad-*);

2) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-tyā- // *-tī- или *-ta/īya- : ш. *wīft-* < *waftī-, ишк. *ift-* < *uftī- 'ткать', (др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-*); ш. *ṣīnt-*, м. *ked-* 'копать' < *ka(n)tī- (ав. *kan-*); р. *vid-*, вах. *vit-*, м. *viy-* 'быть' < *būtī- (ав. *bav-*); ш. *wi-+-zēnt-*, м. *vze(n)d-*, ишк. *p^h-zind-* 'знать' < *zantī- (ав. *zan-*; но ср. язг. *vəzant-* < *-zantā-); язг. *ōed-*, м. *ləy-* 'давать' < *d/ōātī- (ав. *dā-*; но ср. ш. *ōōd-*, ишк. *dud-* < *d/ōāta-); язг. *west-* 'уводить в жены' < *wastī- (ав. *vad-*; но ср. ш. *yōd-*, м. *yoy-*, ишк. *wud-* < *ustā-, *wastā-); вах. *kōrt(əy)-* // *kertī-* 'делать' < *kṛtaya- // *kṛtiya-;

3) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-atā-, *-itā-, *-atī- : вах. *pəcət-* 'варить, печь' < *pačatī- (др.-инд. *pacata-* 'сваренный'); ишк. *xondəd-* 'смеяться' < *xandata- (ср. вах. *kand-*, ш. *ṣīnt-*, с. *ḥond-* то же); вах. *məcət-* (наряду с *oft-*) 'ткать' < *wafatī- (др.-инд. *vabh-*); ишк. *ḥidəd-* (наряду с *ḥid-*, м. *ḥəiy-*) 'плакать' < *kṣītī-, *kṣītita/i- (ср. и.-е. *gōi-* 'кричать');

4) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-wā/ī- : язг. *puh^o-*, ишк. *p^hx-* (наряду с *p^hxt-*) 'печь, варить' < *pakwa- (др.-инд. *pakwa-* 'сваренный'); ш. *ṣu-*, р. *ṣu/o-*, ишк. *kul-* < *kṛwa-, язг. *ki-* (в *kiyag*), м. *kər-*, р. *ṣīw-* (в *ṣīwc-*) 'делать' < *kṛwī- (ав. *kar-*); м. *mər-*, р. *mīw-* (в *mīw^h-*) 'умирать' < *mṛwī-, ишк. *m^hl-* < *mṛwa- (ср. и.-е. *mṛ-uo-* 'умерший'); вах. *za* 'дети' (букв. 'рожденные') < *zāwāh им. мн. от *zāwa- (ав. *zan-* 'рождать', *fra-zantay-* 'ребенок'). Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-wā/ī- имеются и в других иранских языках, ср., например, оо. *-ffyss-* в *pu-ffyss-äg* 'написавший' < *pīswa- (ав. *paēs-*), *-māl* в *a-māl-äg* 'умерший' < *mṛwī-, курд. (курдманджи) *ar* 'мука' (букв. 'смолоотое') < *arwā- (и.-е. *al-* 'молоть', сорани *ard* 'мука');

5) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-nā/ī- : вах. *dəyn-* 'дойть' < *d/ōng/yna- (и.-е. *dheugh-*, 'дойть', др.-инд.

dógdhi 'дойт'), pir-vaŷn- 'просеивать' < *pari-vig/ŷnā- (ав. vaēk-);

6) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-kā/ī-, *-či-, *-g/ŷā/ī-, *-šā/ī-: р.б. čūg- м.р., čōg- ж.р., х. čūg- (в čūgǰ-) < *kṛ-k/ga-, ш. čūŷ- (в čūŷǰ-) < *kṛ-ša-, язг. keg- < *kṛ-k/gī- 'делать' (ав. kar-, основа прош. вр. kereta-, а также ав. kaša- < *kṛša-); р. мūg- м.р., mōg- ж.р., х. mūg- (в mūgǰ-) < *mṛk/ga-, х. mig- (в migǰ- ж.р.), язг. mēg- и mig- (в migag) < *mṛk/gī-, ш. mīŷ- (в mīŷǰ- ж.р.) < *mṛšī- (ав. mar-, основа прош. вр. mēreta- и maša- < *mṛša-); язг. yūg- < *ark/ga-, yə/ig- (в yə/-igag) < *ark/gī- 'молоть' (и.-е. al- 'молоть', ав. aša- 'смолоное' < *aršā-); м. lišk- 'видеть' < *diškī- (ср. вах. diš-: dišt- 'знать'); м. kušk- 'колоть, резать (животное)' < *kuškī- (ав. kaos-); м. xišk- 'тащить, тянуть' < *xṛškī-; (ав. karš-); м. g(i)yašk- 'переходить' < *wi-trš-ka- (и.-е. ter-); м. p.(ə)šoy- 'варить, печь' < *pa(k)šaka- или *pa(k)šata- (ав. pak-); возможно, к этому же типу ш. mīxš 'моча' < *miz-či- (ав. mēz-); вах. wəsk, м. wəšk 'высохший' < *was/ška-(?).

5.3. Помимо основ наст. и прош. времени во всех памирских языках на базе исторического причастия прош. времени (в современных языках - основа прош. времени) с помощью различно вокализованного суффикса -k/g/ŷ- (или его палатализованного варианта, а в мунджанском также -y-) образовалось современное краткое причастие прош. времени, которое в настоящее время уже не воспринимается носителями языков как таковое, а служит своего рода основой для образования формы перфекта, а в большинстве памирских языков - еще и формы плюсквам-перфекта. В качестве примера этой перфектной основы можно привести вах. vəndet-k, ишк. vūst-ūk, м. vost-ey язг. vəst-a(g), ш. vūš-č 'связавший, связанный'. У ряда глаголов при этом возможно изменение корневого гласного. Это свидетельствует о том, что перфективная основа образована от другого варианта основы прош. времени.

У части глагольных основ в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском сохраняется родовая оппозиция, ср., например, ш. nūš-č м.р., nīs-с ж.р.; м. n(i)yostey м.р., n(i)yāsteya ж.р. - 'сөвший, сөвшая'.

Заслуживает внимания наблюдение специалистов по некоторым памирским языкам (язгулямский, ишкашимский, мунджанский) относительно того, что эта причастная форма от переходных глаголов, нейтральна в залоговом отношении. Это, в свою очередь, свидетельствует о залоговой нейтральности и основы прош. времени, от которой образуется перфектная причастная форма. А это может служить лишним аргументом в пользу того, что и древнеиранское причастие прош. времени, рефлексом которого является современная основа прош. времени, также могло быть нейтральным в залоговом отношении. Между прочим, современная вариативность в спряжении переходных глаголов в большинстве памирских языков также может

служить доказательством залоговой недифференцированности исторического причастия прош. времени, на базе которого образовалась современная основа прош. времени, а затем и основа перфекта.

Выражение лица и числа

5.4. Во всех памирских языках лицо и число в глагольных формах выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (форма настоящего-будущего времени, форма повелительного наклонения), лицо и число выражается личными окончаниями. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (форма прош. времени, перфект, плюсквамперфект, в некоторых языках еще и - преждепрошедший перфект), лицо и число выражается особыми показателями лица и числа энклитического типа, которые во всех памирских языках, кроме мунджанского, являются подвижными (в мунджанском они подвижны только в форме преждепрошедшего времени).

С исторической точки зрения все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залога, причем как от тематических основ, так и атематических. В памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские личные окончания:

Др.-ир		Пам.	
Ед. число			
I л.	*-āmi (первичное, акт.)	-	вах. -əm, ишк. -ьm, м. -ə/ьm, ш. -um
	*-āni (конъюнктив, акт.)	-	язг. -in
	*-ānai (конъюнктив, мед.)	-	
2 л.	*-ahi (первичное, акт.)	-	вах. (зап.), ишк., ш. -i, м. -əy
	*-ahai (первичное, мед.)	-	
	*-aha (вторичное, мед.)	-	язг. -au
	*-āh (вторичное, акт.)	-	вах., сар., ор. ноль звука
3 л.	*-ti (первичное, акт.)	}	вах., м., язг., ш. -t/d
	*-tai (первичное, мед.)		
	*-ta (вторичное, мед.)		
	*-āti (первичное, акт.)	-	ишк., м. -i
	*-āta (первичное, мед.)	-	ишк. -u
	*āt (вторичное, акт.)	-	м. ноль звука

Мн. число

I л.	*-āmni (ср. хорезм. -āmni, х.-сакс. -āmane, согд. -'umñ)	-	вах. -ən, язг. -ən
------	--	---	--------------------

	*-āmnā		- ишк. -on, м. -am, ш.р. -ām, б.ор. -an
2 л.	*-ītā (вторичное, акт.)		- вах., язг. -it, ш. -ēt, р.б. -at
	*-ad/twai (ав.-aduye)		- вах. -ev
	*-ad/twām (вторичное, мед.)		- ишк. -ēv, м., р. б. -af
3 л.	*-anti (первичное, акт.)		- вах. -ən, ш. -ēn
	*-antai (первичное, мед.)		
	*-antā (вторичное, мед.)		- ишк. -on, м. -at, язг. -an, р.б. -an

Личные окончания формы повелительного наклонения несколько отличаются. В ед. числе во всех памирских языках нашло отражение древнеиранское окончание императива активного залога *-а, давшее ноль звука. В мунджанском, кроме того, нашло отражение древнеиранское окончание императива медиального залога *-hwa, давшее -о. Во мн. числе окончания формы повелительного наклонения во всех памирских языках, кроме мунджанского, совпадают с личными окончаниями формы настоящее-будущего времени. В мунджанском они имеют вид -it, -in, что можно было бы восстановить в *-a/itni (ср. древнеиранское окончание 2 л. мн.ч. *-ta + суффиксальный элемент -na, т.е. аналогично окончанию 1 л. мн.ч. *-m(a)na/i-).

5.5. Как уже было сказано, лицо и число в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, выражается подвижными показателями энклитического типа (в мунджанском они подвижны только при форме преждепрошедшего времени). Эти показатели лица и числа с исторической точки зрения представляют собой два ряда омонимичных элементов различных по своему происхождению. В случае их употребления при непереходном глаголе, они представляют собой рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в соответствующей личной форме ед.ч. одного из наклонений (т.е. по типу ср.-перс. raft ham '(я) ушедший есмь'). В случае же их употребления при переходном глаголе, они могут быть истолкованы как рефлекс сочетаний того же глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. одного из наклонений с соответствующим энклитическим местоимением (т.е. по типу др.-перс. maiy kartam astiy 'мною (//мое) сделанное есть', где astiy - 3 л. ед.ч. индикатива, акт. залога от *ah- 'быть'; или ср.-перс. i-m kart 'есть мною(//мое) сделанное', где i- < *ahyāt, т.е. 3 л. ед.ч. опатива, акт. залога от *ah-; ср. также модель ягн. viyortam-x 'найденное мною(//мое) есть' и vutaim '(я) ставший есмь').

Если попытаться восстановить на древнеиранскую почву эти два ряда современных показателей лица и числа, то они могли бы иметь следующий вид:

І. Древнеиранские личные формы глагола *ah-, *h-
'быть' и их рефлексы - показатели лица
и числа, употребляющиеся при непереходном
глаголе

Др.-ир.	Пам.
Ед.число	
І л. *ahmi (инд.)	- вах. -əm, ишк. -ьm, м. -am, язг. -əm, ш. -um
2 л. *ahi (инд.)	- м. -ay
*hatah (кон.)	- вах. -ət, ишк. -ьt, язг., ш. -at
3 л. *hat (кон.) или	
*hyāt (опт.)	- ноль звука
*ahyāt (опт.)	- вах., ишк., ш. -i, язг. -ay
*ahat (кон.)	- м. -a

К этому следует добавить краткие формы связки 3-го лица ед. числа, употребляемые при именном сказуемом: язг. -u/û < *ahat (конъюнктив) и вах. -it < *asti (индикатив). В остальных лицах краткая форма связки совпадает с показателями лица и числа.

Мн.число	
І л. *ahmā (инд.) или	
*hamā (кон.)	- ш.р. -ām м. -am
*hamnā (кон.) или	
*anhmā (инд. от корня	
*anh-)	- б.ор.с., язг. -an, ишк. -on
*hamni (кон.)	- вах. -ən
2 л. *hyāta или	
*hita (опт.)	- ш. -ēt
*had/twam (кон.)	- р.б. -af, м. -af, ишк. -ьv
*had/twai (кон.)	- язг. -əf, вах. -əv
3 л. *hanti (инд.)	- ш. -ēn
*hanta (кон.)	- ишк. -on
*hantām (имп.)	- р.б. -an, м. -at

Что касается ваханского показателя 3-го лица мн. числа -əv и с. -af, то очень предположительно их можно было бы связать либо с императивной формой *hantu // *hantwa, либо видеть в них элемент, заимствованный из спряжения переходных глаголов.

П. Древнеиранские сочетания глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед.ч. одного из наклонений с энклитическим местоимением и их рефлексy - показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе

Др.-ир.

Пам.

Ед.число

1 л.	*ahyāt + mai	- язг. -əm, м. -ə/əm, ишк. -əm, вах. -əm
	*ahat + mai	- ш.-р. -um, с. -am
2 л.	*ahyāt + tai	- м. -ət, вах. -ət, ишк. -ət
	*ahat + tai	- ш.-р., язг. -at
3 л.	*ahyāt + hi	- ш.р., ишк., вах. -i, язг. -ay
	*ahat + hi	- м. -a
	*hat + hi	- ноль звука

Мн. число

1 л.	*ahat + ahmā	- ш.р. -ām, м. -am
	*ahat + nāh	- б.с., язг. -an, ишк. -on
	*ahyāt + nāh	- вах. -ən
2 л.	*ahyāt + tai	- ш. -ēt
	*ahyāt + vāh	- ишк. -əv, вах. -əv, язг. -əf
	*ahat + vāh	- р.б.с., м. -af
3 л.	*ahyāt + anāis̄	- ш. -ēn
	*ahat + anāis̄	- р.б. -an, ишк. -on
	*ahyāt + ab/fis̄ ^I	- вах. -əv, язг. -əf
	*ahat + afis̄	- с. -af
	*ahat + tais̄	- м. -at

В некотором пояснении нуждаются следующие восстанавливаемые формы. В шугнанском показателе 2-го лица мн. числа нами восстанавливается энклитическая местоименная форма 2-го лица ед. числа. Нужно сказать, что памирским языкам вообще свойственно образование формы 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, ср. ишк. ть 'ты' < *tuwam и тьмьх 'вы' < *tu/a-hmāk/хам (по аналогии с *ahmākam 1 л. мн.ч.). В образовании энклитических форм 3-го лица мн. числа участвуют в основном исторические формы твор. падежа указательных местоименных основ *a-, *ana- и *ta- (ср. основу *awa- в др.-перс. awaišām kartam astiy 'их сделанное есть'; ср. также ягн. uxšta-šint-х 'приведенное ими (/их) есть').

^I О соответствии др.-ир. *f инд.-ир. *bh см.: Пахалина, 1983.

5.6. Как уже отмечалось, древнеиранская глагольная система претерпела значительные изменения в ходе своего развития. От древнеиранского состояния памирские языки унаследовали лишь способ образования глагольной формы настоящего времени (точнее - настояще-будущего времени) и в какой-то степени формы повелительного наклонения. Обе эти формы образуются путем сочетания основы наст. времени с личными окончаниями, присущими этим формам. Форма повелительного наклонения имеет только одно грамматическое лицо - второе - и два числа - единственное и множественное. Форма настояще-будущего времени имеет все три лица и два числа (ед. и мн.).

5.7. Но во всех памирских языках сохраняются отдельные застывшие глагольные формы от некоторых древнеиранских глагольных основ. Сюда относится, прежде всего, форма 3-го лица ед. числа со значением 'есть, имеется': ш.-р., язг. *yast*, м., ишк. *ast*, вах. *təy*. в язгулямском, кроме того, сохраняется модальный вариант этого глагола, т.е. *yest* 'пусть (так) будет!'. Сравнительно-исторический анализ этих форм с учетом умлаута позволяет восстановить следующие праформы для них: ш.-р., язг. *yast* < **hastām*, т.е. 3 л. ед.ч. императива мед. залога от перфектной основы глагола **ah-* 'быть' (ср. фонетически ш.-р. *yax* 'сестра' < **hwaḫā* им. ед.ч. от основы **hwaḫar-*, ав. *xvaṇhar-*), ишк., м. *ast* < **astām*, т.е. императив мед. залога от основы **ah-* 'быть'; вах. *təy* < **stāyāt*, т.е. оптатив акт. залога от корневой основы **stā-* 'становиться'; язг. *yest* < **hastī*, т.е. индикатив акт. залога от перфектной основы глагола **ah-* 'быть'. Но вместе с тем нельзя не сказать, что современные формы этого глагола с начальным *y* можно было бы интерпретировать и иначе, а именно: 1/ *yast* < **hīstāt*, т.е. конъюнктив акт. залога от редуцированной основы **hi-stā-* 'стоять, становиться'; 2/ язг. *yest* < **hīstāyāt*, т.е. оптатив акт. залога от основы **hi-st-* с тем же значением (ав. *stā-*). В этом случае язг. *yest* 'пусть /так/ будет!' сохраняет семантическую преемственность.

Застывшими во всех памирских языках являются также соответствующие отрицательные формы этого глагола: ш.-р. *nist*, язг. *nast*, вах. *nəst*, м. *čəḥ* 'не есть, не имеется'. Ш.-р. *nist* закономерно восстанавливается в **na astī*, а язг. и вах. *nəst* - в **na astām*. Что касается м. *čəḥ*, то оно имеет усложненную частицу отрицания и другой вариант основы **ah-* 'быть', т.е. **aḥ-* (и.-е. *es-*, **ek/k-*). Таким образом, м. *čəḥ* может быть восстановлено либо в **naḥa* (ср. и.-е. *ne-k^hē* 'не', др.-инд. *naḥa* 'и не') + *aḥtī*, т.е. индикатив акт. залога от основы **aḥ-*, либо < **naḥa* + *aḥyāt*, т.е. оптатив акт. залога от той же основы **aḥ-* 'быть'.

Застывшей формой, возможно, является и ш. *mā-k* 'не делай!', которую можно было бы восстановить в **mā kta*, а также ш. *bəst* 'стой!',

которую можно было бы восстановить либо в *ura-histhwa (имп.мед.залог), либо в *ura-histdi (имп., акт. залог), ав. stā- 'стоять'.

Большой интерес представляют собой застывшие глагольные формы, превратившиеся в памирских языках в частицы, соответствующие русской частице бы. Они следующие: ишк. -ьs, вах. -əṣ̌(k), -ṣ̌ə(k), с. -ik, язг. -хо (по-видимому, из -ох). Все они представляют собой рефлексy глагольной формы 3 л. ед. ч. опатива или конъюнктива от различных вариантов глагольной основы со значением 'быть', т.е. *ah/x-, *as-, *aks-, *ak- (и.-е. ea-, *eks-, *ek(h)- 'быть'): ишк. -ьs < *asyāt (опт.) или < *asat (кон.), вах. -əṣ̌(k) < *akṣyāt (опт.), с. -ik < *akyāt, язг. -хо < *axat (кон.). Подтверждением именно такого происхождения этих частиц служит не только русская частица бы (из др.-рус. аориста 2 и 3 л. ед.ч. от 'быть', Фасмер, 1964, с. 257), но и курдская частица wê 'бы', которую можно восстановить в *būyāt, т.е. опатив 3 л. ед.ч. от основы bū- 'быть' (ав. bav-). Доказательством же того, что наряду с вариантом *ah- 'быть' были и другие варианты этой основы, в частности, *ak- может служить ос. äqqād 'будет!' (т.е. 'хватит!'). Ср. также частицу м. va 'бы' и тадж. k-ōṣ-ki! 'если бы!'.
Застывшими глагольными формами являются также частицы ишк. -bi и вах. -pə// -əp, употребляющиеся при глагольной форме настоящего-будущего времени и указывающие на возможность или обязательность совершения действия. Они представляют собой рефлексy исторической глагольной формы 3 л. ед.ч. опатива или конъюнктива от основы *bū-, *baw- 'быть', т.е. ишк. -bi < *būyāt (опт.) или < *būyat (кон.), а вах. -pə < *b/pūyāt (опт.) или < *b/pūyat (кон.).

Застывшим глагольным сочетанием является и р. bēgān(d), б. bēgā 'может быть', где первая часть bē- является отражением образования от глагола *bū-, *baw- 'быть', а вторая часть -gānd может быть восстановлена в *gandāt, т.е. в форму 3 л. ед.ч. конъюнктива от глагола *gand-, и.-е. g^uhedh- 'желать, просить'.

Подобных застывших форм в памирских языках немало. Они несомненно должны быть предметом специального исследования.

5.8. Как выше было сказано, форма настоящего-будущего времени образуется сочетанием основы наст. времени с личными окончаниями. Эта форма выражает всякое непротекшее действие. (См. парадигму спряжения глагола со значением 'ткать' в этой форме во всех памирских языках:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	wāfūm	wāfām
язг.	wafum	wafēm
м.	wofem	wofam

	ишк.	ifɣm	ifon
	вах.	ɣfɛm	ɣfɛn
2 л. ш.		wāfi	wāfēt
	язг.	wafay	wafit
	м.	wofɛy	wofaf
	ишк.	ifi	ifɣv
	вах.	ɣf(i)	ɣfɛv // ɣfit
3 л. ш.		wāft	wāfēn
	язг.	waft	wafan
	м.	woft	wofat
	ишк.	ifu	ifon
	вах.	ɣft	ɣfɛn

5.9. Форма повелительного наклонения, как уже было отмечено, также образуется от основы наст. времени. В ед. числе форма повелительного наклонения совпадает с основой наст. времени. В мунджанском существует два варианта формы повелительного наклонения в ед. числе: в виде чистой основы и с окончанием -о (о его происхождении см. раздел "Личные окончания"). Во мн. числе окончания формы повелительного наклонения совпадают с окончаниями формы настоящего-будущего времени. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме:

П о в е л и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

	Ед.ч.	Мн.ч.
2 л. ш.	wāf	wāfēt
язг.	waf	wafit
м.	wof(o)	wofaf
ишк.	if	ifɣv
вах.	ɣf	ɣfɛv // ɣfif

5.10. В основу парадигм спряжения глагольных форм, образующихся от основы прош. времени, легла историческая описательная конструкция с причастием прош. времени, которое при непереходном глаголе имело активное значение, а при переходном - пассивное (возможно также и активное; подробнее об этом см. в очерках по отдельным языкам). Соответственно с этим эта историческая описательная конструкция имела два варианта. При непереходном глаголе причастие прош. времени сочеталось с презентной формой глагола *ah- 'быть', а при переходном - с формой 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' в сочетании с энклитическим местоимением. Материальная близость презентных форм глагола-существительного и сочетаний формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- с энклитическим местоимением, давших почти одинаковые рефлексy в памирских языках, послужила основой для их смешения, что, в свою очередь, явилось причиной многочисленных, подчас не всегда корректных, толкова-

ний современных глагольных форм, образованных от основы прошедшего времени.

Рефлексы исторических презентных форм глагола-существительного и исторических сочетаний формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, будучи нефлективными по своему происхождению, превратились в современных памирских языках в два ряда омонимичных подвижных показателей лица и числа энклитического типа. Их место во фразе не закреплено, но чаще все же они тяготеют к первой синтагме. В мунджанском языке они подвижны только при форме плюсквамперфекта, а в остальных глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени, они по сути дела превратились в личные окончания.

5.II. От основы прош. времени, являющейся исторически причастием прош. времени, путем сочетания ее с показателями лица и числа образуется во всех памирских языках форма прош. времени. В большинстве памирских языков сохраняется внешнее различие в спряжении переходных и непереходных глаголов. Спряжение в этой форме переходных глаголов в некоторых памирских языках (рушанский, язгулямский, ваханский) имеет два варианта: с историческим энклитическим местоимением и без него. В последнем случае роль исторического энклитического местоимения выполняет тоническое личное местоимением в косвенной форме, например: р. *mu wēft*, язг. *mūn waft*, вах. *maž ɔft(əy)* 'я соткал(а)' (исторически - 'мною соткано' или 'мое сотканное'). В бартангском, мунджанском и ваханском при спряжении переходного глагола употребляются как тоническое личное местоимение в косвенной форме, так и энклитическое местоимение. Разница в спряжении формы прош. времени в этих языках состоит в том, что в бартангском и ваханском показатель лица и числа подвижен во фразе, а в мунджанском за глаголом, например: б. *mūn-um wēft*, вах. *maž-əm ɔft(əy)*, м. *mə/ɛn weftə/ɛm* 'я соткал(а)' (исторически - 'мною, мое сотканное').

В шугнанском и ишкашимском языках вообще не сохранилось внешних следов в различии спряжения переходных и непереходных глаголов. Имеющиеся в них показатели лица и числа одинаковы для тех и других глаголов. Но сравнительно-исторический анализ этих показателей лица и числа проливает свет на то, что и в этих языках существовало различие в спряжении переходных и непереходных глаголов.

Если бы мы попытались восстановить на историческую почву (примерно конец древнеиранского языкового периода) модель спряжения непереходного глагола в прош. времени, то она имела бы следующий вид: I л. ед. ч. **azam gātah* м.р. (**gātam* ср.р., **gātā* ж.р.) *ahmi* 'я есмь ушедший'. Причастие прош. времени в этой конструкции выступало в падежной форме и имело род и число. Следы родовой и числовой оппозиции сохранились, как известно, частично в языках шугнано-рушанской группы и в меньшей степени в мунджанском. Рефлексы этой исторической модели имеют следующий вид в памирских языках. Приводим парадигму спря-

жения непереходного глагола со значением 'быть, становиться' в форме прошедшего времени.

Пр о ш е д ш е е в р е м я
(непереходный глагол)

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	wúz-um vud (м.р.)	māš-ām vud
язг.	áz-əm vad	móx-an vad
м.	zə viy-am	mox viy-am
ишк.	áz-əm vbd	m̄x-on vbd
вах.	wúz-əm vit(əy)	sák-ən vit(əy)
2 л. ш.	tú-(a)t vud	tamá-(ə)t vud
язг.	tów-at vad	temóx-ef vad
м.	tu viy-ay	mof viy-af
ишк.	t̄-(ь)t vbd	t̄m̄x-əv vbd
вах.	tú-(ə)t vit(əy)	sáyış(t)-əv vit(əy)
3 л. ш.	yu vud (м.р.)	wād-ēn vad
	yā vad (ж.р.)	-"
язг.	āy-(ay) vad	if-an vad
м.	wa viy-a	way viy-a
ишк.	awí vbd	awónd(on)-on vbd
вах.	yaw vit(əy)	yá(w)īš(t)-əv vit(əy)

Спряжение переходных глаголов в форме прош. времени имеет, как уже было отмечено выше, несколько вариантов: 1) основа прош. времени плюс подвижной показатель лица и числа, являющийся рефлексом исторического сочетания формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением (все памирские языки); историческая модель: I л. ед.ч. *wafta- + форма 3 л. ед.ч. наст. вр. гл. *ah- 'быть' в одном из наклонений и плюс *mai 'сотканное есть мною (или мое)' (ср. др.-перс. maiy kartam astiy 'мною (или мое) сделанное есть'; ср.-перс. i-m kart 'есть мною (или мое) сделанное', ягн. viyortam-x 'найденное мною (или мое) есть'); 2) местоименное подлежащее в косвенной форме плюс основа прош. времени (рушанский, язгулямский, ваханский); историческая модель этого варианта может быть восстановлена в следующем виде: I л. ед.ч. *mana wafta- (при этом причастие в одной из флексивных форм) + *hat (конъюнктив) или *hyāt (оптатив) глагола *ah- 'быть', давший нулевой рефлекс, 'мною (или мое) сотканное есть'; 3) местоименное подлежащее в косвенной форме плюс показатель лица и числа, являющийся исторически сочетанием формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, плюс основа прош. времени (бартангский, ваханский, частично язгулямский) и с перестановкой последних двух составных частей

(мунджанский); историческая модель: I л. ед.ч. *mana + форма 3 л. ед.ч. наст.вр. гл. *ah- 'быть' в одном из наклонений + mai+ wafta- ; 4) местоименное подлежащее в прямой форме плюс показатель лица и числа, являющийся рефлексом исторического сочетания формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, плюс основа прош. времени (шутнано-рушанская группа, ваханский, ишкашимский); эта модель вторична, она явилась результатом контаминации типов спряжения непереходного и переходного глаголов.

Приведем парадигмы спряжения переходного глагола со значением 'ткать' в форме прош. времени во всех памирских языках:

Пр о ш е д ш е е в р е м я (переходный глагол)

I. Историческая (вероятностная) модель: сочетание формы 3 л. ед.ч. наст. вр. глагола *ah- 'быть' с энклитическим местоимением плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	-um wift	-ām wift
язг.	-em waft	-an waft
м.	weft-ɐ/əm	weft-am
ишк.	-ɪm ift	-on ift
вах.	-em oft(ey)	-en oft(ey)
2 л. ш.	-at wift	-ēt wift
язг.	-at waft	-ef waft
м.	weft-ɐ/ət	weft-af
ишк.	-ɪt ift	-ɐv ift
вах.	-et oft(ey)	-ev oft(ey)
3 л. ш.	-i wift	-ēn wift
язг.	(-ay) waft	-ef waft
м.	weft-a	weft-at
ишк.	(-i) ift	-on ift
вах.	(-i) oft(ey)	-ev oft(ey)

II. Историческая (вероятностная) модель: местоименное подлежащее в косвенной форме плюс причастие прош. времени плюс форма 3 л. ед.ч. конъюнктива или опатива от глагола *ah- 'быть'

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. р.	mu wift	māṣ wift

	ЯЗГ.	mún wáft	mox wáft
	ВАХ.	máŕ oft(əy)	sak oft(əy)
2 л.	р.	tā wēft	tamā wēft
	ЯЗГ.	tu wáft	təmox wáft
	ВАХ.	taw oft(əy)	sav oft(əy)
3 л.	р.	way wēft (м.р.)	uf wēft
		(w)um wēft (ж.р.)	—"
	ЯЗГ.	way wáft (м.р.)	if wáft
		im wáft (ж.р.)	—"
	ВАХ.	yaw oft(əy)	yav oft(əy)

III. Историческая (вероятностная) модель: местоименное подлежащее в косвенной форме плюс сочетание формы 3 л. ед. ч. глагола *ah-'быть' с местоименной энклитикой плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. б.	mún-um wēft	mās-an wēft
ВАХ.	māŕ-əm oft(əy)	sák-en oft(əy)
М.	mb/en weft-b/əm	mox weft-am
2 л. б.	tā-(a)t wēft	tamās-af wēft
ВАХ.	tāw-et oft(əy)	sāv-ev oft(əy)
М.	tu weft-b/et	mof weft-af
3 л. б.	wí-yi wēft (м.р.)	úf-af wēft
	úm-i wēft (ж.р.)	—"
ВАХ.	yáv(-i) oft(əy)	yáv-ev oft(əy)
М.	wan wefta (м.р.)	waf weft-at
	way wefta (ж.р.)	—"

IV. Вероятностная модель (вторичная): местоименное подлежащее в прямой падежной форме плюс показатель лица и числа плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	wúz-um wíft	mās-ām wíft
ИШК.	áz-əm ift	máx-on ift
ВАХ.	wúz-əm oft(əy)	sák-en oft(əy)
2 л. ш.	tú-(a)t wíft	tamá-(ē)t wíft
ИШК.	tá-t ift	təməx-bv ift
ВАХ.	tú-(ə)t oft(əy)	sáyíš(t)-ev oft(əy)

3 л. ш.	yí-yí wíft (м.р.)	wáð-én wíft
	yá-yí wíft (ж.р.)	—"
ишк.	awí(-i) íft	awónd(эм)-on íft
вах.	yáw(-i) oft(ey)	yáwíś(t)-év oft(ey)

Форма прош. времени служит для выражения прошедшего действия независимо от его длительности и кратности. Различные видовые оттенки передаются с помощью различных аффиксальных элементов.

5.12. От основы прош. времени присоединением суффикса "(гласный) + k/g/y" (< *-ak/ga) или его палатального варианта -č/ǰ // -c/z (< *-ačǰ-), а в мунджанском - -y-, образуется перфектное причастие, которое в настоящее время не воспринимается носителями языков как таковое, а служит лишь своего рода основой для образования формы перфекта. Очень существенной является отмечаемая исследователями залоговая нейтральность перфектного причастия (Здельман, 1966; Пахалина, 1959). Форма перфекта образуется сочетанием перфектной основы с показателями лица и числа.

Для тех языков, где имеется различие в спряжении переходных и непереходных глаголов, спряжение переходных глаголов в этой форме имеет те же четыре типа, что и спряжение переходных глаголов в форме прош. времени. Приведем в качестве образца одну модель парадигмы спряжения глагола со значением 'ткать' в этой глагольной форме:

П е р ф е к т

Историческая (вероятностная) модель: сочетание формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' с местоименной энклитикой плюс перфектное причастие (вторичное)

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. ш.	‘um wířč	‘ám wířč
язг.	‘эм waf̣ta(g)	‘ан waf̣ta(g)
м.	wef̣tey-ь/эм (м.р.)	wef̣tey-am (м.р.)
	wef̣tey-ə/ьм (ж.р.)	wef̣tey-am (ж.р.)
ишк.	‘ьм íftuk	‘он íftuk
вах.	‘эм ɲf̣etk	‘эн ɲf̣etk
2 л. ш.	‘at wířč	‘ét wířč
язг.	‘ат waf̣ta(g)	‘эф waf̣ta(g)
м.	wef̣tey-ь/эт (м.р.)	wef̣tey-af (м.р.)
	wef̣tey-ь/эт (ж.р.)	wef̣tey-af (ж.р.)
ишк.	‘ьт íftuk	‘ьв íftuk
вах.	‘эт ɲf̣etk	‘эв ɲf̣etk

3 л. ш.	~i wifč	~ēn wifč
язг.	(~ay) wafta(g)	~ēf wafta(g)
м.	weftey(м.р.)	weftey-at (м.р.)
	weftey-a (ж.р.)	weftey-at (ж.р.)
ишк.	(~i) iftuk	~on iftuk
вах.	(~i) yfetk	~ev yfetk

Форма перфекта обычно употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, при передаче с чужих слов (в сказках, рассказах) и при логическом заключении о действии.

5.13. Во всех памирских языках имеется форма плюсквамперфекта. Она образуется сочетанием перфектного причастия (вторичное) смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме прош. времени. Вспомогательный глагол различается по языкам. В бартагском, язгулямском, ишкашимском и мунджанском используется вспомогательный глагол, продолжающий древнеиранский *baw-: būtā/ī- 'быть' (ав. bav-, прич. прош. вр. būta-). В шугнанском, рушанском и сарыкольском используется вспомогательный глагол, продолжающий древнеиранский *ah-, *h-: hatā/ī- 'быть' (ав. ah-). Наконец, в ваханском используется вспомогательный глагол, продолжающий др.-ир. *taw-: tūtā/ī-//tūwā/ī- 'быть состоянии, мочь' (ав. tav-). В шугнанском, рушанском и сарыкольском рефлекс древнеиранского причастия прош. времени от глагола *ah-, *h-, т.е. ш. -at, р.с. -it; в настоящее время настолько сросся с перфектной основой, что эта форма превратилась из аналитической в синтетическую. В остальных языках форма плюсквамперфекта является аналитической. Правда, в ваханском рефлекс древнеиранского причастия прош. времени от глагола *taw-, т.е. тув // tū, тоже имеет тенденцию к слиянию с перфектной основой. Это выражается в том, что конечный согласный суффикса перфектной основы -k/g при присоединении вспомогательного глагола (точнее - основы прош. времени вспомогательного глагола, так как показатель лица и числа в данном случае отделяется) у большинства глаголов выпадает.

Поскольку спрягаемый вспомогательный глагол в этой форме является непереходным, то спряжение его во всех памирских языках имеет один вариант. Приводим в качестве образца спряжение глагола со значением 'ткать' в этой форме:

П л ю с к в а м п е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	-um wifčat	-ām wifčat
р.	-um wēfčit	-am wēfčit
б.	-um wēfč vud	-an wēfč vud
язг.	-əm wafta(g) vad	-an wafta(g) vad

	М.	weftey-am viya	weftey-am viya
	ИШК.	-ьм iftuk vьd	-on iftuk vьd
	ВАХ.	-эм ыfet(k) тыw (//tū)	-en ыfet(k) тыw (//tu)
2 л.	Ш.	-at wifc̄at	-эт wifc̄at
	Р.	-at wēfc̄it	-af wēfc̄it
	О.	-at wēfc̄ vud	-af wēfc̄ vud
	ЯЗГ.	-at wafta(g) vad	-əf wafta(g) vad
	М.	weftey-ay viya	weftey-af viya
	ИШК.	-ьт iftuk vьd	-ьv iftuk vьd
	ВАХ.	-ет ыfet(k) тыw (//tū-	-əv ыfet(k) тыw (//tu)
3 л.	Ш.	-i wifc̄at	-эн wifc̄at
	Р.	-i wēfc̄it	-an wēfc̄it
	О.	-i wēfc̄ vud	-an wēfc̄ vud
	ЯЗГ.	(-ay) wafta(g) vad	-an wafta(g) vad
	М.	weftey viya	weftey-at viya
	ИШК.	(-i) iftuk vьd	-on iftuk vьd
	ВАХ.	(-i) ыfet(k) тыw (//tū)	-əv ыfet(k) тыw (//tu-

Эта глагольная форма выражает действие, совершившееся ранее какого-либо другого действия, или давнопрошедшее действие. В условном предложении эта глагольная форма выражает ирреальность условия (кроме мунджанского, где для этой цели используется форма перфекта).

5.14. Сравнительно поздними по образованию являются такие сложные глагольные формы как преждепрошедший перфект (сарыкольский, язгуламский, ваханский, ишкашимский) и прошедшее предположительное время (сарыкольский, ваханский, ишкашимский). Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме перфекта. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме:

П р е ж д е п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. с.	-am wifc̄ vedōj̄	-an wifc̄ vedōj̄
ЯЗГ.	-эм wafta(g) veda	-an wafta(g) veda
ИШК.	-ьм iftuk vьdūk	-on iftuk vьdūk
ВАХ.	-эм ыfetk тыwetk (// tūtk)	-en ыfetk тыwetk (// tūt̄k)
2 л. с.	-at wifc̄ vedōj̄	-af wifc̄ vedōj̄
ЯЗГ.	-at wafta(g) veda	-əf wafta(g) veda
ИШК.	-ьт iftuk vьdūk	-ьv iftuk vьdūk

вах. -et wʃetk tɨwɛtk (// tūtʃk)	-ev wʃetk tɨwɛtk (// tūtʃk)
3 л. с. (-i) wifč vedʃ язг. (-ay) wafta(g) vɛda ишк. (i) iftuk vɛdʊk вах. (-i) wʃetk tɨwɛtk (// tūtʃk)	-af wifč vedʃ -an wafta(g) vɛda -on iftuk vɛdʊk -ev wʃetk tɨwɛtk (// tūtʃk)

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме настояще-будущего времени. Парадигма спряжения глагола в этой форме:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е
в р е м я

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. с.	wifč vēwam	wifč vēwan
ишк.	iftik vúnʏm	iftuk vúnɔn
вах.	wʃetk ɨm(ə)ɥɛm	wʃetk ɨm(ə)ɥɛn
2 л. с.	wifč vēw	wifč vēwit
ишк.	iftuk vúni	iftuk vúnʏv
вах.	wʃetk ɨmɛɥ	wʃetk ɨm(ə)ɥɛv
3 л. с.	wifč vid	wifč vēwin
ишк.	iftuk vúni	iftuk vúnɔn
вах.	wʃetk ɨmɛ(y)t	wʃetk ɨm(ə)ɥɛn

В этой глагольной форме в ваханском используется другой вспомогательный глагол, а именно ɨmɛɥ- <*amaɥa- (ср. и.-е. ем- 'брать' в рус. иметь).

Н е л и ч н ы е ф о р м ы г л а г о л а

5.15. И н ф и н и т и в. Инфинитив в памирских языках, как и в других современных иранских языках, представляет собой одновременно и отглагольное имя действия. Инфинитив образуется от основы наст. времени прибавлением особого суффикса. В памирских языках эти суффиксы различные, и в каждом из языков их несколько.

Следует сказать, что в большинстве случаев инфинитивы являются вторичными по происхождению. Но в языках сохраняются также и рефлекс-ы древнеиранских инфинитивов, например: ш. čí 'делать' <*kṛai дат. ед. от *kṛ- (ав. kar-), ш. xi 'кушать' <*xwṛai дат. ед. от *xwṛ-

(ав. xvar-), ш. vi- в vidōw 'быть' < *būyai дат. ед. от *bū-(ав. bav-, инф. buye), язг. x°ar- в x°ar-ag 'жаляющий кушать' < *xwarā твор. ед. от *xwar- (ав. xvar-), м. ē- в ēo 'идти' < *ēuyai дат. ед. от *ēū- (ав. š(y)av-), ш. kiḫ 'перепаживать, перепаживание' (в сочетании с ššādw) < *kṛṣai дат. ед. от kṛṣ- (ав. karṣ-). Как можно видеть, этого типа инфинитивы в памирских языках не имеют суффиксального элемента. Но в языках сохраняются рефлексы первичных инфинитивов и с различными суффиксами. Прежде чем привести примеры, рассмотрим эти суффиксы.

Все суффиксы, образующие инфинитив в памирских языках, по своей структуре могут быть разделены на простые и сложные. К простым суффиксам относятся: ш., м., -t/d (ср. ш. wift, м. weft 'ткать', ш. vid 'быть', ш. yat 'приходить', ш. lūvd 'говорить'), ш. -iz (ср. wāfiz 'ткать', lūviz 'говорить'), язг. -aḷ (ср. wafaḷ 'ткать', lafaḷ 'говорить'), м. -o(w) (ср. kero 'делать', xuro 'кушать'), ишк. -u/ūk (ср. ifuk 'ткать', vñūk 'быть'), вах. -ak, вост. вах. -yk (ср. wfaḥ. yfuk 'ткать'), -n (ср. wfn 'ткать'), -g (ср. wing 'видеть', kyng 'копать').

Из всех этих суффиксов только суффикс -t/d известен нам из засвидетельствованных древнеиранских языков. В древнеиранских языках, как известно, широко было представлено имя действия на *-tī м./ж.р., ср. ав. šūiti инфинитив от š(y)av- 'идти, ехать'. Следующие шугнанские инфинитивы могут быть возведены именно к этому типу древнеиранских инфинитивов: vīst 'связывать' < *basti (ав. band-), tīd 'уходить' < *takti (ав. tak-), wift 'ткать' < *wafti (др.-инд. vabh-, ав. ub-), sit 'идти, становиться' < *sūti (ав. š(y)av-, инф. šūiti). Сюда же будут относиться и также мунджанские инфинитивы как weft-'ткать' < *wafti.

Но в авестийском засвидетельствован не только инфинитив на -tī, но и инфинитив на -tā ж.р. (ср. parštā 'спрашивать'), а в древнеиндийском на -tu м.р. (ср. kārtum вин. ед. от kar- 'делать'). Рефлексы этих типов инфинитива также представлены в шугнанском, ср. yat 'приходить' < *yatā от *yā- (ав. yā-), lūvd 'говорить' < *l/raptu (др.-инд. lap- 'говорить').

Наиболее распространенными суффиксами инфинитива в памирских языках являются суффиксы, содержащие заднеязычные смычные -k, -g и аффрикаты -č, -z. Эти суффиксы могут быть восстановлены в: вах. -ak, язг. -aḷ < *-ākā ж.р., вах. -yk, ишк. -u/ūk < *-aka м.р., вах. -g < *-kā м./ж.р., ш. -iz < *-āčī, *-īčī ж.р., р. -g (в čīg 'делать', mīg 'умирать') < *-kāi, т.е. суффикс инфинитива в дательном падеже ед. числа от инфинитива на *-ka. В известных нам древнеиранских языках инфинитив этого типа как-будто бы не засвидетельствован. Но подобного рода инфинитивы были представлены в среднеиранских языках (ср. согд. ny'wē'k 'слышать') и также широко они представлены в ряде современных иранских языков, например: ягн. vnaḥ 'быть', nu-yuntak 'одевать;

орм. par-gūnyek 'покрывать' (ср. вах. ve-ŋinak, язг. nə-γ^oenda] 'покрывать'), пашай karik 'делать', дари rawā] 'хождение' и др. По-видимому, следует сделать вывод о том, что на древнеиранской почве существовал инфинитив на *-(ā)kā, *-ācī.

В ваханском очень продуктивным является инфинитив на -n чередующийся с инфинитивом на -ak, ср. wīak // wīn 'ткать'. Суффикс инфинитива -n аналогично суффиксу инфинитива ш. -t/d может быть восстановлен в *-(a)nī м./ж.р. или *-(a)nā ж.р., *-(a)ni м.р. В отличие от предыдущего этот суффикс имеет соответствие в древнеиндийском и в авестийском, например: др.-инд. kṛnā 'делать', rāsaṇa 'варить, варка', aśana 'кушать, кушанье', ав. xvarəna 'кушание', uasna 'моление'. Этот суффикс представлен также в инфинитиве языка кашмири (ср. praŋw 'ждать', rakhsn 'сверкать'). Из современных иранских языков, в которых представлен этот суффикс, можно указать на агнобский (ср. ruṣna // ruṣak 'варить, печь'), осетинский (ср. fuywun 'писать'), курдский (ср. kṛn 'делать'), очень редко саркольский (ср. warwun 'кипеть, кипение') и язгулямский (ср. x^oaw 'молотба, молотить').

Наконец, только в мунджанском имеется инфинитив на -o(w), ср. ker-o(w) 'делать', xur-o(w) 'кушать', wuzno-yo(w) 'мыть(ся)'. Этот суффикс можно восстановить в *-āwa. На древнеиранской почве этот суффикс инфинитива не засвидетельствован, но близкий к этому суффикс зафиксирован в согдийском, ср. суффикс отглагольного имени на -āu (Gershevitch, 1961).

Кроме этих простых суффиксов инфинитива в памирских языках имеются сложные суффиксы (кроме язгулямского и ишкашимского). Они представляют собой либо сочетание суффикса *-t/d- с одним из перечисленных выше суффиксов, либо сочетание суффикса *-k/g- с суффиксом *-wa или *-ak. Примеры: ш. -t/dōw (ср. wiftōw 'ткать', čidōw 'делать'), < *-tāwa (ср. др.-инд. ḍ-tave дат. ед. от ḍ-tava 'ткать'), с. -taw (ср. wiftaw 'ткать') < *-tāwā, -tēw (ср. wiftēw 'ткать') < *-tāwi, вах. -dōw(n) (ср. šidōw(n) 'убивать', red/dōw(n) 'давать') < *-tāwa-(na)-; вах. -t(ə)n, -tan (ср. žitan 'рождать', pīt(ə)n 'пить', yit(ə)n 'кушать') < *-tāni, *-tānā; вах. -tak (ср. pitak 'пить', yitak 'кушать'), х. -dak (ср. tiydak 'уходить') < *-tākā; редко вах. -tōr (ср. šitōr 'убивать') < *-tāra (ср. др.-инд. só-tari местн. ед. от só-tara 'выжимание', пуш. -dəl в obdəl 'ткать') < *-tāri, дари -tār в rawēštār 'писание' < *-tārā; м. -k/ko(w) (ср. liškō(w) 'знать') < *-kāwa; р. -gōw (ср. čīgōw 'делать') < *-kāwa, р. -gak (ср. mīgak 'умирать') < *-kāka-.

В известных нам древнеиранских языках из этих суффиксов представлен лишь суффикс *-tanai, ср. др.-перс. čartanaī 'делать'. В современных иранских языках рефлекс этого суффикса имеется в персидском (ср. kārdān 'делать'), семнанском (ср. kārdin 'делать') и некоторых др.

В древнеиранских языках инфинитив, как отглагольное имя, очень часто выступал во флективной форме, ср. ав. *kantē* < **kantayāi* дат. ед. от **kantā* 'копать', *štātē* < *(k)*štātayāi* дат. ед. от *(k)*štātā* 'стоять', *hēm-parštīš* < **ham-parštaiš* род. ед. от **ham-paršti* 'просить совета' и др. Поэтому все приведенные выше суффиксы инфинитива с конечным гласным -i могут быть истолкованы и как элементы какой-либо i-умлаутной флективной формы инфинитива, т.е., например, сарматский суффикс -tēw может быть восстановлен не только в *-tāwi (основа или местн. ед.), но и в *-tāwāi дат. ед. от *-tāwa, в *-tāwaiš род. ед. от *-tāwi и т.д. (ср. др.-инд. -tave дат. ед. в *kartave* 'делать'). Все суффиксы инфинитива с конечным гласным -a/u могут быть истолкованы и как элементы какой-либо a/u-умлаутной флективной формы инфинитива, например: ш. -tōw не только < *-tāwa, но и *-tāwam вин. ед. от *-tāwa, *-tāwum вин. ед. от *-tāwu и т.д. Все суффиксы с конечным гласным -ā также могут быть восстановлены либо в основу инфинитива, либо во флективную форму, например, с. -taw либо < *-tāwā, либо *-tāwāt отл. ед. от *-tāwa и т.д.

Инфинитивы с простыми суффиксами также могут быть истолкованы как рефлекс флективной формы, например: ш. *wift*, м. *weft* 'ткать' < **wāftāi* дат. ед. от **wafta* или **wāftaiš* род. ед. от **wafti* и т.д.; ш. *yāt* идти < **yātāt* отл. ед. от **yātā*, ш. *lūvd* говорить < **l/raptum* вин. ед. от **l/raptu* (ср. др.-инд. *kārtum* вин. ед. от *kartu* 'делать') и т.д.

Но в некоторых случаях современная инфинитивная форма может быть истолкована однозначно, т.е. только как рефлекс исторической флективной формы, например, р. *čīg* 'делать' < **kṛkāi* дат. ед. от **kṛka*, ш. *mīg* 'умирать' < **mṛkāi* дат. ед. от **mṛka*, ш. *či* 'делать' < **kṛai* дат. ед. от **kṛ-* (ав. *kar-*), ш. *xi* 'кушать' < **xwṛai* дат. ед. от **xwṛ-* (ав. *xvar-*), язг. *x^oar-* в *x^oar-ag* 'желающий кушать' < **xwarā* твор. ед. от **xwar-* (ав. *xvar-*).

Таким образом, в памирских языках нашли отражение следующие исторические суффиксы инфинитива: *-ti, *-tā, *-tu, *-tāwā, *-tāwī, *-tānā, *-tānī, *-tākā, *-tārā, *-tārī, *-(ā)kā, *-(ā)ī, *-kāwā, *-kāwī, *-kākā, *-(ā)nā, *-(ā)nī, *-(ā)wā. В языках несомненно могут быть обнаружены и другие, уже застывшие, инфинитивные формы. Кроме того, как уже было отмечено выше, в памирских языках сохраняются рефлекс древнеиранских инфинитивов, представлявших собой флективную форму (ср. ав. *buye* 'быть', *yūnai* 'убивать').

Почти во всех памирских языках инфинитив может быть составной частью некоторых видов причастий (см. Причастие).

5.16. П р и ч а с т и е. Из причастий наст. времени в памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские причастия: I) причастие на *-a- (ср. ав. *bara-* 'несущий') или на *-ant (ср. ав. *pišant-* 'раздавливающий') в язг. *ṽu* 'горячая палочка' < **ṽawa-* или **ṽawant-* (ср. и.-э. *dāu-* 'гореть', ш. *ṽaw-* 'гореть'), язг. *yū* 'хотящий, любя-

ший' < *yawa- или *yawant- (ср. и.-е. gāu- 'радоваться' в тох. В kāw- 'хотеть, желать'); 2) причастие на *-ikā-, *-ākā-, *-ācī- (ср. ав. paśika- 'пекущий, варящий'), например, ш. piṣ-īḥ, р. paṣ-ūc/ḥ м.р., б. paṣ-ōc м.р., р.б. paṣ-ēs ж.р., язг. paṣ-ek 'пекущий, пекарь, варящий, повар'; язг. biraṣ-eḥ и baḥ-eḥ 'роженица, беременная'; 3) причастие на *-ānā-, *-ānī-, ср. ш. wāy-īn м.р., wāy-ān ж.р., р. paṣ-on, м.р., paṣ-ān ж.р., язг. wāy-on, вах. paṣ-on-с 'плакса, плаксивый'.

Кроме этих причастий, образующихся от основы наст. времени, в памирских языках имеются причастия наст. времени, служащие для выражения намерения (ш.-р., язг.), способности что-либо сделать (ш., ишк., вах.) и причастие, выражающее желание (язг.). Эти причастия состоят из инфинитива смыслового глагола и элемента, представляющего собой рефлекс древнеиранского причастия наст. времени на *-ā- или *-ī-.

В причастиях для выражения намерения этим элементом является:

1) ш. -mēḥ в nivišt-mēḥ, с. -mēuḥ в navišt-mēuḥ 'собирающийся писать', где второй элемент может быть восстановлен в *-maika-, *-maicī-, возможно сюда же язг. -mau в k'oxt(ə)-mau 'скот, предназначенный для убоа', где -mau < *mauā- (и.-е. mei- 'думать, полагать, намереваться'); 2) ш. -min- в tīd-min-eḥ, р. -man- в tau-man-īḥ 'собирающийся, намеревающийся ехать', где -min- < *meinī-, а -man- < *mainā- (и.-е. mei-но- 'думать, полагать, намереваться', нем. meinen); 3) б. -ōḥ м.р. в nivišt-ōḥ и -ēḥ ж.р. в nivišt-ēḥ 'собирающийся, намеревающийся писать', где -ōḥ < *aka-, а -ēḥ < *ācī- 'собирающийся, намеревающийся' (и.-е. ok- 'думать' в гот. ahjan 'намереваться'; ср. также ос. -ag в fyssin-ag 'намеревающийся писать'). Возможно, сюда же будут относиться и элементы ш. -ēḥ в tīd-min-eḥ и р. -īḥ в tau-man-īḥ 'собирающийся ехать, уходить', восходящие в *-ācī-. Если это так, то тогда в этих причастиях помимо инфинитива представлены еще два разных исторических причастия наст. времени со значением 'намеревающийся, собирающийся'. Но не исключено также, что эти элементы, т.е. ш. -īḥ и р. -ēḥ, являются просто современными суффиксами причастия наст. времени, ср. ш. -īḥ в piṣ-īḥ и р. -ūc/ḥ м.р., -ēs ж.р. в paṣ-ūc/ḥ м.р. и в paṣ-ēs ж.р. 'повар'.

В причастиях, служащих для выражения способности что-либо сделать, этим элементом является: вах. -kḥz(g) в peśa(k)-kḥz(g), ишк. -kḥz в paśu(k)-kḥz, с. -cuz в peḥt(i)-cuz 'могущий(-ая) варить, печь, повар', ш. -cōz в wizēn-cōz 'способный к знанию, знающий, знаток'. Вторым элементом в этих причастиях может быть восстановлен в *kāza- (в вах. плюс *-ka-), что представляет собой причастие наст. времени от корня *kāz-, *kāṣ- 'мочь, быть в состоянии' (ср. и.-е. kāk-, *kak-, *kaḡ(h)- 'мочь, быть способным на что-либо', др.-инд. śāka- 'могущий, способный на что-либо', ав. saśaiti 'знает толк в...'; ср. ос. aqaz //aḡaz 'помощь, польза' (ср., однако, Аббаев, 1958, с. 54).

В причастиях, служащих для выражения желания, склонности к чему-, либо, вторым элементом является суффикс *-ag. Это причастие отмечено только в язгулямском языке, ср. x^oar-ag 'желающий покушать', где x^oar- инфинитив, восстанавливаемый в виде *xwarā твор. ед. от *xwar- 'кушать' (ав. xvar-), а -ag < *āk/gā- 'желающий, нуждающийся в' (ср. и.-е ā(i)gh- 'хотеть, нуждаться', ав. āzi-ā, н.-перс. āz 'желание, страсть').

В современных памирских языках второй элемент этих причастий уже не осмысливается как причастие наст. времени, он воспринимается как словообразующий суффиксальный элемент. На древнеиранской почве подобного рода причастия, насколько нам известно, не засвидетельствованы. Появление их относится, по-видимому, к более позднему периоду.

В язгулямском языке и в шугнано-рушанской группе языков имеется особая форма для деепричастия наст. времени, ср. язг. zəban-artm, ш. ziban-urm 'подпрыгивая', язг. way-artm 'плача', а в ваханском - деепричастия прош. времени, ср. nawazdōj/g 'не умывшись'.

Из причастий прош. времени в языках представлены: 1) остаточные сохраняющиеся рефлексы древнеиранского причастия прош. времени, в ряде случаев уже лексикализовавшиеся, например: ш. rišt 'размельченные или смолотые тувовые ягоды, мука из них', язг. rašt 'раздавленный, сломанный' < *rīštā- (и.-е. reis- в др.-инд. riṣṭā- 'молотый', ав. riṣant- 'раздавливающий'); язг. rət- в rətk, ишк., вах. pit- в pitk 'сгнивший' < *rūtyā-+-kā (ав. rav-; ср. ш. rōw наряду с rud- 'сгнивший'); ш. no-nivišt 'ненаписанное'; ш. ziuyūxš- в ziuyūxšak 'высохшие (ветви), сушняк' (из *us-huška-, ав. huška-); ш. žaqš- в žaqšak 'сжатый, сдавленный' (из ир. *gākā-, инд.-ир. *gṛka-, и.-е. gen- 'сжимать, сдавливать'); из непамирских языков ср. дари par-muš (/// raž-morda) 'увядший', где -muš < *mrka- или *mršī- 'умерший' (ав. mar-); 2) рефлексы вторичного причастия на *-(ā)kā-, -(ā)šī-, служившие в современных памирских языках в основном для образования формы перфекта (отмечены также случаи лексикализации), например, ш. miḫš 'моча' < *mišta-ka- или *miš-ka- (ав. maēz-), язг. raх^o-a(g) 'сваренный' < *raxwā-ākā (ав. rak-, прич. прош. вр. др.-инд. rakvā-), ишк. ivduk 'пряжа' (исторически - 'спряденное') < *ub/ftya-+aka-, (ав. ub- в ubdaēna- 'сотканный'); вах. getk 'запертый, закрытый' < *gūtya-+-ka- (ср. вах. gəw- 'закрывать, покрывать'), м. stet-əy м.р. 'подметенный' < *us-tṛtya-+-aka- (и.-е. ter- в рус. тереть, ишк. star- ш. zidār- 'подметать'); 3) причастия третьего поколения, образующиеся от предыдущего перфектного причастия суффиксами: ш.-in, р. ó.-in, с. -enj, язг. -in, ишк. -i, вах. -in, -н/əng < *-anyā-, для вах. -ыng < *-ana-+-ka- (ср. ав. zaranyō- в н.-перс. zar-in 'золотой'), например: ш. nivišš-in, с. navišš-enj, язг. nəvəštəg-in ишк. nbvištuk-i, вах. nəvišetk-in, nəvišetk-н/əng 'написанный, запись'.

В мунджанском в отличие от других памирских языков причастие прош. времени третьего поколения образуется с помощью суффикса *-a(y)* м.р. (ср. *stetəya(y)* 'подметенный'), *-aya* ж.р. (ср. *stetəyaaya* 'подметенная') < **-ākā-*, для жең. рода плюс еще один суффикс **-ākā-*. Этот суффикс причастия прош. времени остаточно сохраняется и в шугнанском, ср. *žaqč-ak* 'сжатый, сдавленный', *ziyuχč-ak* 'высохшие (ветви), сухняк'. Причастия третьего поколения очень широко употребляются в памирских языках. При переходном глаголе они имеют пассивное значение, а при непереходном — активное.

В шугнано-рушанской группе языков и в мунджанском языке сохраняется родовая, — а в шугнано-рушанской языковой группе еще и числовая, — оппозиция в причастии от некоторых глаголов, продолжающего древнеиранское причастие прош. времени, а также, следовательно, и во вторичных причастиях, образованных от него, например: ш. *nūst* м.р., *nōst* ж.р., м. *n(i)yost* м.р., *n(i)yast* ж.р. — рефлекс древнеиранского причастия прош. времени **ni-šastā-* от **had-* 'сидеть' (ав. *had-*), ш. *nōst* мн. ч. < **ni-šastāh*; ш. *nūwč* м.р., *nōwč*, *nīsc* ж.р., *nōwč* мн.ч., м. *n(i)yostəw* м.р., *n(i)yástəw* ж.р. — рефлекс вторичного исторического причастия от того же глагола; ш. *nūwčin* м.р., *nīscin* // *nōwčin* ж.р., *nōwčin* мн.ч., м. *n(i)yostəw* м.р., *n(i)yastəw* ж.р. — причастия прош. времени третьего поколения от того же глагола.

X

X

X

Заканчивая изложение, можно сказать следующее. Сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков показал, что именная и глагольная система всех рассмотренных языков обнаруживает много общего не только с синхронной, но и с диахронной точки зрения. Имена существительные во всех памирских языках в большей или меньшей степени в том или ином виде сохранили следы различных исторических основ, а также следы всех трех исторических родов, двух чисел и почти всех падежей. Наиболее полно сохранилась система указательных местоимений, в несколько меньшей степени — личных.

В глагольной системе сохранились следы почти всех типов исторических основ настоящего времени всех наклонений. В отличие от других

иранских языков в памирских языках наиболее полно сохранились рефлекс различных типов древнеиранского пассивного причастия прошедшего времени, которое, как известно, превратилось в основу прошедшего времени. С другой стороны, материал памирских языков позволил выявить и восстановить ряд таких древнеиранских причастий прошедшего времени, которые или вообще не зафиксированы, или остаточно сохраняются в засвидетельствованных древнеиранских языках. Основы прошедшего времени памирских языков, являясь рефлексами древнеиранских пассивных причастий прошедшего времени, сохранили следы исторического рода и числа.

Общими для всех памирских языков являются способы выражения лица и числа: в глагольных формах, образованных от основы наст. времени, — с помощью личных окончаний, а в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, — особыми подвижными показателями лица и числа энклитического типа. Почти все личные окончания представляют собой закономерное отражение древнеиранских личных окончаний — первичных или вторичных, активного или медиального залогов. Что касается подвижных показателей лица и числа, то, как показал их сравнительно-исторический анализ, они представляют собой два ряда омонимичных показателей, имеющих разное происхождение. При непереходном глаголе показатели лица и числа представляют собой рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в соответствующем лице и числе презенса того или иного наклонения. При переходном глаголе показатели лица и числа являются рефлексами исторического сочетания формы 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола *ah-, *h- 'быть' в том или ином наклонении с соответствующим энклитическим местоимением.

Система личных глагольных форм в целом является новообразованием. Все глагольные формы образуются от двух основ: настоящего времени и прошедшего времени. Исторически производной от основы прошедшего времени является перфектная основа, служащая для образования формы перфекта и некоторых сложных глагольных форм.

Много общего в памирских языках в образовании и функционировании не только личных, но и неличных глагольных форм. В них нашли отражение различные виды древнеиранских инфинитивов. Что касается причастий, то наибольшее развитие в языках получили причастия прошедшего времени (вторичные). В некоторых из памирских языков сохранились также следы исторического причастия настоящего времени. Общими для всех памирских языков являются сложные по своему составу причастия настоящего времени, служащие для выражения намерения, желания и т.п. (также вторичные).

Таковы в общих чертах основные линии морфологического развития памирских языков.

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958; Т.2. 1973; Т.3. Л., 1979.
- Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка (приложение к Осетинско-русскому словарю). Орджоникидзе, 1962.
- Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах. - В кн.: Этимология. М., 1974.
- Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
- Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1974.
- Боголюбов М.Н. Прошедшее время с морфемой 'z в согдийском языке// Вестн. ЛГУ. История, язык, лит-ра. 1960. № 14, вып. 3.
- Боголюбов М.Н. Местоимения в хорезмийском языке//Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1963. Вып. 67: Иранская филология.
- Боголюбов М.Н. Категория безличности и переходность пассивных форм// УШ Всесоюз. науч.конф. "Актуальные проблемы иранской филологии": (Тез.докл.). Душанбе, 1982.
- Вопросы памирской филологии. Вып. 3. Душанбе, 1985.
- Воробьев-Десятовский В.С. Развитие местоимений в индоарийских языках. М.-Л., 1959.
- Гамкрелидзе Т.В. О соотношении смычных и фрикативных в фонологической системе//Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1,2. Тбилиси, 1984.
- Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
- Герценберг Л.Г., Рахимов И. О происхождении показателя атрибутивности в язгулямском языке//Изв. АН Тадж. ССР, Отд.обществ.наук. 1974. Т.4, № 78.
- Грюнберг А.Л. Языки восточного Гиндукуша. Мунджанский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк, Л., 1972.
- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
- Джалалов О.Дж. Множественное число в современном таджикском языке: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1956.
- Джамшедов П. Вопросы типологии видо-временных систем глагола (на материале таджикского, английского, русского и шугнанского языков): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1985.
- Додыхудоев Р.Х. К вопросу об одном суффиксе множественности в некоторых живых восточноиранских языках//Тез. докл. науч. конф., посвященной 98-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина.Душанбе,1968.
- Додыхудоев Р.Х. Памирские языки (к проблеме конвергенции)//Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания (тез.докл.). М., 1970.

- Лодыхудоев Р.Х. Лингвистический анализ микротопонимии Памира (на материале шугнано-язгулямской группы). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1980.
- Лодыхудоева Л.Р. История основ шугнанского глагола. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Зарубин И.И. К характеристике мунджанского языка// "Иран". Л., 1927. Т. I.
- Зарубин И.И. Вершикское наречие канджутского языка// "Записки коллегии востоковедов", 1927. Т. 2, вып. 2.
- Карамхудоев Н. Бартангский язык. Душанбе, 1973.
- Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.
- Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках. Душанбе, 1978.
- Курбанов Х. Рашорвский язык. Душанбе, 1976.
- Лашкарбеков Б. Ваханский глагол в историческом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.-Д., 1983.
- Лебедев К.А. Внутренняя флексия в современном языке пушту (чередование гласных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1950.
- Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М., 1959.
- Мирзабдинова С. Шеваи Хуфи забони Рушони. Душанбе, 1983.
- Миршакарова З. Именное словообразование в шугнано-рушанской группе памирских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1988.
- Молчанова Е.К. Ларский язык. - Основы иранского языкознания. М., 1982.
- Надиров Н.А. Рефлексы индоевропейских смычных согласных в курдском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Основы иранского языкознания. Восточноиранские языки. М., 1987.
- Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык. М., 1959.
- Пахалина Т.Н. Сарыкольский язык. М., 1966.
- Пахалина Т.Н. Памирские языки. М., 1969.
- Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.
- Пахалина Т.Н. Сравнительный обзор памирских языков// "Памир". М., 1975. (Страны и народы Востока: Т. I6).
- Пахалина Т.Н. Об индоарийских элементах в системе личных местоимений восточноиранских языков// Иранское языкознание М., 1976.
- Пахалина Т.Н. О роли умлаута в истории иранских языков// XI Intern. Linguistenkongr.: Abstr. Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. Berlin, 1987.
- Пирейко Л.А. К истории пассивных форм в иранских языках// Иранское языкознание. М., 1976.
- Рахимов И. Синтаксис простого предложения язгулямского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1986.
- Семеренги О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Соколова В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова В.С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973.

- Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1988.
- Стеблин-Каменский И.М. Историческая классификация ваханских глаголов //Иранское языкознание: Ежегодник, 1980. М., 1981.
- Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966.
- Фрейман А.А. О показателе множественности -t, -išt, -ēv, -iv в северной (скифской) группе иранских языков//Изв. Отд. рус. языка и словесности Российской АН. 1924. Т. 29.
- Эдельман Д.И. Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман Д.И. К истории язгулямских местоимений//Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: (Тезисы). М., 1970.
- Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений//Иранское языкознание. М., 1976.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
- Buddruss G. Wakhi Sprichwörter aus Hunza//Studia Grammatica Iranica Festschrift für H.Humbach. München, 1986.
- Gao Erqiang. A Brief Description of Tajik Language//"Zhongguo Yuwen Beijing, 1963 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Sketch of Tajik Language//"Minority's Publishing House". Beijing, 1985 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. An Analysis of the Fundamental Sentence Patterns in Tajiki//"Minzu Yuwen". Beijing, 1986 (кит. яз.).
- Gao Erqiang. An Analysis of the Pvedicative Verbs in Tajiki//"The Bulletin of Xinjiang Univervsity". Uzunchi, 1986 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Function of Dative Case of Noun in Tajiki//"Minzu Yuwen". Beijing, 1987 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Characteristics of the Voices about the Tajik Verb// "Minzu Yuwen". Beijing, 1989 (на кит. яз.).
- Cardona G. The Indo-Iranian construction mana (mama). krtam//Language. 1970. Vol. 46.
- Gauthiot R. De la réduction de la flexion nominale en iranien//MSL. 1916. T. 20, fasc. 2.
- Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg. I. Abt. 1895-1901; 2. Abt. 1898-1901.
- Humbach H. Two problems of Avesta morphology//MSS. 1977. Vol. 27.
- Kellens J. Le Verbe Avestique. Wiesbaden, 1984.
- Kieffer Ch.M. Einführung in die Wakhi-Sprache. Glossar//Grosser Pamir. Graz, 1978.
- Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953-1976.
- Morgenstierne G. Indo-Iraninan frontier languages. Oslo, 1938. T. 2.
- Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
- Nyberg H.S. Amanual of Pahlavi. Part 2: Clossary. Wiesbaden, 1974.

- Pakhalina T.N. On the history of the forms of the demonstrative pronouns in the Pamir languages//Acta Iranica. Ser. 2. 1982. Vol. 8: Monumentum G.Morgenstierne, N 2.
- Pakhalina T.N. Iranian Etymologies//Cahiers Ferdinand de Saussure. 1987. N 41.
- Payne J.R. The decay of ergativity in Pamir languages//Lingue. 1980. Vol. 51.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; Wien, 1959.
- Tedesco P. "a-Stämme in Iranischen"//ZII. 1923. Bd. 2, N. 2.
- Tedesco P. Ostiranische Nominalflexion//ZII. 1926. Bd. 4, N.1.

Принятые сокращения

I. Название языков

ав.	- авестийский
алб.	- албанский
ар.	- арийский
арм.	- армянский
бадж.	- баджувский
б.	- бартагский
бел.	- белуджский
бретон.	- бретонский
вандж.	- ванджский
вах.	- ваханский
гот.	- готский
д.	- дигорский
дард.	- дардский
др.инд.	- древнеиндийский
др.ир.	- древнеиранский
др.перс.	- древнеперсидский
индоар.	- индоарийский
и.е.	- индоевропейский
ирон.	- иронский
ир.	- иранский
инд.ир.	- индоиранский
ишк.	- ишкашимский
й.	- йидга
курд.	- курдский
курм.	- курманджи
лат.	- латинский
лит.	- литовский
лтш.	- латышский
м.	- мунджанский
н.перс.	- новоперсидский
орм.	- ормури
ор.	- орошорский

ср.перс.	- среднеперсидский
тадж.	- таджикский
тал.	- талышский
хрэм.	- хорезмийский
х.-сакс.	- хотаносакский
х.	- хуфский
ш.	- шугнанский
ш.р.	- шугнано-рушанская
шхд.	- шахдаринский
ягн.	- ягнобский
язг.	- язгулямский

II. Грамматические

акт.	- активный (залог)
вр.	- время
гл/аг/.	- глагол
дат.	- дательный
дв.	- двойственное
зал.	- залог
зват.	- звательный
им.	- именительный
импер.	- императив
инд.	- индикатив
инф.	- инфинитив
кон.	- конъюнктив
косв.	- косвенный
л.	- лицо
мед.	- медиальный (залог)
местн.	- местный
объект.	- объектный
опт.	- оптатив
осн.	- основа

ос.	- осетинский	отл.	- отложительный
пам.	- памирские (языки)	перф.	- перфект
парф.	- парфянский	прич.	- причастие
пуш.	- пушту	прям.	- прямой
р.	- рушанский	р.	- род
сакс.	- сакский	род.	- родительный
санг.	- сангичский	ср.р.	- средний (род)
с.	- сарыкольский	твор.	- творительный
согд.	- согдийский	ч.	- число

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Историческая морфология языков.....	15
Ваханский язык.....	15
Имя существительное.....	15
Имя прилагательное.....	25
Числительное.....	28
Местоимение.....	29
Глагол.....	34
Ишканимский язык.....	52
Имя существительное.....	52
Имя прилагательное.....	61
Числительное.....	62
Местоимение.....	63
Глагол.....	74
Мунджанский язык.....	91
Имя существительное.....	91
Имя прилагательное.....	100
Числительное.....	102
Местоимение.....	103
Глагол.....	111
Язгулямский язык.....	125
Имя существительное.....	125
Имя прилагательное.....	139
Числительное.....	142
Местоимение.....	145
Глагол.....	150
Шугнанский язык.....	163
Имя существительное.....	163
Имя прилагательное.....	180
Числительное.....	183
Местоимение.....	184
Глагол.....	191
Сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков.....	212
Имя существительное.....	212
Имя прилагательное.....	222
Числительное.....	223
Местоимение.....	226
Глагол.....	231
Литература.....	260
Принятые сокращения.....	263